

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. А. ПОНИКАРОВСКИЙ

**СОЧИНЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛИ
КУЗНЕЦКОЙ**

Составитель А.Н. Ермолаев

Ответственный редактор В.А. Волчек

КЕМЕРОВО
2011

ББК ТЗ (2 Рос-4 Ке)
П 56

Серия «Документальное наследие Кузбасса». Вып. 1.
Редакционная коллегия серии: В.А. Волчек, А.Н. Ермолаев, Л.Ф. Кузнецова,
В.А. Сергиенко, И.Ю. Усков,

Рецензенты:
Сергиенко В. А., к.и.н., доцент КемГУ
Усков И. Ю., к.и.н., н.с. Института экологии человека СО РАН

*Книга издана при финансовой поддержке предпринимателя из Санкт-Петербурга,
кузбассовца Николая Ивановича Ерофеева*

Поникаровский Д.А.

Сочинения по истории земли Кузнецкой / Составитель, автор вступительной статьи
и комментариев А.Н. Ермолаев. Кемерово: «ИНТ», 2011. – 272 с.

Имя Дмитрия Алексеевича Поникаровского незаслуженно забыто сибирскими историками и краеведами. Между тем он внес большой вклад в изучение земли Кузнецкой. Выпускник Томской гимназии длительное время он служил на разных должностях в Салаире, Мариинске и Кузнецке. Его перу принадлежат описания Салаирской волости и города Кузнецка, он являлся корреспондентом областнической газеты «Восточное обозрение», а также написал несколько литературно-художественных произведений, в которых остро критиковал ссылку, взяточничество и лихоимство местной администрации. В книге публикуются как ранее вышедшие работы Д.А. Поникаровского, так и ранее не публиковавшиеся сочинения.

Книга предназначена для историков, краеведов и всех, кто интересуется историей Кузбасса.

Работа подготовлена в рамках научного проекта IX.85.1.7 «Система государственного управления обществом и природными ресурсами Сибири в XIX – XX вв.» (научный руководитель д.и.н., профессор В. А. Волчек)

© «ИНТ», 2011
© Ермолаев А.Н., 2011

ВВЕДЕНИЕ

**Дмитрий Алексеевич Поникаровский –
исследователь, журналист, писатель**

Имя Дмитрия Алексеевича Поникаровского не известно широкому кругу читателей, историков и краеведов. Практически не знаком он и ученым-специалистам. Лишь немногие знатоки литературной и общественной жизни Сибири второй половины XIX – начала XX века могут вспомнить этого человека, да и то только в связи с творчеством знаменитого областника Николая Михайловича Ядринцева. Действительно Ядринцева и Поникаровского связывала тесная дружба с юношеских лет. Они вместе учились в Томской гимназии, длительное время переписывались. Но Поникаровский всегда оставался в тени своего знаменитого друга и товарища.

Есть еще одна причина забвения имени Поникаровского. В отличие от Ядринцева, Потанина и других областников, практически полностью отдавших общественной деятельности и поэтому находившихся в поле зрения исследователей, Поникаровский вел менее активную общественную жизнь, он служил государству на разных должностях, в том числе и полицейских. Удивительно, но в своих острых литературно-публицистических произведениях он сумел совместить в себе служение государственному режиму и критику этого самого режима. Более того, Поникаровский всеми силами старался улучшить жизнь простых жителей (как он сам говорил – обывателей), применяя все свои знания на практике, в своей служебной деятельности, в каждом конкретном деле, которое он мог сделать для людей.

Итак, кто же такой Дмитрий Алексеевич Поникаровский? Род Поникаровских известен в Сибири с XVIII века. С этого времени они упоминаются в документах Тобольска и Томска. Дед Д.А. Поникаровского Сергей Поникаровский служил священником в Дмитриевской церкви села Иткульского Каинского уезда Томской губернии. Известно, что умер он до 1816 года. Известны еще два священника из этого рода. В Тобольском кафедральном Софийском соборе в 1830-х гг. служили пономарь Василий Иоаннович Поникаровский и дьякон Михаил Стефанович Поникаровский¹.

В Тобольске же около 1801 года родился и отец Д. А. Поникаровского Алексей Сергеевич. В 1824 году он закончил полный курс наук в Тобольской семинарии и был направлен в Томское духовное приходское училище учителем. Как в последствии вспоминал сам Дмитрий Алексеевич, его отец прекрасно знал латинский язык, так как в семинарии почти все предметы преподавались на латыни. Учительствовал Алексей Сергеевич всего шесть лет, в

¹ Ревизские сказки священников // Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ). Ф. 154. Оп. 20. Д. 204. Л. 124-124; Ф. 156. Оп. 24. Д. 29. Л. 7-10.

1830 году он перешел на гражданскую службу по прокурорской части и занял должность Колыванского окружного стряпчего. Надо заметить, что ему не везло со службой. В 1834 году его отдали под суд за неправильное следствие по одному из уголовных дел. Однако в 1837 году суд оправдал А. С. Поникаровского, после чего он перешел на службу в Каинский округ на должность заседателя земского суда. Земские суды в то время представляли собой полицейский орган, занимающийся расследованием уголовных преступлений, возникших в подведомственном ему округе. В Каинске он вновь попал под суд за неполадки в делопроизводстве, в 1849 году суд его оправдал. С 1857 по 1860 гг. служил в Томске в губернском правлении, в 1860 по 1867 гг. служил в Мариинске сначала в должности заседателя окружного суда, а потом письмоводителя городского хозяйственного управления².

Трудно сказать, ездила ли его семья за ним по всем местам его службы. Известно только, что в середине XIX века Алексей Сергеевич владел домом в Томске, где проживала его семья – жена Пелагея Ивановна и дети Дмитрий и Александр. Судя по формулярным спискам Дмитрия Алексеевича Поникаровского, где указывался возраст чиновника на год составления документа, он родился в 1841 году. В одном из своих прошений в апреле 1904 года Д. А. Поникаровский упоминает свой возраст – 63 года³. Следовательно, он родился между апрелем 1840 и апрелем 1841 года, более точную дату выяснить пока не удалось. Правда, в формулярном списке его отца записано, что он имеет сына Дмитрия, родившегося 24 октября 1837 года⁴. Год рождения явно указан не верно, но можно предположить, что число и месяц рождения соответствуют действительности. Тогда точной датой рождения Дмитрия Алексеевича Поникаровского будет 24 октября 1840 год. Но это лишь предположение, не подкрепленное пока никакими точными архивными документами. Дата рождения 1841 год вошла в различные справочники и литературу⁵. Точную информацию о дате рождения могут дать только метрические книги, куда записывались сведения о рождении и крещении прихожан. Однако по причине плохой сохранности этих книг за период 30-40-х гг. XIX века,

² Формулярный список А. С. Поникаровского // Государственный архив Кемеровской области (далее - ГАКО). Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 43. Л. 37-45.

³ Прощение Д. А. Поникаровского, апрель 1904 г. // Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 95.

⁴ Формулярный список А. С. Поникаровского // ГАКО. Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

⁵ См.: Литературное наследство Сибири. Т. 5. Николай Михайлович Ядринцев. Новосибирск, 1980. С. 245; Повествования о земле Кузнецкой / Сост. В. В. Тогулев. Кемерово, 1992. С. 107-108. В 2003 году была переиздана капитальная работа Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», в ней указана дата рождения Д. А. Поникаровского как 1844 год (с. 523). Это явная ошибка, так как абсолютно точно известно, что Ядринцев, родившийся в 1842 году, был моложе Поникаровского. Об этом неоднократно упоминал сам Д. А. Поникаровский в своих воспоминаниях.

установить точную дату рождения Дмитрия Алексеевича Поникаровского пока не удалось.

О детских годах Дмитрия Алексеевича можно судить по его воспоминаниям. Жили Поникаровские в Томске в собственном двухэтажном доме. Второй этаж, где располагались две комнаты и кухня, сдавали в аренду, на первом этаже жили сами Поникаровские. Дмитрий и его младший брат Александр учились в Томской гимназии. В октябре 1855 года произошло событие, которое оказало большое влияние на судьбу Дмитрия Алексеевича. В один из дней этого месяца он познакомился с Николаем Михайловичем Ядринцевым. Будущий знаменитый областник учился в той же гимназии, но классом младше. Вот как описывает сам Дмитрий Алексеевич первую встречу с Ядринцевым. «В один из октябрьских дней этого года (1855 г. – А. Е.) я пришел в большую перемену зачем-то из гимназии, в которой был в 4 классе домой, стоял у окна и смотрел на большую улицу, как увидал, что мой брат перебегает улицу по направлению к дому, а за ним тоже торопится, путаясь в лисьей шубе с бобровым воротником в шапке с соболиным оком, юноша немного выше брата, с бледным сухощавым лицом и черными волосами... Оба, не снимая шубы, стали объяснять, что сегодня в классе они дурили и у Ядринцева, причем брат указал на юношу, изломали стекло у карманных часов и вот, чтобы их поправить, побежали из гимназии в большую перемену к нам, чтобы вставить новое стекло у часового мастера, квартировавшего у нас в верхнем этаже, что тот и сделал, взяв за стекло один рубль, а теперь торопятся обратно в гимназию, так как перемена кончается, и зашли за мной; я тоже надел шубу, и мы втроем отправились в гимназию»⁶.

После этого молодые гимназисты стали часто встречаться, а больше всего сдружились, когда Дмитрия Поникаровского оставили на второй год в пятом классе гимназии, и так он оказался в одном классе с Николаем Ядринцевым. «Он сидел возле меня, - вспоминал Поникаровский, - все был такой же тоненький, сутуловатый, с бледным лицом, высоким лбом и черными волосами, в изящно сшитом виц-мундире, на который он, однако, мало обращал внимание, так он у него часто был в пыли или мелу». Дмитрию часто приходилось заступаться за своего младшего товарища, так как Ядринцев слыл бойким и остроумным, за его остроты и карикатуры ему часто доставалось от одноклассников, Поникаровский его защищал, за что получил прозвище Дон-Кихота.

Все свое свободное время друзья проводила за книгами. Прочитав какое-нибудь произведение, долго спорили и толковали о прочитанном. С пятого класса гимназии они начали пробовать себя в поэзии. Первое свое стихотворение Ядринцев посвятил Поникаровскому. Оно было наполнено романтическими строками об охоте и прекрасной сибирской природе. Надо за-

⁶ Поникаровский Д.А. Воспоминание о Николае Михайловиче Ядринцеве. Иркутск, 1896. С. 2.

метить, что друзья часто ходили на охоту. Поникаровский однажды вспоминал, как, будучи на охоте, они имели случай выстрелить в перелетных птиц, но ружье дало осечку, и вместо пули из ствола вылез рыжий таракан. Охота была для них свиданием с природой. Любовь к природе Ядринцев и Поникаровский пронесли через всю свою жизнь. Достаточно внимательно прочитать их произведения, чтобы понять, что они просто боготворили сибирскую природу, ее необъятные просторы, суровость и красоту лесов и полей.

Еще одним развлечением была рыбалка и купание в реке Томи. Друзья переплывали на лодке на другой берег реки и там удили рыбу. Однажды во время купания чуть не произошел несчастный случай. Николай Ядринцев первым бросился в реку, но течение было таким сильным, что его стало затягивать под плоты, находящиеся у берега. Дмитрий бросился на помощь товарищу и вытащил его из воды. Потом он вспоминал: «Я был растерян и испуган этой катастрофой, а он, отдохнувши, начал шутить над собой, так и надо мной, и хотел опять идти купаться, но тут я уже решительно сказал ему, что совсем не буду купаться, да и ему не советую. Это я сделал не из боязни за себя, так как я умел плавать очень хорошо и обладал физической силой, но в видах его слабосилия, глубины и быстроты реки»⁷.

В 1858 году заболел брат Поникаровского Александр. Никакое лечение не помогало, и он умер. Вскоре заболел и сам Дмитрий. Болезнь еще больше сблизила его с Ядринцевым. Его верный товарищ посещал больного каждый день, а если не мог навестить, то присылал записки и книги. Дмитрий Алексеевич выздоровел, и друзья вновь вернулись к привычным занятиям – чтению книг, обсуждению насущных проблем, сочинению первых стихов и небольших литературных произведений.

В начале 1859 года друзья решили устраивать еженедельные литературные собрания у Поникаровских. На эти собрания приходили гимназисты и одноклассники Ядринцева и Поникаровского. Был на них и будущий знаменитый сибирский писатель Николай Иванович Наумов, тоже учившийся в Томской гимназии. Кстати, на одном из таких собраний он прочитал свой первый рассказ «Случай из солдатской жизни», который потом был напечатан в «Военном сборнике». На этих вечерах Дмитрий Поникаровский выступил со своим произведением, подражая «Запискам охотника» И. С. Тургенева. К сожалению, эти первые литературные зарисовки Поникаровского обнаружить не удалось.

В том же 1859 году Дмитрий Алексеевич Поникаровский окончил Томскую гимназию и был определен для прохождения практики в Томское уездное училище, а потом сдал экзамены на учителя и был определен на службу в Семипалатинск. Перед отъездом друзья простились и обещали писать друг другу. В Семипалатинск Д. А. Поникаровский прибыл в ноябре месяце и был назначен на должность учителя чистописания уездного училища. Кроме того,

⁷ Там же. С. 11.

на протяжении почти 10 лет с 1859 по 1868 годы он безвозмездно занимался преподаванием русского языка в Семипалатинском женском училище. За этот бескорыстный труд в апреле 1863 года ему была объявлена благодарность генерал-губернатора Западной Сибири.

В Семипалатинском уездном училище было не просто с учителями, поэтому Поникаровскому приходилось преподавать разные предметы. Так с августа 1864 по сентябрь 1865 годы он временно выполнял должность учителя географии, при этом ему платили только половину от оклада этой должности. В октябре 1865 г. Дмитрий Алексеевич Поникаровский получил свой первый классный чин губернского секретаря со старшинством с 1859 года. То есть чин присваивался с момента вступления Поникаровского в должность учителя. Такая практика присвоения чина через несколько лет после того, как человек получал право на него, была обычной в царской России. Бюрократические проволочки, различные проверки на благонадежность тянулись годами, в результате человек получал чин с большим опозданием. В 1867 году Поникаровский получил следующий чин коллежского секретаря со старшинством с 1862 года.

В это же время Николай Михайлович Ядринцев поступил в Санкт-Петербургский университет, где познакомился с другими сибиряками Г. Н. Потаниным, С. С. Шашковым и принял активное участие в создании землячества студентов-сибиряков. Не окончив университет, он уехал сначала в Омск, а затем в Томск. Постепенно сформировалась общественно-политическая позиция Н. М. Ядринцева и других активных общественных деятелей Сибири. В ряде прокламаций высказывалось мнение о несправедливой политике центра в отношении Сибири, ограблении ее богатств, злоупотреблении чиновников. Выдвигалась мысль об отделении Сибири от России и создании федеративной республики по типу Соединенных Штатов Америки. В 1865 году вместе с Г. Н. Потаниным и др. Ядринцев был арестован по делу о «сибирском сепаратизме». Два года он провел в тюрьме, а в 1868 году был признан судом виновным в намерении отделить Сибирь от России и был сослан в Архангельскую губернию. В 1874 году Ядринцев получил помилование и приехал в Омск, где стал работать в Главном управлении Западной Сибири⁸.

В Семипалатинске Дмитрий Алексеевич Поникаровский прослужил десять лет, после чего получил возможность перебраться в Томск. В сентябре 1868 года он был назначен на должность учителя русского языка в Томское уездное училище. Дмитрий Алексеевич был рад возвращению в Томск, который по сравнению с Семипалатинском был, конечно, более развитый в культурном и общественном отношении городом, да и в Томске у него оставалось много друзей. Так же как и в Семипалатинске, он трудился не только в уезд-

⁸ Подробнее о сибирском областничестве см.: Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона. Новосибирск, 2008.

ном училище, с сентября 1869 года по август 1870 года он работал учителем географии в Томской женской гимназии. В августе 1871 года Поникаровский ушел в отставку «по домашним обстоятельствам». Что это были за обстоятельства, выяснить не удалось. Возможно, это связано с болезнью и смертью его первой жены, о которой тоже нет никаких сведений.

Пробыв вне службы всего один месяц, в сентябре 1871 года Дмитрий Поникаровский поступил на службу в Томское общее губернское управление, в мае 1872 года был назначен столоначальником 3-го отделения общего губернского управления. Наконец, в июне 1873 года он получил должность заседателя в Мариинский окружной суд. В Мариинске он прослужил всего около года, в октябре 1874 года его назначили Салаирским полицейским приставом. Это была первая полицейская должность Поникаровского, будучи в Салаире он сформировался как внимательный исследователь, как наблюдательный публицист и журналист. В Салаире были написаны первые его печатные произведения. Продвигалась и его служебная карьера, он получил чин титулярного советника, а в 1878 году стал коллежским асессором. В Салаире он получил вторую благодарность от высшего начальства. Весной 1877 года в стране была объявлена мобилизация в связи с начавшейся Русско-турецкой войной. В Салаире за мобилизацию отвечал полицейский пристав. Мобилизация была проведена в срок и без каких-либо осложнений. За это Томский губернатор объявил Поникаровскому благодарность.

Толчком к возникновению первых литературных и исследовательских произведений Поникаровского стали его встречи в 1878 и 1880 годах с его старым другом Николаем Ядринцевым и завязавшая после этих встреч переписка. Летом 1878 года Поникаровский получил распоряжение приехать в село Бачатское*, куда прибывал ревизор для изучения деятельности волостного правления. Ревизор прибыл не один, с ним был «господин в серой крылатке и с цилиндром на голове». Это оказался Николай Михайлович Ядринцев, которого Поникаровский не видел почти 20 лет. Дмитрий Алексеевич вспоминал: «Мы обнялись, расцеловались и расплакались, оплакивали оба горечь разлуки и радость свидания. Все время я не хотел отходить от него, по обыкновению, он говорил, а я слушал, но что он говорил, я теперь не помню, так как я в то время был сильно взволнован радостным свиданьем; смутно помню, что он вкратце рассказал мне свою жизнь после нашей разлуки»⁹.

После этой встречи между старыми друзьями завязалась переписка. Ядринцев уехал в Омск, был выбран членом Западносибирского отдела императорского Русского географического общества, а в 1880 году был назначен в экспедицию на Алтай. Вторая встреча произошла в мае 1880 года в Салаире. Ядринцев прибыл туда, следуя в научную экспедицию. На обратном пути в октябре месяце Ядринцев вновь останавливался в Салаире у Поника-

* В XIX веке название этого села часто писалось «Бочатское».

⁹ Там же. Л. 20.

ровского. Потом Ядринцев уехал в Петербург, где твердо решил добиться разрешения на открытие новой сибирской газеты.

Еще в марте 1879 года Ядринцев писал Поникаровскому из Омска: «Мне хотелось бы тебя, дружище, втянуть в постоянное сотрудничество при иркутской газете (газета «Сибирь» - А. Е.), где я направляю вопросы». Ядринцев предлагал Поникаровскому писать в газету так называемые корреспонденции, в которых можно было давать небольшие очерки из местной провинциальной жизни. В ней же он предлагал помещать более содержательные очерки по отдельным рудникам, промышленности Алтая, положению рабочих на золотых промыслах¹⁰. Поникаровский так и не выступил в газете «Сибирь» со своими очерками и корреспонденциями, но материалы для газеты им были подготовлены, они были опубликованы позже в «Восточном обозрении».

В том же году по заданию Западносибирского отдела Русского географического общества Ядринцев разработал программу обследования сельских общин Сибири. Программа была распечатана и разослана по разным присутственным местам Западной Сибири. Поникаровский был привлечен Ядринцевым к работе над описанием сельских обществ Салаирской горнозаводской волости. Так была написана первая крупная научная работа Дмитрия Алексеевича, получившая название «Сельские общества Салаирской волости». Она была направлена в Омск в отдел Русского географического общества и признана одной из лучших. В 1882 году она была напечатана в «Записках Западносибирского отдела географического общества»¹¹. В этой работе проявились многие исследовательские качества Поникаровского: точность изложения материала, логика построения обзора, использование личных наблюдений и свидетельств очевидцев событий.

Литературно-художественный талант Поникаровского раскрылся несколькими годами позже. С 1 апреля 1882 года Ядринцев начал выпускать в Санкт-Петербурге еженедельную газету «Восточное обозрение». Еще накануне этого события он просил Поникаровского посылать ему очерки, заметки и корреспонденции. К выходу первого номера газеты в портфеле у Ядринцева были уже несколько произведений, написанных Дмитрием Поникаровским для газеты. Редактор-издатель Ядринцев с первых же номеров начал публиковать материалы Поникаровского. Его разнообразные бытовые зарисовки, помещенные в разделе «корреспонденции», составили яркую картину сельского и городского быта Кузнецкого округа 1880-х годов. Поникаровский не оставлял без внимания ничего: то он пишет про ремонт дорог в округе, то обращает внимание на мошенничество какого-нибудь купца или чиновника, потом описывает любопытный случай из жизни священника, ратует

¹⁰ Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 246.

¹¹ Поникаровский Д. Сельские общества Салаирской волости // Записки Западносибирского отдела императорского русского географического общества. Омск, 1882. Кн. 4. С. 1-58.

за проведение реформ по судебной и следственной части и т.д. Можно с полной уверенностью сказать, что по общественно-политическим взглядам он сближается с областниками, одним из идеологов которых был его друг Н. М. Ядринцев.

В этот же период появляются первые литературные произведения Поникаровского. Трибуной для них стала та же газета «Восточное обозрение». В 1882 году под псевдонимом «Д. Нелюбинский»¹² Поникаровский публикует рассказ «Крестьяне-золотопромышленники»¹³. Сюжет рассказа прост и, видимо, взят автором из жизни. Две партии крестьян промышляют в тайге, они незаконно добывают там золото. Объездчики обнаруживают их и арестовывают одного из них. Оставшиеся на свободе сбывают золото одному купцу, но все это становится известно полиции. Начинается следствие, которое быстро удается закрыть за взятки. В небольшом рассказе автор поднял сразу несколько насущных проблем: несправедливое положение сибирских крестьян, живущих на земле, наполненной богатствами, но ничего не имеющих от этого; межличностные отношения внутри партии промышленников, организованных в команду, где есть и предательство и преданная дружба; и, наконец, бич сибирской глубинки – взятки, с помощью которых можно замять любое дело, решить любую проблему, вопрос только в цене. Главным взяточником является заседатель – полицейский чиновник. Заметим, Поникаровский сам является Салаирским полицейским приставом. Он высмеивает острую проблему взяток в своем ведомстве и, и можно даже сказать, на своей территории, так как в рассказе неоднократно делаются намеки на то, что действия происходят в Салаирской тайге. Добавим ко всему этому яркие описания природы и точные психологические портреты действующих лиц, и перед нами предстает весьма интересное литературное произведение, делающее честь его автору.

Кстати, наиболее яркие картины природы представлены в заметках Поникаровского под заглавием «По Салаирской тайге (из записной книжки охотника)», опубликованных в Томских губернских ведомостях в 1883 году¹⁴. В кратких заметках автор красочно описал повадки, жизнь и способы охоты на суслика, глухаря и бурундука. Из переписки с Ядринцевым мы также знаем, что Поникаровский – страстный охотник. В Салаирской тайге он сумел добыть и более крупный трофей – медведя. Шкуру этого зверя он подарил Ядринцеву.

¹² О том, что Д. А. Поникаровский писал под псевдонимом «Д. Нелюбинский» отмечал еще сам Н.М. Ядринцев. См.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Новосибирск, 2003. С. 124. По сведениям С. Гольдфарба Поникаровский выступал еще с несколькими псевдонимами: «Д. П.», «П.». См.: Гольдфарб С. Газета «Восточное обозрение» 1882-1906 гг. Иркутск, 1997. С. 176.

¹³ См.: Восточное обозрение. 1882. № 17, 18, 24, 25.

¹⁴ Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1883. № 3, 4, 17.

Наиболее рельефно проблема взяток представлена в рассказе «Кто во что горазд»¹⁵. Сюжет построен таким образом, что у читателя даже не возникает мысль о том, что главный герой (точнее антигерой) секретарь следственного комитета, расследующего убийство одного богатого купца, будет выполнять порученное ему дело. Секретарь даже не помышлял о поисках преступника, все его внимание сосредоточено на тех людях, с которых можно было взять выкуп, чтобы «снять» с них подозрения. Секретарь зашел слишком далеко и был наказан судьбой. Один из мнимых подозреваемых сумел собрать на него компромат и упрятать его за решетку. И на старуху бывает проруха – подытожил рассказчик.

В мае 1884 года Поникаровский был назначен помощником Мариинского окружного исправника. Прибыв в Мариинск, он написал в одной из своих корреспонденций: «Почти через 10 лет мне пришлось увидеть мою родину, которая произвела на меня грустное впечатление! Эту безусловную кормилицу, эту ласковую мать, простирающую свои объятия как родным детям, так и пасынкам, эту хлебосольную хозяйку, у которой всегда накрыт стол как для друга, так и недруга, эту приветливую страну превратили в нечто варварское и ужасное, где постоянно только и слышишь: сегодня грабеж, завтра убийство, самое варварское, самое бесчеловечное. Шайки разбойников все множатся, а с ними грабежи и убийства»¹⁶. Мариинск действительно сильно отличался от его прежнего места службы Салаира. Это был более крупный населенный пункт, третья часть населения которого состояла из уголовных ссыльных. В самом городе и в его окрестностях действовали шайки разбойников, грабивших и убивавших не только состоятельных людей, но даже простых бедняков. Как полицейский чиновник Поникаровский занялся расследованием самых жестоких преступлений. Кроме непосредственной правоохранительной деятельности в борьбе с преступностью он использовал печатное слово. Его корреспонденции за мариинский период жизни наполнены подробностями криминальной жизни города и округа.

Прожив несколько месяцев в городе, Поникаровский понял, что уголовные ссыльные это еще полбеда. Гораздо больший вред обществу приносят так называемые «жиганы высшего полета». Это ссыльные, выдающие себя за людей образованных, окончивших университеты и академии. Они устраиваются работать письмоводителями, адвокатами, докторами, и на своих должностях наносят колоссальный вред обществу. К этой же категории «жиганов» Поникаровский относит и некоторых не чистых на руку чиновников, в том числе и полицейских. Некоторым из них он посвящает подробные корреспонденции. Стоит заметить, что ему удалось добиться перевода из

¹⁵ Восточное обозрение. 1884. № 30.

¹⁶ Эта фраза дает основание полагать, что Поникаровский родился в Мариинске (селе Кийском), но прямых доказательств этому нет.

Мариинска в другие места наиболее сомнительных чинов полиции, об этом он с удовольствием писал в своих корреспонденциях: «воздух стал чище».

Не прошло и года, как в Мариинске у Поникаровского появилось много врагов. Честный полицейский не устраивал даже самого городского голову Трифона Тимофеевича Савельева, которого в 1884 году посадили в тюрьму за мошенничество. Поникаровский тогда писал: «на нем, Савельеве, в сотый раз выяснилось, что представители капитала и торговли, выбираемые в градские головы, не есть еще представители городской чести, законности и желания быть полезным выбирающему обществу, но, как видно на Савельеве, для ограждения общества от их хищнических инстинктов нужно бывает сажать таких господ в тюрьму».

Савельеву удалось выйти из-под стражи, его дело было решено в октябре того же года. Удивительно, но губернский суд оправдал его по всем статьям обвинения. Возможно, не обошлось без взяток. С этого же времени между богатейшим купцом города Савельевым и чиновником Поникаровским устанавливаются резко негативные отношения. Уже в январе 1885 года Поникаровского обвинили в злоупотреблении служебным положением, будто бы он избил одного крестьянина, а другого незаконно посадил в тюрьму. Более того, готовилось постановление об увольнении его от должности и переводе в другое место.

Защищая свою честь, Дмитрий Алексеевич вынужден был обратиться за помощью к председателю Томского губернского суда Евгению Юльевичу Баршевскому¹⁷. Он знал этого человека еще с детских лет, когда преподавал ему чистописание в Семипалатинске. Поникаровский просил оставить его в Мариинске, по крайней мере, до лета, когда можно будет подготовить к переезду семью с четырьмя малолетними детьми¹⁸. Баршевский перенаправил просьбу Томскому губернатору Ивану Ивановичу Красовскому. Последний удовлетворил просьбу Поникаровского, распоряжение о переводе его на должность помощника Барнаульского окружного исправника было подписано только в декабре 1885 года. Некоторое время Поникаровский оставался еще в Мариинске, а в начале 1886 года переехал в Барнаул.

На новом месте он продолжал служебную деятельность, стараясь приносить пользу обществу. Карьера продвигалась довольно успешно. В августе 1886 года он даже временно выполнял обязанности Барнаульского исправника, поскольку тот уезжал в Омск. Однако в конце 1889 года случилось событие, которое надолго остановило карьерный рост Дмитрия Алексеевича Поникаровского. В ноябре 1889 года после так называемой «стачки томских виноторговцев», произошедшей двумя годами ранее и выразившейся в попытке сговора и поднятия цен на вино, вышел указ Правительствующего сената о

¹⁷ О Баршевском см.: Томский некрополь. Томск, 2001. С. 26-28.

¹⁸ Поникаровский – Баршевскому, 31 января 1885 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2438. Л. 4-5 об.

немедленном задержании силами полиции томских предпринимателей. В это время в Барнауле находился один из виноторговцев дворянин Иван Платонов. Арестовать его не удалось, и он сумел уехать в Москву. Помощника Барнаульского исправника Д. А. Поникаровского обвинили в медлительности, уклончивости по службе и излишней переписке по этому вопросу. Соответствующее донесение томского губернского правления легло на стол губернатору¹⁹.

В январе 1890 года томский губернатор подписал указ о переводе Дмитрия Алексеевича Поникаровского на должность помощника Кузнецкого окружного исправника. Формально Поникаровский ничего не терял, он по-прежнему оставался в должности помощника исправника. Но Кузнецк был гораздо меньше Барнаула, служба там была менее престижной, поэтому перемещение его можно расценивать как почетную ссылку, шаг назад в карьерном росте. В феврале 1890 года Д. А. Поникаровский обратился с личной просьбой к томскому губернатору. Он ходатайствовал об оставлении его в прежней должности в Барнауле. Дмитрий Алексеевич писал, что не виновен в том, что дворянин Платонов сумел выехать из Барнаула, так как сам в это время был вне города, а приказ об аресте получил уже после того, как Платонов уехал. Кроме того, переезд в Кузнецк лишал возможности продолжить обучение детей Дмитрия Алексеевича, которые учились в барнаульских учебных заведениях²⁰.

Губернатор принял аргументы Д. А. Поникаровского, вскоре вышел указ об оставлении его в прежней должности помощника Барнаульского окружного исправника. Вскоре ему довелось побывать в Мариинске. С мая по июль 1891 года временно исполнял должность Мариинского окружного исправника. Казалось бы, инцидент с Платоновым окончательно забыт губернскими властями. В 1892 году Д. А. Поникаровский даже удостоился благодарности томского губернатора за деятельность в комиссии по закупке лошадей для Тобольской губернии. Однако это было не так. В июле 1892 года томский губернатор потребовал, чтобы Поникаровский подал прошение об отставке. Чем было мотивировано это требование – не понятно. Возможно, губернатор хотел назначить на эту должность нового (своего) человека. Кумовство в чиновничьей среде в то время было распространено, также, впрочем, как и сейчас. Без покровительства вышестоящих должностных лиц трудно было продвигаться по служебной лестнице. У Поникаровского высоких покровителей не было, и он вынужден был подать прошение об отставке. В прошении Дмитрий Алексеевич выразил желание продолжить службу в каком-нибудь другом учреждении. Он объяснял свое стремление служить

¹⁹ Томское губернское правление – томскому губернатору, 2 декабря 1889 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 13-13 об.

²⁰ Рапорт Д. А. Поникаровского – и.д. томского губернатора, 10 февраля 1890 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 18-19 об.

государству семейными обстоятельствами – нужно было содержать семью, дать возможность детям закончить обучение²¹.

В августе 1892 года Поникаровского назначили на должность чиновника особых поручений при Томском общем губернском управлении без содержания²². Надо сказать, что это была довольно хлопотная и беспокойная должность, не та о которой мечтал Поникаровский. Чиновников особых поручений часто отправляли в командировки по городам и селениям всей губернии, где они замещали различные должности. При этом денежное содержание, о чем больше всего беспокоился Д. А. Поникаровский, зависело как раз от этих замещаемых должностей, то есть оно было очень нестабильным. Вскоре Поникаровский был отправлен в первую командировку. С октября 1892 года по апрель 1893 года он временно исправлял должность чиновника по крестьянским делам 2-го участка Барнаульского округа. В июне 1893 года был командирован в Каинский округ для производства дознания над одним из чиновников, обвиняемом в должностном преступлении. В сентябре 1893 года был командирован в деревню Поломошную для наблюдения за работами по линии Сибирской железной дороги. В ноябре того же года командирован к исправлению должности чиновника по крестьянским делам 1-го участка Бийского округа, по случаю смерти последнего. С февраля по март 1894 года исправлял должность крестьянского начальника 2-го участка Барнаульского округа. С марта по июль 1894 года временно исправлял должность крестьянского начальника 2-го участка Бийского округа (г. Змеиногорск) и председательствовал в окружном по крестьянским делам присутствии.

Несмотря на многочисленные перемещения Д. А. Поникаровский активно занимался общественной деятельностью. Главным местом его пребывания оставался Барнаул, здесь жила его семья. К началу 1890-х гг. в Барнауле сложился кружок интеллигенции, занимающийся изучением Алтая и распространением научных знаний по истории, географии, этнографии и биологии этого края. В 1891 году было создано «Общество любителей Алтая», позже ставшее Алтайским подотделом Западносибирского отдела Русского географического общества. Поникаровский принял самое активное участие в создании этого общества. Первое учредительное собрание общества состоялось 27 октября 1891 года в зале Барнаульского общественного собрания. Председателем общества был выбран выдающийся горный инженер Н. И. Журин. Председателем совета стал Ф. Е. Засс. Дмитрий Алексеевич

²¹ Докладная записка Д.А. Поникаровского – томскому губернатору, 7 июля 1892 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 30.

²² Приказ Томского губернатора от 4 августа 1892 г. № 82. // ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 46. Л. 106-107.

Поникаровский был выбран в кандидаты в члены совета общества, вскоре он стал полноправным членом совета общества²³.

Поникаровский присутствовал на большинстве заседаний совета общества в период с 1891 по 1895 года. Ему поручали самые разные вопросы: он давал заключения на финансовые документы, готовил обзорные сообщения, заключал договора на приобретение канцелярских принадлежностей и т.д. В октябре 1894 года на заседании совета рассматривался вопрос об изучении школ Алтая. Члены общества провели большую работу, были собраны различные материалы по деятельности школьной сети на Алтае. Весь собранный материал был передан на предварительное рассмотрение Дмитрию Алексеевичу Поникаровскому, который должен был подготовить обобщающий доклад по этому вопросу. В ноябре того же года Поникаровский получил задание изучить присланные членом общества В. Н. Богословским письма и финансовые документы об оказании помощи переселенцам. На том же заседании развернулась дискуссия о том, стоит ли направлять излишние денежные средства общества на финансовую помощь переселенцам и выделение им кредитов. Мнение Д. А. Поникаровского четко было зафиксировано в протоколе, он заявил, что «лучшего назначения денег, чем выдача кредита, нельзя и придумать». Проверенные Поникаровским финансовые документы Богословского оказались в полном порядке, о чем он и доложил на заседании 23 ноября того же года.²⁴

На заседаниях совета общества рассматривались и некоторые рукописи, подготовленные его членами. В декабре 1894 года рассматривалась статья Поникаровского, посвященная волнению крестьян Бердской волости в 1869 году. Известно, что осенью этого года крестьяне нескольких волостей Барнаульского уезда были введены в заблуждение писцом Ф. Токаревым, который объявил о появлении Манифеста об освобождении крестьян от податей и рекрутчины на 3 года. Вместо Манифеста Токарев стал распространять обычную газету «Томские губернские ведомости». Особо остро волнения происходили в Бердской волости. Только с помощью солдат властям удалось усмирить крестьян, поверивших в подлинность Манифеста²⁵. Статья, подготовленная Поникаровским, вызвала дискуссию. Автору были заданы вопросы о том, сколько погибших было во время волнений, кто именно погиб, разбиралось ли дело в суде? На все вопросы он дал разъяснения, и статья была ре-

²³ Кривова Ю. А. Состав общества любителей исследования Алтая (1891-1901 гг.) // Краеведческие записки Алтайского государственного краеведческого музея. Вып. 4. Барнаул. 2001. С. 162-167.

²⁴ Протоколы совета общества любителей исследования Алтая, 12 октября, 16 и 23 ноября, 1894 г. // Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 76 об., 80 об., 82.

²⁵ Зиновьев В.П., Топчий А.Т. «Бердский бунт» 1869 года // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 188-198.

комендована к печати²⁶. К сожалению, мы до сих пор не имеем сведения об этой работе Дмитрия Алексеевича, не известно где именно она была опубликована, и была ли опубликована вообще.

Дмитрий Алексеевич Поникаровский внес свой посильный вклад в формирование библиотеки «Общества любителей исследования Алтая». Еще в октябре 1892 года он передал на хранение в библиотеку общества рукопись-дневник неизвестного автора, посвященный поиску золота близ деревни Червевой (правый берег реки Томи). Этот дневник был написан в 30-х гг. XIX века, записи в нем были сделаны ежедневные²⁷. Предварительную экспертизу рукописи сделал известный на Алтае архивист Н. С. Гуляев. Он дал высокую оценку дневнику, в котором содержалась информация по начальному периоду «золотой лихорадки». Не известно, как этот дневник попал к Поникаровскому, но он имеет большое значение для изучения истории золотопромышленности Сибири.²⁸

Позднее Поникаровский передал в библиотеку общества полные комплекты газет «Восточное обозрение» за 1884-1888 года, «Сибирский вестник» за 1885-1889 и 1891-1892 года, а также тексты сибирских заговоров и песен собранные им самим за многие годы службы в Семипалатинске, Салаире и других местах²⁹.

Помимо работы в «Обществе любителей исследования Алтая», Поникаровский принимал участие в деятельности и других обществ. Так, например, известно, что в 1892 году он состоял в числе членов «Общества попечения о начальном образовании». Это общество было создано по инициативе В. К. Штильке в 1884 в году в Барнауле. Целью общества было оказание посильной помощи неимущим учащимся. Общество существовало за счет членских взносов, благотворительных пожертвований. В 1885 году оно открыло свою собственную школу³⁰.

В 1894 году Поникаровский узнал, что Николай Михайлович Ядринцев назначен заведующим статистическим бюро на Алтае. Он очень обрадовался этому событию и, находясь в Змеиногорске, решил написать письмо своему другу. В начале июня 1894 года Ядринцев действительно прибыл в Барнаул и первым делом навестил квартиру Поникаровского, но хозяина там не застал,

²⁶ Протокол совета общества любителей исследования Алтая, 14 декабря 1894 г. // ГААК. Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 81. Л. 83 об.

²⁷ Дневник ныне храниться в фонде «Общества любителей исследования Алтая». См.: ГААК. Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 86. Л. 1-36.

²⁸ См.: Протокол заседания совета общества, 23 октября 1892 г. // ГААК. Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 36-38 об. Дневник ввел в заблуждение алтайских историков. В известной книге «Исследователи Алтайского края. XVIII – начала XX вв. Биобиблиографический справочник». Барнаул, 2000. на странице 166 ошибочно указано, что автором дневника был сам Д. А. Поникаровский, и что он содержал сведения за 30 лет его жизни.

²⁹ Протокол общего собрания общества любителей исследования Алтая, б/д // ГААК. Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 7. Л. 52, 58.

³⁰ Отчет общества попечения о начальном образовании за 1892 год. Барнаул, 1893. С. 37.

так как последний был в Змеиногорске. Встреча друзей так и не состоялась, 7 июня Николай Михайлович, приняв излишнюю дозу морфия, который он употреблял против катара желудка, умер. Поникаровский не успел даже прибыть на похороны своего знаменитого товарища. Воспоминания об этом наполнены глубокими чувствами сострадания: «Не мне ценить его, как общественного деятеля, - писал Поникаровский, - это дело истории; скажу только, что это был человек сердечный, до крайности деликатный, беспредельно и бескорыстно преданный родине, порядку и законности, всегда готовый помочь, ободрить, успокоить и, вдобавок, развеселить».

После оставления должности крестьянского начальника 2-го участка Бийского округа в июне 1894 года Дмитрий Алексеевич Поникаровский остался без дела. Он по-прежнему считался «причисленным к томскому общему губернскому управлению», но никакого содержания не получал. В течение десяти месяцев начальство не вспоминало про надворного советника Поникаровского. Проживая в Барнауле он не получал жалование, горечь утраты лучшего друга не давала покоя. Поникаровский взялся за перо и написал воспоминания о Ядринцеве. Они наполнены искренними чувствами дружбы, любви и уважения к общественному деятелю и ученому Николаю Михайловичу Ядринцеву.

В мае 1895 года Поникаровский обратился к томскому губернатору с просьбой определить его в какую-нибудь должность. Он писал, что уже десять месяцев проживает без всякого дела в Барнауле не получая никакого жалования. За это время он впал «в крайнюю нищету» и не имеет никаких средств содержать семью, состоящую из семи человек³¹. Вскоре последовал указ губернатора о назначении Поникаровского исправляющим обязанности крестьянского начальника 2-го участка Бийского округа. Вновь губернские власти использовали знания и опыт Дмитрия Алексеевича для заполнения управленческих дыр в бюрократическом аппарате губернии, не давая при этом никаких четких гарантий на твердое денежное содержание, что больше всего интересовало Поникаровского.

В июне 1895 года Томское губернское правление было преобразовано в управление. Обычно в таких случаях власти использовали реформу для избавления от ненужных чиновников. Однако Поникаровскому повезло, его решили оставить в «командировке» в Бийском округе. В марте 1896 года его перевели в Барнаул для «исправления должности чиновника по крестьянским делам 2-го участка Барнаульского округа». Уже в июне его перебросили на исправление такой же должности в 4-й участок Каинского округа, резиденция которого находилась в селе Вознесенском. В августе на должность крестьянского начальника 4-го участка Каинского округа назначили чиновника Вейса, однако Поникаровского оставили «прикомандированным» к этому

³¹ Докладная записка Д.А. Поникаровского – томскому губернатору, май 1895 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 41-42.

участку «в помощь Вейсу». В октябре 1896 года вышел приказ о назначении Поникаровского исправляющим обязанности крестьянского начальника 2-го участка Барнаульского округа. В феврале 1897 года он был командирован к исправлению такой же должности в 3-й участок Каинского округа (село Спасское). Эту должность он исполнял по 20 июня того же года. В октябре 1898 года его командировали в Томск для исполнения обязанностей чиновника по переселенческим делам. В Томске он прослужил до апреля 1899 года.

За четыре года Дмитрий Алексеевич сменил шесть должностей, служил в Бийском, Каинском, Барнаульском округах и городе Томске. Все эти перемещения не лучшим образом сказались на его здоровье и здоровье его жены. Августа Александровна умерла в конце XIX века. Точную дату установить не удалось, известно только, что в 1896 году она была жива, так как сохранилась ее фотография с детьми, датированная 2 июля 1896 года. Дмитрий Алексеевич очень тяжело переживал ее смерть, он заболел и даже сам оказался на краю гибели. Но, он выздоровел и вернулся к служебной деятельности.

В октябре 1899 года его назначили помощником Кузнецкого уездного исправника. За долгие годы это была первая должность с твердыми гарантиями денежного содержания. Он хорошо знал Кузнецк, неоднократно бывал здесь еще во времена службы в должности Салаирского полицейского пристава. В сентябре 1901 года Поникаровским был награжден высокой наградой. За многолетний труд ему был вручен орден Святого Станислава 3-й степени. Еще до получения этого ордена он был награжден очень редкой в то время серебряной медалью «За спасение погибавших». Медаль давалась за непосредственное участие в спасении людей с риском для собственной жизни. Поникаровский получил ее в 1893 году, когда служил наблюдателем за строительством Сибирской железной дороги в селе Поломошном. Подробности его подвига не известны, но можно предположить, что они были связаны именно со спасением людей на этой грандиозной стройке. Еще одна серебряная медаль «В память царствования императора Александра III» была вручена ему в 1897 году³².

В Кузнецке по привычке он продолжал вести тщательные наблюдения за природой, фиксировал даже такие мелочи, как прилет и отлет птиц. Все эти наблюдения, тщательно записанные Поникаровским, вскоре очень пригодились ему. Научная общественность Алтая все настойчивей стала продвигать идею подробного изучения городов Сибири.

Надо заметить, что эта идея не была новой. Известный алтайский исследователь С. И. Гуляев (1806-1888) обратил внимание на то, что во всех губерниях выпускаются так называемые «Памятные книжки», которые по ограниченности объема не могут вместить в себя подробные описания городов и местностей каждой губернии. Гуляеву было известно, что в 1839 году

³² Списки служащих по ведомству МВД, 1901 год // ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 511. Л. 131.

после смерти М. М. Сперанского среди его бумаг был обнаружен фолиант, включающий в себя планы всех городов Сибири. Этот фолиант передали на хранение в Горный департамент. С. И. Гуляев предложил подготовить «Справочный альбом» Томской губернии, в который можно было бы поместить подробные сведения о городах. В альбоме планировалось разместить планы городов с подробным их описанием и приложением фотографий видов и наиболее значимых зданий³³.

В начале XX века в Алтайском подотделе императорского Русского географического общества разработали программу исследования городов Сибири. Дмитрий Алексеевич Поникаровский принял активное участие в работе по изучению городов Сибири. Пригодились все его записи и наблюдения, которые он вел во время службы в Кузнецке. В 1904 году он составил подробнейшее «Историко-географическо-статистическое описание города Кузнецка». В декабре того же года, будучи в Барнауле, он представил рукопись на рассмотрение в Алтайский подотдел³⁴. При рукописи были фотографии с видами города и некоторых зданий. На заседании Алтайского подотдела 20 декабря 1904 года рукопись была тщательно изучена. Члены Алтайского подотдела вынесли весьма скромное постановление о «вынесении благодарности г. Дмитрию Алексеевичу Поникаровскому»³⁵. Рекомендации к печати не было, видимо члены подотдела посчитали, что эта рукопись слишком объемная и подробная, чтобы ее можно было опубликовать целиком.

В свое время описание города Кузнецка так и не было опубликовано при жизни автора, существовали лишь несколько копий, которые были известны общественности Кузнецка и Барнаула. Небольшое расследование этого вопроса провел В. В. Тогулев. Он выяснил, что в 1923 году рукописью Поникаровского пользовался корреспондент газеты «Советская Сибирь» А. Кручина. Тогда он высоко оценил эту рукопись, считая, что она представляет большую ценность. Другой исследователь В. И. Шемелев подчеркивал компилятивный характер описания Кузнецка. Еще в 1992 году Тогулев предположил, что оба этих исследователя пользовались разными рукописями. Тогда же была опубликована, найденная в Государственной архиве Алтайского края, часть рукописи, посвященная истории города Кузнецка³⁶. Как оказалось, предположение В. В. Тогулева было верным. Найденная в Алтайском архиве рукопись Поникаровского представляла собой только часть его труда. Основная часть рукописи, посвященная положению города Кузнецка в нача-

³³ См.: Письмо С. Гуляева // ГААК. Ф. Д-163. Оп. 1. Д. 50. Л. 3-5.

³⁴ Письмо Д.А. Поникаровского в Алтайский подотдел ИРГО, 12 декабря 1904 г. // ГААК. Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 32. Л. 43. Указан Барнаульский адрес Поникаровского, он проживал в доме Вершинина на Гоголевской улице.

³⁵ Журнал заседаний Совета Алтайского подотдела ИРГО, 20 декабря 1904 г. // ГААК. Ф. Д-81. Оп. 1. Д. 31. Л. 40 об.-41.

³⁶ См. Повествования о земле Кузнецкой / сост. В. В. Тогулев. Кемерово, 1992. С. 84-91, 107-108.

ле XX века, спокойно хранилась в отделе рукописей Новосибирской государственной областной научной библиотеке. Вероятно это та самая рукопись, которой пользовался журналист А. Кручина. Рукопись была обнаружена нами в 2007 году. Как она попала в Новосибирск, выяснить не удалось³⁷.

Рукопись представляет собой машинописный текст с внесенными в него исправлениями чернилами рукой Поникаровского. Рукопись сброшюрована, состоит из 22 листов (43 страницы). Номера листов подписаны чернилами в левом верхнем углу. Название «Историческо-географическо-статистическое описание города Кузнецка Томской губернии» напечатано на первой странице заглавными буквами. На листах 1, 16, 2 имеются штампы Западно-Сибирской краевой публичной библиотеки с инвентарным номером брошюры 226904. Сохранность рукописи хорошая, на некоторых листах имеются надрывы, потертости, уголки некоторых листов утрачены.

Но вернемся к Д. А. Поникаровскому. В это время в деятельности Кузнецкого уездного полицейского управления не было стабильности. В феврале 1901 года ушел с должности уездного исправника А. А. Зеленский, который был непосредственным начальником Д. А. Поникаровского. На должность уездного исправника временно назначили не имеющего чина Якова Максимовича Козинцева. Он не имел опыта работы в полиции и вообще в Сибири на службе был всего несколько лет. Поэтому большую часть работы по исполнению обязанностей уездного исправника выполнял его помощник Д. А. Поникаровский.

В октябре 1902 года последовала конфиденциальная записка томского губернатора на имя Поникаровского. Губернатор писал, что по причине преклонности возраста и болезненного состояния Дмитрий Алексеевич не может уже выполнять обязанности полицейского чиновника. Губернатор предлагал ему подать в отставку от должности и от службы. Со своей стороны он обещал содействие в назначении усиленной пенсии. Это была уже не первая попытка уволить Поникаровского, вероятно он отнесся к ней спокойно. В ответном письме Дмитрий Алексеевич указал, что уже более 40 лет служит отечеству, и ему осталось прослужить всего полтора года до назначения полной пенсии по должности помощника исправника. Кроме того, семейные обстоятельства и желание дать детям хорошее образование, требуют стабильного денежного содержания. Поэтому Поникаровский ходатайствовал об оставлении его в должности еще некоторое время³⁸.

Губернские власти дали возможность Поникаровскому дослужить до полной пенсии, приказа об увольнении не последовало. В ноябре 1903 года Дмитрий Алексеевич попросился в двухмесячный отпуск «для устройства семейных дел». Разрешение было получено, и он съездил в Барнаул, где

³⁷ См.: Кузнецк – уездная столица // Кузбасс, № 237, 20 декабря 2007. С. 6.

³⁸ Рапорт Поникаровского – томскому губернатору, октябрь 1902 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 87-87 об.

навестил живущих там детей. В декабре 1903 года последовало вторичное конфиденциальное письмо губернатора с предложением Поникаровскому подать в отставку. Однако Дмитрий Алексеевич не торопился. В ответном письме он написал, что не мог подать в отставку по той причине, что кузнецкого исправника не было в городе, и он вынужден был выполнять его обязанности. А в январе 1904 года началась русско-японская война, была объявлена мобилизация, потребовалось много усилий, чтобы провести ее организованно и в положенные сроки. В этих условиях он не мог оставить службу, так как требовались его опыт и знания³⁹.

Однако губернатор настаивал на своем. Он указал, что в трудное для страны время требуются молодые и энергичные люди, к которым Поникаровского трудно отнести по причине преклонности лет и слабости здоровья. В третий раз он предложил Дмитрию Алексеевичу подать в отставку в установленной по закону форме. Наконец, 30 марта 1904 года, поняв, что затягивать с решением об отставке больше нет смысла, Поникаровский подал прошение об увольнении его с должности помощника Кузнецкого исправника и от службы в полиции. Одновременно он ходатайствовал о назначении ему усиленной пенсии⁴⁰.

Как и положено в таких случаях, было проведено медицинское освидетельствование Поникаровского, затем документы были направлены в Санкт-Петербург в Министерство внутренних дел. Приказ об увольнении Поникаровского от должности последовал только в сентябре 1904 года. А решение о назначении усиленной пенсии в размере 750 рублей в год последовало только в феврале 1905 года после длительных согласований в министерствах финансов и внутренних дел. Усиленная пенсия составляла более половины от денежного содержания его в должности помощника исправника, равнявшегося 1250 рублям в год⁴¹.

После окончания службы в Кузнецке Дмитрий Алексеевич Поникаровский переехал в Барнаул, где жили его дети. Там он поселился на Сузунской улице в доме № 103. В июле 1905 года он обратился к томскому губернатору с прошением о представлении к награждению орденом Святого Владимира 4-й степени за 35 лет служения в классных чинах. Обычно такие представления делали сами губернские власти, следившие за служебной карьерой чиновников. Но в случае с Поникаровским этого сделано не было. Более того, на некоторое время ходатайство было оставлено без движения. Только после повторной просьбы Поникаровского в мае 1906 года оно было переправлено в Санкт-Петербург с соответствующими сопроводительными документами.

³⁹ Докладная записка Поникаровского – томскому губернатору, 26 февраля 1904 г. // ГА-ТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 92-93.

⁴⁰ Прощение Д. А. Поникаровского на имя императора Николая II, 30 марта 1904 г. // ГА-ТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 95-95 об.

⁴¹ Министерство финансов – томскому губернатору, 19 февраля 1905 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 109.

Указ о награждении Дмитрия Алексеевича Поникаровского орденом Св. Владимира 4-й степени последовал 22 сентября 1906 года⁴². Орденский знак и документы к нему были вручены Поникаровскому в конце того же года.

Подводя итог многолетней служебной деятельности Поникаровского можно заметить, что продвигалась она с большим трудом. Особенно трудными были 1890-е годы, когда он не имел определенной должности и переводился с места на место. Чин надворного советника он получил в еще в 1885 году, а затем в течение почти 20 лет не удостоивался следующего чина. С 1884 года он фактически не продвинулся по должностной лестнице. Став в этом году помощником Мариинского окружного исправника, он закончил карьеру в 1904 году помощником Кузнецкого уездного исправника. Власти были скупы на награды, орден Святого Владимира он фактически «выбил» себе сам.

В 1907 году он значился среди лиц, имеющих право участвовать в выборах в Государственную думу по городу Барнаулу⁴³. После 1907 года никаких сведений о жизни Поникаровского найти не удалось. В литературе утвердилась дата его смерти – 1918 год⁴⁴. Однако никаких ссылок на документы ни в одной из указанных книг не приведено. Проведенное расследование показало, что в городе Барнауле он в это время не проживал. В списках жителей города по переписи 1917 года он не значился. Скорее всего, Дмитрий Алексеевич Поникаровский перебрался в Томск. Известно также, что в Томске в 1914 году проживал его единственный сын Николай Дмитриевич Поникаровский.

Здесь не лишним будет сказать несколько слов о его семье. О первой жене Поникаровского никаких сведений найти не удалось. Вторая жена Августа Александровна родила как минимум восемь детей. Первый сын Николай родился 28 ноября 1874 года, второй сын Александр родился 21 августа 1880 года в Салаире⁴⁵ (он умер в детском возрасте). Третий сын Евгений, родившийся 22 ноября 1890 года, тоже умер в раннем детстве. Кроме сыновей у Поникаровских было пятеро дочерей: Ольга (р. 14 июня 1878 г.), Елизавета (р. 16 сентября 1884 г. в Мариинске, умерла в детстве⁴⁶), Екатерина (р. 7 ноября 1886 г.⁴⁷), Евгения (р. в 1891 г.) и Елена (р. 5 июля 1892 г.)⁴⁸.

⁴² Капитул Российских императорских и царских орденов – томскому губернатору, декабрь 1906 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 133.

⁴³ Приложение № 13 к Томским губернским ведомостям от 14 февраля 1907 г. С 17. Дмитрий Алексеевич написал под фамилией Паникаровский, занчится под № 3519.

⁴⁴ См.: Литературное наследство Сибири. Т. 5. Николай Михайлович Ядринцев. Новосибирск, 1980. С. 245; Повествования о земле Кузнецкой / Сост. В. В. Тогулев. Кемерово, 1992. С. 107-108; Исследователи Алтайского края. XVIII – начала XX вв. Биобиблиографический справочник. Барнаул, 2000. С 166.

⁴⁵ Метрическая запись // ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 588. Л. 46 об.-47.

⁴⁶ Метрическая запись // ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 376. Л. 97 об.-98.

⁴⁷ См.: Формулярный список Д. А. Поникаровского, 1891 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2339. Л. 1-6.

Старший сын Николай окончил курс наук в Барнаульском окружном училище и практическое горное отделение со званием кандидата на уставщика в 1892 году. В следующем году он поступил на службу в чертежную Алтайского горного округа в Барнауле. В 1900 году был назначен топографом по найму во временный штат Кабинета Его Императорского Величества. Ему приходилось ездить по землям Кабинета в течение всего летнего периода времени. Николай Дмитриевич составлял межевые планы для переселенцев, планировал наделы в деревнях старожилов. Свою работу он выполнял качественно, о чем свидетельствуют ежегодные премии, выдаваемые ему из средств Кабинета. В 1913 году он был награжден медалью в память 300-летия царствования дома Романовых и орденом Святого Станислава 3-й степени. В следующем году временные штаты Кабинета были сокращены и его перевели в Харьковскую губернию на службу по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия. Однако в Харькове он пробыл недолго. В том же году «за оскорбление на действиях и на словах чинов полиции» он был уволен со службы и уехал в Томск, где и проживал во время Первой мировой войны⁴⁹. Революцию он встретил не одобрительно. Не складывались у него отношения с новой советской властью. Судьба его сложилась трагически. В апреле 1930 года он был обвинен по 58 статье УК РСФСР и расстрелян. В то время он проживал в Томске по улице Белинского 8-10 кв. № 1. Детей у него не было⁵⁰.

Сохранились некоторые сведения о младшей дочери Поникаровского Елене Дмитриевне. Она родилась в Барнауле 5 июля 1892 года. Видимо там же она получила образование. В 1920 году она работала помощником секретаря мелиоративного подотдела отдела государственных сооружений Томского Совета народного хозяйства. В сентябре того же года она поступила на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Томского университета. Известно, что она была зачислена на факультет «сверх комплекта». Параллельно с учебой она продолжала работать в Совете народного хозяйства, для этого ей было дано специальное разрешение ректора.

Дмитрий Алексеевич Поникаровский оказался не заслуженно забыт сибирскими историками, архивистами и краеведами. Сегодня мы публикуем его научные труды (в том числе описание города Кузнецка), художественные произведения (рассказы и очерки), воспоминания и корреспонденции из газет «Томские губернские ведомости» и «Восточное обозрение». К сожалению, не удалось найти некоторые из его работ. Известно, что он вел дневник. В 1894 году, когда он писал воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве, он

⁴⁸ Евгения и Елена родились в Барнауле, они указаны в формулярном списке 1901 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 24. Л. 23.

⁴⁹ Личное дело Н. Д. Поникаровского, 1914 г. // ГААК. Ф. Д-29. Оп. 1. Д. 225.

⁵⁰ Список заключенных Томской закрытой колонии и расстрелянных в марте-апреле 1930 г. // Из истории земли Томской. 1930-1933. Народ и власть. Сб. документов. Томск, 2001. С. 278.

опирался на свой личный дневник. Нам не удалось его найти ни в Томске, ни в Барнауле, ни в Иркутске и Омске. Хочется надеяться, что его дневник когда-нибудь будет найден, и он прольет свет на многие «белые пятна» в биографии Дмитрия Алексеевича Поникаровского и станет ценным источником по истории Кузбасса.

Характерной особенностью Поникаровского было то, что многие свои работы он не подписывал, или писал под псевдонимами. Ниже публикуются только те сочинения, о которых можно с достаточной уверенностью говорить, что они принадлежат Поникаровскому. Есть несколько сомнительных произведений, опубликованных в газете «Восточное обозрение» и подписанных псевдонимом «П»⁵¹. Установить авторство этих работ достаточно сложно, поэтому они не вошли в сборник. Есть также сомнения в том, что все корреспонденции из Кузнецка, Мариинска и Салаира принадлежат Поникаровскому. Не исключено, что в числе корреспондентов газеты из этих городов были и другие люди. Но, принимая во внимание, что большинство из них связаны между собой тематикой (а порою и сюжетом), тоном изложения материала, а также соотносятся с теми местами, где в это время служил Поникаровский, можно с большой долей уверенности утверждать, что все они (или, по крайней мере, большинство) принадлежат именно его перу.

Все тексты публикуются полностью, в конце каждой публикации указывается их первоначальное издание. Пропущенные или недописанные автором слова, цифры или буквы, восстановлены и заключены в квадратные скобки. Текст «Описания города Кузнецка» публикуется впервые. При публикации этого текста принимается во внимание правка Д. А. Поникаровского, отмеченная литерными постраничными сносками, а сделанные им примечания – «звездочкой». Сохранены особенности стиля автора, собственные имена и географические названия приведены в авторском написании. В основном соблюдена орфография и пунктуация оригинала. Комментарии составителя к текстам обозначены цифровыми сносками. Все комментарии, за исключением комментариев к письмам Н. М. Ядринцева, составлены А. Н. Ермолаевым при участии В. А. Волчека. Комментарии к письмам Ядринцева заимствованы из соответствующей публикации с некоторыми небольшими дополнениями и поправками.

В заключение хотелось бы поблагодарить сотрудников Государственного архива Томской области, отдела рукописей и книжных памятников научной библиотеки Томского государственного университета, отдела рукописей Новосибирской областной научной библиотеки, музея «Кузнецкая

⁵¹ См.: Сибирский уездный город. Этнографический этюд // Восточное обозрение. 1883. № 33, 35; Сибиряки и сибирский уездный город // Там же. 1884. № 2, 3; Российские люди в Сибири // Там же. № 14; Среда сибирского крестьянства. Наблюдения и очерки заезжего // Там же. № 42; Очерки сибирского крестьянства // Там же. 1885. № 3, 4.

крепость» и Кемеровского областного краеведческого музея (лично Л. Ф. Кузнецову) за помощь, оказанную в подготовке книги. Отдельная благодарность Н. И. Ерофееву, профинансировавшему издание книги.

Семейная фотография Поникаровских. На оборотной стороне имеется надпись «Дорогим Татьяне Христофоровне и Николаю Ивановичу на память от Поникаровских. Барнаул. 2 июля 1896 года». В черном платье сидит жена Дмитрия Алексеевича Августа Александровна, в белых платьях – дочери Поникаровского (Елена, Евгения, Екатерина).

Отдел рукописей и книжных памятников научной библиотеки Томского государственного университета. Ф. 2. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ

Сельские общества Салаирской волости (в Кузнецком округе Томской губернии)

I.

САЛАИРСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Салаирское горнозаводское сельское общество

Состав

Салаирское горнозаводское сельское общество в смысле административном составляет часть Салаирской горнозаводской волости Кузнецкого округа Томской губернии. Салаирская горнозаводская волость состоит из пяти сельских обществ, а именно: Салаирского, Гавриловского, Гурьевского, Новобочатского и Урского.

Салаирское сельское общество состоит собственно из села Салаирского, станций Крестовской и Аламбайской и заимки Бирюлинской. Местность, которую занимают эти четыре поселения, гористая, составляет Салаирский хребет, покрыта лесом и пересекается речками и ручьями.

Село Салаирское расположено на юго-восточном склоне Салаирского хребта на горных речках Осиповке и Толмовой, отстоит в 138 верстах от г. Кузнецка, 286 в[ерстах] от Томска и в 195 в[ерстах] от Барнаула, из которого через Салаир проходит дорога на Кузнецко-Томский земской тракт; Салаир окружен с юга, запада и севера черневыми лесами, а с востока – сосновым бором.

Салаирское сельское общество образовалось в 1863 году из детей мастеровых, приписанных к Салаирскому руднику и из тех мастеровых, которые не выслужили положенного срока, когда уничтожено было обязательное право; в этом году образовалась Салаирская волость, была составлена уставная грамота, по которой Салаирское сельское общество получило в надел землю: усадебную и под огородами, вместе с Гавриловским заводом 82 десят[ятины] и 193 саж[ени], сенокосной – 886 десят[ятин] и скошенного выгона, вместе с Гавриловской деревней и Гурьевским селением – 8 квадратных верст. Кроме сего, на основании положения 8 марта 1861 года и согласно уставной грамоте, отставные мастеровые получили в пожизненное бесплатное пользование по 1 десятины на душу: по Салаирскому руднику на 261 душу 261 десятину. Пахотные участки, хотя бы они и находились в грани надела отставных мастеровых, принадлежат заводууправлению, при том некоторые из отставных мастеровых владеют пожизненно и бесплатно участками сенокосов, собственным трудом расчищенными, имея на то особое удостоверение конторы. По Салаирскому руднику такого рода покосов считается

176 десятин. Земли отведены Салаирскому сельскому обществу из земель Алтайского горного округа с тем, что если они понадобятся алтайскому ведомству, то могут быть им отобраны, а взамен их будут отведены новые.

Станции Крестовская и Аламбайская находятся к западу от Салаира, первая в 20 верстах, а вторая в 21 в[ерсте] от первой на дороге к Барнаулу. Обе станции находятся в черневых лесах; Крестовская обмывается с южной стороны речкой Иткарою, а с северной – речкой Березовой. Барнаульский тракт идет по водоразделу. Аламбаевская станция находится при речке Аламбай. Эти станции образовались с давнего времени, когда были построены в этих местах станционные дома для проезжих, а около них впоследствии поселились крестьяне Салаирского общества. Земли крестьянам в этих станциях не отведены, кроме ямщиков, держащих земскую гоньбу, которым земли отведены для сенокосов. Остальные крестьяне, поселившиеся на этих станциях, сенокосными местами пользуются или за расчистку или за плату, а также платят и за другие угодья, или в Салаирскую горную контору, или в Алтайское горное правление. На Крестовой станции живет четыре семьи в 4-х домах, а на Аламбаевской – 7 семей в 7-ми домах.

Бирюлинская заимка в 25 верстах от Салаира к северу, при впадении речки Еловки в речку Бирюлю. На запад от заимки идет черневой лес, а на восток – лиственничный и сосновый. Самое название показывает происхождение этого поселения; с давнего времени сперва здесь была пасека одного мастерового, а потом, с дозволения Алтайского горного правления, стали селиться около этой пасеки крестьяне Салаирского сельского общества, пользуясь сенокосными местами или за расчистку или за плату, платя за десятину под хлебопашество 40 коп[еек], а под пасеку – 1 руб[ль]. На этой заимке живет шесть семей в 6-ти домах.

Все названные четыре селения в административном отношении составляют одно Салаирское сельское общество, так как имеют одного сельского старосту и населены крестьянами Салаирской волости и разночинцами.

Способы пользования общинной землей

Общинная земля принадлежит каждому сельскому обществу отдельно, а не всей волости; обмежевание всей волости не произведено, и земля в известность также не приведена, а каждое сельское общество пользуется тою землею, которую получило по уставной грамоте в надел; передела земель между селениями не существует.

Кроме усадьбы и земли под огородами и сенокосными местами, полученными в надел по уставной грамоте, крестьяне Салаирского общества пользуются выгоном или паскотинной.

С начала весны до того времени, как загородят паскотину, лошади и рогатый скот ходят, как в самой паскотине, так и в других местах без пастуха; с того же времени, как только загородят паскотину, т.е. приблизительно с 15 мая, скот уже ходит в паскотине до того времени, как уберутся крестьяне с сеном и с хлебом, приблизительно до Семенова дня, т.е. до первого сентября,

когда паскотину опять разгораживают, и скот до самой зимы ходит опять повсеместно. После 15 мая, когда паскотина загорожена и когда в ней выросла хорошая трава, жители косят ее на телегу для того скота, который не отпущен в поле.

Переделы общинной земли

Усадебные земли

Усадьбы отведены по уставной грамоте в полное право собственности и передаются по наследству. Усадьба также может быть продана как односельчанину, так и лицам других сословий, также в полное право собственности. Пашенные избушки, пасеки, зверовые избушки, заимки также принадлежат в полное право собственности тому, кто их поставил; земли же под ними принадлежат казне.

Не было примера, чтобы усадьбы когда-либо переделывались; новые дворовые места отводятся из свободных земель Салаирской горной конторы.

Пахотные земли

Так как по уставным грамотам крестьянам Салаирской волости пахотной земли не дано, а землю должны брать в пользование у заводоуправления по 40 коп[еек] за десятину, то поэтому передела этой земли никакого не существует. Всякий, занимающийся хлебопашеством, выбирает подходящий кусок земли и начинает пахать или новь, т.е. новую землю, еще никем не паханную, или залеж, паханную прежде кем-либо и оставленную. Пашут в местности, называемой «листвяги», в 12 верстах от Салаира. В начале шестидесятых годов, по освобождении от обязательного труда, многие из салаирцев занялись хлебопашеством, но потом, за неурожаями, а главное, по непривычке, этот труд был оставлен.

Ныне крестьяне с. Салаирского засевают 39 десятин, а крестьяне Бирюлинской заимки около 20 десятин; на Крестовской и Аламбайской станциях хлеба не пашут.

Сенокосы

Крестьяне Салаирского сельского общества получили покосы в надел в 15 верстах от Салаира, около березового мыса; отставные мастеровые – в 11 верстах, за моховым болотом. Те и другие в надел получили по одной десятины, т.е. 2400 квадратных сажень и кто где сел при обмежевании, тот теперь тем покосом и пользуется; выморочные покосы остаются у общества и отдаются сельским старостой новым членам. Но так как покосы отстоят далеко от рудника, то крестьяне арендуют у заводоуправления близлежащие сенокосные места по 40 коп[еек] за десятину, которые отводит чертежник Салаирской горной конторы. Некоторые из крестьян расчищают принадлежащие заводоуправлению сенокосные луга, за что получают право пользоваться ими

бесплатно пять лет. Отставные мастеровые, как выше сказано, получили в надел пожизненные сенокосы, отходящие после смерти их в казну.

Сенокосные места можно разделить: на *луговые*, по берегам речек Аламбая, Иткары, Березовой, Бирюли и других; *еланные*, преимущественно около Салаира и *черневые*. Самые хорошие считаются луговые, на которых, если вода стоит недолго, т.е. если они не вымокнут, то получается хорошая трава и ее много. Еланные сенокосы только тогда хороши, когда смочное лето, не засушливое; в черневых местах, хотя трава всегда хорошая на вид, но внутри сырая и когда высохнет, то питательных веществ в ней мало. На Бирюлинской заимке сенокосные места, поросшие пучкою и дягилем, косят до Петрова дня¹, и эта трава получается хорошая, так как в это время дудка мягка, а после уборки сена пускают на эти места скот; эти сенокосы таким образом косят подряд год или два и даже три, а на четвертый год получается настоящий покос. Некоторые начинают косить до Петрова дня, но главное начало сенокосения считается с Прокопьева дня, т.е. 8 июля.

Кошение и уборку сена можно разделить на следующие отделы: 1) косят своей семьей или с работниками; 2) наймом, т.е. косят сами хозяева с нанятыми людьми или одни нанятые рабочие под надзором хозяина или кого-нибудь из его семьи; 3) косят помочью и 4) в откос или в отработку, т.е. сговорятся две семьи и уберут сперва сено у одной, а потом у другой. Скошенное сено в рядах оставляют высохнуть; на лугах и еланиях его не ворочают, а ворочают для просушки в черневых местах и то только в сырое лето; высохшее сено сгребают в валы, а потом в копны; в копнах дают ему еще полежать, а потом мечут в стога и зароды. Так как каждый домохозяин запасает сена по числу скотины, полагая в зиму на лошадь 30 копен, а на корову 25 копен, на овцу 5 копен, то по этому расчету и сообразно с урожаем сена приобретает число десятин. Средний сбор сена на десятине полагается в 25 копен такой высоты, что если два человека вставши один против другого, возьмутся руками, то копна должна проходить между рук.

Если домохозяин имеет одну лошадь и одну корову, на прокорм которых нужно 55 копен, то посмотрим, во что обойдется постанковка сена на прокорм этих скотин одинокому домохозяину. Для 55 копен нужно 2 десятины; одна, полученная в надел, а другую нужно купить у заводоуправления и дать 40 коп[еек]; муж и жена 55 копен косят в два дня, полагая мужчине в рабочее время 40 коп[еек], а женщине 35 коп[еек], итого за два дня 1 руб[ль] 50 коп[еек], сгрести и скопнить в день 75 коп[еек], сметать по копейке с копны – 55 коп[еек], итого без содержания рабочих 55 копен стоят 2 руб[ля] 80 коп[еек]. Кто же имеет много скота, а семейство небольшое, тот задает деньгами на поставку сена с осени; в таком случае рядятся, чтобы ставить на хозяйских лугах или на своих, с вывозкой или без вывозки; плата без вывозки на хозяйских лугах и на лугах подряжающегося колеблется от 6 руб[лей] до 10 руб[лей] за 100 копен, а с вывозкой от 10 руб[лей] до 15 руб[лей], смотря по расстоянию покоса от Салаирского рудника. Хозяин после постанковки сена в копнах, ездит и принимает их счетом. Нанимают еще так, чтобы по пер-

вому зимнему пути было вывезено 100 копен, которые полагают в 20 возов. Кто же может смотреть сам за сенокосом, тот нанимает поденщиков, плата которым в страдное время колеблется от 35 коп[еек] до 50 коп[еек] мужчине и от 30 до 45 коп[еек] женщине. Нанимают поденщиков с их содержанием или с хозяйским, а также с ночлегом или нет, и от этого условия зависит количество платы. Также нанимают косить и подесятинно, что стоит от 1 руб[ля] до 1 руб[ля] 50 коп[еек] за десятину; но этот способ признается почему-то неудобным и редко кем практикуется.

Уборка сена помочью обходится почти во столько же, во сколько и наймом, так как салаирские крестьяне все съестные припасы, начиная с хлеба, покупают с базара. Помочь устраивается таким образом: домохозяин с вечера приглашает помочан, которые собираются к нему часов в 7 или 8 утра, с песнями едут на покос на хозяйских лошадях, предварительно позавтракавши; на покосе, по приезде, начинается работа, и часов в 12 обедают; во время обеда подается водка; несколько времени после обеда отдыхают и потом продолжают работать вплоть до сумерек; в сумерки отправляются домой к хозяину с пенями; на дороге хозяин или хозяйка встречают помочников с водкой, которой подают по стакану или по два; по приезде домой, начинается угощение и продолжается часто до утра; а часто помочане приходят на другой день, чтобы опохмелиться. Помочи, особенно когда много народа и хозяин тороватый на угощенье², частовременно оканчиваются ссорой и дракою. Хозяин, собравший помочь, тоже нравственно обязан идти, если не в это лето, то в следующее к кому-нибудь из помогавших ему, на помочь, а в противном случае на будущее время к нему на пойдут на помочь.

Домохозяева, у которых немного скота, поставивши сено для себя, нанимаются к другим в работу или ставят сено на продажу; самое хорошее сено считается то, которое убрано до Ильина дня³, по пословице «до Ильина дня в траве пуд⁴ меду, а после Ильина дня – пуд навозу». Многие на продажу косят осенью уже высохшую траву, так что и не нужно сушить, а скошенную сгребают и прямо мечут в стога; но такое сено самое худое. На луговых местах и в черневых, а также и на еланях в ненастливое лето, чтобы сырое сено просохло хорошенько, мечут его в стога на стожорах, т.е. внутри стога делают искусственную пустоту, а также перекладывают его осиновыми ветками. Как только снег сходит весною, то крестьяне пускают на свои покосы палы, которые часто уходят в чернь, чем много губят леса. Чтобы потушить лесной пожар сгоняют крестьян со всего Салаирского общества.

Леса

Крестьяне Салаирской волости в надел не получили леса, который составляет собственность горного ведомства. Положенное число на душу дров и бревен для починки строений крестьянин имеет право нарубить бесплатно, а именно: бревен бесплатно отпускается ежегодно 50 пихтовых на усадьбу и по 5 кубических сажень сметничных дров⁵; сверх сего крестьянин должен взять билет из Салаирской горной конторы за попенные деньги⁶, нужен ли

ему лес сверх положенного для себя или на продажу. Валежником, кроме соснового, крестьяне пользуются бесплатно, а за это должны тушить лесные пожары. Лесной промысел служит одним из главных подспорий для крестьян Салаирского сельского общества, так как леса много идет для горных работ в Салаирском руднике, в который крестьяне нанимаются доставлять бревна пихтовые, сосновые и лиственничные, дрова березовые и пихтовые. Разночинцам доставляют дрова березовые и пихтовые, рубить которые начинают весной, как только стает снег, порубщики уходят в чернь, где и рубят на своих хлебах дрова березовые по 25 коп[еек] за сажень без вывозки, а осиновые по 20 коп[еек]; также занимаются приготовлением смолы и дегтя для заводоуправления и пилкою плах и тесу.

В особенности лесною промышленностью занимаются жители Бирюлинской заимки, которые продают лес в другие деревни Кузнецкого округа. Салаирский рудник окружен лесами всякой породы, как то: в черни – пихта, ель, осина, кедр, черемуха, талина, лиственница, а в бору – сосна, и многие из жителей занимаются разными поделками из леса: есть много столяров, колесников, экипажных мастеров, так что можно иметь здешней работы предметы роскоши, как то: буфеты, кресла, стулья, ломберные столы, дроги, сани и т.д. и даже по рисунку. Лесной промысел был бы тут один из прибыльных, но доставка лесных изделий в другие места довольно затруднительна, а местных потребителей число ограниченное; оттого промысел этот не развивается, а мастера уезжают в Томск, Кузнецк и Барнаул. В прежние времена в окрестностях Салаира водились кедры, с которых получались орехи, но этот род леса вырублен и теперь от него остается только один валежник, употребляемый на посуду и на колоды для гробов.

Пастбища и другие угодья

Как выше было сказано, крестьяне обществ Салаирского, Гавриловского и Гурьевского получили в надел 8 квадратных верст [пастбищ]. Жители этих селений полюбовно отделили себе земли под выгон, и крестьяне с[ела] Салаирского, вместе с крестьянами деревни Гавриловской, как смежные, городят паскотину так, что на долю салаирцев приходится 21 верста на север, запад и юг; причем городьба делается только с севера и запада, а южная часть, как находящаяся в черни, не ограждается. Паскотины городятся, полагая по пяти сажень на крупную скотину, из жердей пихтового и других пород леса; вышина городьбы от земли в сажень; жерди располагаются горизонтально в расстоянии полуаршина одна от другой, чтобы не могла пролезть мелкая скотина; употребляются жерди длиною аршин пяти или шести и утверждаются между саженными кольями. Весною, по входе хлеба, когда скот его может повредить, крестьянам объявляется на сельском сходе, чтобы они начали поправку каждый своего участка паскотины, которая известна каждому хозяину, так как участки были разделены ранее при образовании волости. Для надзора за паскотиною выбираются от общества на три года два попечителя, которых обязанность следить за исправлением ее. В городьбе

паскотины принимают участие и разночинцы, которые по числу имеемых у них лошадей или городят сами или нанимают. Если употреблены для паскотины осиновые колья, то она стоит лет около трех, если пихтовые, то пять-шесть лет, а если лиственничные, то от 15 до 20 лет. Если в случае недогляда за паскотинной, она упадет и за нее пройдет скот, то хозяин изломанной паскотины отвечает за поправу хлеба или травы на волостном суде, если не сойдется добровольно с потерпевшим; но чаще за поправу отвечает хозяин того скота, чей пойман в поправе, если не могут найти той изломанной паскотины, в которую он прошел. Ворота в паскотине также исправляют общественниками по наряду сельского старосты; их держат запертыми до Семенова дня, т.е. до 1 сентября, а большей частью до того времени, когда уберут хлеб.

Все, заключающиеся под Салаирской паскотинной место земли, гористо, пересечено ручьями и речками и большею частью покрыто разной породы лесами, но трава родится изобильно, так что весною жители Салаира на этих местах косят траву и для скота, который они держат дома. В эту же паскотину жители Салаира отпускают свой крупный и мелкий скот пастись во время лета без пастуха; имеющие несколько кобыл и жеребца отпускают их под охраной жеребца; те же, которые имеют одних кобыл, отпускают их к чужому жеребцу, с платой от 1 руб[ля] до 5 руб[лей] в лето, если хороший жеребец. Имеющие мерингов, отпускают их просто; рогатый же скот пасется в разброд. Если лето жаркое и много овода, то днем весь скот выходит с поля в Салаир, а если лето благоприятное для пастьбы, то скот не выходит с поля до глубокой осени; только хозяева иногда посматривают, не потерялась ли куда скотина; осенью, когда выпадает снег, скот берут с поля домой. От такого, можно сказать, небрежного обращения с пастьбой скота, он часто теряется: то украдут, то завалится в яму или болото, а если забредет в чернь, то делается добычею волка или медведя; зимою бывает, что скот, забравшийся в чернь во время вьюги, заносится снегом. Рогатый же скот, т.е. коровы каждый вечер сами собою возвращаются домой с поля, для доения.

Кроме паскотины, некоторые из жителей имеют для выгона скота засеки за паскотинной – это одна или несколько десятин сенокосного места, взятого у заводоуправления в аренду по 40 коп[еек] за десятину или расчищенного, которым расчищавший может пользоваться бесплатно пять лет; в эти огороженные засеки одни хозяева с начала весны отпускают весь свой скот пастись без пастуха, а другие отпускают в них тогда, когда скосят траву.

Овец же отдают пасти в близлежащие деревни Бочатской и Козьминской волостей по 5 и 8 коп[еек] за штуку; два или три раза ездят стричь с них шерсть, а по первому снегу принимают от пастуха.

Огородничество

Так как крестьяне Салаирского общества хлеба сеют самое ничтожное количество, всего 39 десятин, то большое подспорье для жителей составляет огородничество, которое начинается с того, что весною, как только сойдет снег, хозяйки сажают капустные семена или рассаду в устроенные для этого

рассады, которые от холодов покрывают; после Николина дня⁷ начинают копать гряды под картофель и другие овощи и делают из навоза гряды под огурцы. Копанье гряд производится или самими хозяевами, или наймом; поденная плата от 25 коп[еек] до 35 коп[еек], а погрядно от 7 до 10 коп[еек] за грядку. Как только гряды готовы, начинают садить сперва огурцы, которые сажают большею частью нерощенными семенами в лунки, сделанные в наземных грядах; картофель сажают в черноземные гряды по одной и по две штуки в лунку, на расстоянии лунка от лунки четверти с полторы; картофеля сажают на ряду от одной до полуторых пудовок. Моркови, свеклы и репы сажаются небольшое количество, а также луку, гороху, бобов и репы; в это же время сажаются овощи на семена. Картофель, репу и горох тоже сажают на полях, но небольшое количество. Когда гряды с овощами начинают зарастать дикой травой, то эту траву выдергивают или выкапывают сами хозяева или нанимают посторонних, платя от 4 до 5 коп[еек] за грядку. Поливки овощи требуют только в первое время, что и делают сами хозяева, так как у большинства домовладельцев в огородах находятся и колодцы, а у кого нет колодца, тот пользуется у соседей или общественным. После всех овощей уже сажают капусту. Во время посадки цены на овощи стоят высокие для тех, у кого не осталось их на посадку, так что пуд картофеля доходит до 30 коп[еек]; семена на посадку продают ложками, капустное 4 коп[ейки] за ложку, огуречное 3 коп[ейки], репное, редечное и морковное по 1 коп[ейку] за ложку. Как только картофель подрастет, то его огребают, тоже делают и с капустой. Овощи спевают в середине июля, первыми огурцы и картофель; огурцы в это время продаются по 20 и 10 коп[еек] за десяток, а к концу лета по 20 коп[еек] за сотню. Других овощей кроме капусты, огурцов и картофеля в Салаире в продаже нельзя встретить, так как жители считают за бесчестье продавать их. К Воздвижению (14 сентября) убирают в огородах все овощи кроме капусты; уборка производится семейством или помощью; картофель родится в урожайный год сам-пятнадцатый и продается в это время от 5 до 6 коп[еек] за пуд., а в остальное время от 7 до 15 коп[еек] за пуд. Капусту убирают уже к Покрову дню или к 1 октября; капусту продают в грядах от 1 до 2 руб[ля] за сотню; в это время устраивают и «капустники», т.е. хозяева собирают знакомых на помощь рубить и шинковать капусту. Соленая капуста разделяется на три сорта: 1) крошево – это зеленые листья, изрубленные и поселенные, самый низший сорт; 2) белая капуста – это вилки белой капусты, разрезанные пополам, поселенные и обсыпанные соленым капустным крошевом или мелко изрубленными белыми листьями капусты и 3) шинкованная капуста – это вилки тоже белой капусты, разрезанные пополам, поселенные и пересыпанные шинкованной капустой, т.е. листьями белой капусты мелко изрезанными ножом в ленты. Соленую капусту продают зимою от 30 до 50 коп[еек] за ведро. Как соленая капуста, так и соленые огурцы в Салаире называются солониной. Собранные на капустку обыкновенно угощаются после трудов, кто чем может и обыкновенно бывают песни.

В начале июля поспевают земляника, которую продают 3 до 5 коп[еек] за тарелку и от 10 до 20 коп[еек] за туясок; затем следует смородина, ведро которой стоит от 30 коп[еек], клубника и черника в урожайный год стоят по 25 и 30 коп[еек] ведро; поспевают в это время грузди, ведро которых несоленых продается от 15 коп[еек]. К концу июля и в начале августа поспевают малина, ведро которой стоит от 30 коп[еек] до 1 руб[ля] и черемуха, в это же время поспевают брусника. Ягоду употребляют состоятельные люди для варенья и наливок, а остальные сушат для пирогов. Калину собирают 15 августа и 1 сентября, и это время называют «первые калинники» и «вторые калинники». Калину пучками вывешивают на улицу, где она дозревает, и из нее готовят калиновый кисель и пироги.

Как посадка в огородах, так уборка в них, заготовление впрок овощей и соби́рание ягод и груздей есть обязанность женщин и девиц, и доход от этого промысла идет в пользу их.

Есть еще особый продукт, который жители Салаира и всей волости употребляют свежим и соленым и который составляет большое подспорье в хозяйстве салаирцев, а весною, в апреле, мае и в начале июня составляет почти исключительную пищу крестьян, так как в это время мясо почти не продается, а рыбы ловят мало, по не имению рыбных рек – это *колба*. Растение это находится в черни около Салаира; весной оно прорастает сквозь снеговую кору. Собирают его молодым, как оно только выйдет из-под снега, и в это время цена ему до 5 коп[еек] за фунт; потом, когда колба становится более, то продают ее пучками толщиной вершка в два и более, ценою по 1 коп[ейки] за пучок, а под конец продают пудами и даже привозят из-за Томи, и цена тогда от 20 до 40 коп[еек] за пуд. Здешними жителями она почитается полезной от цинги и питательною, почему и засаливается впрок, и ее можно встретить соленой почти в каждом доме; в пищу ее употребляют как соленую, так и свежую с квасом и со щами.

Горное производство

Рудников, действующих и содержащих в себе серебросвинцовую руду два: *первый* и *третий*. Первый находится на юго-восточном склоне холма, в котором пробиты шахты действующие: Соймоновская и Николаевская и недействующие: Троицкая, Борисоглебская, Ивановская, Петропавловская и шесть лихтлогов. Самые глубокие из шахт Соймоновская и Николаевская, имеющие 78 сажень глубины, но работы производятся на 47 сажени, а остальные 31 сажень затоплены. В руднике находится шесть этажей. Для осушки его проведена штольня к речке Осиповой на юг, в длину на 600 сажень. На руднике работают две смены: дневная и ночная; первая начинает с 6 часов утра до 3 часов вечера, а вторая – с 6 часов вечера до 3 утра; собственно работы продолжаются 8 часов, не более. Работы ведутся забоями, от 4 до 6 человек у забоя, руду разрывают порохом, а в последнее время введен динамит. Большее число забоев бывает до 15; самое большое число рабочих в день бывает на первом руднике до 150 человек; рабочий в неделю у забоя за-

рабатывает от 2 до 3 рублей; на разборе в неделю зарабатывает до 2 руб[лей]; в пуде руды содержится чистого серебра до одного золотника. На первом руднике действуют две паровые машина; пуд руды, поднятой на поверхность, обходится 4 коп[ейки]. К забою, на добычу руды нанимаются не контрактовые [рабочие], а [за выемку] с кубической сажени [платят] от 8 руб[лей] до 60 и 90 руб[лей], смотря по твердости породы, с вычетом за порох, свечи и железные инструменты, сколько истратится железа во время работ.

На третьем руднике две действующие шахты: Александровская и Новоказанная, из коих первая западает до глубины 33 сажени. Штольня имеет длины 300 сажень. Работают в две смены, и время работы продолжается от 6 до 8 часов. У забоя работают по 4, по 6 и по 8 человек. Забоек бывает одновременно до десяти; самое большее число рабочих в день бывает на третьем руднике до 65 человек, а ночью до 50 человек. Средний заработок у забоя в неделю колеблется от 2 до 3 руб[лей]; на разборе в неделю рабочий может заработать до 1 руб[ля] 20 коп[еек]. Содержание руды на третьем руднике в пуде от $\frac{3}{4}$ золотника до 1 [золотника]; пуд руды, поднятой на поверхность, стоит 4 коп[еек]. За выемку кубической сажени руды платят от 12 до 40 руб[лей], с вычетом за порох, свечи и железо у инструментов. Работы также производятся и динамитом.

Здесь считаю нелишним сделать выписки из «Геологического путешествия по Алтаю» г. Щуровского (совершенного им в 1844 году), в котором описаны Салаирские рудники.

«От Барнаула до Салаира считается 190 верст, если ехать на Белоярское село и деревню Хмелевку. От Аламбаевского зимовья мы постепенно и незаметно поднимались на хребет около 18 верст до станции Креста. Отсюда начинается такой же пологий склон в противную сторону и продолжается 20 верст до Салаира. Две последние станции не представляют для геолога никакого интереса; только за 7 или 8 верст от рудника он начинает встречать кое-где открытые горные породы: диорит, диоритовый сланец и белый зернистый известняк» (Геологическое путешествие по Алтаю Щуровского. Москва. 1846. стр. 134-135).

«Салаир имеет весьма живописное гористое местоположение; но горы его не поражают зрителя ни громадностью, ни теми изорванными гранитными гребнями, какие встречаются в Змеиногорском крае; одним словом, Салаирская природа не великолепна, а мила и чрезвычайно походит на Урал в его средней полосе и отчасти на Московские окрестности». (Там же. стр. 136).

«С Салаирской деревни на Салаирский рудник степь начинает холмиться, а за 4 версты от Салаира, близ Гавриловского сереброплавильного завода, находятся уже значительные известковые возвышенности, покрытые сосновым бором. В Салаир мы приехали вечером» (стр. 219). «Первые дни пребывания моего в Салаире были посвящены на обзор здешних рудников с их

ближайшими окрестностями. Салаирские рудники находятся около самого селения. Снаружи они представляют целый ряд открытых ям или разносов, простирающихся почти от севера к югу и занимающих около двух верст в длину. Все это пространство выполнено тальковым сланцем, который имеет светло-зеленый цвет и довольно нежен на ощупь. В самом близком расстоянии от рудника, он со всех сторон сменяется белым кристаллическим известняком и твердым пепельно-серым глинистым сланцем. Проехав не более полуверсты от рудника к канатной фабрике, тотчас встречаешь белый мелкозернистый известняк. Между канатною фабрикой и речкою Осиповкой он заключает в себе железные руды, доставляющие материал для Гурьевского завода. Множество отдельных небольших ям, остающихся после выработки, превосходно обнаруживают натечное образование здешнего глинистого железняка. Ближе к Осиповке известняк сменился глинистым сланцем серого цвета, довольно твердым и без всяких заметных окаменелостей. Он образует левый высокий берег Осиповки. Промежуток между Осиповкой и Кедровкой, текущих параллельно между собою и впадающих в Тальмовую, также наполнен глинистым сланцем, одинаких свойств с предыдущим. К югу от Кедровки, начиная от самого берега, глинистый сланец переходит в диоритовый и, наконец, примыкает к диориту. Последней породы я не преследовал; по словам г. Фрезе, она занимает большое пространство. Проезжая вниз по течению Кедровки и потом мимо госпиталя, везде видишь один кристаллический известняк; тут он подходит к тальковому сланцу, заключающему в себе Салаирские руды (в 10 саж[енях] от Яковлевской жилы). Селение лежит на таком же известняке». (Там же. стр. 220-221).

«Не углубляясь в самые рудники, а рассматривая одни только огромные разносы, оставшиеся от прежних работ, можно составить себе довольно ясное понятие о месторождении здешних серебряных руд. Это настоящие рудные пласты, почти параллельные между собой и взаимно переплетающиеся с тальковыми сланцами, следовательно, имеющие с ними одинаковое падение и одинаковое простираение. От обыкновенного окружающего сланца они отличаются тем, что проникнуты тяжелым шпатом, кварцем и разными рудами: серебряными, медными, цинковыми и железными. Из первых находятся: самородное серебро, серебряное золото, свинцовый блеск, серебряная чернь, белая свинцовая руда; из вторых – медный колчедан, медная зелень, соль, медный блеск; из третьих – цинковая бленда; из четвертых – серный колчедан. Из всех исчисленным минералов чаще других встречаются здесь два последние; что же касается до серебряных и медных руд, то они находятся вообще в весьма небольшом количестве и до такой степени перемешаны с первыми, что иногда образуют с ними безразличные охры, всего чаще железные, реже свинцовые. Тяжелый шпат в середине пласта всегда оказывается главной массой, заключающей в себе прочие материалы, а по бокам он непременно сливается с тальковым сланцем, придавая ему большую твердость или окрашивая его своими рудами».

«Салаирских рудников три: *первый, второй и третий*. В первом из них считается восемь рудных пластов или по-здешнему восемь жил: *Яковлевская, Василье-Поповская, Соймоновская, Харитоновская, Борисоглебская, Главная Троицкая и две отдельные Троицкие*. Во втором руднике, отстоящем от первого на 250 сажень, одна пластовая жила. В третьем, лежащем в 1 ½ верстах от второго, находятся три жилы: *восточная, полуденная и северная*. Общее простирание их с сланцами на северо-запад; падение тех и других юго-западное, под углом от 25° до 50°. Толщина пластов, как мы видели, не имеет резких границ, но приблизительно определяемая, разнится от одного аршина до 25 сажень. Длина также неодинакова, от 15 до 130 сажень. Все Салаирские жилы достигают известной глубины в целости, исключая одной Соймоновской; эта последняя на глубине 11 сажень разделилась на две ветви, которые по том снова соединились между собой и составили одну. Наибольшая толщина промежуточного пласта между Соймоновскими пластами до 15 сажень; толщина промежуточных пластов между жилами вообще от 3 до 50 сажень. Между Харитоновской и Борисовской жилами этот промежуток почти во всей массе своей переслоен тяжелым шпатом; тоже самое замечено в разветвлении Соймоновской жилы. Очевидно, что тут нет настоящих правильных жил, отделяющихся от окружающей их породы».

«В Салаирских рудниках, подобно Змеиногорским, верхняя часть пластов преимущественно состоит из тяжелого шпата, заключающего в себе наиболее богатые охристые руды; по мере углубления те же пласты становятся кварцеватее и убоже. Колчеданистые жилы, каковы, напри[м]ер, Троицкие, также очень бедны. Впрочем Салаирские жилы вообще небогаты серебром; средним числом содержание их может быть принято в $\frac{3}{4}$ или $\frac{7}{8}$ зол[отника]. Местами однако встречаются руды в 2, 3 4 золотн[ика], а в прежние годы находимы были куски тяжелого шпата, заключающие в себе до $\frac{1}{2}$ фунта и даже 1 фунта серебра в пуде».

«Богатство Салаирских руд преимущественно зависит от серебряной черни, самородного серебра и серебристого золота; первая находится обыкновенно в тяжелом шпате в виде самой мелкой примеси, а два последние минерала чаще заключаются в железных охрах (Василье-Поповская, Харитоновская и Новые Константиновские работы). Ежегодное количество руд, добываемых в Салаирских рудниках, простирается до миллиона пудов. Одна часть здешних руд плавится на Гавриловском заводе и достигает 20-25 пудов серебра, а другая поступает в качестве флюса, по их легкоплавкому свойству, на прочие заводы, особенно Барнаульский. Все означенное количество руд собственно добывается только из двух рудников, первого и третьего, а второй давно оставлен за совершенную его убогостью».

«Салаирские рудники не отличаются красивыми и правильно образованными минералами, исключая превосходных штуфов *снежного серебра и белой руды*. Снежное серебро добывалось некогда во 2-м руднике в виде тончайших листочков чрезвычайной белизны и блеска, заключенных в рыхлой

кварцевато-тяжелошпатовой массе. Белая свинцовая руда встречается в третьем руднике большими друзами на тальковато-железистой глине, проникнутой тяжелым шпатом».

«Первый из Салаирских рудников открыт в 1781 году, второй в 1786, а третий 1798 г.». (Там же I и XIV).

Устройство общинных хозяйственных дел, и какие платежи и повинности лежат на общине

Первое место между натуральными повинностями занимает дорожная, которую отправляют крестьяне с[ела] Салаирского на расстоянии 16 верст от рудника Салаирского по тракту к Барнаулу; для надзора за исправлением дорог выбирается дорожный староста. Как только бывает сделано распоряжение о исправлении дорог, что бывает в конце мая или в начале июня, то сельским старостой наряжается пятая часть годовых работников на дорогу, которые и должны проработать три дня. Исправление дороги идет артельно, сообща; также сообща исправляются на этой дороге гати, кроме двух мостов, встречающихся на этой дороге, которые исправляют крестьяне дер[евни] Урской. Если дорога не может быть исправлена пятой частью работников, то выгоняется другая пятая часть и т.д., до последней пятой части. Отставные мастеровые и мещане также исправляют отведенные им мосты.

Вторая повинность есть выбор десятников, которых по приговору общества полагается при сельском управлении в неделю шесть человек, по одному от каждого годного работника. Обязанные этой повинностью, если имеют в семействе подростков, то отправляют их для понесения ее, или идут сами, или нанимают за себя, платя от 50 коп[еек] до одного рубля в неделю. Следовательно, на каждый год с Салаирского сельского общества выходит 312 человек десятников. Сельский староста выбирается на три года, с платою по усмотрению общества. Плата также идет сельскому писарю, сборщику податей, смотрителю сельского запасного магазина, караульщику магазина, трапезникам, служащим при Салаирской Петропавловской церкви. Сельская гоньба тоже отбывается деньгами. Все эти обязанности хотя и выборные, но за отправление их идет плата по приговору Салаирского сельского общества. Земскую квартиру общество не содержит, а обязан иметь оную земской ямщик.

Кроме этих повинностей на Салаирском сельском обществе лежит обязанность исправления канавы, которая идет по главной улице в Салаире, также содержание караула при леднике – по три человека в сутки; если там лежит мертвое тело, то каждый из годных работников должен поставить от себя караульщика по очереди, или должен нанять, платя таковому караульщику от 15 до 30 коп[еек] в сутки. Для содержания в чистоте ключа, впадающего в речку Осиповку, из которого берут воду, а также для содержания в чистоте прорубей зимой, выбирается прорубщик, которому плата не идет, а который пользуется сбором два раза в год, кто сколько даст. Содержание в чистоте четырех колодцев, из которых жители Салаира пользуются водой,

так как речка Осиповка течет в полуверсте от Салаира, также лежит на обязанности всех жителей Салаира с разночинцами.

Содержание ночных караулов поочередно, на тридцать дворов один караульщик, отправляется также натурою всеми жителями Салаирского рудника, а кто по какой-либо причине не может выставить караульного, то нанимает, платя от 15 до 20 коп[еек] в ночь. Содержание просфирии, исправлении ограды около кладбища, на местные свечи в церкви, на освещение церкви в Св. Пасху плошками составляются подписки от всех жителей рудника. Сколько и какие повинности несут крестьяне Салаирского сельского общества – это видно из прилагаемой ведомости в хозяйственно-статистических сведениях о Салаирской сельской общине.

Для раскладки денежных платежей и повинностей, лежащих на сельском обществе, выбираются каждый год несколько человек раскладчиков, которые раскладывают их, принимая в соображение состояние каждого, подлежащего нести повинность и принимая за единицу распределения в общем платежах и повинностях годного работника. Платежи, падающие на убылые души, раскладываются на общество, также раскладываются на общество повинности, следующие со старшины, старосты, волостных судей и других волостных и сельских начальников; платежи, причитающиеся с воинских чинов во время их службы, также раскладываются на общество. На крестьян, которые не живут в Салаире, а принадлежат все-таки к здешнему обществу, проживая в других местах, прибавляется для взноса в мирской капитал, сверх всех платежей, еще 2 руб[ля]. Неплательщиков передают волостному суду, а также отдают в заработки в гору или на Новобочатскую каменноугольную копь. Всякий раз, как сменяется сельский староста или когда будет замечен в растрате общественных сумм, выбираются из общества учетчики, которые и поверяют его действия по расходованию сельских сумм.

Юридические отношения членов общины

Как ранее было сказано, земли под заимками и пасеки арендуют от горного ведомства; пользующиеся ими могут свои права передать другим, продавши все выстроенное на этой земле или передавши в наследство. Пользующиеся покосами в крестьянских дачах крестьяне могут продавать за плату другому лицу траву, находящуюся на отведенных им участках, также могут свой участок передавать в наследство, если наследник принадлежит к Салаирскому сельскому обществу. Что же касается до усадьбы, то владеющие ею могут продать ее кому угодно, даже не члену Салаирского общества, но и постороннему, и согласия сельского общества на это не требуется. Раздел имущества движимого и недвижимого между родственниками производится большей частью полюбовно и если встречаются пререкания при семейном разделе, то таковые решаются волостным судом. Отставные мастеровые имеют свои покосы, а бессрочно и временно отпускные солдаты, принадлежащие к Салаирскому сельскому обществу, а также солдатки, вдовы и сироты пользуются общественными покосами. Отделившиеся члены семьи полу-

чают покосы из общественных, а также и приемыши пользуются покосами тех, которые их приняли в свое семейство. Чтобы вступить в Салаирское сельское общество нужно иметь увольнительный приговор от своего общества, и взять приемный приговор у Салаирского. Для лиц, выходящих из общества, существует такой же порядок, и покосы лиц выбывающих остаются за обществом. Салаирские крестьяне выходят преимущественно в города, так как они народ ремесленный, а в городах больше всего можно найти заработок. Большая часть уезжает в город без переписки в мещане, и там заводят свои дома. После обязательного времени многие из крестьян разъехались по городам и деревням, но многие из них возвратились. Выгоном, как выше сказано, пользуются все жители Салаира с тем условием, чтобы городили паскотину по числу скота.

Последствия и результаты существующего общинно-хозяйственного быта

Из прилагаемых при сем статистических сведений можно усмотреть, что хлебопашество в Салаире так ничтожно, что многие из крестьян других волостей Кузнецкого округа в одиночку сеют столько, сколько сеют все крестьяне Салаирского общества; из сенокосных мест только отведено по одной десятине на душу; из скотоводства приходится по $1 \frac{4}{5}$ лошади на годного работника, а из рогатого скота $1 \frac{3}{4}$ коровы тоже на годного работника, следовательно и скотоводство не очень развито, и для прокормления себя, своего семейства и для оплаты податей и повинностей остается один личный труд, которым салаирцы и пользуются. Так как все необходимое в хозяйстве, пищу, одежду крестьянин должен купить на деньги, приобретаемые личным трудом, также должен заплатить лежащие на нем подати и повинности деньгами, а равно и отбыть деньгами же натуральные повинности, если не желает или по каким-либо причинам не может отбывать их натурой, то посмотрим, каков годовой расход у здешнего крестьянина, приняв за норму годного работника. Если он женат, имеет свой дом, корову, лошадь и огород, но не имеет детей, не знает ремесла и не занимается торговлей и промыслами, а работает в горе, то расход его приблизительно должен определяться следующей цифрой: всех податей и повинностей государственных, земских, волостных и сельских по раскладу в год должен отнести 6 руб[лей] 42 коп[ейки], отвести очередь десятника натурой или деньгами 60 коп[еек]*, на исправление дороги должен отдать три дня или заплатить 90 коп[еек]. Теперь посмотрим, что он должен употребить на себя: муки на двух человек в год 40 пуд[ов], по 20

* Очередь сотника приходится нести Салаирскому крестьянину через 7 лет, так как всей волостью выбирается в Салаирском волостном правлении 8 сотников, служба каждого 20 дней. (Прим. автора).

коп[еек] за пуд – 8 руб[лей], соли 2 пуда на 1 руб[ль] 60 коп[еек]*. Вот расход 17 руб[лей] 52 коп[ейки], который всякий годный работник должен произвести в год; причем в приходе и расходе мы не будем выводить сено, дрова, прибыль от коровы и от огорода, потому, что это потребляется самими хозяевами и скотом. Доход же выразится в следующих цифрах: если салаирец работает в горе 11 месяцев в году, а двенадцатый положит на праздники, то получит за 2 недели у забоя 6 руб[лей] и за две недели на разборе 4 руб[ля], итого в месяц 10 руб[лей] и за 11 месяцев 110 руб[лей], за вычетом же расхода 17 руб[лей] 52 коп[еек], получится 92 руб[ля] 48 коп[еек]. На эти деньги он должен завести 6 пар обуви для работ в горе, по 1 руб[лю] за пару; купить на белье жене и себе, также на платье, чаю, сахару, мясу, рыбе и производить другие хозяйственные расходы. Так что в год приход с расходом будет одинаковый. Но надо взять в расчет, что работа в горе не всегда, а если исполнять наряд, то работ нет; для приготовления сена и дров также нужно уделить время. Семья, имеющая более годных работников, более и заработает, но несет и тягостей более, а потому и у ней приход годовой с расходом будут одинаковы. В общем выходит, что сбережения у Салаирского крестьянина быть не может, а что зарабатывает, то и издерживается, так как здешний крестьянин все должен купить с базара.

Лица же не работающие в горе, а знающие какое-либо ремесло, занимаются им или в руднике, или отъезжают в деревни. Многие имеют заработок от поставки дров и железной руды в Гурьевский завод по 1 коп[ейки] с пуда от Салаира за 10 верст. Женщины также занимаются перевозкой руды и дров, уборкой сена и огородами, а девушки нанимаются в горничные и получают от 1 до 2 руб[лей] в месяц; нанимаются стирать белье также женщины и девушки за плату от 1 руб[ля] до 3 руб[лей] в месяц; стряпка получает от 1 руб[ля] до 2 руб[лей] 50 коп[еек]. В прошлом 1879 году у Салаирского сельского старосты взяли увольнительных билетов для отлучки на промыслы и в другие места 90 человек.

Торговля в Салаире производится из лавок и на площади съестными припасами; съезжие базарные дни бывают по пятницам, субботам и воскресеньям. Всей торговлей в руднике Салаирском заправляет купец-монополист, имеющий годового оборота тысяч на 80, который исключительно снабжает товарами как мелких торговцев из Салаира, Гурьевского и дер[евни] Урской, так и занимающихся развозным торгом⁸.

До 1877 года, когда не было в Салаире ссудо-сберегательного товарищества, нуждающиеся получали деньги под верные залогов по 2% в месяц у двух или трех ростовщиков; с учреждением товарищества крестьянам открылся кредит, так что на первое января 1880 г. состояло членов в товариществе 267 чел[овек], из них с полными паями 82, с суммой на 4000 руб[лей] и

* Соль обыкновенно продается по 80 коп. за пуд, но временами продавалась по 2 руб[ля]. (Прим. автора).

разными паевыми долями 185 челов[ек], с суммой 2465 руб[лей] 79 коп[еек]. Годовой оборот товарищества в 1879 году простирался на 66932 руб[ля] 84 коп[еек], дивиденда выдано 12% за исключением расхода на управление и проч[ее] отчислено 5% с общей прибыли в запасной капитал.⁹

Позволим здесь коснуться некоторых сторон быта крестьян Салаирского рудника. Салаирцы большей частью роста среднего, лицо имеют суровое, не улыбающиеся, холодны, как тот камень, который приходится им долбить, большей частью молчаливы, сосредоточены, но остроумны; чтобы ответить, за словом в карман не полезут и скажут слово нежно и остроумно; мускулы имеют крепкие и упругие, особенно в руках, чисто стальные; телосложение имеют хотя сухопарое, но крепкое; цепки как кошка, на ногу очень легкие; сметливость, ловкость и находчивость во время опасных работ также качества не чуждые салаирцам. Женщины в особенности отличаются энергией, но красивых как женщин, так и девушек нет. У детей развито стремление к самостоятельности, так что большинство из них, как только достигнет до совершеннолетия, то старается поскорее жениться и отделиться от родителей. Такой характер салаирцев сложился вследствие исторических причин. Прежде в обязательное время нужно было бороться за существование с условиями обязательного труда; а чем может бороться слабый с сильным, как не хитростью и обманом, и отсюда ложь чрезвычайно развита в салаирцах, так что бывали примеры, что некоторые из салаирцев принимали ложную присягу в делах уголовных. Когда же обязательное время кончилось и отпустили на волю, то заботиться о салаирцах было некому, хотя и в обязательное время мало об них заботились. Тут опять пошла борьба из-за хлеба насущного и о платеже податей и повинностей. Школа, кроме грамотности, не могла дать ничего, хотя обязательная школа и дала большей части Кузнецкого округа волостных и сельских писарей.

На работу в горе салаирцы надевают пониток¹⁰, холщевые штаны и рубаху, на голову какую-нибудь шапку, а на ноги бутки; обыкновенное же платье у салаирцев летом пальто и брюки из какой-нибудь шерстяной или бумажной материи, а зимой – шуба баранья, тоже крытая. В праздничное же время салаирцы одеждой щеголяют: большинство из них надевает драповые пальто, визитки, пиджаки и брюки с жилетом, на головах суконные фуражки, а на ногах опойковые сапоги с калошами; зимой можно видеть на многих мерлушчатые шубы¹¹, крытые драпом. Женщины носят ситцевые, шерстяные и шелковые платья, бурнусы¹² и шубы на вате или на каком-нибудь меху. Как в праздники, так и в будни салаирец не прочь выпить водки* и даже напиться и в пьяном виде попеть песни, поругаться и даже подражаться. Некоторые из них пьют несколько дней, так что одурят; от этого и в таком виде взять салаирцу топор или ножик ничего не стоит и угрожать им своим близким и не

* В особенности же в съезжий праздник в Салаире 29 июня, когда пьянство продолжается несколько дней. (Прим. автора)

близким и даже нанести в это время раны, увечья и самую смерть; также для салаирца ничего не стоит потом от всего отпереться, что ничего не помнит, если есть уличающие свидетели; но если таковых нет, то совсем от всего отречься. Произвести кражу со взломом лавки, амбара и т.п. салаирец также сможет, но так, что и конца не найдешь, хотя эти кражи и производятся сообща несколькими; одним выгодно, что они за полцены берут краденное; другие участвуют в кутеже на покраденные деньги; а третьи, хотя и знают, но боятся донести потому, что их за это может постигнуть поджег сена или дома или зарезание скотины. В этом случае существует крепкая связь между салаирцами. Но к чести их надо отнести, что за последние пять лет не было ни одного убийства с целью грабежа, а если и было два или три убийства, то во время ссоры в пьяном виде, а не с корыстной целью. Дети также идут по стопам родителей: своровать, сделать пакость и отпереться, также обмануть для ребенка 10 и 11 лет ничего не стоит; в 12 лет он уже ходит на разбор, курит табак и пьет водку, а девушки, как бывали примеры, в это время бывали растлены. Также есть примеры, что пожилые и со средствами вдовы имеют любовников – молодых людей, лет 16 или 17, на своем содержании. Также бывали случаи, что жены от тяжелого житья бегали от мужей, но их отыскивали и опять приводили, а также, чтобы избавиться от мужей, жены их отравляли филичевой травой или дурманом, а также расправлялись ножом или топором. Старики с благодушием вспоминают про старое время, когда были строгости, и что ныне молодой народ избаловался, перестал почитать стариков. «Вот», - говорят они, - «Свободу-то дали для того, чтобы ходить в кабаки, да мошенничать». Добрые люди, они никак не могут понять, что тут не свобода виновата, а виною тому другие причины: во-первых, много свободного времени оттого, что мало заработков, а если есть, то очень дешевые; во-вторых, нет знаний и не откуда их приобрести; в-третьих, дешевизна содержания. С одной стороны невежество, бедность, худой пример, нет никаких облагораживающих развлечений: ни воскресных классов, ни чтений, ни театров для рабочего люда, и мастеровой поневоле ищет развлечений в кабаке, где пропивает и заработок свой, и здоровье, и предается разврату; с другой стороны возможность заработать несколько копеек на дневное пропитание заставляет салаирца не дорожить деньгами, а излишек от пропитания пропивать; если же он заработать не может, то везде есть возможность украсть, при легкости сбыта краденного и при боязни доказать на вора, - все это толкает салаирца на путь порока.

Легкость заработка увеличилась в последнее время еще хищнической разработкой золота вследствие того, что золото в частные руки идет по 3 руб[ля] 50 коп[еек] и 4 руб[ля] за золотник, а казна платить 2 руб[ля]. Уследить же за хищниками¹³ нет никакой возможности вследствие местных условий, так как чернь в ширину слишком 60 верст, а в длину от Егорьевского промысла до Кузнецка в 200 верст; на таком пространстве залегают золотоносные россыпи и очень богатые. Сколько же нужно объездчиков, чтобы следить за хищниками?

Чтобы поднять здешний край, нужно, во-первых, развить горное дело, чем увеличится заработок и поднимется материальное состояние салаирцев; [во-вторых,] так поставить образование в школе, чтобы оно соответствовало потребностям края; а в-третьих, дать народу какое-либо развлечение, понятно, разумное и отвлечь его от кабака. Теперь же желательно ввести хотя бы кооперативные общества, так как торговый класс, не имея конкурентов, берет большие проценты на товар, и весь заработок крестьянина идет в карман купца.

Хозяйственно-статистические сведения о Салаирской сельской общине
в 1879 году

Наименование селений, составляющих одно Салаирское сельское общество	Число домов и дворов	Число семейств	Ревизских душ		Наличное число		Годных работ ботников	Сколько земли запахиается десятин	Скота		
			м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.			лошададей	Рогатого скота	мелкого
Село Салаирское	532	674	814	710	1210*	1270	500	39	924	802	606
Крестовская станция	4	4	3	3	13	15	3	---	26	20	25
Аламбаевская станция	7	7	4	4	8	9	4	---	28	30	69
Бирюлин-рюлинская станция	6	6	5	5	12	15	5	16	40	35	60

Церквей одна деревянная, кладбище одно.

Взявших билетов на отлучку в 1879 году было 90 человек, а в безвестной отлучке 25.

Переписалось в другие места 4 человека.

* В это число не вошло 21 человек солдат Салаирской отрядной команды и 2 полицейских стражника с их семьями. (Прим автора).

Число жителей в с[еле] Салаирском по сословиям в 1879 году.

	Мужского пола	Женского пола
Крестьян	1045	1103
Духовного звания	7*	9
Чиновников	6	6
Канцелярских служащих	6	6
Купцов	2	2
Мещан	15	14
Отставных, временно и бессрочно-отпускных солдат	30	30
Отставных мастеровых	83	80
Другого звания	16	20
	1210	1270

Засеяно было в 1879 году 39 дес[ятин] разного хлеба семью человеками, а на Бирюлинской заимке 20 дес[ятин] тремя человеками.

Сколько сеется на одну десятину	Сбор с десятины в хороший урожай
Пшеницы 12 пуд	70 пуд
Овса 16 [пуд]	100 [пуд]
Ярицы 12 [пуд]	70 [пуд]
Ржи 8 [пуд]	80 [пуд]
Ячменя 12 [пуд]	60 [пуд]

Поля начинают засеивать после весеннего Николина дня, а хлеб созревает к первому Спасу, после чего начинают убирать его. Десятина употребляется мерою в 30 сажень ширины или 6 загонов и 80 сажень длины. Для обработки земли употребляется обыкновенная сибирская соха и борона с железными зубьями. Получаемый хлеб уходит на продовольствие самих хозяев.

Продажная цена сена колеблется от 6 до 15 рублей за сотню копен, без вывозки в осеннее время, т.е. по первопутью; зимой за воз от 50 до 60 копеек, а весной – до 1 рубля и 1 рубля 50 копеек.

Не лишним считаю приложить при сем сведения, доставленные мне одним домохозяином об уборке сена с 1875 г. по 1879 г.

* Священник 1 и псаломщиков 2. (Прим. автора).

1875 г[од]	Скошено 11 десятин	
	Скосить 11 д[есятин] по 1 р[ублю] 20 к[опеек]	12 р[ублей] 40 к[опеек]
	Сгрести и скопнить по 70 к[опеек] за десятину	7 [рублей] 70 [копеек]
	Сметать полученные 200 копен	3 [рубля]
	[Всего]	23 р[убля] 90 к[опеек]
	Одна копна стоит	11 ³ / ₄ к[опеек]

1876 г[од]	Кошено 8 десятин	
	Поденщиков мужчин 12 ч[еловек], по 50 к[опеек]	6 р[ублей]
	Поденщиц женщин 7 ч[еловек], по 40 к[опеек]	2 [рубля] 80 [копеек]
	Сгрести и скопнить 4 муж[чины], по 45 к[опеек] и 3 женщ[ины] по 40 к[опеек] и 3 муж[чины] по 40 к[опеек], 6 женщ[ин] по 35 к[опеек]	6 [рублей] 30 [копеек]
	Сметать полученные 186 копен	1 [рубль] 86 [копеек]
	[Всего]	16 р[ублей] 96 к[опеек]
	Одна копна стоит	9 ¹ / ₂ к[опейки]

1877 г[од]	Кошено 8 десятин. Покос начался 9 июля	
	Поденщиков 37 муж[чин] по 40 к[опеек]	14 р[ублей] 80 к[опеек]
	Сгрести и скопнить 6 мужч[ин] по 40 к[опеек] и 7 женщ[ин] по 35 к[опеек], 7 мужч[ин] по 30 к[опеек] и 7 женщ[ин] по 20 к[опеек]	8 [рублей] 35 [копеек]
	Сметать 7 мужч[ин] по 50 к[опеек], 3 женщ[ины] по 35 к[опеек]	4 [рубля] 50 [копеек]
	[Всего]	27 р[ублей] 70 к[опеек]
	Получено всего 195 копен, и копна стоит	14 коп[еек]

1878 г[од]	Кошено 8 десятин. Покос начался 10 июля	
	Поденщиков было 47 челов[ек] по 35 к[опеек]	16 р[ублей] 45 к[опеек]
	Получено 176 копен, копна стоит	9 ¹ / ₂ к[опейки]

1879 г[од]	Кошено 11 десятин. Начали покос 10 июля	
	Поденщиков 8 мужч[ин] по 40 к[опеек]	3 р[убля] 60 к[опеек]
	1 женщина по 35 к[опеек], 7 мужчин по 40 к[опеек]	3 [рубля] 15 [копеек]
	Поденщиков косило во второй день 14 мужч[ин] по 40 к[опеек], 2 женщ[ины] по 30 к[опеек] и 1 мужч[ина] с ночлегом 45 к[опеек]	6 [рублей] 65 [копеек]
	18 июля гребли 6 челов[ек] по 40 к[опеек], нагребли 68 копен, 23 июля гребли 9 мужч[ин] по 40 к[опеек], нагребли 167 копен, 24 июля гребли 3 челов[ека] по 40 к[опеек] и нагребли 39 копен	7 [рублей] 20 [копеек]
	4 августа метало 7 челов[ек] по 40 к[опеек] и 5 августа метало 4 ч[еловека] по 40 к[опеек]	4 [рубля] 40 [копеек]
	[Всего]	25 р[ублей]
	Получено 274 копны. Копна стоит	9 коп[еек]

Примечание: поденщики и поденщицы работали на хозяйских харчах, а для возки копен была задолжена хозяйская лошадь.

В возу считают 5 копен, а в копне 3 пуда.

Водяная мельница одна на речке Осиповой; устройство ее обыкновенное – так называемая *мутовка*.

К 1 января 1880 г[ода] состояло хлеба в Салаирском хлебном запасном магазине 519 четверт[ей]¹⁴, 6 четверик[ов]; в недоимке хлеба в магазине по 1 января 1880 г[ода] – 807 четверт[ей] 6 четверик[ов]. Неурожай в здешних краях был однажды в 1868 г[оду], когда пшеничная мука доходила до 1 р[убля] 50 к[опеек], а ржаная до 1 р[убля]; был ли ранее когда неурожай в здешних краях – даже старики не упомнят.

Помещаем следующие сведения о ценах на четверть ржаной муки и овса в с[еле] Салаирском с 1875 по 1879 гг. включительно, взятые из донесения Салаирского волостного правления о продовольствии Салаирской отрядной команды (четверть муки ржаной содержат 7 п[удов] 10 ф[унтов], а овса – 5 п[удов] 20 ф[унтов]).

годы	январь		февраль		март		апрель		май		июнь	
	Му-ки ржа-ной	ов са	Му-ки ржа-ной	ов са	Му-ки ржа-ной	ов са	Му-ки ржа-ной	ов са	Му-ки ржа-ной	ов са	Му-ки ржа-ной	ов са
	Рубли и копейки											
1875	1 96 ³ / ₄	1 51 ¹ / ₂	1 96 ¹ / ₄	1 51 ¹ / ₄	---	---	---	---	1 98 ³ / ₄	1 51 ¹ / ₂	1 99 ³ / ₄	1 51 ³ / ₄
1876	1 63	1 50	1 99	1 51	---	---	---	---	---	---	---	---
1877	1 45	1 10	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
1878	1 45	1 10	---	---	---	---	1 45	1 32	---	---	---	---
1879	1 88 ¹ / ₂	1 65 ¹ / ₂	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

годы	июль		август		сентябрь		октябрь		ноябрь		декабрь	
	Му-ки ржаной	овса	Му-ки ржаной	овса	Муки ржа-ной	ов-са	Му-ки ржаной	овса	Му-ки ржаной	ов-са	Му-ки ржаной	ов-са
1875	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	1 68 ³ / ₄	1 51 ¹ / ₄
1876	---	---	---	---	1 66	1 51	---	---	1 45	1 10	---	---
1877	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
1878	1 45	1 10	1 45	1 32	1 74	1 32	2 3	1 54	2 3	1 43	2 3	1 48
1879	---	---	1 74	1 67 ¹ / ₂	1 74	1 67 ¹ / ₂	---	---	1 95	1 30	1 95 ³ / ₄	1 32

Скот содержали в Салаире обыкновенный: лошади, коровы, овцы, козы, свиньи; цены: лошадь от 6 до 50 руб[лей], корова от 8 до 15 р[ублей], овца от 1 до 1 р[убля] 50 к[опеек], свинья от 3 до 5 р[ублей], поросенок от 15 до 50 к[опеек], теленок под закол от 90 к[опеек] до 1 р[убля] 50 к[опеек], бык под закол от 10 до 25 р[ублей], нетел от 3 до 5 р[ублей], жеребенок от 1 до 25 р[ублей], кобыла от 1 до 10 р[ублей].

Конских заводов в тесном смысле нет, но человек десять из крестьян и разночинцев содержат табуны; выездных лошадей покупают преимущественно в деревнях Бочатской и Козьминской волостей. Скот летом содержится на подножном корму, а зимой дома; овсом кормят только крестьяне позажиточней. На лошадь с октября по апрель полагают 30 копен, на корову 25, на овцу 5. Корм дают скоту без весу и без меры, а сколько каждому хозяину вздумается; дают два раза в сутки утром и вечером, разбрасывая по скотному двору или клади по углам; поят скотину также два раза, гоняя ее на водопой утром и вечером; редкие из домохозяев поят дома. В последнее пяти-

летие был падеж в 1877 году с 6 октября по 22 ноября, и пало 14 штук; но этот падеж был только в Салаире, а в окрестных деревнях нигде не был.

Доход получается от рогатого скота посредством продажи мяса, сала, кож, молока, масла. Мясо в Салаире начинают продавать в Петрова дня по 5 к[опеек] за фунт, а к осени за 3 к[опейки] фунт; осенью, когда начинается забойка – по 2 к[опейки] за пуд, а зимой, когда его привозят из других деревень, оно доходит до 60 к[опеек] за пуд; крынка молока стоит от 5 до 6 к[опеек]; масло от 3 р[ублей] 50 к[опеек] до 7 руб[лей]*. От лошадей, кроме приплода, получают: кожи, стоящие: неделанные от 1 р[убля] 50 к[опеек] до 2 р[ублей]; волос по 50 к[опеек] за фунт; сало, которое идет на смазку машин в заводоуправление, продается за 2 р[убля] 50 к[опеек] пуд. Свинина продается по 2 р[убля] за пуд.

Промыслы

Лес находится кругом Салаира, Аламбая, Крестов и Бирюли всяких пород – строевой и дровяной. Строевой пихтовый 6 вершк[ов] в отрубе и 9 арш[ин] длины стоит от 40 до 50 р[ублей] за сотню с вывозкой, лиственничная стойка стоит 1 р[убль], сотня пихтового заплотного 10 р[ублей], жердей сотня 1 р[убль], 100 пар кольев стоит 1 р[убль]. Пилку бревен на тес и плахи производят по 2 к[опейки] за шнур, сотня плах пихтовых стоит 6 р[ублей], сотня пихтовых тесин 3 и 4 р[ублей]. Сажень березовых дров 1 р[убля] 20 к[опеек], пихтовых 75 к[опеек], осиновых 1 р[убль] 90 к[опеек]; сосновых в продаже нет. Кроме сего производятся мелкие поделки из дерева: так, дровня стоит 1 р[убль] тележный пурт¹⁵ 1 р[убль] и 1 р[убль] 50 к[опеек]; четыре колеса стоят от 3 р[ублей] 50 к[опеек] до 4 р[ублей]; некрашенная дуга 50 к[опеек]; мебель также производится: дюжина простых сосновых стульев стоит от 6 до 7 р[ублей], березовых 12 р[ублей], простой стол 50 к[опеек] и 1 р[убль], простой березовый диван от 3 до 5 р[ублей]. Можно также в Салаире заказать стулья за дюжину от 36 р[ублей] и более, а также кресла за дюжину от 60 до 120 р[ублей], шкафы от 10 р[ублей] и более, буфеты от 15 р[ублей] и более; а также из экипажей простые тележки от 25 р[ублей], дроги от 60 р[ублей], тарантасы и зимние экипажи.

Протекающие в Салаирском крае речки – горные и не очень глубокие, не отличаются обилием рыбы; в них водятся таймени, налимы, хайруз, пескарь, щука. Рыбу преимущественно ловят весной; для этого поперек речек делают перегородни или засеки, а в просторечье «езы», и в них ставят морды вниз по течению отверстием, а вверх рукавами, плетенные из тальника. Рыбу также промысляют удочками и сетями. Налим и таймень продают по 5 к[опеек] за фунт. Для продажи привозят из Томска пред Филипповым постом мерзлую, а пред Петровками – соленую рыбу, ценностью за пуд: осетрина

* Пара, т.е. кожа коровы или быка с пудом на ней сала стоит от 6 р[ублей] до 7 р[ублей]. (Прим. автора)

икровая от 6 р[ублей], стерлядь тоже, налим, щука, окунь и карась мерзлые – от 2 р[ублей], нельма – от 4 р[ублей] мерзлая; соленые же нельмы и щука – 2 р[убля].

Охота также дает доход, так как в черни находятся рябчики, глухари, а на степях и в сосняках – тетерева. Пара рябчиков стоит от 8 до 15 к[опеек], глухарь – 30 к[опеек], пара тетеревов – от 10 до 12 к[опеек]. Из зверей водятся: медведь, шкура которого стоит от 10 до 15 р[ублей], рысь и россомаха; белка – от 10 до 18 к[опеек] за штуку; колонок – от 70 к[опеек] до 1 р[убля], он ловится в ловушки, называемые кулемки, на наживу. Охотой по речкам Аламбаю, Иткаре и Тягуну занимаются крестьяне других деревень, преимущественно Барнаульского округа.

Из домашних птиц пара кур стоит от 30 до 50 к[опеек], пара цыплят – от 6 до 12 к[опеек], гусь – 25 к[опеек], пара уток – 50 к[опеек], пара индей – от 60 к[опеек].

Пчеловодством также занимаются; в 1879 году в селениях Салаирском, Аламбаевском, Крестовском и Бирюлинском на пасеках было выставлено 560 ульев десятью хозяевами; мед продан от 4 до 6 р[ублей] за пуд, воск – от 16 до 20 р[ублей].

Кожи также выделываются конские по 2 р[убля] за каждую, воловьи и коровьи на сыромят – по 1 р[убля] 50 к[опеек], телячьи – 25 к[опеек].

Из овечьей шерсти крестьяне делают сукно, которое продается по 12 к[опеек] за аршин; шерстяные половики – 12 к[опеек] и дорожки, понитки – от 6 до 7 к[опеек] за аршин; также из овечьей шерсти приезжающие крестьяне делают пимы по 1 р[ублю] за пару из хозяйской шерсти, которой безмен (2 ½ фунта) стоит 40 к[опеек]. Невыделанная баранья шкура стоит 50 к[опеек], выделанные эти шкуры употребляются на полушубки и на нагольные шубы; цена такой шубы от 2 до 6 р[ублей]. Также ткнут холст, ценность от 12 к[опеек]. Из гончарных изделий крынка стоит 2 к[опейки], горшок – 5 и 3 к[опеек], корчага – 10 к[опеек], латка – 5 к[опеек]. Гончарные изделия салаирцы продают даже по деревням Кузнецкого округа. Белую глину также из Салаира возят в деревни Кузнецкого округа и меняют на хлеб.

Из железных изделий, приготовленных в Салаире, стоят: топор 40 к[опеек], заступ 50 к[опеек], ножик – от 20 до 50 к[опеек], оковать четыре колеса стоит 1 р[убль] 50 к[опеек], пара железных ведер 1 р[убль], подковать лошадь из хозяйских подков стоит 20 к[опеек], 4 подковы – 60 к[опеек]. Тысяча кирпича – от 8 до 10 р[ублей].

В селении Салаирском в 1879 г[оду] было

Винных складов	2	Кузнецов	17
Питейных	2	Плотников	16
Ренских погребов ¹⁶	1	Портных	6
Торговых лавок	17	Сапожников	17

Кузниц	10	Слесарей	3
Кирпичных сараев	1	Столяров	10
Столярных	2	Кожевников	6
Гончарных	11	Каменщиков	18
Кожевенных	3	Гончаров	22
		Экипажных мастеров	3

Горное производство

Салаирских рудников содержащих серебро два: *первый* и *третий*.
Прииск железный один.

В 1877 году

Добытых руд, содержащих серебро 431,189 п[удов] на 28158 р[ублей] 7 ½ к[опеек]	Рабочих было 567 челов[ек]
Железных руд 867, 797 п[удов] на 3056 р[ублей] 6 ¼ к[опеек]	

В 1878 году

Руд, содержащих серебро 354, 600 [пудов] на 22 707 [рубля] 51 [копеек]	Рабочих было 577 челов[ек]
Железных руд 17, 072 [пудов] на 376 [рублей] 28 ½ [копеек]	
Шпатов в флюс для обских заводов 85, 300 [пудов] на 6006 [рублей] 37 [копеек]	

В 1879 году

Руд, содержащих серебро 345, 600 п[удов]	На 28 713	Рабочих контрактных на год было 28 чел[овек], вольнонаемных по-денщиков 999 чел[овек].
Шпатов для обских заводов 89, 300 [пудов]	р[ублей] 88 к[опеек]	

Контрактные рабочие получали в 1879 году:

Нарядчики в горе – 70 р[ублей]; на службе 2 недели сряду днем и ночью, а третья неделя есть гульная.

Нарядчик при жжении угля – 120 р[ублей].

За сидку дегтя и смолы по контракту с доставкой, первый – 35 к[опеек], а второй – 30 к[опеек] за ведро.

Каменщики – 52 р[убля] в год.

Вахтер при хлебном магазине (одна неделя на службе, другая – гульная) – 72 руб[ля] в год.

Счетчик при конторе (с 7 часов утра, а вечером с 4 [часов]) – 50 р[ублей] в год.

Вахтер при конторе (одна неделя на службе, другая – гульная) – 48 р[ублей] в год.

Караульщик при рудниках (одна неделя на службе, другая – гульная) – 30 р[ублей] в год.

Рудоподъемщик на первом руднике за подъем руды с 40 сажени – 2 р[убля] 15 к[опеек] с тысячи пудов, а с 20 сажени – 1 р[убль] 75 к[опеек].

Контракт заключают с тем условием, чтобы выдавать хлеб из заводского магазина по числу душ в семействе, по казенной цене, а во время болезни заводоуправление лечит в госпитале бесплатно и при этом выдает положенное законом вспомоществование. В случае полученного на заводской работе увечья или происшедшей от последнего смерти заводоуправление обеспечивает пенсией на основании 1-го примеч[ания] 70 статьи положения 8 марта 1861 года.

В 1878 году открыты около рудника Салаирского, в дюковском логу, золотосодержащие россыпи и начались казенные разработки в 1879 году. Вымыто золота в течение 4 месяцев 21 фун[т] 84 зол[отника] 82 дол[и]. На разработку употреблено платы 8481 р[убль] 10 $\frac{1}{4}$ к[опейки]; содержание россыпи – 2 $\frac{1}{2}$ зол[отника] в ста пудах. Рабочих было 104 человека, с платою в день от 50 до 70 к[опеек], а конному до 1 руб[ля].

На железном прииске уплачивалось за 100 п[удов] добытой руды 2 р[убля], на разборе за разбивку 100 п[удов] руды – 35 к[опеек], за перевозку железной руды до Гурьевска – 1 к[опейка] с пуда. Серебряную руду возят крестьяне д[еревни] Гавриловской.

Денежный сбор в 1879 г[оду] с Салаирского сельского общества

	рубли	коп[ейки]
Подошней подати	1447	25
Оброчной	135	93 $\frac{3}{4}$
Государственных земских сборов	82	30
Страховых	118	89
Волостных	1200	31 $\frac{1}{2}$
Сельских, как то: сельск[ому] старосте	48	
Сельск[ому] писарю	126	
Смотрителю запасн[ого] магазина	16	66 $\frac{3}{4}$
За сельскую гоньбы	70	
Караульщику магазина	28	
Двум караульщикам при Салаир[ской] Петропавловской церкви	88	53 $\frac{1}{2}$
Сборщику податей	84	
Итого	3397	35 $\frac{1}{4}$

В 1879 году было взято в рекруты с Салаирского общества 8 челов[ек]; на исправление дорог было употреблено 529 годных работников. В Салаирской волости на общественной службе следующие лица: старшина, его кандидат, 2 волостных заседателя, волостные судьи. В Салаирском сельском обществе: староста, его кандидат и дорожный староста выбираются на 3 года. Кроме того, выбираются: сборщик податей за плату и два попечителя для паскотины.

На содержание Салаирского *волостного* училища в с[еле] Салаирском употреблено в 1879 году:

Жалованья учителю	376 р[ублей]	66 $\frac{1}{4}$ к[опеек]
[Жалованья] законоучителю	60 [рублей]	
[Жалованья] сторожу	50 [рублей]	
На библиотеку и ученические пособия	50 [рублей]	
На другие пособия	72 [рубля]	20 [копеек]
Итого	608 р[ублей]	86 $\frac{1}{4}$ к[опеек]

Училось 45 мальчиков.

При Салаирском волостном правлении в с[еле] Салаирском пожарных машин: большая 1, малая 1, багров железных 3, бочек деревянных 3; у заводоуправления больших огнегасительных машин 2.

При Салаирской горной конторе в с[еле] Салаирском находится *одно училище горного ведомства* с 28 учениками; на содержание его употреблено в 1879 году:

Жалованье учителю	180 р[ублей]	
[Жалованье] законоучителю	36 [рублей]	
[Жалованье] сторожу	60 [рублей]	
На библиотеку и учебные пособия	40 [рублей]	48 к[опеек]
На другие расходы	44 [рубля]	82 [копеек]
Итого	361 р[ублей]	30 к[опеек]

II ГАВРИЛОВСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Гавриловское сельское общество принадлежит к Салаирской горнозаводской волости, состоит из одного Гавриловского селения, которое расположено по обеим сторонам Гавриловской плотины, образованной из двух речек: Большой и Ивановки. Плотина эта нужна для Гавриловского сереброплавильного завода, находящегося на западной стороне селения. Гавриловское селение, окруженное со всех сторон сосновым бором, лежит в 4 верст[ах] на восток от Салаирского села Салаирской же волости. От него идут дороги: на селение Пестеревское Косьминской волости, которое находится в 21 версте, и в селение Салаирское Бочатской волости, находящееся в 7 верстах. Землей усадебной и под огороды Гавриловское сельское общество наделено вместе с Салаирским в количестве 82 десят[ин] и 193 саж[еней]; пахотной земли по уставной грамоте не назначено, а пользуются ею от заводууправления за арендную плату по 40 коп[еек] за десятину; сенокосной земли отведено Гавриловскому сельскому обществу 337 десят[ин]; скотского же выгона вместе с Гурьевским и Салаирским обществами отведено 8 кв. верст. Лесу в надел отводимо не было, а он отпускается для домашнего обихода из вершинника и валежника из Гавриловского бора, за что жители должны тушить лесные пожары. На продажу лес отпускается по назначению лесного управления за попенные деньги; мастерским же лес дается бесплатно. Передела земли не было.

Гавриловское сельское общество Салаирской волости	Число дворов или домов	семей	Ревизских душ		Наличного населения в 1879 г[оду]		Способных работников
			м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	
	225	216	309	300	600	632	255

В числе наличного населения к 1880 году было:

	м.п.	ж.п.
Чиновников	1	1
Канцелярских служащих	2	
Мещан	4	4
Отставных, временно и бессрочно отпускных рядовых	14	10
Отставных мастерских и урядников	45	33

Система хозяйства и обработка

Местность, на которой крестьяне с[ела] Гавриловского сеют хлеб, холмистая и находится по речкам: Отешевой, в 13 верст[ах] от селения; Татарке и Каменушки – за 4 и 6 верст, и около буймовских шахт, по Пестеревской

дороге за 7 верст. Почва пахотных полей черноземная; глубина почвенного слоя разная – от одной до двух четвертей; система хозяйства переложная; удобрения не существует. Поле пашется под озимь два раза, а под яровой хлеб – один раз; под отдых оставляется до 10 лет, а обрабатывается сряду от 4 до 6 лет. Посев начинается в конце апреля и в начале мая; созревает же хлеб в августе и тогда же начинается жатва. Сеется прежде ярица, затем пшеница, ячмень и овес. Пашут поле глубиною от 3 до 5 вершков. Сорты хлеба засеваются следующие: рожь, пшеница, ядрица, ячмень и овес. Обработка одной десятины под посев стоит 3 рубля. Цена семян для посева за пуд существовала на овес 25 коп[еек], рожь – 27 коп[еек], на пшеницу – 40 коп[еек] и ячмень – 23 коп[ейки]. Сжать десятину стоит 4 руб[ль]. Жнецов на один день на десятину употребляется до 8 человек. Поденная плата без лошади мужчине от 40 до 45 коп[еек], женщине – от 30 до 35 коп[еек] без лошади; с лошадей мужчине – 70 коп[еек], а женщине – 60 коп[еек].

На одну десятину сеется пшеница 12 пуд[ов], овса – 16 [пудов], ярицы – 12 [пудов], ржи – 8 [пудов], ячменя – 12 пуд[ов]. В хороший урожай пшеницы получается с десятины 70 пуд[ов], овса – 100 [пудов], ярицы – 70 [пудов], ржи – 80 [пудов], ячменя – 60 п[удов].

Занимались хлебопашеством в селе Гавриловском в 1879 г[оду] 24 человека, которыми было посеяно:

Пшеницы	16 десятин
Ржи	15 [десятин]
Ярицы	15 [десятин]
Овса	12 [десятин]
Ячменя	6 [десятин]

Способ владения покосами

Как сказано выше, Гавриловское сельское общество получило в надел по уставной грамоте 337 десятин сенокосной земли в следующих местностях: по Пестеревской дороге до р[еки] Отешевой, в расстоянии от селения от 9 до 17 верст; по речкам Отешевой, Сухой Понтряжихе, дорогой Урской и до речки Бирюли, в расстоянии от 15 и до 25 верст. Отставные мастеровые получили в пожизненное бесплатное пользование по одной десятине на душу, по Гавриловскому заводу 94 десятины. Некоторые из отставных мастеровых владеют пожизненно и бесплатно участками сенокосов, расчищенных их собственным трудом, имея на то особое удостоверение конторы, и такого рода покосов по Гавриловскому селению считается 20 десятин. Как состояние покосных земель и разделение их по качеству и состоянию трав, так способ уборки сена и цена его почти одинаковые, как и в Салаирском руднике.

Мукомольных мельниц одна простого устройства; плата за помол на ней по 1 ½ к[опейки] с пуда. В Гавриловском сельском запасном магазине к 1 января 1880 года состояло налицо хлеба 263 ч[етвер]ти, в недоимке хлеба 200 ч[етвер]тей. Хлеб собирается в магазин натурою по 1 ½ ч[етвер]ти с ревизской души. Посеянного хлеба не достает на годовое продовольствие жителям Гавриловска, и недостающее число докупается на рынке в руднике Салаирском. Последний неурожай был в 1868 году, когда хлеб доходил до 1 р[убля] 50 к[опеек] за пуд пшеничной и по 1 р[убля] 20 к[опеек] ржаной.

Скотоводство

Крестьяне с[ела] Гавриловского держат скота более, чем салаирцы; это обуславливается тем, что им преимущественно предоставлено право перевозить из Салаирского рудника серебросвинцовую руду и с Новобочатской каменноугольной копи каменный уголь и кокс в Гавриловский завод. В 1879 году у них было лошадей 630, рогатого скота 350, а мелкого 580 штук. Породы скота, способ содержания его, затраты при этом и количество даваемого корма одни и те же, что и в Салаирском руднике, также как цена на скот и доходы от него. Падеж скота был в 1870 году.

Промыслы

Между всеми промыслами первое место занимает работа в Гавриловском сереброплавильном заводе, куда крестьяне нанимаются, как в годовой контракт, так поденно и перевозят руду, кокс, уголь, нанимаются рубить дрова, доставлять лес и исполнять другие работы на заводе. Из прилагаемых при сем сведений можно видеть производство серебра в Гавриловском заводе.

В 1877 году

Выплавлено серебра бликового 60 пуд[ов] 46 зол[отников] на сумму 59, 457 руб[лей] 22 ¼ к[опеек], рабочих было 137 человек.

В 1878 году

Выплавлено серебра бликового 60 пуд[ов] 1 8/90 ф[унтов] на 59, 524 р[ублей] 46 к[опеек], рабочих было 141 человек.

В 1879 году

Выплавлено серебра бликового 60 пуд[ов] 57 зол[отников] на 59, 508 р[ублей] 98 ½ к[опеек], задолжено рабочих контрактowych на год 85 челов[ек], а вольноприходящих поденщиков 81 челов[ек].

Работая на заводе контрактowe [рабочие] получают следующую плату:

Заводской мастер 300 р[ублей] в год, на службе должен быть по 12 часов каждые сутки.

Пробирщик 150 р[ублей] в год.

Караульщик служит одну неделю днем и ночью, а другую имеет гульную; плата 30 р[ублей] в год.

Отвальный мастер за отвалом руд должен находиться на службе постоянно – жалованья 70 р[ублей] в год.

Обыскатель – одну неделю ночь и день безотлучно, а другую имеет гульную; жалованья 42 р[убля] в год.

3 караульщика при трейбофике, горнах и капитале должны быть на службе одну неделю по ночам, другую днем, а третью имеют гульную; жалованья в год 48 р[ублей], с расчетом помесечно.

Караульщик на крыше Гавриловского завода тоже неделю служит по ночам, другую – днем и третью имеет гульную; жалованья в год 36 р[ублей] при расчете помесечно.

Караульщик при пробирке одну неделю служит день и ночь, а другую имеет гульную; жалованья 48 р[ублей] при расчете помесечно.

Мастер строительного и прочих цехов на службе должен находиться постоянно и, когда нужно, ночью не отказывается быть при экстренных работах; жалованья 300 р[ублей] в год при расчете помесечно.

Караульщик при машинах Гавриловского завода должен быть одну неделю ночью и днем безотлучно, а другую имеет гульную, получая в год 30 р[ублей] при расчете помесечно.

Работник при печах Гавриловского завода должен быть одну неделю по ночам, другую – днем, третью имеет гульную; жалованья получает 78 р[ублей] в год.

Все контрактные могут покупать хлеб из магазина заводоуправления, а также лечиться бесплатно в госпитале и в случае увечья на заводских работах должны получать от заводоуправления пенсию.

Поденщики получают плату от 30 до 50 к[опеек] в день.

Перевозка руды, как ранее было сказано, от Салаирского рудника до Гавриловского завода предоставлена крестьянам с[ела] Гавриловского, и они получают $\frac{3}{8}$ к[опейки] с пуда за провоз; перевозка каменного угля и кокса с Новобочатской копи оплачивается по 2 к[опейки] с пуда.

Доставка дров и другого лесного материала на завод также составляет один из заработков жителей. Так, в 1879 году в Гавриловский завод доставляли куренных сосновых дров с вырубкой от 1 р[убля] 50 к[опеек] до 1 р[убля] 60 к[опеек] за куренную сажень. Квартирная сажень сосновых дров с вырубкой и вывозкой стоила от 50 до 60 к[опеек]. Продажная же цена в посторонние руки существует на лесной материал следующая: березовых квартирных дров, однополенных, сажень 1 р[убль] 30 к[опеек]; пихтовых и осиновых квартирных однополенных от 80 к[опеек] до 1 р[убля]. Из пихтового леса сотня бревен длиной 3 сажени, толщиной 5-6 верш[ков] – 30 р[ублей]; жердей той же длины – 5 р[ублей]; пихтовых плах – 15 р[ублей], теса – 12 р[ублей]; сотня лиственничных кольев – 2 р[убля].

Гавриловская плотина содержит мелкую рыбу, а именно: ершей и окуней, горные же речки только тайменей и налимов; жители занимаются рыбным промыслом собственно для себя и частью на продажу по 2 и по 3 к[опейки] за фунт ершей и окуней и по 5 к[опеек] за фунт тайменей и налимов. Охотой на рябчиков, глухарей и тетеревей занимаются только для своего продовольствия. Пчеловодством в 1879 г[оду] занималось 7 челов[ек] и

выставляли весной в этом году 640 колодок с пчелами. Мед, кроме своего употребления, идет также и на продажу. Из сельских изделий продаются телеги, дровни, колеса; из отхожих промыслов существует кузнечное.

В селении Гавриловском в 1879 году было:

Ремесленных заведений		Ремесленников	
Кузниц	9	Кузнецов	25
Свечных заводов	1	Плотников	20
Мыловаренных [заводов]	1	Портных	2
Горшечных [заводов]	3	Сапожников	5
Кожевенных [заводов]	1	Слесарей	4
Винный склад	1	Кожевников	1
	Итого	Каменщиков	5
		Горшечников	3
		Итого	65

Подати и повинности

	рубли	коп[ейки]
Подушной	540	75
Оброчной	52	85 ³ / ₄
Государственных земских сборов	30	
Волостных	450	57 ¹ / ₂
Сельских, как то: жалованье сельскому старосте 24 р[убля] в год; сельскому писарю 120 р[ублей], за междудворную гоньбу с содержанием квартиры – 93 р[убля] 50 к[опеек], сторожам общественного дома – 30 р[ублей], сторожам молитвенного дома – 30 р[ублей], трапезникам Салаирской Петропавловской церкви – 31 р[убль] 46 ¹ / ₂ к[опеек]		
А всего	328	96 ¹ / ₂
Страховых	66	63
Общая сумма всех сборов с общества	1469	77 ¹ / ₄

Гавриловское общество исправляет дороги 11 верст по тракту от Салаирского рудника до с[ела] Салаирского Бочатской волости, делянками по расчету на каждого годного работника одинаковое число сажень; мосты исправляются сообща, а на гати ставится несколько человек. На общественную службу выбираются староста, кандидат старосты и каждую неделю по два десятника от общества по наряду от каждого годного работника по одному, итого 104 десятника в год.

Гавриловская паскотина имеет пространство 10 верст 12 саж[еней], огораживается по числу скота, имеющегося у обывателей по 5 саж[еней] на

скотину, с участием тех разночинцев, которые имеют домашность и скотоводство. Надзор за паскотиной лежит на обязанности кандидата по старосте.

На содержание духовенства Салаирской Петропавловской церкви, к приходу которой принадлежат, гавриловские крестьяне ничего не платят. Всех денежных податей и повинностей на годного работника приходится по 5 руб[лей] 76 коп[еек]. В 1879 году было выдано 175 увольнительных свидетельств для отлучки в другие места. Дети Гавриловских обывателей учатся в Салаирском волостном училище.

Для тушения пожара имеется при Гавриловском заводууправлении одна большая огнегасительная машина; в 1879 году из Гавриловского общества поступило в рекруты 2 челов[ека]. Мирского капитала не существует; также нет и самостоятельной ссудо-сберегательной кассы, а жители записываются членами в Салаирское ссудо-сберегательное товарищество.

Заключение

Благодаря заработкам на Гавриловском заводе, куда жители с[ела] Гавриловского доставляют руду, кокс, каменный уголь и лесной материал, нанимаются в услужение поденно и в контракт, а также благодаря тому, что они несут небольшие натуральные и денежные повинности и подати, экономическое состояние гавриловских крестьян лучше, нежели в Салаирском руднике и между ними нет такой бедности, нет пьянства и уголовных преступлений. При том же некоторые из них занимаются хлебопашеством и почти все занимаются скотоводством, преимущественно разведением лошадей, которые необходимы для перевозки тягостей на завод и с завода. Некоторые из крестьян занимаются торговлей, преимущественно с г[ородом] Томском, куда увозят на продажу лошадей, а оттуда привозят рыбу. Грамотность между ними развита мало.

Вообще, по своему характеру и по нравственным качествам жители Гавриловска подходят к типу кузнецких крестьян-хлебопашцев, отличаясь от них городским платьем и некоторым лоском в обращении, в походке и в манере говорить. Такое же добродушие, мягкость нравов, гостеприимство и суеверие, как и у крестьян; при том любят выпить только на съездем празднике, который бывает в с[еле] Гавриловском в Успенье, т.е. 15 августа, а остальное время работают. Мало из Гавриловских крестьян найдется таких, которые, как Салаирские горняки или Гурьевские фабричные, получивши недельный или двухнедельный заработок, пропили бы его весь в день или два и не принесли бы домой ничего. Женщины Гавриловские также отличаются мягкостью характера и предпочитают в услужении женщинам из других селений. Многие из них нанимаются в стряпки, няньки и горничные.

III ГУРЬЕВСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Гурьевское сельское общество Салаирской горнозаводской волости состоит из отставных мастеровых, выслуживших срок обязательной службы, также из тех мастеровых, которые не выслужили срока и приписаны в крестьяне, их детей и крестьян, приписавшихся из других мест. Гурьевское сельское общество состоит из селения Гурьевского, построенного по обоим берегам р[еки] Бочат; южную часть этого селения занимает чугуноплавильная и железоделательная фабрика, а также и механическая [фабрика]. Гурьевское селение лежит на местности холмистой, в преддверии Салаирских гор и окружено с трех сторон сосновым бором, а с четвертой, восточной, – степной равниной.

Село Гурьевское находится в 7 верст[ах] от селения Гавриловского, в 4 верст[ах] от с[ела] Салаирского Бочатской волости и в 19 верст[ах] от Бочатского села той же волости.

Землей усадебной и под огороды Гурьевское сельское общество наделено в количестве 35 десят[ин] 583 саж[ени], покосной в количестве 514 десят[ин], а выгон скотский имеет общий с селениями Салаирским и Гавриловским, величиной в 8 кв. верст. Лесу в надел не дано; крестьяне получают его на исправление домов по билету ежегодно и бесплатно не более 50 пихтовых бревен на усадьбу и по 5 куб. саж[еней] сметничных дров, а для продажи – за попенные деньги. Пахотной земли по уставной грамоте не назначено, а ее получают от заводоуправление за арендную плату по 40 коп[еек] за десятину.

Гурьевское сельское общество Салаирской волости, Кузнецкого округа, Томской губернии	Число дворов или домов	семей	Ревизских душ		Наличного населения в 1879 г[оду]		Способных работников
			м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	
	291	343	510	502	780	789	380

Церковь одна деревянная.

В числе наличного населения было:

	м.п.	ж.п.
Духовного звания	2	2
Чиновников	4	4
Канцелярских служителей	3	3
Купцов	3	3
Отставных, временно и бессрочно отпускных рядовых	19	11
Отставных мастеровых	56	47

Система хозяйства и обработки

Места под пашни, которые крестьяне арендуют у заводоуправления, находятся от с[ела] Гурьевского от 4 до 15 верст; почва пахотных полей черноземная; глубина почвенного слоя от четверти до 2 четвертей. Система хозяйства переложная; удобрения не существует; поле пашут на 3-4 вершка глубиною, под озимь два и три раза, под яровой хлеб – один раз; на отдых поле оставляется до 15 лет, обрабатывается же от 5 до 10 лет сряду. Яровой хлеб засевают в апреле и мае, смотря по весне, а поспевают в августе, и в это время его жнут; поле распределяется под посев так, что сперва сеется ярица, потом пшеница, ячмень и овес; все же хлеба сеют весной, а в августе озимь. Десятина хлеба среднего урожая с обработкой стоит 12 руб[лей]; цена семян на посев весной: овес, рожь и ячмень по 40 к[опеек] за пуд, пшеница – 60 к[опеек]. Сжать десятину стоит 5 руб[лей] и ее два работника могут сжать в 4 дня; поденная плата в страдное время пешим – 70 к[опеек] мужчине и 50 к[опеек] женщине.

На одну десятину сеется пшеницы 10 пудов, овса – 16 [пудов], ярицы – 16 [пудов], ржи – 12 [пудов], ячменя – 16 [пудов]; в хороший урожай получается пшеницы, ржи и ячменя по 60 пуд[ов], овса и ярицы – по 50 [пудов].

В 1879 году занималось хлебопашеством 15 ч[еловек], было посеяно ими:

Пшеницы	13 десятин
Ржи	4 [десятин]
Ярицы	14 [десятин]
Овса	5 [десятин]
Ячменя	3 [десятины]

Способ владения покосами

Гурьевское сельское общество получило в надел по уставной грамоте 514 десятин; эти покосы от с[ела] Гурьевского находятся от 18 до 20 верст; отставные мастеровые получили в пожизненное бесплатное пользование по одной десятине на душу, всего по с[едле] Гурьевскому 102 десят[ины]; некоторые из отставных мастеровых владеют пожизненно и бесплатно участками сенокосов, расчищенных собственным трудом, имея на то особое удостоверение конторы; по Гурьевскому селению такого рода покосов 71 десятина. Как состояние покосных земель и разделение их по качеству и состоянию трав, так способ уборки сена и цена его почти одни и те же, как и в Салаирском руднике.

Мукомольных мельниц по р[еке] Бочату 3, и за помол платят 1 ½ коп[ейки] за пуд. В Гурьевском сельском запасном магазине к 1 января 1880 г. состояло наличного хлеба 365 ч[етвер]тей 1 четверик 6 гар[нец], а в недоимке за крестьянами с[ела] Гурьевского было к 1 января 1880 года 399 ч[етвер]тей 6 четверик[ов] 2 гар[неца]. Хлеб собирается в магазин натурою по

1 ½ четверти с ревизской души. Посеянного хлеба недостает на годовое продовольствие жителей, и недостающее количество докупается на рынке в самом селении, во время базарных дней по пятницам и субботам еженедельно. Последний неурожай был в 1868 году.

Скотоводство

Породы скота, способ содержания его, количество даваемого корма, цена на скот и доходность от него одни и те же, что и в руднике Салаирском. В 1879 году у жителей было лошадей 754, рогатого скота 550, мелкого 486 штук. Падеж скота был в 1870 г[оду].

Промыслы

Главное занятие жителей, во-первых, работа в Гурьевском заводе, куда крестьяне нанимаются, как в годовой контракт, так и на поденную работу, во-вторых, отхожие промыслы кузнечный и на слесарный по Кузнецкому и Барнаульскому округам, преимущественно весной. Из прилагаемых при сем сведений можно видеть производство железа и чугуна в Гурьевском заводе.

В 1877 году

Выплавлено чугуна в штыках 30 000 пуд[ов] на 15 000 руб[лей]; выделено железа разных сортов 14 516 пуд[ов] на 24 624 р[убля] 80 к[опеек]. Приготовлено изделий: железных 2 304 п[уда] 33 ф[унта] на сумму 9 483 р[убля] 9 к[опеек], чугунных 6 203 п[уда] 14 ф[унтов] на 8 124 р[убля] 50 к[опеек]. Рабочих было 377 человек.

В 1878 году

Выплавлено чугуна в штыках 40 000 п[удов] на 15 799 р[ублей] 18 ½ к[опеек]; выделено железа разных сортов 19 908 п[удов] на 33 951 р[убль] 26 ½ к[опейки]. Приготовлено изделий железных 1 754 п[уда] 38 ф[унтов] на 8735 р[ублей] 2 ½ к[опейки], чугунных 8 062 п[уда] 26 ф[унтов] на 11 149 р[ублей] 14 ½ к[опеек]. Рабочих было 378 человек.

В 1879 году

Расплавлено руд железных 61 048 п[удов] на 3 023 р[убля]; выплавлено чугуна штыкового 36 000 п[удов] на 14 754 р[убля] 5 ½ к[опейки]; отлито чугунных вещей 8 603 п[уда] 22 ф[унта] на 1 263 р[убля] 29 к[опеек]; выковано железа разных сортов 19 574 п[уда] на 3 485 р[ублей] 42 к[опейки]; приготовлено железных изделий 2 153 п[уда] 3 ф[унта] на 10 510 р[ублей] 41 к[опейку]. На выплавку чугуна, выковку железа и приготовление изделий задолжалось рабочих контрактных на год 89 человек, вольноприходящих поденщиков 362 [человек].

Контрактовые [рабочие] получают следующую плату: мастер железоделательной фабрики 30 руб[лей] в месяц; караульщики: в столярном и литейном отделении Гурьевской механической фабрики 30 руб[лей] в год, в сборном и кузнечном отделении тоже 30 руб[лей], а при провиантском магазине 27 руб[лей]. Рассыльный при Гурьевском заводе получает 33 руб[ля] в год и должен находиться день и ночь на службе в течение 2-х недель каждого месяца. Караульщик и шорник при конюшенном цехе Гурьевского завода 48 руб[лей] в год.

Поденную плату получают рабочие по 40, 45, 50 и 55 коп[еек] в день; некоторые, как модельный мастер и другие, получают 70 коп[еек] в день; отрядной задельной платы получают в общем от 15 до 18 руб[лей] в месяц. Заготовление лесного материала для завода, перевозка железной руды, каменного угля и кокса также составляет немалый заработок жителей. Для продажи в частные руки дрова стоят: березовые однополенные квартирные – 1 руб[ль], пихтовые и осиновые – 80 коп[еек]; сотня бревен пихтовых длиной 9 арш[ин], толщиной от 5 до 6 вершк[ов] стоит 50 руб[лей], тесниц – 8 руб[лей], плах – 10 руб[лей], жерди пихтовые и осиновые сотня – 4 руб[ля], лиственничные – 5 руб[ля]. Для домашнего обихода жители занимаются рыболовством, охотой и птицеводством, а пчеловодством, которым в 1879 году занималось 7 чел[овек] и выставлено было весной 125 колодок с пчелами.

В селении Гурьевском в 1879 г[оду] было:

Ремесленных заведений		Ремесленников	
Торговых лавок	7	Кузнецов	120
Кузниц	20	Плотников	60
Кирпичных сараев	1	Портных	2
Столярных	5	Сапожников	10
Мыловаренных	1	Слесарей	50
Горшечных	3	Кожевников	2
Кожевенных	1	Каменщиков	10
Винный склад	1	Горшечников	4
Питейный дом	1	Экипажных мастеров	10

Из таблицы о числе ремесленников видно, что их более, чем в руднике Салаирском и дер[евни] Гавриловской; и, действительно, в Гурьевске по заказу можно иметь изящную мебель, экипажи и многие железные изделия, например, бельгийские замки, железные кровати и пр[очее], а в механической фабрике готовят паровые котлы и другие вещи*.

* Цены на кузнечные изделия в с[еле] Гурьевском: столовые ножи 25 к[опеек], топор 40 и 50 к[опеек], ухват 15 к[опеек], клюка 40 и 80 к[опеек], 4 подковы 60 к[опеек], заступ 30,

Подати и повинности

	р[убли]	к[опейки]
Подушной	892	50
Оброчной	90	98 ½
Государственных земских сборов	51	
Волостных	745	14½
Сельских, как то: жалованье сельскому старосте 60 р[ублей]; писарю 120 р[ублей], на наем 2 сотников при волостном правлении – 100 р[ублей], караульщику у сельского магазина – 12 р[ублей], ямщику за сельскую гоньбу – 115 р[ублей], за содержание земской квартиры – 23 р[убля], просвирне – 24 р[убля], священно-церковно-служителям – 540 р[ублей], на поправку зданий 152 р[убля] 36 ½ к[опеек]	1186	36 ½
Страховых	62	9 ½
Общая сумма всех сборов в 1879 году	3411	99 ¾

Гурьевское общество трактовой дороги исправляет: от с[ела] Гурьевского до грани Бочатской 8 верст, от с[ела] Гурьевского до грани села Салаирского Бочатской волости 2 ½ в[ерсты], от грани Гавриловской до с[ела] Гурьевского 5 ½ в[ерсты]. Проселочной дороги: от с[ела] Гурьевского до грани Бочатской 20 в[ерст] от с[ела] Гурьевского до улуса Шандинского 7 в[ерст]. На трактовой дороге к Бочатской гати содержится 16 мостов и 8 гатей. Исправление дороги производится делянками, по равному числу сажень на каждого годного работника.

На общественную службу выбирается староста, кандидат, два сотника в Салаирское волостное правление, церковный староста в Троицкую церковь Гурьевского села. Десятников выбирается 156 чел[овек], т.е. по 3 человека в неделю от общества.

Гурьевская паскотина имеет в окружности 19 вер[ст] 150 саж[еней], которой приходится городить на каждую крупную скотину, имеющую у жителей, по 5 сажень. Надзор за паскотинной лежит на обязанности Гурьевского сельского старосты.

Всех денежных податей и повинностей на годного работника приходилось в 1879 г[оду] по 8 руб[лей] 97 коп[еек]. Кроме того, из Гурьевского общества поступило в рекруты 2 чел[овека].

35, 40 к[опеек], 100 гвоздей трехвершковых 45 к[опеек], соха 2 р[убля] 80 к[опеек] и 2 р[убля] 20 к[опеек], 2 р[убля], сошник 40 к[опеек], борона 7 к[опеек] фунт, мелкие вещи по 5 и 6 к[опеек] с фунта, при работе употребляется уголь кузнеца, а железо – хозяйское. (Прим. автора)

В том же году выдано было увольнительных свидетельств для заработка в другие места 59, а увольнительных свидетельств для отчисления в другие места никому выдаваемо не было.

Дети Гурьевских обывателей учатся в Гурьевской горной школе, в которой учитель получает в год 180 руб[лей], законоучитель – 60 руб[лей], употреблено на библиотеку и на классные пособия 68 руб[лей], итого 308 руб[лей]. Училося в 1879 г[оду] мальчиков 60, девочек 5.

Для тушения пожара имеется при заводе одна большая огнегасительная машина.

В Гурьевском селении есть ссудо-сберегательное товарищество, открытое в 1876 году; в нем к 1 января 1880 года состояло 95 членов, из коих 14 имели полные паи на 700 руб[лей], а остальные 81 чел[овек] – паевые доли на 1142 руб[ля] 50 коп[еек]. Таким образом, общий паевой капитал состоял из 1842 руб[лей] 50 коп[еек], а с прибавлением вкладов – 45 руб[лей], оборотный капитал товарищества простирался до 1887 руб[лей] 50 коп[еек]. В течение 1879 г[ода] денежных оборотов товарищества было на 6047 руб[ублей] 74 ½ коп[ейки]. Прибыли на них пришлось по 8%, но выдано членам менее половины, потому что по постановлению общего собрания 13 января 1879 г[ода] решено было обязательно для всех членов отчислить половину прибыли каждого члена в пользу приходской Троицкой церкви.

Заключение

Благодаря заботливости и трудам одного из бывших приставов Гурьевского завода инженера А.И.Л.¹⁷, на заводе развилась грамотность и в Гурьевске крестьян более грамотных, чем в других селениях Салаирской волости; а также приготовилось много мастеров по кузнечному, слесарному и литейному делу, которые, не находя работы на заводе, так как на нем не всегда есть много заказов, уходят на стороны для заработков. Многие из них поступают в винокуренные заводы, также на пороховые, в помощники машиниста и по разным специальным частям, другие ездят весною по Кузнецкому округу ковать, некоторые имеют свои кузницы и занимаются изделиями дома. Здесь, как и на многих заводах, в которых по необходимости приходится работать сидя или стоя, рабочий на вид кажется не цветущего здоровья и его тотчас можно отличить от крестьянина по бледному лицу, неразвитой груди и сухопарому телосложению. Зато веселостью характера и откровенностью гурьевский рабочий отличается от других, любит выпить, попеть песни, изыскано одеться. [Так] как заработки в заводе и на стороне порядочные, то постройки в Гурьевском селении лучше, чем в других селениях Салаирской волости и даже лучше многих селений Кузнецкого округа. Что же касается недоимки, то ею еще нельзя измерять состоятельность крестьян с[ела] Гурьевского, так как эта недоимка произошла от нерадения прежних старост, а не от бедности жителей и от того, что многие из плательщиков разъехались по другим местам, а известно, как трудно взыскать недоимки с отсутствующих.

IV НОВОБОЧАТСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Новобочатское сельское общество, принадлежащее к Салаирской горнозаводской волости, состоит из селений Новобочатского, которое расположено на ключе в 9 верст[ах] от с[ела] Бочатского, в 28 в[ерстах] от с[ела] Гурьевского и в 40 в[ерстах] от с[ела] Салаирского Салаирской волости. Местоположение деревни Новобочатской холмистое, безлесное; в самом селении находится каменноугольная копь. Когда здесь был открыт каменный уголь, то для разработки его было поселено несколько мастеровых с их семьями; затем, при уничтожении обязательного труда в 1863 г[оду], им отрезали землю от Бочатской волости и образовали из них самостоятельное сельское общество. Усадебной земли и под огороды общество получило 2 десят[ины] 1693 саж[ени], а сенокосной 24 десят[ины]. Лесом жители пользуются из Бочатского бора, на общем положении всех жителей Салаирской волости, также и пахатной землей.

Название селения	Число дворов или домов	Число семейств	Ревизских душ		Наличное население		Годных работников
			м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	
Деревня Новобочатская	84	48	59	50	135	143	48

Одна мелочная торговая лавка.

В этом числе было: чиновников 1 м. и 3 ж.; канцелярских служителей – 1 м. и 2 ж.; отставных рядовых 5 м. и 5 ж.; отставных мастеровых – 1 [м.]

Система хозяйства и обработки

В 1879 году в Новобочатском селении занималось хлебопашеством три человека; было посеяно всего пшеницы 10 загонов, овсе и ячменя по 4 десят[ины], из чего видно, что хлебопашество еще только в зачатке и об нем распространяться нечего.

Способ владения покосами

24 десятины покосного места, полученного в надел по уставной грамоте, находятся вблизи селения. Недостающее количество земли для покоса жители получают у заводууправления, платя за десятину 40 коп[еек]. Покосы преимущественно луговые; способ уборки сена такой же, как и во всей Салаирской волости. Сотня копен летом стоит 7, а зимой – 10 руб[лей]. Мукомольных мельниц нет, а жители мелят хлеб в близлежащих селениях: Бочатском и Артиштинском, платя по 2 коп[ейки] за пуд. Крестьяне с[ела] Ново-

бочатского вносят хлеб в Салаирский хлебный магазин по 1 ½ четверти на ревизскую душу. Своего хлеба на продовольствие селения не хватает, и жители покупают хлеб в смежных селениях или у привозящих его крестьян.

Скотоводство

В 1879 г[оду] в Новобочатском селении у жителей было 200 лошадей, 189 штук рогатого скота и 270 мелкого. Такое количество скота обуславливается тем, что к востоку от селения идут места степные и привольные для скота. Пастухов жители не держат, и скот ходит без всякого надзора. Разводятся породы скота обыкновенные, и цены на него невысокие.

Промыслы

Весь промысел жителей состоит в работах на каменноугольной Новобочатской копи, на которой добывается коксующийся каменный уголь или спекающийся, а также на Соснинской копи, находящейся от первой в 40 вер[стах] и имеющей уголь пламенный. Крестьяне нанимаются работать как в горе, так и на плотничные работы, также перевозить тяжести и в караул. В последние три года добыто угля и выжжено кокса следующее количество: в 1877 году каменного угля [добыто] 354 800 пуд[ов] на 10 909 р[ублей] 88 ½ коп[еек]; выжжено кокса 124 400 пуд[ов] на 9 705 р[ублей] 18 ½ коп[еек]; рабочих было 130 человек. В 1878 году добыто каменного 378 566 пуд[ов] на 12 779 р[ублей] 32 ¾ коп[еек]; выжжено кокса 129 400 пуд[ов] на 9 705 р[ублей]; рабочих было 188 человек. В 1879 году добыто каменного угля 385 290 пуд[ов]; выжжено кокса 129 400 пуд[ов]; на добычу угля и выжигание кокса употреблено 15 156 р[ублей] 71 ¾ коп[еек]. При добыче угля и выжигании кокса задолжалось рабочих контрактных на год 76, вольноприходящих поденщиков 292.

На Новобочатской копи 9 шахт, из которых 5 действующих; самая глубокая шахта 35 сажень. Уголь из горы добывается по 2 р[убля] 50 коп[еек]. за кубич[ескую] сажень, в которой считают 750 п[удов]; кубическая сажень известняка вырабатывается за 15 р[ублей], уголь обходится на месте 3 ½ к[опейки] за пуд; кокс по 7 к[опеек]; из 100 п[удов] каменного угля получается 50 пуд[ов] кокса. Перевозка каменного угля от шахты до печей стоит 1 коп[ейку] за таратайку в 10 пуд[ов]. Перевозка угля до Салаирского рудника – 2 ½ коп[ейки], до Гавриловского завода – 2 коп[ейки], до Гурьевского – 1 ½ коп[ейки]. На копи 8 углеобжигательных печей, каждая вмещает до 100 пуд[ов] угля и действует сутки. Из платы рабочих вычисляется за масло, за порох, когда работают в породе и за инструменты. В Сосниной добывается 100 000 пуд[ов] подрядчиком по 12 р[ублей] за каждую тысячу. Плата на копи вольнонаемным поденная от 30 до 50 коп[еек] без лошади и от 50 до 80 коп[еек] с лошадыю. Лесу вблизи нет, и достают его из Бочатского бора; сотня сосновых 9 аршин[ных] бревен в отруб от 4 до 5 вершков стоит 20 р[ублей]; сто штук теса – 8 р[ублей], сосновых плах – 10 р[ублей], жердей – 3

р[убля], кольев лиственничных – 2 р[ублей], дрова березовые сажень – 1 р[убль], сосновые – 80 к[опеек].

Разведение птицы существует только для домашнего обихода; рыболовства нет, п[отому] ч[то] нет ни рек ни озер; отхожих промыслов тоже не существует.

В 1879 году было кузниц 2, мелочная лавка 1, кирпичных сараев 2. Ремесленников было кузнецов 10, плотников 10, каменщиков 2.

Подати и повинности в 1879 году

Подушной	106 р[ублей]	75 к[опеек]
Оброчной	5 [рублей]	22 [копейки]
Государственных земских сборов	86 [рублей]	2 ½ [копейки]
Приходу Бочатской Николаевской церкви	Просвиrne	54 [копейки]
	Дров	1 [рубель]
	За ругу в с[ело] Бочатское, священнику	2 [рубля]
	За трапезников	35 [рублей]
Жалованье сельскому писарю	48 [рублей]	
Ямщику за сельскую гоньбу и ему же за квартиру	50 [рублей]	
За приходский дом в с[еле] Бочатском		87 ¾ [копеек]
Страховых за общественные строения	2 [рубля]	22 ¾ [копейки]
[Страховых] за частные строения	15 [рублей]	23 [копейки]
Итого	359 [рублей]	35 [копеек]

На жалованье старосте собираемо не было, потому что за его сына общество уплачивает подушные подати и повинности.

Дорогу исправляют крестьяне деревни Новобочатской по Барнаульскому тракту по 1 версту и 60 сажень и от деревни Новобочатской до дороги с Карагайлы в село Бочатское на 4 вер[сты] и 100 сажень.

На общественную службу выбираются староста и кандидат его. Десятник выбирается один на неделю от общества, а всего в год 52 десятника.

Паскотина в окружности до 5 вер[ст] и городить приходится на каждую скотину 11 сажень. Наблюдение за паскотинной возлагается на кандидата сельского старосты.

Всех денежных податей и повинностей на годного работника приходилось в 1879 г[оду] по 7 руб[лей] 48 коп[еек]. Мирского капитала, а также ссудной кассы не существует.

Заключение

Так как на копи постоянные работы зимой и летом, то деньги заработать можно всегда, и жители зарабатывают осенью, зимой и весной, трудясь на копи, а часть лета употребляют на себя; труды эти прерываются только съезжим праздником, который у них бывает в Покров – 1 октября. Крестьяне празднуют этот день действительно с усердием, пьянствуя несколько дней сряду. Достатку хотя большого у крестьян Новобочатских и нет, но почти каждый живет своим домом, имеет несколько лошадей, коров, овец. Хотя в работы принимают и пришлых из других мест, а также отдаются в заработки неплательщики податей, т.е. лица большей частью сомнительной нравственности, но краж не бывает, а тем более уголовных преступлений.

V УРСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Урское сельское общество Салаирской волости как административная единица состоит из двух селений: собственно Урской деревни, расположенной на север от Салаира и отстоящей от него через деревню Пестереву в 47 верс[тах], а прямо через болото моховое в 30 вер[стах], и из другой деревни Косьмы, отстоящей от Урского в 30 вер[стах]. Деревня Урская образовалась в 1871 году из бывшего Урского казенного промысла, открытого в 30-х годах нынешнего столетия и расположена на реке Уру; деревня же Косьма образовалась из казенного Косьминского промысла, открытого в тех же годах и расположенного на реке Косьме.

Составлена ли уставная грамота на селение Урское, отведена ли жителям ее земля под усадьбу и выгон – сведений мы добыть не могли, но известно, что отведено 179 десятин сенокосной земли за оброчную плату и 7 десятин тоже сенокосной [земли] отставным мастеровым бесплатно. Лесом жители пользуются на общем положении, а пахотной землей за арендную плату по 40 к[опеек] за десятину.

Урское сельское общество Салаирской волости	Число дворов или домов	семей	Ревизских душ		Наличного населения в 1879 г[оду]		Способных работников
			м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	
д[еревня] Урская	86	60	122	110	159	125	70
д[еревня] Косьма	20	20	33	34	86	78	27

В числе наличного населения в 1879 году было:

	м.п.	ж.п.
Мещан	1	
Отставных рядовых, временно и бессрочно отпускных рядовых	6	6
Отставных мастеровых	10	12

Система хозяйства и обработки

Места под пашни, арендуемые крестьянами у заводоуправления, находятся возле селения. Почва пахотной земли черноземная; глубина черноземного слоя от четверти до полуаршина. Система хозяйства переложная; удобрения не существует. Поле под озимь пашется два и три раза; под яровой хлеб – два раза; поле обрабатывается сряду пять лет и затем на 15 лет отды-

хает. Яровой хлеб засеваётся весной и созревает к 1 августа, а озимый засеваётся осенью, созревает к 15 июля. Весной засеять сперва начинают пшеницу, потом ярицу и овес. Заложную землю пахут под посев глубиною в три вершка, а потом перепашивают в четыре вершка. Вспахать, засеять и заборонить одну десятину без семян стоит 2 р[убля] 50 к[опеек]. Весною в 1879 году цены существовали на семена следующие: овес, рожь и ячмень по 35 к[опеек], пшеница 50 к[опеек] за пуд. Два работника сожнут одну десятину при среднем урожае в 6 дней; сжать одну десятину на хозяйских харчах стоит от 4 до 5 р[ублей]; для обработки земли употребляется один мужчина и три лошади; в 1879 г[оду] существовала поденная плата в страдное время мужчине 55 коп[еек], женщине 45 коп[еек] без лошади.

На одну десятину сеется пшеницы 12 пуд[ов], овса 18 [пудов], ярицы 12 [пудов], ржи 9 [пудов], ячменя 12 пудов. В хороший урожай получается пшеницы 50 пуд[ов], овса 60 [пудов], ярицы 48 [пудов], ржи 56 [пудов], ячменя 64 пуда; средний урожай пшеницы 40 пудов, овса 48 [пудов], ярицы 40 [пудов], ржи 48 [пудов], ячменя 48 пудов; в дурной урожай собирается пшеницы, овса, ярицы, ржи, ячменя по 24 пуда.

В 1879 г[оду] занималось хлебопашеством 36 чел[овек], которыми было посеяно:

Пшеницы	22 десятины
Ржи	10 [десятин]
Ярицы	15 [десятин]
Овса	17 [десятин]
Ячменя	2 [десятины]
Льна	4 [десятины]
Конопли	1 [десятина]

Способ владения покосами

Кроме вышеупомянутой покосной земли, отведенной по наделу, жители деревень Урской и Косьмы арендуют у заводоуправления для сенокоса еще 40 десятин за арендную плату по 40 к[опеек]. Способ уборки сена и хлеба тот же самый, что и в руднике Салаирском. Цены в рабочее время в 1879 г[оду] поденщику существовали следующие: мужчине 40 к[опеек], женщине 25 к[опеек], зимой мужчине 30 к[опеек], женщине 15 к[опеек]; зимой мужчине с лошадей 40 к[опеек]. Летом сотня [копен] сена стоила 7 р[ублей], а зимой 10 р[ублей]. Мукомольных мельниц две; плата получалась за пуд 1 ½ коп. К 1880 г[оду] состояло наличного хлеба в сельском запасном магазине 144 четверти, а в недоимке было 88 ч[етвер]тей. Хлеб собирается по 1 ½ ч[етвер]ти с годного работника. Посеянного хлеба не достает на содержание жителей; недостающее количество жители покупают в окрестных деревнях. Последний неурожай был в 1868 г[оду].

Скотоводство

Породы скота, способ содержания его, количество даваемого корма, цены на скот и доход от него получаемый одинаковы, что и в руднике Салаирском. В 1879 году у жителей д[еревни] Урской было лошадей 350, рогатого скота 300, мелкого 390 штук; в деревне Косьминской лошадей было 96, рогатого скота 93, мелкого 160 штук.

Промыслы

Так как в самих селениях Урском и Косьме и в окрестностях их находятся россыпи, то жители, кроме хлебопашества и скотоводства занимаются разработкой этих россыпей по указанию смотрителя Егорьевского золотого промысла на известных логах и речках. Для разработки составляются артели не менее 10 человек, которым отводится 10 квадр[атных] сажень; работы находятся под надзором объездчика; рабочие или золотнишники, добытое золото сдают объездчику или смотрителю Егорьевского промысла, получая от него за золотник по 2 руб[ля]. В 1879 году было сдано золотнишниками золота с Урского и Косьминского промыслов 9 фунт[ов] и 28 золотн[иков] на 1784 руб[ля]; всех золотнишников средним числом было до 60.

Дровяного промысла не существует, а жители для домашнего обихода получают лес у заводууправления за попенную плату. Для домашнего обихода жители занимаются рыболовством, охотой и пчеловодством; последним занималось в 1879 году 9 человек и выставили 168 улей.

В этих селениях находятся две кузницы, одно гончарное заведение и две торговые лавки.

Ремесленников в 1879 году было: кузнецов 2, плотников 2, гончаров 2.

Подати и повинности

Подушной	278 р[ублей]	25 к[опеек]
Оброчной	3 [рубля]	69 $\frac{3}{4}$ [копеек]
Государственных земских сборов	15 [рублей]	20 [копеек]
Волостных	224 [рубля]	97 [копеек]
Сельских: на жалованье писарю 75 руб[лей], на содержание сельской квартиры 5 руб[лей] 81 коп[ейка], священно-церковно-служителям в с[ело] Брюхановское и про-свирне 57 руб[лей], 3 $\frac{3}{4}$ коп[ейки], за сельскую гоньбу 60 руб[лей] 13 коп[еек].		
А всего	197 [рублей]	97 $\frac{3}{4}$ [копеек]
Итого	720 [рублей]	9 $\frac{1}{2}$ [копеек]

Трактовую дорогу Урское общество исправляет вместе с Салаирским по тракту в г[ород] Барнаул. На общественную службу выбираются: старо-

ста, кандидат его, надсмотрщик за паскотиной и 52 человека в год десятников, по одному в неделю.

Окружность Урской паскотины 10 верст 200 сажень; городить приходится на каждую скотину по 8 саж[ень], в том числе участвуют и разночинцы. Всех податей и повинностей на одного годного работника приходилось в 1879 году 7 руб[лей] 42 коп[ейки]. Увольнительных и приемных свидетельств выдаваемо не было. В рекруты в 1879 году было взято с Урского общества 2 человека. При общественном управлении находится малая огнегасительная машина.

Заключение

Деревни Урская и Косьма по своим экономическим условиям выдаются из других деревень Салаирской волости, в особенности первая, так как все угоды под рукой: хлебопахотные поля, сенокосы, строевой и дровяной лес и, наконец, золотоносные россыпи, разработка которых не требует особых знаний, а только физического труда. Вот почему деревня Урская в какие-нибудь девять лет разрослась из 10 или 15 хижин в селение чуть не в сто домов, хотя небольших, но новеньких, крытых тесом, большей частью о двух покаях: кухни и чистой комнаты. Несмотря на то, что в деревне Урской собирается народ всякого звания и из всех мест для разработки золота, но выдающихся преступлений нет. Не от того ли это, что все дела по общественному правлению ведаются сельским сходом, решаются им, не доводя до начальства, и за проступки виновные наказываются тут же. Были даже случаи, что сход как своих членов, так и пришлых наказывал за проступки телесно, и наказанные на эти самоуправства не жаловались. Участие схода в своих делах выражается также тем, что выборные сельские старосты не могут прослужить положенных законом три года и часто меняются.

Д. Поникаровский

Декабрь 1870 г.

Рудн[ик] Салаирский

Записки Западно-сибирского отдела императорского русского географического общества. 1882. Кн. 4. С. 1-58

¹ Петров день – праздник апостолов Петра и Павла, отмечался 29 июня.

² Торватый на угощенье – великодушный, щедрый (устар.)

³ Ильин день – праздник пророка Ильи, отмечался 20 июля. После ильина дня за-прещалось купаться.

⁴ Пуд – мера веса, составлял около 16 кг.

⁵ Сметничные дрова – дрова разных пород деревьев.

⁶ Попенные деньги – плата в казну за дозволенную рубку леса, считались по пням, отсюда название.

⁷ Николин день (весенний) – праздник Св. Николая, отмечался 9 мая.

⁸ Купцом-монополистом в Салаире был Нарцисс Павлович Ермолаев, он скупал большинство изделий Гурьевского железоделательного завода и торговал им в нескольких городах и селах Алтайского горного округа.

⁹ Устав Гурьевского ссудо-сберегательного товарищества (которое распространяло свою деятельность и на Салаир) был утвержден министром финансов 13 августа 1876 года. Товарищество учреждалось в селении Гурьевском Салаирской волости Кузнецкого округа Томской губернии. Целью товарищества было: предоставление его членам денежных средств в займы и получение процентов по вкладам. Каждый житель села Гурьевского, достигший совершеннолетия, без различия сословий имел право вступить в товарищество. Существовало ограничение по численности членов общества. Их должно было быть не более 300 человек. В число членов товарищества могли вступить как отдельные лица, так и целые артели, необходимо было внести от каждого вступившего пай в размере 50 рублей. При этом разрешалось вносить деньги частями в течение нескольких лет (минимум по 25 копеек в месяц), либо сразу всю сумму целиком. Любой член товарищества мог выйти из него, при этом ему возвращался его пай. Кроме паевых взносов члены товарищества имели право делать вклады в размере не менее 100 рублей, которые тоже можно было вносить частями.

Товарищество имело право производить различные операции с суммами вкладчиков: выдавать ссуды, делать займы и т.д. Ссуды выдавались только членам товарищества. Максимальный размер ссуды не должен был превышать более чем в 6 раз внесенный участником товарищества пай. Ссуды выдавались на сроки не свыше шести месяцев.

Управление товарищества состояло из правления, поверочного совета и общего собрания членов. Правление вело все текущие дела, оно состояло из распорядителя и двух его помощников. Все члены правления избирались из членов товарищества сроком на три года. По истечении одного года из правления выбывал один помощник по жребию, на его место избирался другой. На следующий год выбывал второй помощник, а на третий год выбывал распорядитель. Правление вело всю документацию: книги для записи членов товарищества и их вкладов, книги на запись ссуд и займов и др. документы. Поверочный совет занимался ревизией отчетности правления, освидетельствования кассы, наблюдением за правильностью ведения документов. Поверочный совет состоял из председателя и пяти членов, избираемых на три года. По истечении года два члена совета выбывали, на их место выбирались новые, затем процедура повторялась в последующие два года. Общее собрание членов созывалось два раза в год. На нем производились выборы правления и членов поверочного совета. Каждый член товарищества имел на собрании 1 голос. Решения принимались простым большинством голосов.

См.: Устав Гурьевского ссудо-сберегательного товарищества, 13 августа 1876 г. // ГАКО. Ф. Д-7. Оп. 1. Д. 5. Л. 22-31 об.

¹⁰ Пониток (понитник, понитина) – полусукно, домотканка из портяной (пеньковой, льняной) основы и шерстяного утка. Из него изготовлялась верхняя одежда.

¹¹ Мерлушка – мех, выделанная шкурка молодой овцы.

¹² Бурнус – род женского пальто.

¹³ Хищниками называли крестьян, незаконно добывающих золото на казенных землях.

¹⁴ Четверть – мера объема сыпучих тел, использовалась для измерения количества зерна, муки, круп. По указу от 1835 года 1 четверть = 2 осьмины (получетвертям) = 8 четверикам = 64 гарнцам (=209,66 литров).

¹⁵ Тележный пурт – кузов, ящик, лубяник.

¹⁶ Ренский (ренсковый) погреб – питейное заведение, в котором торговали виноградными винами. Часто ренские погреба называли по фамилии владельца.

¹⁷ Имеется в виду пристав Гурьевского завода Александр Иванович Лушников, руководивший заводом в 1860-х гг.

Историческо-географическо-статистическое описание города Кузнецка Томской губернии

Какой народ обитал в древние времена в местности, ныне занятой городом Кузнецком, в науке нет еще разработанных данных, хотя в этой местности находились вещи каменного века и бронзового; пока только известно, что эта местность была обитаема финскими и тюркскими племенами. В начале 17 века эта местность была занята инородцами, которых русские называли чутью, а также татарами и кузнецами, потому, что в местности, занимаемой ими, было много руды, которую они выплавляли и приготавливали разные поделки, которые употребляли как в домашнем быту, так и платили этими поделками дань киргизам, когда те нападали на них. Когда же в 1604 г. был основан город Томск, то тамошние воеводы стали посылать казаков вверх по р. Томи, чтобы наказать и обложить ясаками живущих там инородцев. Так в 1607 г. несколько томских казаков были посланы к кузнецким татарам для сбора ясака, но они возвратились оттуда ни с чем¹. Через два года опять были посланы казаки, но также бесполезно². В 1610 г. для сбора того же ясака с кузнецких татар послан был из Томска казачий атаман Иван Павлов с 40 человеками команды, причем ему было наказано, чтобы он, прибыв по назначению, выбрал удобное место, укрепился в нем от нечаянного нападения, а потом послал по волостям людей для требования ясака и увещания, чтобы татары прислали в Томск аманатов^{zz}, но результат этой экспедиции был почти такой же, как и предшествовавших, в виду чего в феврале месяце 1610 г. Павлов возвратился в Томск с малым количеством ясака, и хотя татары на него не нападали, однако не давали команде никаких съестных припасов, и она принуждена была поскорее вернуться назад, чтобы не умереть с голоду³. То же случилось и в остальные три года, а в 1614 г. томский воевода послал к кузнецким татарам стрелецкого сотника Пущина и казачьего атамана Константинова с 200 казаками, наказав им усмирить непокорных кузнечан и взять с них ясак во что бы то ни стало. Пущин и Константинов разделили команду на несколько отрядов, разослали их в разные стороны и действовали сперва успешно: били татар, собирали с них ясак, брали пленных, но на помощь к татарам пришло до 5000 киргизов и калмыков, которые и окружили казаков, после чего Пущин и Константинов собрали казаков, укрепились и в продолжение десяти недель отбиваясь, вынуждены были голодом пробиться, что им и удалось⁴. Такая отвага устроила и смирила татар, и когда в 1615 г. был послан к кузнецким татарам для сбора ясака казак Ананьин, то татары стали вносить ясак беспрекословно⁵.

Но чтобы совершенно укрепиться русскому владычеству в верховьях р. Томи, нужно было иметь опорный пункт в этой местности, так как г. Томск

^{zz} Вписано над строкой вместо слова аманатов;

был далеко, и в зимнее время сообщение в то время было трудное или совсем невозможное. Русское правительство решило в этих местах построить острог, почему в сентябре месяце 1617 г. томские воеводы Боборыкин и Хрипунов отправили туда боярского сына Харламова с 45 казаками, приказали построить острог на устье р. Кондомы; но так как время было позднее, и Харламов поднялся только по р. Томи до Тулуберской волости⁶, где зазимовал, а так как необходимость заставляла русские власти торопиться [с] постройкой острога, то в помощь Харламову были посланы на лыжах татарский голова Кокарев и казачий голова Лавров с некоторым числом служивых людей; в феврале месяце 1618 г. они соединились с Харламовым и без всякого препятствия достигли до впадения в р. Томь реки Кондомы и против устья ее, на восточном берегу р. Томи выстроили острог⁷. Потом Кокарев и Лавров со своею командою ушли в г. Томск, а сын боярский Харламов остался, будучи назначен начальником новопостроенного Кузнецкого острога.

У кузнецких татар и до сего времени сохранилось предание о постройке Кузнецкого острога. По их рассказам на месте нынешнего города Кузнецка жил некогда народ Абинцы (Абазар), у которого устроено было укрепление и, когда русские не смогли его взять силой, то прибегли к хитрости, так они вошли в него посредством подкопа, внезапное появление их пред осажденными абинцами до того поразило последних, что они беспрекословно признали за собой власть победителей⁸. Несколько времени спустя, дошло это до сведения русского царя, и он спросил, каким ремеслом занимается завоеванный народ? Когда ему сказали, что большая его часть кузнецы, то он и велел, чтобы построенный город назывался Кузнецким. Сами татары называли Кузнецк Аба-Тура, Абинский город или отец-город. Первые жители Кузнецка были томские служилые люди, переселенцы, пашенные крестьяне из г. Томска, Верхотурья и Новгорода, литовские казаки⁹ и ссыльные.

В 1621 г., как видно из грамоты, хранящейся в Кузнецком Преображенском соборе, по благословению патриарха Филарета воздвигнут в Кузнецке первый деревянный храм во имя Преображения Господня¹⁰. Но бедность обывателей была так велика, что им не на что было устроить иконостас. Вследствие этого в Москву посланы были казаки: Владимир Аверкиев и Осип Филиппов ходатайствовать у царя Михаила Федоровича о пособии для нового храма. Царь прислал при грамоте от 23 декабря 1623 г. семь икон – длина по полчетверти пяди; царские двери со святителями со столбцы с сенью, образ местный Преображения Господня длиною пять пядей, венец на золоте, запрестольный образ Богородицы, деревянный воздвизальный крест, два колокола в пуд без 1 ½ фунтов весом, сосуды священные оловянные, ризы миткальные, оплечье бархатное, стихарь полотняный, оплечье выбойчатое, эпитрахиль, поручи выбойчатые и жестяной пояс¹¹. Из окладной книги 1655 года видно, что состоявший при этой церкви священник получал из казны жалование 6 р., дьячок и пономарь 3 р., просфирня 2 р. в год. От времени эта церковь обветшала, и в 1736 г. вместо нее представилась необходимость

выстроить новую деревянную, но и эта не уцелела до нас, а на ее месте существует теперь каменная соборная Преображенская церковь, столетие которой бесследно минуло. В 1622 г. Кузнецк сделался уже городом¹². В 1636 г. ему дан герб с изображением волка^{aaa 13}. Сейчас же после основания своего Кузнецк поступил в ведение особого воеводы. Однако, с постройкой Кузнецкого острога и назначением воевод с охранным войском, Кузнецк почти до конца восемнадцатого столетия должен был не раз выдерживать нападение инородцев – теленгутов, калмыков и киргиз¹⁴. Есть даже предание, что во многих битвах русских с инородцами, последние видели, что нашим войском предводительствует какой-то седой старик на белом коне, и от него будто поднимается огненный столб до самого неба. Народ признал, что это Илья Пророк, а потому имя его и поныне особенно чествуется в окрестностях Кузнецка. В д[еревне]. Ашмариной в 20 верстах от Кузнецка есть часовня во имя Илии Пророка, в селе Ильинском в 15 вер[стах] от Кузнецка есть церковь во имя того же Пророка Илии, построенная вместо часовни в 1815 году, а в ней явленный его образ, который в девятую пятницу после Пасхи приносится в город и торжественно обносится вокруг него, в тюремном же замке г. Кузнецка бывшая крепостная башня также переделана в церковь во имя того же Пророка¹⁵. Из имеющихся исторических сведений о нападении инородцев на Кузнецк известны следующие: в 1624 г. кузнецкий воевода Баскаков писал томскому воеводе, что татары его ведомства угрожают нападением и наложенный на них в этом году ясак не заплатили, а почему просил помощи людьми, но томский воевода не мог ее оказать, так как инородцы около Томска тоже волновались¹⁶. В 1648 году теленгуты под предводительством князя Коки подступили к Кузнецку, но нападения не произвели, а подговорили другого князя Маджиха явиться в Кузнецк под видом торговли с русскими и в то время, когда жители придут в его стан торговать, их перебить, что тот и исполнил и одновременно с этим обобрал вынесенные ими товары и ушел в степь по р. Оби¹⁷. В 1651 г. теленгуты напали на Кузнецкий острог, но не могли его взять, а только грабили около него¹⁸. Для связи Кузнецка с Томском в 1657 г. были построены остроги Мунгатский и Верхотомский; в 1665 г. киргизы рода Джесари и Тубинских Каранетов грабили под Кузнецком, требуя захваченных своих князцов; в 1700 г. киргизы осадили Кузнецк; в 1708 г. Кузнецк приписан к Сибирской губернии, а в 1726 г. –^{bbb} к Тобольской провинции; в 1734 г. во время посещения Гмелина в Кузнецке было 500 домов, острог и воеводская канцелярия¹⁹; в 1755 г. теленгуты извещают кузнецких властей о появлении 70 тысяч китайцев за Телецким озером; в этом же году начата постройкой первая каменная церковь в Кузнецке – Одигитри-

^{aaa} вписано над строкой вместо войны;

^{bbb} дефис вписан сверху вместо зачеркнутого слова Кузнецк;

евская, архитектором^{ccc} ее был нарочно выписанный из Иркутска казак Почекунин. В 1764 г. возникает новая военная^{ddd} линия от Усть-Каменогорска на Бийск и Кузнецк для защиты от калмыков и киргизов; она состояла из редутов, форпостов, защиты и маяков и была доведена до Кузнецка уже в 1771 г., и последний форпост к Кузнецку был Кузедеевский 55 верст, а от этого до Новиковского 132 вер[сты]. Новую линию защищали Олонецкий и Луцкий драгунские полки. Она упразднена в 1848 г.²⁰ В 1773 г. в городе было 583 дома, 3 церкви и 3160 жителей; в 1783 г. Кузнецк приписан к Колыванской губ[ернии]; в 1797 году укреплен редутом; в 1804 г. приписан к Томской губернии.

Как уже выше было упомянуто, управление Кузнецка было вверено воеводе, куда назначался один, тогда как в другие сибирские города по два. Первым воеводой г. Кузнецка должно считать основателя его Харламова. Из «Краткого описания о бывших в Сибири воеводах» между прочим видно, что со времени основания Кузнецка, т.е. с 1617 г. по 1656 в нем перебивало 14 воевод из довольно известных фамилий: Бабарыкин, Аничков, Баскаков, Голенищев-Кутузов, князь Волконский, Нащекин, Зубов²¹. Последним воеводою был Зейферт около 1780 г. Затем Кузнецк поступил в заведывание коменданта, а около 1800 г. – городничих. Последним комендантом был полковник Шепелев, а первым городничим – Морелла. В 17 веке воевода в Сибирские города обыкновенно избирался в Москве в приказе Казанского дворца и утверждался в своем звании самим царем. При отправлении воевод им давался наказ, в котором подробно излагалось, что он должен был делать по приезде на место, но что обратить особое внимание, как во внутренних делах преимущественно финансовых, так и во внешних по сношению с немирными соседями. По внутренним делам в наказе воеводе предписывалось: «а однолично тебе (воеводе) будучи в Государевой службе в Кузнецком остроге с ясачных людей ясаки и всякие Государевы доходы, какие собираются в Кузнецком остроге собирать с великим радением и расправу меж всяких людей чинить в правду, по Государеву цареву крестному целованию и татар и остяков от русских людей, от обид и от насильства оберегати и к ясачным людям ласку и привет держати и воров от воровства унимати и наказания и обороны чинить и ясаков лишних с ясачных людей не писати и у ружников и оброчников хлеба на себя не покупати, а самому никакими товарами не торговати и в иные города и в уезды [людей] с товары торговати и покупати от себя не посылати и вина воеводе не курити и т.д.»

Из царской грамоты 18 августа 1648 года видно, что в 1647 году было собрано в Кузнецке ясаку следующее количество: 85 сороков соболей, 33 сорока недособолей, 3721 пупок собольих и недособольих, 23 куницы вместо

^{ccc} слово архитектором вписано чернилами поверх другого слова, разобрать которое не возможно;

^{ddd} слово военная вписана над строкой вместо слова война;

соболей, 15 лисиц красных вместо 30 соболей, 4 лисицы красных с черевы, да две лисицы красных без черев за 12 соболей, 3 бобра за 8 соболей, 3 пластины собольих, 3865 хвостов собольих и недособольих за 19 сороков, 13 соболей²².

Внешние сношения кузнецких воевод в XVII веке ограничивались ближними соседями: калмыками, киргизами и саянскими кыштымами. С калмыками воеводам предписывалось обходиться как можно бережливее и осторожнее; против киргиз же кузнецкие воеводы довольно часто выступали в поле, но не всегда успешно. Что же касается до саянских кыштымов живущих вверх по [реке] Мрассе, то их дозволялось привести под высокую царскую руку в том только случае, если последние живут совершенно самостоятельно и не зависят от монгол или калмыков и киргиз.

Вся переписка по внутреннему управлению страной, подведомственной кузнецкому воеводе, сосредотачивалась в съезжей избе, столь страшном в былые времена месте, в котором производились пытки. Из окладной книги 1655 года видно, что подьячих в этой избе было три, из коих некоторые нередко сменялись за несправку, один из них подьячих жалованья в год 12 руб., а двое по 10 руб., сторож съезжей избы получал в год 3 руб. При съезжей избе находилась и тюрьма, сторож которой получал жалованья в год 3 руб., палач получал в год тоже 3 руб. Кроме съезжей избы, за время воевод в Кузнецке была еще таможенная застава, заведывающая таможенными доходами, таможенный подьячий получал 6 рублей.

Город запирался воротами, сторож которых получал 2 р. в год. Военные силы, коими располагал воевода, были не очень значительными, что видно из окладной книги 1655 г., тогда в Кузнецке находилось: детей боярских 3 с окладом в 13 и 12 р. в год, казачий атаман 1 с окладом 10 р. в год, пятидесятников 2 с окладом 9 р., конных казаков десятников 8 человек с окладом по 7 р. 25 алтын, конных казаков простых 71 человек с окладом по 7 р. с четью (четвертая часть), пеших казаков пятидесятников 2 с окладом по 7 руб. с четью, пеших казаков десятников 87 чел. с окладом по 5 р., пушкарей 3 с окладом по 6 р. Таким образом, в 1655 году в Кузнецке находилось войско 187 чел., на содержание которым расходовалось 1417 р. 25 коп. Томский боярский сын Михаил Толпыгин, будучи в Москве в 1683 г. дал такой отзыв об этом войске: «в Кузнецком и Красноярском острогах людишки нужные и бедные, по два и по три на одной лошади, а иной пеший всегда бродит и запас на себе таскают нартами, от того во время походов на киргиз они голодают и от того голоду разные люди всегда от киргиз погибают, а^{eee} недруги в посмелы^{fff}, что государевы разные люди годны в их землю приходят и отходя на дороге погибают без хлебных запасов». В первое время после своего основания Кузнецк вел значительную торговлю пушным товаром. Из проезжих

^{f-g} вписано в тексте чернилами;

грамот, выданных в 1640 г. для проезда разным лицам до Томска или в Россию видно в том году, кроме казенного ясака из Кузнецка вывезено одних соболей 2973 штуки, а всего мехов на 1841 руб.²³

Съестные припасы в середине 18 столетия здесь были дешевы, так во время путешествия Фалька с 1765-1771 гг. четверть ржи стоила от 40 до 50 коп., ячменя 35-50 [коп.] пуд ржаной муки 6 ½ коп., пшеничной 12-13 к., ячневых круп 12-20 к., солод 9-10 к., хмель 30-50 к., говядина 30 к. пуд, лошадь стоила, смотря по качеству, от 4 до 13 руб., русская корова 3-4 р., саянский бык 4-5 р., русская овца 30-40 к.

Главный промысел жителей Кузнецка состоял в это время в сельском хозяйстве, а также в заработках на барнаульских заводах. Приехавший в 1800 г. из Усть-Каменогорска чиновник Шпиноль первый обратил внимание на пчеловодство и открыл этим новую отрасль промышленности. Вследствие ВЫСОЧАЙШЕГО повеления в 1786 г. о повсеместном открытии народных училищ, в г. Кузнецке было открыто в 1790 г. также малое 2-х классное народное училище, которое в 1794 г. было закрыто²⁴. В 1823 г. вводятся сибирские учреждения; в 1826 г. из Нарыма перенесено закрытое там 2[-х] классное уездное училище. В 1831 г. упразднен городской магистрат и открыта ратуша²⁵. [в] 1836 г. двухклассное уездное училище преобразовано в трехклассное по уставу 1828 г., [в]^{ggg} 1857 году 17 февраля в Богородице Одигитриевской церкви венчался Ф.М. Достоевский с вдовой смотрителя соляных озер Анной Ивановной Исаенко^{hhh} ²⁶; [в] 1854 г. открыто мужское приходское училище; [в] 1861 г. введена акцизная продажа вина; в 1862 г. открыто женское приходское училище; [в] 1863 г. кузнецкая почтовая контора преобразована в почтовое отделение;ⁱⁱⁱ в 1867 году город посетил вел. князь Владимир Александрович^{jjj}; [в] 1868 г. упразднена^{kkk} городская полиция и земской суд и образовано полицейское управление; [в] 1877 г. введено городское управление по Положению 1870 г.; [в] 1884 г. был большой пожар 6 мая; [в] 1892 г. была холерная эпидемия; [в] 1895 г. введено Кузнецкое городское общественное управление по уставу 1892 г.; [в] 1892 г. было сильное разлитие реки Томи,^{lll} при обыкновенном разливе р. Томи весной уровень воды поднимается до 6 аршин, а в 1892 году дошел до 9 аршин^{mmm}; в 1898 г. было большое землетрясение; в 1901 г. женское приходское училище преобразовано в городское; [в] 1902 г. введена казенная продажа вина.

Источники: Миллер: Сибирская история, Фишер: Сибирская история, Гмелин: путешествие по Сибири, Словцов: историческое обозрение Сибири, Семенов: Географическо-статистический словарь Сибири, Его же: список населенных мест Томской губернии,

^{h-i} *вписано чернилами над строкой вместо слов* 1858 году проживал Ф.М. Достоевский;

^{j-k} *вписано чернилами над строкой;*

^{kkk} *вписано над строкой вместо слова* учреждена;

^{m-n} *вписано внизу страницы;*

Акты Императорской Археологической комиссии т.т. IV и V, Князь Костров – исторический статистический очерк Кузнецка.

Составилⁿⁿⁿ Поникаровский
Кузнецк^{ooo} 1904-го года января 20 дня.

ⁿⁿⁿ между словами Составил и Поникаровский зачеркнуты слова Помощник Кузнецкого исправника;

^{ooo} вписано чернилами перед датой;

Город Кузнецк – уездный город Томской губернии, находится в 607 верстах к ю[го]-в[остоку] от Томска* под $53^{\circ}46'$ с.ш. и $104^{\circ}52'$ в.д. на 600 футов высоты над уровнем моря и расположен на правом берегу реки Томи против устья р. Кондомы. Если ехать в летнее время по почтово-земскому тракту на юг от села Христорождественского, отстоящего от г. Кузнецка в 4-х верстах к сему последнему, то дорога идет по правому высокому берегу р. Томи в гору; на право видна р. Томь, покрытая островами с гористым левым берегом, покрытым редким лесом, а по левую сторону от дороги местность тоже гористая, на которой кое-где по склонам холмов расположены пашни; отъехав версты три от Христорождественского путник увидит пред собой полуразрушенную вышиною в несколько сажень каменную стену с чугунной пушкой на ней и посередине этой стены над воротами, обращенными к востоку, церковь, устроенную из бывшей крепостной башни – это остатки старой Кузнецкой крепости, построенной в 18 столетии и ныне обращенной в тюрьму. Спустившись в бывший крепостной ров и поднявшись к крепости, увидит он внизу как на ладони город Кузнецк со своими тремя церквями, винным складом, каменными и деревянными домами, базаром и прочими постройками; все это окружено невысокими горами в виде амфитеатра. Горы эти имеют разное местное название: справа гористый левый берег р. Томи называется Соколиными горами, прямо на юг отроги Алтая, слева – покрытые снегом вершины Алатау (пеги горы), находятся в 150 верстах от Кузнецка. Внутри этого амфитеатра направо течет р. Томь с устьями р. Кондомы, прямо и налево – три деревеньки между которыми виднеются пашни и колки леса. Съехав от крепости по довольно крутому спуску путник вступает в город и, проехав базарную площадь, опять спускается с горы и переехав мост через ручей Тартас, вытекающий из болот, находящихся на восток от города и впадающий в р. Томь и проехав по Береговой улице, переезжает вновь через мост, устроенный тоже через ручей, вытекающий из тех же болот, что и Тартас, путник проезжает часть города называемую форштадтом, проехав которую очутится за городом в поле, поросшим кустами черемухи, жимолости, тартовника, калины и пр. Таким образом, весь город не превышает в длину двух верст и с крепостью расположен на трех террасах, обращенных к югу; распланирован очень правильными квадратами и прямыми широкими улицами; жители неофициально разделяют город на шесть частей: крепость, нагорную часть, слободку, подгорную, под камнями и форштадт. Город занимает земли под постройками и под выгоном всего^{ppp} 4732 десятины^{qqq}, вся величина заселений его площади 268 десятин, вдали проходящих 20 улиц, 17 переулков, площадей 2^{rrr}; в нем четыре каменных церкви, из которых одна

* От г. Барнаула по почтовому тракту 272 вер., а по земскому 239 в. и через с. Тогульское от гор. Бийска по земскому тракту 206 верст (Примечание автора).

^{q-r} цифры вписаны в тексте, слово десятин – над строкой;

^{r-s} вписано в низу страницы;

при кладбище, три^{sss} часовни, каменных домов 7, деревянных – 527^{ttt}, из них крытых железом 10^{uuu}, казенный винный склад один^{vvv}, две казенные винные лавки, скотобойня одна^{www}. Жилые каменные дома большей частью двухэтажные, обыкновенной архитектуры, выстроенные из кирпича местного произведения и [с] удобно расположенными комнатами и имеют надворные постройки; из деревянных домов есть двухэтажные, также с удобными помещением, одноэтажные дома большей частью состоят из трех комнат: при входе, посредине^{xxx} – прихожая, а по одну сторону кухня, а по другую – чистая комната, окон в домах прорубают на уличную сторону от одного до пяти, есть дома с подъездами, т.е. крыльцами на улицу. Большинство же домов деревянных состоит из одного помещения. Во многих домах во время больших морозов для тепла ставят железные печки, в особенности же в ветхих домах. Деревянные дома и надворные постройки к ним строят преимущественно из пихтового леса, толщиной в 5 и 6 вер[шков], но здания из этого леса недолго выдерживают разрушительных климатических условий, скоро гниют и разрушаются, так что здание может сохраниться не более пятидесяти лет, напротив дома, построенные из соснового леса стоят долее. При домах строят дворы для скота, крытые жердями, поверх которых накладывается сено или солома, огород – также принадлежность каждого жилого помещения, но садов и палисадников мало, зато у большинства домов с уличной стороны насажены деревья, которые, разросшись, мало пропускают света в жилые помещения, от чего в домах происходит сырость, что обуславливает развитие лихорадки и других болезней; ретиратов при большинстве домов нет. Есть в городе несколько домов, стоящих совершенно пустыми с заколоченными ставнями у окон, так как хозяева их выселились в другие города, села и деревни, не найдя желающих взять в кортом, потому что нуждающихся в найме квартир очень мало, квартиры же отдаются в наем от 1 руб. до 25 руб. в месяц.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ПОЧВЫ. Почва, на которой расположен гор. Кузнецк, принадлежит к каменноугольной формации, так как по берегам р. Томи есть выходы каменного угля, местность, на которой ныне расположен тюремный замок, состоит из сплошного талькового камня, сверху покрытого глиной и перегноем; тоже можно сказать и про вторую террасу, на которой расположены верхняя часть города и слободка, нижняя же часть города и форштадт расположены на наносной почве, бывшей когда-то дном

^{sss} вписано над строкой вместо слова четыре;

^{ttt} цифры вписаны в тексте чернилами;

^{u-v} вписано внизу страницы;

^{vvv} вписано в тексте;

^{www} вписано над строкой;

^{xxx} вписано в текст чернилами;

Томи и теперь во время большого ее разлива, как в 1892 г., ею заливаемых; подкаменная часть, как показывает само ее название, расположена по берегу р. Томи от каменного утесистого ее берега, на котором выстроена крепость, вверх до устья р[учья] Тартаса почва этой части города тоже наносная.

РЕКА ТОМЬ. Река Томь берет свое начало в восточной части Алатау, известной под именем белогорья, от истоков до гор. Кузнецка р. Томь течет от востока к западу, далее круто поворачивает на север, она течет между высокими берегами по руслу, устланному галькой, имеет чистую и прозрачную воду и течение ее очень быстрое, и она перед городом разделяется островами на два рукава: верхний рукав, который перед форштадтом называется «старицей» или «урушпайком», а нижний рукав, который перед частью города, именуемой «под камнем», называется «иванцевкой». Прибыль воды в р. Томи бывает два раза – первый при вскрытии от льда, а второй позже, когда растают снега в Алатау, а иногда бывает прибыль воды и летом во время больших дождей в верховьях реки. Во время весеннего половодья р. Томь разливается от одного берега до другого версты на три в ширину, и были года, когда, например, в 1892 г., в котором большая часть нижнего города была покрыта водою. Во время половодья до Кузнецка могут доходить небольшие пароходы с баржами, как и было в 1898 г., в котором был первый казенный пароход исследовавший р. Томь от г. Томска, и в 1902 г. приплывали два парохода с баржей, нагруженной хлебом для голодающих. В половодье же, в мае м[еся]це отправляются по р. Томи в гор. Томск плоты, нагруженные хлебом, сеном, орехами и прочими жизненными припасами. В летнее время, в особенности же засушливое, р. Томь пересыхает так, что на некоторых местах ее переезжают в брод на лошадях. Когда спадает весенняя вода, для переправы на левый берег реки ставится паром у топольного острова. Для плавания по р. Томи употребляются долбленные лодки, управляемые шестами, так как употребление весел по случаю быстрого течения не удобно. По наблюдениям с 1874 г. по 1879 г. включительно р. Томь вскрывалась самое ранее 7 апреля 1879 г., а самое позднее 23 апреля 1876 г., замерзла самое ранее 13 октября 1874 г., а самое позднее 11 ноября 1879 г. По нашим наблюдениям с 1900 по 1903 г. включительно р. Томь против Кузнецка вскрывалась в 1900 году 12 апреля, замерзла 5 ноября; в 1901 г. вскрывалась 29 марта, замерзла 19 октября; в 1902 г. вскрывалась 19 апреля, замерзла 4 ноября; в 1903 г. вскрывалась 20 апреля, замерзла 6 ноября, р. Кондома вскрывается всегда ранее р. Томи.

Кроме двух ручьев, протекающих через подгорную часть Кузнецка, о которых было упомянуто выше, в окрестностях города находится святой ключ, на котором поставлена часовня, также ключ, образующий водопад, и ныне на нем поставлена мельница. На левой стороне р. Томи, на заливных лугах, много озер.

КЛИМАТ. Климат г. Кузнецка умеренный, средняя годовая температура^{yyy} по сведениям метеорологической станции в г. Кузнецке при квартире управляющего Кузнецким имением Кабинета Его Величества^{zzz} была в 1901 году^{aaaa} +2,2° Ц^{bbbb}, минимум^{cccc} – 42,0° Ц^{dddd}, максимум^{eeee} + 36,1° Ц^{ffff}; но происходят резкие перемены от холода к теплу и обратно. Особенно в этом выдался 1893 г., в который, в начале мая, когда уже распустился лист на деревьях, зацвела черемуха – выпал снег, так что многие деревья померзли, лист опал, и деревья остались на все лето без листьев. Года же 1900, 1901 и 1902 выдаются также своим непостоянством погоды, так в 1900 году первый^{gggg} снег^{hhhh} выпал 4 октября, морозы начались в конце ноября и первый мороз был 21 ноября - 29°Rⁱⁱⁱⁱ; 22, 23 и 24 доходил до - 30°R, а 3 декабря утром было + 2°R, и шел дождь, в два же часа дня пошел снег. В 1901 году января 15 и 16 было так тепло, что капало с крыш, в ночь с 13 на 14 февраля шел дождь, а 22 был мороз - 25°R, а 26 шел дождь, 15 и 16 марта шел дождь, а 17 выпало много снега, 18 же дождь согнал этот снег, апреля 25 было + 20°R, а 28 было + 29°R, а 30 апреля было - 3°R, выпал снег, подул ветер и сделался буран. В 1902 году с первого января по 16 было тепло, а в это число и в следующее было уже – 34 P. 2 и 3 марта выпал такой дождь, что согнал почти весь снег, и побежали ручьи по дороге и держалось тепло до 11 марта, а в этот день выпал снег и было – 10 P, а 12 марта – 15 P. В этом^{jjjj} же 1902^{kkkk} году лето было очень жаркое и доходило в тени до + 30 R; первый иней был 5 августа, снег выпал 14 сентября, мороз же доходил первого декабря до – 35 R, а 2 декабря – 40 R, 3 декабря – 36 P, 4 декабря – 30 P. В 1903 году все лето было дождливое, так что помешало уборке сена и хлебов – много подкошенной травы сгнило в копнах, а хлеб от дождей вылег. 10 мая в этом году был иней, а также 1 июля. Бураны зимой бывают тоже частые, дует преимущественно северо-западный ветер; летом больших гроз не бывает, град хотя и падает иногда, но небольшой величины.

Ночи отличаются своей прелестью и разнообразием: летом в тихую погоду небо бывает глубокое и голубое, в это время так и приходит на мысль строфа из стихотворения Лермонтова: «Спит земля в сиянье голубом»; осенью же в сентябре при полной луне ночи бывают светлые, белые, а зимой иногда ночью воздух тих, прозрачен и светел, ночь, хотя и темна, виден весь город с его белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб – это до-

^{z-aa} вписано внизу страницы;

^{bb-cc} вписано над строкой;

^{dd-ee} вписано над строкой;

^{ff-gg} вписано над строкой;

^{hh-ii} вписано над строкой;

ⁱⁱⁱⁱ здесь и далее знак R вписан чернилами в тексте;

^{kk-ll} вписано над строкой;

мохозяева топят железные печки, все небо усыпано звездами, переливающимися свои лучи точно, как алмазы, и млечный путь вырисовывается очень ясно.

ФЛОРА. Растительность в окрестностях города принадлежит к так называемой алтайской флоре. Из древесных пород растут: тополь, береза, осина, сосна, пихта, ель, черемуха, боярка, рябина, тальник, липа (в саду С.Е. Попова, привезенная из Уксунайской волости); из кустарников растут: смородина, тартовник, бузина, акация, шиповник. В 1903 году 23 марта на талине начали разворачиваться почки, 28 апреля на березе и бузине начали набухать почки, а на черемухе почки заперестрели, 4 мая зацвела осина, 18 мая зазеленел весь лес, 20 мая начали у малины разбухать почки, 22 мая зацвела черемуха, в это же число начали разбухать почки на липе, 25 зацвела бузина и к этому же числу на березе лист уже был полный: 28 лист у липы уже полный, 12 июня расцвела липа, 13 июня зацвели жимолость, акация, шиповник и тартовник. Листопад начался в 1903 году 27 сентября, а к 26 октября леса очистились от листвы. Вообще, надо заметить, что из наших четырехлетних наблюдений разбухание почек и цветение деревьев зависит от более или менее ранней или поздней весны – если весна ранняя, то почки разбухают на деревьях и цветы на них появляются ранее, а если поздняя – то позже. Ранее всех разбухают почки на талине, но не то можно сказать об том, когда лист совсем отпадает, так как он держится долго даже после того, когда выпадет снег и начнутся большие холода. От чего это явление зависит, сказать не могу. Почку березы собирают для настаивания на водке и эту настойку употребляют от ревматизма, ушибов и порезов; настойку на осиновой коре употребляют от лихорадки, корень боярки употребляется от кровавого поноса, ветви пихты с ее иглами – от ревматизма, ягоды калины употребляются для калинового киселя, смородинный лист употребляется при солении огурцов, а ягоды смородины и черемухи идут в пищу. Трава появляется на солнопеках как только сойдет снег и первый выходит кипец и полынь, которые вышли на солнопек в 1903 году 23 апреля при + 4 P; 27 апреля зацвела стародубка; 4 мая зацвели подснежники и медунки, а также фиалки; 14 мая расцвел дикий цикорий, 10 июня зацвела земляника и конский щавель, 14 июня зацвел ковыль, 15 расцвели марьины коренья, 1 июля зацвела клубника^{III}. К первому сентября уже в полях цветов не было видно. Первая ягода поспела земляника к 25 июня, к этому же времени созрела красная смородина, клубника созрела к 15 июля. Из употребляемых в пищу трав около Кузнецка произрастают: дикий лук (батун), кандык, сарана, щавель, пучка, анис; из лекарственных – богородская трава, стародубка (употребляется при воспалении легких у лошадей), тысячелистник, конский щавель (от поноса), полынь; из красильных – марьины коренья и желтик. На городском выгоне растут из съедобных гри-

^{III} так в тексте;

бов: березовики, являются в июне, масляники и опенки – в августе, белянки и грузди – в конце августа и сентябре: в огородах растут чемпионы^{mmmm}.

ФАУНА. Около города находится много зайцев, волки также осенью и зимой не оставляют своим посещением окрестности города, а иногда посещают и лисицы; переселения белок давно не было; полевая мышь и крыса тоже есть как в полях, так и в огородах, змеи же не ядовиты, пчел жители разводят как в огородах, так и на пасеках. К птицам, постоянно обитающим в окрестностях города принадлежат: обыкновенная ворона, черная ворона (поселившаяся здесь с 1900 г.), сорока, воробей, домашний голубь, тетерева и белая куропатка; проводящие зиму: щегол, синица, чечетки, снегирь; к перелетным принадлежат: дикие утки, журавли, гуси, лебеди, кулики разной породы, перепела, дрозды, скворцы, коршуны, ястреба, грачи, ласточки, галки, совы, филины, орлы, коростели. Из первых прилетают весной галки и грачи, а из последних в прилет надо считать перепелов. За последние четыре года наших наблюдений о прилете и отлете птиц оказалось нижеследующее:

	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
Галки	3 марта	8 марта	2 марта	9 марта
Грачи	3 марта	6 марта	4 марта	8 марта
Утки	23 марта	25 марта	24 марта	21 марта ⁿⁿⁿⁿ
Скворцы	22 марта	27 марта	23 марта	2 апреля
Журавли	5 апреля	7 апреля	3 апреля	7 апреля
Дрозды	26 апреля	25 апреля	27 апреля	28 апреля
Дупель	27 апреля	29 апреля	30 апреля	28 апреля
Ласточка	5 мая	2 мая	3 мая	30 апреля
Коростели	10 мая	9 мая	12 мая	9 мая
Кукушка	9 мая	10 мая	13 мая	15 мая
Соловей	8 мая	14 мая	16 мая	11 мая
Ястреб	3 апреля	5 апреля	4 апреля	2 апреля
Трясогузка	5 апреля	3 апреля	5 апреля	4 апреля
Бекас	21 апреля	23 апреля	20 апреля	18 апреля

Позже всей перелетной птицы прилетают перепелки. Отлет птиц начинается в августе; первые улетают ласточки и соловьи, за ними кулики разных пород, с 5, 6 и 7 сентября начинают отлетать журавли, за ними лебеди и гуси; долее всех держатся утки, а из них крахали, которые держатся по р. Томи и озерам до самых заморозок. Базарные цены на полевую птицу существовали в 1903 г. следующие: пара тетеревей от 40 до 50 коп, пара уток от 17 до 20

^{mmmm} так в тексте;

ⁿⁿⁿⁿ вписано над текстом вместо слова апреля;

коп., дупелей десятков от 70 коп. до 1 руб. Цены на полевую птицу в последнее время поднялись почти вдвое,^{oooo} так пара рябчиков от 40 до 60 коп.^{pppp}

В р. Томи водятся из рыб – таймень, щука, налим, хайрюз, усуч, окунь, пескарь, чебак, сорога, елец, а в озерах – карась и линь, щука и окунь. Все из этих пород местные, а с низовья р. Томи иногда заходят сиги, сырки, язи и нельма, но редко.

Предметом промысла служат из зверей волки, лисицы, зайцы; из птиц утки, гуси, лебеди, тетерева, кулики, а также сороки и совы; из рыб же – все вышеозначенные породы.

НАСЕЛЕНИЕ. Как видно из исторической части этого очерка, что при образовании Кузнецкого острога к русским казакам и конечно большею частью не женатым, правительство время от времени высылало и уже женатых с их семьями крестьян, но конечно большинство служилых людей были холостые или отставшие от своих жен в России, то естественно происходила ассимиляция между русскими и инородцами, а со времени распространения христианства между инородцами стали заключаться [браки] как инородцев с русскими, так и русские женщины стали выходить за инородцев; почему у большинства коренных обитателей Кузнецка сохранились черты как физические, так нравственные инородцев. Так к первым принадлежат средний рост, черные волосы и глаза, у некоторых редкие бороды и выдающиеся скулы; ко вторым же чертам – скрытность, лукавство, обман; при сем нельзя не заметить, что потомки ассимилировавшихся отличаются своею большою умственною способностью, против русских. При всем этом наблюдается, что дети происшедшие от браков между инородцами и русскими, хотя и отличаются своими умственными способностями, но физически мало развиты, а дети происшедшие от крещеных и обрусевших инородцев отличаются как физическими так и умственными качествами. Не то можно сказать про нравственные качества, как тех, так и других. По списку населенных мест Томской губернии, составленному по сведениям 1859 года в гор. Кузнецке было 983 м.п., 851 ж.п., 453 дома; по памятной книжке Западной Сибири за 1881 год, в 1879 году в Кузнецке было показано 1687 м.п., 1487 ж.п., по памятной книжке Томской губернии за 1885 год в 1883 г. было 3541 м.п., 3431 ж.п. Причем в этом году показано браков числом 8, родившихся от супружеских браков 89 м.п., 90 ж.п., внебрачных 4 м.п., 5 ж.п., число умерших 74 м.п., 57 ж.п., следовательно прибыли + 57. По спискам населенных мест Томской губернии за 1893 год число жителей показано 2200 м.п., 2460 ж.п. В 1902 году было 1997 м.п., 2102 ж.п. Из вышесказанного видно как неравномерно колеблется прибыль и убыль населения г. Кузнецка, причина этого колебания

^{pp-qq} *вписано чернилами в строке;*

по нашему мнению зависит от развития или упадка золотопромышленности в уезде.

УПРАВЛЕНИЕ. Г. Кузнецк как центр управления Кузнецким уездом имеет указанные в законе для сего учреждения, а именно: уездное полицейское управление, мирового судью для города и 1-го участка уезда, уездное казначейство, при котором государственная сберегательная касса, городского врача, повивальную бабку, управление уездного воинского начальника, учителя инструктора училищ, податного инспектора, почтово-телеграфную контору, при которой отделение государственной ссудо-сберегательной кассы, два помощника надзирателя 4-го уч. VI округа Томско-семипалатинского акцизного управления, уездный распорядительный комитет, тюремный комитет, уездный комитет общественного здоровья, управляющего Кузнецким именем Кабинета Его Величества заведывающего метрологической станцией, Кузнецкое по воинским делам присутствие, уездный съезд крестьянских начальников, общество трезвости и при нем чайная, общество вспомоществования недостаточным ученикам, смотрителя тюремного замка, резиденцию станового пристава 1-го стана Кузнецкого уезда. Хозяйственная часть города вверена Кузнецкому городскому общественному управлению, состоящему из городского старосты, его двух помощников и десяти членов выборных от домовладельцев; при городском общественном управлении состоит сиротский суд с сиротским судьей, мещанский староста, выбираемый мещанским обществом.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ. Всей земли, как удобной, так и неудобной по **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденному в 27 день января 1901 г. плану городу Кузнецку отведено 4732 десятины, в том числе: под выгон 2764 десятины, 1200 с[ажений], под сенокос 715 десятин и кроме сего усадебной земли, **ВЫСОЧАЙШЕ** дарованной в 1846 году 268 десятин. Таким образом, в городе и его окрестностях земля принадлежит городу, частным лицам, мещанскому обществу и церкви. Городские земли находятся под общественными постройками как-то: казармы, здание для помещения городского общественного управления, пожарной и пр., также находятся в общественном пользовании под выгоном, отдаются в аренду как сенокосные участки, под мельницу, под торговые лавки и продаются с торгов для желающих купить под постройки. Часть сенокосных земель выделена бывшим городским казакам в вечное пользование. Городские земли отгорожены поскотиной от смежных крестьянских земель.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ГОРОДА. Доходы города получаются на основании городского положения с аренды сенокосных участков, огородов, плесов, кирпичных сараев, пасек, кузниц, от продажи земли под постройки, с мест под балаганы, лавки, лари, столы, с городских весов, с городских ка-

зарм, лазарета и канцелярии воинского начальника, сбор с промышленников, местных и иногородних купцов при выдаче свидетельств, с промысловых свидетельств и билетов, от налога с недвижимых имуществ и т.д. Таких доходов в 1892 году поступило 8767 р. 34 ¼ к., а в 1903 по смете было назначено 10427 р.

Городской расход производится также на основании городского положения на жалование личного состава, на канцелярские припасы, жалование сторожу и рассыльному, на содержание карантина, жалование полицейским служителям, квартирные полицейскому надзирателю, на содержание пожарного обоза, наем брандмейстера, квартирные городской бабке, наем квартиры под проезд г.г. генералов, штаб- и обер-офицеров, на нем караульщика для ледника, на отопление и освещение городского дома, пожарной избы и тюремного замка, на очистку ретирадных мест и дымовых труб в городских зданиях, ремонт воинских казарм, городского дома, пожарной, каталажной, дороги базарной площади, отопление и освещение воинских казарм, лазарета, швальни, отделения кардигардии в замке, жалованье учителям приходского училища и сторожу и т.д. Всех расходов в 1892 г. по росписи было 8764 р. 34 ¼ к., большая часть из них употребилась на жалование личного состава городского управления, а именно 2116 руб., а в 1903 г. по смете всех расходов было назначено 10368 руб. Жалование в этом году получали городской староста 799 р. 92 к., первый помощник старосты 499 р. 98 к., второй от города 50 р. 4 к., а от мещанского общества 250 [р.]. Окладных недоимок оставалось по Кузнецку к 1 января 1903 г. по налогу с движимого имущества 126 р. 31 к., по земским сборам 129 р. 24 к., а всего 252 р. 55 к.

ХЛЕБОПАШЕСТВО, СЕНОКОШЕНИЕ, ОГОРОДНИЧЕСТВО И ТАБАКОВОДСТВО. Некоторые из обывателей, в особенности мещане, занимаются хлебопашеством, арендуя для этого земли у крестьян соседних деревень, у инородцев и кабинетские; имеют на этих землях заимки, на которых живут круглый год, а другие, имея на арендуемых землях только пашенные избушки, выезжают из города на пашню только во время посева и уборки хлебов. Арендная плата у крестьян и инородцев колеблется от одного рубля и более за десятину. Берут в аренду как новину^{чччч} (целину), так и залежь (пустошь и залог), пашни не удобряются; иные из домохозяев, вспахав под озимь в петровки, перепахивают осенью перед посевом озими, весной же под яровые постоянно перепахивают, пахота начинается в середине и конце апреля, смотря по весне, тогда же сеют и яровые. Озими начинают сеять с 20 июля; десятину считают в 80 и 30 кв. саж. или 60 и 40 саж., что составляет 24000 кв. саж., в ней полагается 15 загонов. Из хлебов сеют пшеницу, белоколоску, гнездовую,^{ттт} алую, рожь озимую и яровую, овес, ячмень и карто-

^{чччч} здесь в тексте зачеркнуто слово так;

^{ттт} Здесь в тексте зачеркнут союз и;

фель. На десятину сеют пшеницы 1 ½ четверти или 12 пудов, ржи 1 ½ четверти или 12 пудов, овса 2 четверти или 16 пудов, ячменя 1 ½ четверти, картофеля 7 четвериков. Посев и уборка производятся частью своими трудами, а частью наймом подесятинно или поденно; так отдают вспахать, посеять и заборонить подесятинно. Плата во время пахоты рабочему пешему в 1903 г. была на хозяйском содержании от 50 к., рабочему конному от 1 руб. Уборка хлебов начинается с первых чисел августа и продолжается до конца сентября, а иногда захватывает первые числа октября, а в 1903 году много хлеба пошло под снег, так как был хороший урожай и не хватило рабочих рук. Во время уборки хлеба плата рабочему пешему при хозяйском содержании в 1903 году была от 80 к., конному от 1 р. 20 к. Сжать десятину платили от 4 р. до 6 р. В 1903 году получилось зерна с десятины пшеницы от 90 до 100 пудов, ячменя от 120 до 150 пудов, ярицы от 90 до 120 пуд., овса от 120 п. до 160 пудов. В 1902 году по случаю неурожая цены на хлеб были ржаной муки от 1 р. 50 к., пшеничной 1 р. 70 к. – 2 р., овса 70-90 к. пуд, ячменя 80 к. – 1 р. Цены в начале 1903 г. были на ржаную муку 40-50 к., пшеничную 60-80 к., овса 35-40 к., под конец же [года] в виду урожая, ржаная продавалась от 30-35 к., пшеничная 50-60 к., овес 20-25 к. пуд. Для летней продажи хлеба в особенности во время страды мещанское общество заготавливает несколько сот пудов в общественном хлебозапасном магазине.

Для сенокосения жители, имеющие много скота, берут в аренду с торгов у городского общественного управления сенокосные участки, а иные покупают участки у крестьян соседних деревень. Плата за участок колеблется, смотря по тому, каков урожай трав. Многосемейные обыватели ставят сено своею семьей без помощи посторонних лиц, малосемейные убирают наймом. Сенокос начинается с первых чисел июля и продолжается до августа. Поденная плата во время сенокоса мужчин^{ssss} от 70 коп, женщинам от 50 к.; плата за уборку одной десятины от 2 р. Чтобы поставить сто копен на хозяйском покосе платят от 15 руб. Многие же за поставку сена задают деньги с зимы вперед, но этот обычай очень рискованный, так что можно остаться без денег и без сена; снимают в хороший урожай с одной десятины от 20 до 30 копен; в копне полагают 5 пудов. Малосемейные или те из жителей, которые по своим занятиям не имеют возможности заниматься сенокосом, но имеют скота, в летнее время, начиная с Николина дня, косят сено на телегу или покупают с базара, платя за воз от 70 к. до 1 р., солома же продавалась от 30 к. за воз. Уборка сена кончается к 15 августа, но некоторые из промышленников кулаков косят сено для продажи и в августе и такое сено называется осенчук; искусственного посева трав не производится. В 1903 г. лето было дождливое, много подкошенного сена, а также сложенного в копнах сгнило, а большею частью получилось черное так, что скот пришлось кормить частью соломой.

^{ssss} так в тексте;

Недоброкачественному сену приписывается бывшая на рогатом скоте в этом году болезнь ящур. В подспорье хозяйству, как выше было упомянуто, большинство жителей имеют при домах огороды; но обработка их и вообще уход за огородами находится в первобытном состоянии: семена не улучшаются, новых овощей не разводится. Обработка огорода большею частью производится самими домовладельцами и преимущественно женщинами, и в немногих случаях наймом. В апреле месяце, как только сойдет в огородах снег начинается чистка огородов от весенних трав, уноваживание гряд под огурцы, арбузы, дыни и также вскапывание гряд под другие овощи, в это время поденная плата от 30 копеек, а погрядно от 6 коп. за грядку. Садят лук, батун, редис, репчатый лук, морковь, репу, редьку, бобы, горох, фасоль, мак, подсолнух, картофель пашенную и американку, арбузы, дыни, тыквы и огурцы садят рощенными и уже тогда, когда навоз в грядах перегорит и в лунки, капусту и брюкву садят после всех овощей и рассадой, которую садят в апреле. В нескольких огородах начинают садить кукурузу, помидоры и цветную капусту, и опыты оправдали труд, так как овощи созрели. Первые из огородных овощей начинают цвести бобы, затем горох, а далее огурцы, дыни, тыквы. Первый поспевают лук батун, затем редис, к Петрову дню поспевают огурцы и картофель американка; к первому августа созревает уже большинство огородных овощей; убирать в огородах начинают с первого сентября и кончают к концу этого месяца, последней убирают капусту. Болезней на овощах не замечалось, кроме как бывшей в 1902 году капустной мошки, от которой избавлялись поливкою капусты дегтярной водой и пересыпанием золой, инеи иногда вредят огурцам и арбузам. Надо полагать, что и многие огородные овощи и плодовые деревья, свойственные средней полосе России, могут произрастать и в кузнецких садах и огородах. Большая часть овощей идет для собственного употребления домохозяев, а частью на продажу. Цены на овощи, существовавшие в 1903 году были следующие: сотня огурцов от 30 коп., мешок картофеля от 50 коп., морковки от 40 к., репы 40 к., свеклы от 50 к., арбузы и дыни от 5 коп. за штуку, лук от 25 коп. пуд. Морковь, свеклу и картофель продают иногда ведрами и пудами.

Табаководством занимаются ныне менее, чем в прежнее время, так как цены на табак пали, но все таки занятие это составляет одну из доходных статей в хозяйстве обывателей г. Кузнецка, в особенности обывательниц, которые преимущественно и занимаются табаководством. Уход за табаком требует знания и опытности, а также трудолюбия. Посадка табаку в огороде производится рассадой, которую садят в парник, как только очистится огород от снега; посадка эта производится в гряды по три лунки в ряд после того, когда уже все овощи в огороде будут посажены, табак требует частой поливки; когда начинают расти отростки, которые называют пасынками, то их отламывают, что называется пасынковать, цветы табака также отламывают, оставляя несколько стеблей для семян; идущие после цветения отростки вновь отламывают. Когда же лист табака вполне разовьется, то его обрыва-

ют, складывают в круги на землю; после чего листья табака нанизывают на шнуры и весят для просушки, по окончании сушки табачные листья вновь кладут в большие кучи, предварительно вспрыснув водой, и эти кучи покрывают половиками, чтобы табак, как говорят, заморился. Заморенный табак вновь просушивают и после того складывают в сухое и прохладное место. Ранее цены на табак были весьма высокие – пуд стоил от 5 до 6 руб.; ныне же свежий табак продают от 1 р. 80 к. до 2 руб., но зимой на разновес цена табаку доходит до 4 руб. В прежнее время были домохозяева, которые сеяли до ста пудов табаку; ныне же самое большее десять, пятнадцать пудов.

СКОТОВОДСТВО. Лошадей жители держат сколько для домашнего обихода, столько и для извоза; большая часть лошадей обыкновенной местной породы; специальных конских заводов в городе не существует, хотя некоторые любители и имеют кобылиц и жеребцов Российской породы. Большинство жителей держат по одной и по две лошади, а те, кто занимается извозом или пашней, то имеют по десяти и более. Особого ухода за рабочим скотом хозяева не наблюдают; во время зимы кормят сеном, овсом, соломой и сечкой, а летом ненужные лошади для работы отпускаются на по[д]ножный корм в покотину. Цены в 1903 году существовали на рабочую лошадь от 15 руб., выездные лошади ценятся от 50 руб. и более. Всего лошадей в гор. Кузнецке в 1903 году 1389.

Из рогатого скота держат преимущественно коров для домашнего обихода местной породы; племенных быков нет, а приплод получается от местных быков, зимой рогатый скот содержится во дворах, а летом ходит на подножном корму в покотине без пастуха; выгонять рогатый скот в поле начинают как только сойдет в поле снег и кормится [скот] подножным кормом до того времени, когда установится зимняя дорога. Некоторые из домохозяев круглый год не держат скота во дворах, а выгоняют на улицу, хотя за это платятся полицейскими протоколами. Цены на коров существовали в 1903 г. от 15 р., а бык стоил от 25 р. Овец, козлов, свиней тоже держат для собственного обихода, но обыкновенной породы. Цены на мелкий скот были следующие: овца 3 р., свинья 5 р., коза 2 р.

Из домашней птицы жители держат гусей, уток, индеек и кур, как для собственного^{****} употребления, так и для продажи, до 1901 г. домашней птицы жители разводили много, но с этого года, по случаю неурожая, домашняя птица была большей частью переведена, так как содержание ее обходилось очень дорого. Цены, существовавшие в 1903 году на птицу были следующие: курица 20 к., гусь 50 к., индейка 80 коп. Сотня куриных яиц стоила от 70 к.

^{****} далее зачеркнуто слово обихода;

ПЧЕЛОВОДСТВО. Пчеловодство ныне пришло в упадок частью от болезни пчел, частью от неблагоприятных климатических условий, а в прежнее время оно было в цветущем состоянии в здешнем крае, и были специалисты любители, как Ф.А. Булгаков, у которого на пасеке вблизи Кузнецка было до ста колодок с пчелами и многие из них рамочной системы. Ныне же только некоторые из жителей занимаются пчеловодством, арендуя для пасек земли кабинетские или у крестьян близлежащих деревень, а также выставляя колодки со пчелами у себя в огородах. Большинство улей обыкновенные колодки дуплянки, хотя у некоторых есть и рамочные улья, которые ввел здесь Ф.А. Булгаков. Уходом за пасекой занимаются сами владельцы, но некоторые держат пасечников и то только в летнее время; зимой колодки держат в омшонниках или в подпольях при домах. Выставлять колодки начинают в апреле, как только сойдет снег; роение пчел бывает около середины июня; искусственного роения не производится; вырезают соты с медом несколько раз в лето и оканчивается подрезка к 15 августа; в благоприятный год одна пчелиная колодка дуплянка даст до 30 ф. меда и воска; убирать колодки в омшонник начинают со середины сентября; медоносных растений не сеют; цены [на] колодки дуплянки со пчелами весной существовали в 1903 г. от 3 р., пуд свежего меда стоит летом от 5 р., а зимой 8 р., пуд воска 20 рублей.

ПРОМЫСЛЫ. В области промышленности больших предприятий, а также больших компаний и артелей в Кузнецке не существует, а если соединяются иногда два или три человека для производства какого-либо промысла, но не на долгое время и на небольшую сумму производство. Ныне существуют в Кузнецке следующие промыслы: производство кирпича, рыболовство, заготовление и доставка леса и дров, кузнечный, ломка камня, сплав плотов с разными припасами по р. Томь в Томск, извоз на золотые прииски, а также в Томск, Барнаул и Бийск; наем на работу на золотые прииска, а также золотничная добыча золота, скорняжество^{uuuu}, женское рукоделье, портняжество^{vvvv}, сапожничество^{wwww}, работы в казенном винном складе и другие мелкие промыслы.

Для производства кирпича в окрестностях города находятся восемь кирпичных сараев; выделка кирпича производится ручная с тысячи; работы производятся в кирпичных сараях только летом; цены кирпича на месте 8 руб. за тысячу; покупают кирпич, как местные жители, так и крестьяне из окрестных деревень; для кузнечного производства существуют семь кузниц, работа в которых производится тоже ручная; на маслобойном заводе для производства масла из молока есть ручные машины; масло для продажи сда-

^m так в тексте;

^{vvvv} так в тексте;

^{wwww} так в тексте;

ется на железную дорогу; мыловаренные и кожевенные^{xxxx} производства небольшие, последние можно назвать кустарным, так как им занимаются домохозяйства своим семейством; для производства пива и меда существует в Кузнецке пиво-медоваренный завод; столярным и слесарным мастерствами тоже занимаются сами мастера без рабочих и производство временное и небольшое; водяных мельниц одна в окрестностях города, помол небольшой, за смол пуда пшеницы или ржи берут 5 коп. Рыболовством занимаются несколько человек специально для продажи, при рыбалке употребляют невод, ставные сети, морды, верши, корчажки, переметы, самоловы, саки, вентеля, банбошки, а также рыбачат удочками и жерлицами. Для рыбалки берут в аренду у городского управления пески на р. Томи; рыболовство производится артелями в несколько человек круглый год, как в р.р. Томи и Кондомы, так и в озерах. Цены на рыбу в 1903 г. существовали следующие: тайменя пуд 4 руб., хайрюза 4 р., налима, окуня и щуки 2 р. 80 к. – 3 р. 20 к., чебаки и елец от 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к. За малым уловом рыбы, она не вывозится в другие места, а распродается в городе местным жителям. Подряд для доставки леса и дров для обывателей г. Кузнецка и для казенных учреждений доставляет тоже небольшой заработок обывателям; подряжаются обыкновенно с зимы и берут деньги вперед, заключая письменные условия с^{yyyy} нанимающим. Цены за доставку весной осиновых дров за сажень существовали от 1 р. 20 к., березовых от 1 р. 50 к., сплав плотов, нагруженных сеном, хлебом, орехами и пр. жизненными припасами по р. Томи до Томска весной в половодье приносит тоже заработок, но небольшой; цена за сплав плота в несколько ставов колеблется от 6 до 10 руб. Нанимающиеся доставлять на золотые прииски на лодках летом вверх по р. Томи и Кондомы людей и материалы берут за снос одной лодки от 10 р., так как доставка очень трудная, сопряженная с большими опасностями и все время вверх по рр. Томи и Кондомы нужно идти на шестах по случаю чрезвычайной быстроты реки. Извоз, как зимой, так и летом существует круглый год, кроме весенней и осенней распутицы, преимущественно нанимаются доставлять материалы, как на золотые прииски, так и товары для кузнецких купцов из Томска, Барнаула и Бийска, а также сырье в эти города из Кузнецка. Доставка клади из Кузнецка и из Томска в Кузнецк зимой в 1903 г. стоила за пуд от 40 к., в Барнаул и Бийск от 30 коп. Так как золотопромышленность ныне в Кузнецком уезде сократилась, то наем рабочих на золотые прииски уменьшился, почему мещан города Кузнецка нанимается не очень много; некоторые из них нанимаются служащими мастеровыми, а другие горнорабочими^{zzzz}; большинство нанимается по контракту, с получением вперед задатка, есть также нанимающиеся на золотничные работы; особой выгоды нанимающимся на золотые прииски не представляется и

^{xxxx} далее в тексте зачеркнуто слово заводы;

^{yyyy} далее в тексте зачеркнуто слово наемщиком;

^{zzzz} так в документе;

многие выходят с приисков должными нанимателям. Работа в казенном винном складе доставляет тоже заработок обывателям Кузнецка, нанимающимся помесячно или поденно.

ТОРГОВЛЯ. Для производства торговли в городе существует базарная площадь с общественными весами, которые городским общественным управлением отдаются с торгов в аренду; на базарной же площади расположены и торговые лавки, которых на ней каменных одна, деревянных двадцать восемь и на собственной земле владельцев: каменные 2, деревянных шесть. Торговля в лавках производится ежедневно, кроме воскресных дней, в пятницу и субботу съезжаются крестьяне и инородцы из окрестных деревень с съестными и другими припасами первой необходимости для продажи. Ярмарок существует две – одна в девятую пятницу, а другая Ильинская десятидневная. Производящих торговлю по свидетельству 2-й гильдии купцов считается 7 человек, а остальные производят мелочную торговлю. Самое производство торговли можно разделить на два вида: торговля привозными товарами для местного употребления, как жителей города, так и жителей уезда, к этому виду принадлежат товары мануфактурные, галантерейные, мелличные^{ааааа} изделия, фарфоровые, фаянсовые и стеклянные; другой же вид торговли это вывозными товарами, к которым принадлежат: пушнина, (шкуры) соболя, лисица, белки, бурундука, медведя, колонка, зайца; мед, воск, орехи кедровые, волос, щетина, кожи скотские и конские, овчины, мясо, холст, лен, конопля, дел (сети) для невода, хлеб разных сортов зерновой и круглый, рябчики и косачи – это вывозные товары отправляются частью извозчиками в Томск, Барнаул, к станции Поломошной для отправки по железной дороге в Европейскую Россию или в Восточную Сибирь, частью эти товары отправляются сплавом по р. Томи на плотках в г. Томск. Мануфактурные товары и другие товары, идущие для местного употребления, покупаются частью в Москве, Нижнем Новгороде на ярмарке, в Томске и Барнауле, куда местные купцы ездят сами или посылают своих доверенных; в городе есть^{ббббб} несколько лавок, торгующих мануфактурными товарами на несколько десятков тысяч каждая. По слухам, торговцы при расценке товаров налагают на них 20% на рубль валового дохода. Эти же мануфактурные товары развозятся приказчиками по уезду для распродажи по деревням. Скупом и отправкой вывозного товара занимаются как местные торговцы сами или чрез своих агентов, а также приезжие доверенные от томских, иркутских и даже московских купцов, в особенности от последних приезжают преимущественно для скупа пушнины и дичи – рябчиков и косачей. Скупаемый товар проходит чрез троих – четырех комиссионеров, почему цена на него нарастает все более и более, но это не мешает последнему продавцу взять все тоже изрядный

^{ааааа} так в документе, возможно – металлические;
^{ббббб} далее зачеркнуто слово есть;

барыш. Как в городе, так и в уезде есть много маклаков, которые занимаются куплей-продажей в особенности съестных припасов и в неуказанное законом время, чем занимаются, к стыду тех и крупные торговцы, несмотря на полицейские протоколы, по которым местный судья и приговаривает их к штрафу; также некоторые из^{cccc} здешних торговцев не упускают случая поднимать цену на тот товар, который уже весь вышел из продажи, и вновь еще не доставлен, так было в 1903 г. с керосином, цена на который была поднята за недоставкой его с 5 коп. за фунт, до 15 к.

Крупная торговля производится на наличные деньги, а частью в кредит, а мелочная большей частью на наличные деньги, ловкостью в мелочной торговле отличаются торговцы из инородцев ближних к городу улусов. С введением в г. Кузнецке института случаев неправильной торговли в крупно ее производстве стало менее и менее, но не то можно сказать про производство мелочной торговли, производители которой часто вызываются к мировому судье по случаю составлению на них полицейских протоколов.

Для переводов в другие города денег купцы пользуются^{dddd} как почтово-телеграфной конторой, так и уездным казначейством, для хранения же избытков имеется государственная сберегательная касса при уездном казначействе, сухопутные пути сообщения очень удобны и большей частью находятся в исправности.

ЦЕРКОВЬ. Все народонаселение города Кузнецка принадлежит к православной церкви, обряды которой соблюдаются свято и ревностно, только самая малая часть населения принадлежит к инословному исповеданию. Для религиозных нужд православного населения в городе находятся четыре каменных храма и три часовни. Первый по времени постройки считается двухэтажный Спасо-Преображенский Собор с пределом Святителя Николая Чудотворца. Штат собора состоит из благочинного протоирея, штатного священника, двух дьяконов, псаломщика, любителей певчих и церковного старосты, избираемого прихожанами.

Вторая церковь Одигитриевская, также двухэтажная. Штат Одигитриевской церкви состоит из священника настоятеля, дьякона псаломщика, певчих любителей и церковного старосты, избираемого прихожанами. Преображенский собор и Одигитриевская церковь находятся в центре города, около базарной площади.

Третья церковь Успение Пресвятой Богородицы находится на кладбище на окраине города, в ней один придел; штат священно-церковнослужителей в ней не положено, а богослужение совершают священники Преображенского собора.

^{cccc} далее зачеркнуто слово торговцев;

^{dddd} далее зачеркнуто слово как;

Четвертая церковь находится в тюремном замке построена в крепостной башне в семидесятых годах минувшего столетия, она состоит из одного придела во имя Св. Пророка Илии; в этой церкви штатных священно-церковно-служителей не положено, а для исполнения треб в Кузнецкой тюрьме и для богослужения в церкви командирован священником Преображенского собора священник, который и получает от Кузнецкого отделения тюремного комитета известное жалование. В городе есть три часовни. Кроме обычного ежедневного богослужения в церквях города, в Преображенском соборе по праздничным дням перед вечерней служится акафист иконе Иверской Божьей Матери, каковая икона и находится в соборе. Священно-церковно-служители Преображенского собора и Одигитриевской церкви штатного жалования не получают, а содержатся доходами от прихожан.

Наиболее чтимый святой угодник есть святой пророк Илия, явленный образ которого приносится из с. Ильинского в девятую пятницу после Пасхи, находится несколько дней в городе, обносится торжественно кругом города и препровождается также торжественно обратно в с. Ильинское. Из других торжественных крестных ходов и водосвятий, бывающих в гор. Кузнецке, чтутся нижеследующие: Спасов день (1 августа), Богоявление Господне (6 января), день Одигитриевской Божьей Матери (28 июля), Вознесение Господне, Св. Пророка Илии (20 июля), Св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены (21 мая), в день Св. Флора и Лавра. Случаев перехода из православия в инославные религии не было, но обращение в православие случалось нередко, в особенности из язычества.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Народное образование началось в г. Кузнецке уже в 18 столетии, а именно 22 июля 1790 года, когда город Кузнецк принадлежал к Колыванскому наместничеству, открыто было в городе малое народное училище двухклассное при 50 учеников, но первого мая 1797 года это училище по неимению средств к содержанию было закрыто, и дети обучались частными лицами «мастерами» и «мастерицами», из последних в 1800 г. особенно славилась Дарья Степановна Хабарова. В 1826 году в г. Кузнецк перенесено было закрытое в Нарыме уездное двухклассное училище и открыто при 14 учащихся. Кузнецкое общество пожертвовало для вновь открытого училища дом, но требующий исправления^{еееее} и пристроек; в это^{fffff} училище с приготовительным при нем классом Томской дирекцией назначен и.д. смотрителя г. Ананьин, учителей же не было, так как в учителях в то время был^{ggggg} в Томской дирекции полный недостаток, вследствие сего к 1830 году в Кузнецкое уездное училище образовался капитал в 10 073 руб. Одиннадцатого августа 1836 г. Кузнецкое двухклассное уездное училище

^{еееее} далее зачеркнуто сочетание букв ления;

^{fffff} далее зачеркнуто сочетание букв м году;

^{ggggg} далее зачеркнуто слово недостаток;

преобразовано в трехклассное по уставу уездных училищ 8 декабря 1828 г. и в новооткрытый класс его переведено из второго восемь человек. В 1839 г. по крепостному акту 14 марта для училища был куплен частный^{hhhhh} каменный двухэтажный дом и приспособлен к классному помещению.* В ноябре месяце 1849 года совет Томского общего губернского управления постановил открыть приходские училища в г.г. Кузнецке и Нарыме, но Кузнецкое приходское училище открыто было только 5 сентября 1854 года.

Несмотря на то, что Кузнецкая полиция в 1859 г. доносила, что в гор. Кузнецке никто из жителей не пожелал обучать детей своих в училище, кроме коллежского ассесора Вайгашева, но г. Томский губернатор все таки побуждал г. Кузнецк позаботиться о женском образовании. 13 августа 1861 года мещанское общество составило приговор о том, что за неимением средств оно не может открыть школу; из 25 купцов 16 купцов, проживающих в городе, постановили давать ежегодно по 3 руб. каждый; чиновники, приглашенные выразить свое сочувствие сему полезному делу каким-либо небольшим посильным пожертвованием, при участии некоторых обывателей собрали 159 руб. 50 коп. Впрочем, и мещанское общество изъявило желание выполнить внушение губернатора и обязалось давать ежегодно 50 р., но оно при одном обещании и осталось и об этих 50 р. тянулась переписка до 1869 года.

Первого июля 1902 года уездное училище преобразовано в городское трехклассное по положению 31 мая 1872 года с ассигнованием содержания из средств государственного казначейства 3325 р. ежегодно. К первому января 1904 года в нем состояло девяносто учащихся мальчиков при четырех преподавателях, а именно: учитель-инспекторⁱⁱⁱⁱ с годовым от училища содержанием 640 руб., законоучитель священник с окладом жалования 330 руб. в год. Двое учителей с годовым содержанием 615 р. каждому в год. В 1903 году на содержание городского училища из средств государственного казначейства по смете министерства народного просвещения было отпущено 3775 р. 35 к. Фундаментальная библиотека училища к 1 января 1904 г. состояла из 701 названия в 1958 томов. Плата за учение положена в год за учащегося 5 рублей.

Мужское приходское училище открыто, как выше было упомянуто 5 сентября 1854 года; в нем к 1 января 1904 года состояло до 100 учеников мальчиков, один законоучитель и три учительницыⁱⁱⁱⁱⁱ, законоучитель получает от училища 100 руб. в год, заведующая училищем 436 р., две учительницы по 400 руб. каждая в год. На содержание училища в 1903 году было отпущено

^{hhhhh} далее зачеркнуто слово дом;

* 9 мая 1884 года этот дом сгорел вместе с ним сгорела довольно порядочная библиотека, училищное помещение при оставшихся каменных стенах было реставрировано в 1887 году, в коем виде и сейчас. (Примечание автора).

ⁱⁱⁱⁱ далее зачеркнуто слово содержанием;

ⁱⁱⁱⁱⁱ далее зачеркнуто фраза 100 руб. в год;

но из государственного казначейства 798 руб. и от Кузнецкого городского общественного управления 597 р. 98 к. В библиотеке училища состоят 503 названия в 1001 том. Попечителем училища состоит почетный гражданин города Кузнецка Степан Егорович Попов.

Кузнецкое женское двухклассное училище открыто в 1892 г., а с 1900-1901 учебного года г. Попечителем Западно-Сибирского учебного округа на основании 3439 ст. II т. Св. Зак. издания 1893 г. преобразовано из одноклассного в двухклассное, акт открытия был 4 октября 1900 г. В училище к 1 января 1904 г. состояло 101 ученица, один законоучитель с жалованием 100 руб. в год, заведующая училищем учительница с жалованием 436 руб. в год и двумя учительницами, получающими по 400 руб. в год каждая; на содержание училища отпускалось из государственного казначейства в 1903 г. 1030 руб. и из Кузнецкого городского общественного управления 383 р. 12 к. В библиотеке училища было 504 названия книг в 1264 томах. Как мужские приходское, так и женское двухклассное училища с самого их открытия не имели собственного помещения, а помещались в наемных домах по первое сентября 1894 года, а с этого года стали помещаться в собственном каменном двухэтажном доме, выстроенным на средства почетного гражданина г. Кузнецка Степана Егоровича Попова и пожертвовавшего городу для училища. Попечительницей училища состоит супруга почетного гражданина гор. Кузнецка Степана Егоровича Попова Елена Васильевна Попова.

Кузнецкая церковно-приходская школа открыта была в 1899 г., в ней к первому января 1904 г. обучалось 40 мальчиков, учителями состояли дьякон Ф.В. Мархинин и законоучителем дьякон П.Н. Федяев, которые занимались безвозмездно; на содержание училища из средств Преображенского собора отпускалось 120 руб., а из Кузнецкого отделения съезда – учебники и учебные пособия бесплатно; книги для внеклассного чтения в библиотеке насчитывалось 170 экземпляров. Преподавателями в училищах состоят [лица] окончившие курс в учительских семинариях, а преподавательницами – окончившие курсы в женских гимназиях.

Желающих поступить в средние учебные заведения готовят здесь же в Кузнецке те же учителя и учительницы, дети отсылаются в Томск, Барнаул и другие города для поступления в^{kkkkk} имеющиеся там средние учебные заведения. Чтобы дать бедным учащимся возможность учиться и материально поддерживать их, существует в Кузнецке общество вспомоществования учащимся, членов в котором к первому января 1904 года было: почетных 10, действительных 100, членов соребнователей 83 человека.

Кузнецкая общественная библиотека открыта в 1895 г. и имеет 719^{lllll} названий книг в 1499^{mmmmmm} томов.

^{kkkkk} далее зачеркнуто слово гимназии;

^{lllll} цифры вписаны в текст чернилами;

^{mmmmmm} цифры вписаны в текст чернилами;

НАРОДНОЕ ЗДРАВЬЕ. Город Кузнецк хотя по своему местоположению и находится в благоприятных условиях, но санитарная его часть требует улучшения, в особенности [в] весеннее время, когда от несоблюдения санитарных условий развиваются многие болезни; из болезней здесь существуют лихорадки, горячки, горловые болезни, катары желудка, но эпидемий не существовало в последнее время. Вообще же надо сказать смертность в городе небольшая. Для подания помощи заболевшим в городе находятся три врача, состоящие на государственной службе, а именно: городской врач, который также заведует тюремной больницей, военный врач, заведывающий военным лазаретом и участковый врач, заведывающий земской больницей Кузнецкого участка, которая находится в городе; при врачах состоят фельдшера. Городское общественное управление содержит городскую акушерку; лекарствами жители пользуются из одной вольной аптеки, как при тюрьме, так при больнице и военном лазарете есть свои больничники.

Оспу прививают как врачи, так и фельдшера, городской больницы нет. Жители не прочь воспользоваться советами разных знахарей и знахарок и их лекарствами; но большинство жителей пользуются домашними средствами. Болезни на скоте также бывают по временам, но эпидемических нет; скот заболевает ящуром, воспалением легких, чесоткой и проч. Для лечения больного скота находится в городе ветеринарный фельдшер, и он же свидетельствует скот, убиваемый на городской скотобойне, мясо которого предназначено к продаже жителям. Общий ветеринарный надзор принадлежит ветеринарному врачу, резиденция которого находится в с. Салаире Салаирской волости в 110 верстах от Кузнецка.ⁿⁿⁿⁿⁿ Торговых бань в городе нет. Нечистоты обыватели отвозят из города на место, отведенное городским общественным управлением и называемым «поганный лог».^{ooooo}

НАРОДНАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ. С закрытием вольной продажи вина и с введением казенной, публичное пьянство во много раз сократилось, так как теперь в будничные дни редко можно увидеть в городе человека в безобразно пьяном виде, как прежде, хотя и теперь, в особенности в базарные дни казенные винные лавки торгуют бойко, так в лавке № 687 в 1903 году продано питей 4640,77 ведра на 40970 руб. 17 коп., а в лавке № 688 продано питей 2029,04 ведра на 17923 р. 93 к., а всего на 58904 руб. 10 коп. Конечно, не вся эта сумма истрачена жителями гор. Кузнецка на крепкие напитки, в нее должны войти и деньги, употребленные жителями других местностей, в особенности крестьянами и инородцами окрестных деревень, приезжающими в особенности в базарные дни для продажи разных сельских произведений. С сокращением пьянства уменьшилось число смертных случаев от неумерен-

^{ooo-ppp} *вписано чернилами в конце абзаца;*

ного употребления крепких напитков, а также и число преступлений. Кровавых преступлений [таких] как убийств с целью грабежа или воровства со взломами, а также злоумышленных поджогов почти не бывает, мелкие же воровство-кража и воровство-мошенничество бывают нередко, а также нанесение побой^{PPPPP} и личных оскорблений, разбором которых местный судья почти что завален, так как он вместе и судья первого участка Кузнецкого уезда и судебный следователь. В Кузнецком тюремном замке оставалось к первому января 1902 г. 97 арестантов, поступило в 1902 г. 197 арестантов; выбыло из тюрьмы по болезни 2 арестанта, умерло 2 арестанта, выбыло за отсутствием срока наказания 204 арестанта, осталось к 1 января 1903 г. 90 арестантов.

В каталажной камере при Кузнецком полицейском управлении оставалось к первому января 1902 г. десять арестантов, поступило в 1902 г. 190 арестантов, выбыло 200 арестантов, к первому января 1903 г. никого не оставалось.

В тюремном замке большинство содержащихся было из обывателей уезда, а в каталажной камере при полицейском управлении были из обывателей города, арестованных за пьянство до вытрезвления, также по приговорам мирового судьи. Партии с арестантами из г. Кузнецка отправляются по субботам и идут на Бийск, Барнаул и Томск, и из г. Томска в Кузнецк через Барнаул и Бийск, так что арестантской партии из Кузнецка до Томска приходится быть в дороге месяц, а в распутицу и более.

Чтобы иметь возможность приятно провести свободное время интеллигентной части публики и обменяться мыслями в г. Кузнецке существует общественное собрание, открытое в шестидесятых годах минувшего столетия; оно помещается в наемном доме. Члены собираются в нем в известные дни недели на карточные и танцевальные вечера; при собрании находится театральная сцена, на которой даются любителями и заезжими артистами спектакли, музыкальные вечера, в собрании же бывают детские танцевальные вечера, елки и маскарады; всех членов к 1 января 1904 г. было 33 человека. Чайная кузнецкого общества трезвости также посещается простым народом, как и интеллигентной публикой. К другим общественным увеселениям относятся: конские бега, как верхом на скаковых лошадях, так и экипажах на рысаках, катанья с гор на масленице, качели на святой [Пасхе] и пр.

Публичных домов терпимости нет, но тайная проституция все-таки существует в особенности в той части города, которая называется «слободкой»; хотя и преследуется полицейскими протоколами, по которым местный мировой судья и налагает на виновных наказания.

^{PPPPP} так в тексте, вероятно побоев;

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ. К остаткам древности принадлежит выстроенная в конце 18 столетия крепость, в которой помещается тюремный замок; башня над воротами этой крепости обращена в церковь во имя Пророка Илии; на стенах этой крепости находится несколько чугунных пушек весом от 82 до 86 пудов каждая, отлитых в Екатеринбурге в 1802 г. В ограде крепости находится деревянная часовня над деревянным крестом, который имеет в вышину^{qqqq} около 3 аршин^{tttt}; на обратной стороне этого креста есть надпись следующего содержания: «лета от рождества Христова 1717^{ssss} году июня 20 во дни благохранимыя Державы Великого Государя, Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великая и Малая и Белая России многих государств и земель обладателя и Самодержца в Его Пресвятой Державе в стране Сибирстей во святом граде во Кузнецком благоволиша на сем месте водрузити крест и над ним устроити молитвенный храм во славу и вольно распятого Господа Нашего Иисуса Христа. Из пред ради ведения будущим родом. А сие при бытности полковника и коменданта Бориса Акимовича Синявина. И все сие устроенного молитвенного храма и водружения честного Креста совершися благо щаливейший Его и градских жителей промыслом тщанием сего же лета от воплощения Богослова 1717^{tttt} году. А сотворение всего мира 7225. Написася сей крест Изуграфом Яковом Лосевым». ^{uuuuu}В архиве Кузнецкого Преображенского собора хранится грамота Государя и Великого Князя Михаила Федоровича Романова, писанная в 23 день декабря 1624 года на имя воеводы Кузнецкого острога Евдокима Ивановича Баскакова при которой была послана во вновь построенный Преображенский (деревянный) храм различная церковная утварь.^{vvvvv} Из других остатков древности известны: 1) около крепости на берегу р. Томи на мысу находится курган, в котором сохранились черепки глиняной посуды, кости животных и обломки кремней, 2) на восточной стороне города в расстоянии примерно полторы версты от р. Томи есть земляная четырехугольная насыпь, а также и ров, но предания об этой насыпи никакого нет. Древние монеты также были найдены около Кузнецка – так 30 марта 1882 г. около города с правой стороны р. Томи на склоне крепостного вала отставным рядовым Павлом Копыловым (ныне умершим) под березовым пнем был найден небольшой берестяной тусок с мелкой серебряной монетой весом до двух фунтов; монеты эти царствования Михаила Федоровича, но где в настоящее время эти монеты находятся не известно.

^{rr-sss} вписано чернилами в строке;

^{sssss} вписано чернилами под строкой и продублировано внизу страницы;

^{ttttt} вписано чернилами под строкой;

^{vvv-www} вписано чернилами на полях;

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Из этого краткого описания г. Кузнецка можно усмотреть, что, несмотря на разнообразие и избыток естественных произведений, свозимых в город, обрабатывающая промышленность в нем не развита, так как у жителей нет знания и умения, потому что получить эти знания неоткуда – ибо не существует ни ремесленных учебных заведений, ни технических, ни сельскохозяйственных, в которых город очень нуждается; нельзя не согласиться с мнением знатока экономического положения Кузнецкого уезда Н.А. Короткевича, высказанного им в брошюре «Вопросы промышленного развития Сибири (Кузнецкий железно-угольный край)», в которой он также находит необходимым открытие как сельскохозяйственных, так и ремесленных училищ.

Для распространения первоначального образования народа в Кузнецке как интеллигенцией, так обществом, городским общественным управлением и частными лицами делалось и делается по возможности все, что можно; так интеллигенция устраивает в пользу бедных учащихся и общественной библиотеки спектакли, концерты и лотереи; кузнецкое общество жертвует на бедных учащихся по подписке по мере своих сил и возможности, что может, городское общественное управление ассигнует деньги на женское приходское училище; из частных же лиц почетный гражданин г. Кузнецка С.Е. Попов выстроил на собственный счет и пожертвовал каменный дом под училища и состоит почетным блюстителем мужского приходского училища с 5 декабря 1894 г., а супруга его Е.В. Попова состоит также с 5 декабря 1894 г. почетной блюстительницей женского приходского училища; правительство также со своей стороны дает помощь для развития народного образования и отпускает суммы на училища из местного казначейства. В будущем желательно, чтобы в уезде развивалась золотопромышленность, каменноугольное и железное производство, а также сельскохозяйственное, а в городе обрабатывающая промышленность и вместе с тем технические, сельскохозяйственные и ремесленные школы, большая солидарность между жителями, тогда разовьется в торговля, так как город стоит на сплавной реке и избыток обрабатывающей промышленности, так и от сельскохозяйственных продуктов может быть сплавлен в г. Томск и в Поломошную для отправки по железной дороге в Европейскую Россию и Восточную Сибирь.

ИСТОЧНИКИ. Щуровский – Геологическое путешествие по^{wwwww} Алтаю; Карл Риттер – землеведение Азии. Т. III и IV; ^{xxxxx}Памятная книжка Западной Сибири 1881 год;^{yyyyy} Памятная книжка Томской губ. 1885 г.; Короткевич – Вопросы промышленного развития Сибири (Кузнецкий железно-угольный край); Летописи Николаевской главной физической обсерватории.

^{wwwww} в тексте зачеркнуто слово Азии, вместо него вписано сверху слово Алтаю;
^{yyy-zzz} вписано чернилами над строкой;

Ежемесячные и годовые выводы из метеорологических наблюдений станции 2-го разряда 1901 г.; также лично мною собранные сведения и наблюдения.

Д. Поникаровский

г. Кузнецк
26 апреля 1904 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Число жителей в г. Кузнецке в 1902 году

<u>По сословиям</u>	м	ж	<u>По вероисповедани- ям</u>	м	ж
Дворян потомственных	32	41	Православных	1970	2066
Духовенства белого	6	5	Раскольников	8	14
Монашествующих			Католиков	11	15
Почетных граждан потомствен[ных]	6	8	Евреев	7	7
Купцов второй гильдии	7	8	Магометан	1	
Мещан	1585	1798	Итого	1997	2102
Крестьян	166	172	Всего	4099	
Войска	125		<u>Движение народона- селения</u>		
Чинов запаса	24	19	Число браков	22	
Отставных нижних чи- нов	19	17	Законнорожденных	75	52
Иностранцев	19	24	Внебрачных	3	3
Лиц, не принадлежа- щих к вышесказанным сословиям	8	10	Умерших	51	57
Итого	1997	2102			
Всего	4099				

Насильственных смертных случаев: повесившийся 1, убито другим способом 1, утонуло 1, умерло от других случаев 2.

РОД ФАБРИК И ЗАВОДОВ

		Сумма производ- ства	Число рабочих
Кирпичных	8	6000	20
Маслобойных	1	700	2
Мыловаренных	1	600	2
Пивоваренных и ме- доваренных	1	2000	4
Шубных	2	600	4
Столярные изделия из дерева	4	800	4

Слесарных	2	400	2
Кузнечных	7	1400	14
Мельниц	1	300	2
А всего	26	12500	51

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ		КОЛИЧЕСТВО СКОТА	
Пчеловодство	9	Лошадей	1389
Извозчиков	16	Рогатого	1024
На приисках	29	Овец	232
Рыболовов	6	Коз	68
Скорняков	2	Свиней	56
Портных	4		
Сапожников	8		

ПОЖАРНАЯ ЧАСТЬ

^{zzzzz}В городе Кузнецке есть Вольное пожарное общество, основанное в 1898 году, но его деятельность ограничилась с самого основания только тем, что завело каски для своих пожарных^{aaaaa} [далее текст утрачен].

Число лошадей	9
Число пожарных	10
Бочек	3
Машин	4
Сумма содержания	1604

Почта

^{bbbbb}Государственная почта приходит в город по понедельникам и пятницам утром, а уходит во вторник^{cccc} [далее текст утрачен].

О движении почтово-телеграфной корреспонденции и об оборотах по учреждениям томского почтово-телеграфного округа по Кузнецкой почтово-телеграфной конторе в 1902 году.

Число проданных почтовых марок 25350 на 1684 р. 84 к.; число проданных штемпельных конвертов 386 на 29 р. 79 к.; бланков для закрытых писем 477 на 17 р. 37 к. Получено периодических изданий 49616; простых писем платных 31839, бесплатных 27684; закрытых писем 7163; денежных и ценных пакетов получено 2295 на сумму 254018; отправлено 2957 на сумму 270275.

^{aaaa-bbbb} текст вписан чернилами внизу страницы;

^{cccc-dddd} текст вписан чернилами внизу страницы;

Ценных посылок получено 419 на сумму 16602; отправлено 155 на сумму 15591; посылок без цены получено 369, отправлено 728^{dddddd}. Число чиновников 3, низших служителей 4, содержание в год 2277 р., на наем помещения и канцелярские расходы 724 р. 58 к., телеграмм исходящих 3415, входящих 3317, а всего 6732. Доход почтовый 2776 р. 11 к., телеграфный 3469 р. 53 к. Государственный десятикопеечный сбор с проезжающих 40 р. 60 к., а всего 6286 р. 25 к.

Журналы и газеты, выписанные в 1903 г. в Кузнецкой общественной библиотеке: «Биржевые ведомости», «Будильник», «Вестник Европы», «Вестник иностранной литературы», «Детский отдых», «Игрушечка», «Журнал для всех», «Исторический вестник», «Мир Божий», «Нива», «Новое дело», «Русское богатство», «Русская мысль», «Русское слово», «Сибирская жизнь», «Север».

Заведывающая библиотекой библиотекарша получает за свой труд по заведыванию библиотекой 120 р. в год.

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

Кузнецкая центральная государственная касса основана в 1889 г. В первый год ее действия открыто было 153 лицевых счетов. К 1 января 1890 года осталось на лицо 147 вкладчиков с суммой вкладов 29760 р. 92 к. Общее число открытых лицевых счетов с начала действия кассы достигло к 1 января 1904 г. 2581, причем при 1125 действующих счетов к этому времени, остаток вкладов был равен 237229 р. 91 к.

Почтово-телеграфные кассы основаны: в Кузнецке в 1893 г., в Салаире в 1896 г. По обоим кассам к 1 января 1904 г. количество открытых лицевых счетов достигло 440, осталось же действующих счетов только 224 с остатком валового дохода 48061 р. 71 к.

ПЕРЕЧЕНЬ

Сметы доходов и расходов г. Кузнецка Томской губернии на 1903 г.

	Предмет дохода			Предмет расхода	
§ I	Сбор с недвижимого имущества	733 р.	§ 1	Участие в расходах по содержанию правительственных учреждений	24 р.
§ II	Сбор с торговли и промыслов	1325 р.	§ 2	Содержание городского общественного управления и сиротского суда	2820 р.

^{dddddd} далее в тексте зачеркнуто на сумму;

§ III	Сбор с экипажей, лошадей и собак частных лиц	50 р.	§ IV	Воинская квартирная повинность	965 р.
§ IV	Пошлины разных наименований	100 р.	§ 5	Содержание городской полиции	1170 р.
§ V	С городских имуществ и оброчных статей	4928 р.	§ 6	Содержание пожарной команды	167 р.
§ VI	С городских сооружений (предприятий)	76 р.	§ 7	Благоустройство города	100 р.
§ VII	Пособия городу и возвратные расходы	1675 р.	§ 8	Содержание городских сооружений	100 р.
§ VIII	Разных поступлений	1516 р.	§ 9	Народное образование	1384 р.
	Итого	10427 р.	§ 11	Медицинская, ветеринарная и санитарная часть	1141 р.
			§ 12	Уплачено налогов	103 р.
			§ 13	Содержание и устройство принадлежащих городу недвижимых имуществ	578 р.
			§ 16	Разных расходов	305
				Всего расходов	10368 р.

Из «летописи Николаевской главной физической обсерватории, ежемесячные и годовые выводы из метеорологических наблюдений станции 2 разряда 1901 года»

Кузнецк, Томской губернии. Станция в Кузнецке осматривалась С.Я. Ганнот 12 и 13 октября 1901 г. Станция эта 13 октября 1901 г. на средства Кабинета Его Величества преобразована в станцию II разряда I класса. Часы проверяются по телеграфным; сверх того на станции имеются солнечные часы флеше. Чашечный барометр Эди-Фуса № 622 наполнен С.Я. Ганнотом и повешен в конторе управления Кузнецким именем на высоте 0,77 м. над полом. Поправку барометра г. Ганнот нашел - 0,06 м. Абсолютная высота барометра на основании барометрических наблюдений за ноябрь и декабрь 1901 г. по Тайге, Мариинску и Барнаулу получилось = 185 метров. Психометрическая будка 13 октября перенесена в огород при конторе управляющего именем; положение ее не вполне открытое. 13 октября в психометрической клетке установлены новые психометр и волостной гигрометр. Флюгер остается на прежнем месте при квартире г. Бородухо, где станция помеща-

лась до августа 1900 г., положение его недостаточно открытое, к № W^{еееее} находится от него высокий дом. Ось флюгера несколько наклонена к S^{ffffff} и потому заметно трение. Дождемер в конце 1900 г. был окружен воронкообразною защитою, изготовленной на месте. У одного дождемерного сосуда утерян колпачок к его носику.

ПОЧТОВЫЙ ТРАКТ

	<u>Кузнецк- Барнаул-Томск</u>	От Кузнец- ка ^{ggggg}	Перегон ^{hhhhh}	От Том- ска ⁱⁱⁱⁱⁱⁱ
	Название стан- ции			
1	Кузнецк	-	-	666 ¼
2	Ильинская	18	-	648 ¼
3	Терентиевское	49	31	617 ½
4	Карагайлинская	76	27	590 ½
5	Бачат	99	23	567
6	Салаирский рудник	130	31	536
7	Крестовская	151	21	515
8	Хмелевская	184	33	481
9	Сорокинская	214	29	452
10	Копыловская	231	14	434
11	Голубцовская	258	26	408
12	Белоярская	292	34	374
13	Повалищенская	303	11	363
14	Ветвь на Бар- наул	322	19	382
15	Озерская	319	16	347
16	Тальменская	342	23	323
17	Анисимовская	367	25	298
18	Ганюшкино зимовье	392	24	274
19	Медведская	401	19	254
20	Девкина	439	27	227

еееее вписано чернилами;

ffffff вписано чернилами;

gggggg вписано чернилами;

hhhhh вписано чернилами;

iiiiii вписано чернилами;

21	Мостовская	459		
22	Боровлянка	401	31	175
23	Гутова	522	30	145
24	Долгова	542	22	123
25	Ачинская	567	34	99
26	Проскокова	590	23	76
27	Варюхина	621	31	44
28	Калтайская	642	20	24
29	Томск	666	24	
	Итого 666 $\frac{1}{4}$ и обратно 666 $\frac{1}{4}$			
	<u>Земский тракт</u> <u>Кузнецк-Бийск</u>			
1	Кузнецк	«	«	226
2	Березовское	25	«	201
3	Томский завод	49	24	177
4	Тогульское зимовье	77	28	149
5	Тогул	96	19	130
6	Мартыновское	121	25	105
7	Яминское	146	25	80
8	Марушко	181	35	45
9	Чемровка	201	20	25
10	Бийск	226	25	«
	Итого 226 в. Обратно 226 в.			
	<u>От Кузнецка на</u> <u>Мунгатскую,</u> <u>Верхотомскую</u> <u>и Тарсминскую</u> <u>волости</u>			
1	Кузнецк	«	«	296
2	Ильинское	18	«	278
3	Недорезова	34	16	262
4	Терентьевское	49	15	247
5	Котина	67	18	229
6	Каракан	92	25	204

7	Сартакова	117	25	179
8	Борисова	145	28	151
9	Панфилова	165	20	131
10	Шевелева	180	15	116
11	Березова	200	20	96
12	Усть-Искитимская	216	16	80
13	Топкинская	238	22	58
14	Вновь-Стрельна	256	18	40
15	Козлова	276	20	20
16	Усть-Сосновское	296	20	«
	Итого 296 в. Обратно 296 в.			
	<u>Мунгатско-Касьминский</u>			
1	Борисова	«	«	79
2	Чусовитина	16	«	63
3	Драченинское	36	20	43
4	Шабанова	64	28	15
5	Брюханова	79	15	«
	Итого 79 в. Обратно 79 в.			
	<u>Почтовый тракт</u> <u>Кузнецк-Тогул</u>			
1	Кузнецк	«	«	96
2	Березовское	25	«	81
3	Томский завод	49	24	47
4	Тогульское зимовье	77	28	28
5	Тогул	96	19	«
	Итого 96 в. Обратно 96 в.			
	<u>Земский тракт</u> <u>Кузнецк-Томск</u>			

kkkk-llll *вписано чернилами в тексте;*

1	Кузнецк	«	«	402
2	Ильинское	18	«	370
3	Недорезова	34	16	363
4	Терентиевское	49	15	348
5	Карагайлинская	76	48	321
6	Бачатская	99	23	298
7	Салаирское	119	20	273
8	Пестерева	134	22	263
9	Брюхановское	163	28	234
10	Вагановское	178	15	219
11	Тарасова	203	25	194
12	Абашева	226	20	171
13	Усть-Сосновка	243	17	154
14	Кокуй	258	15	139
15	Поперечная	279	22	118
16	Талое	309	30	88
17	Проскокова	321	ⁱⁱⁱⁱ 12	76
18	Варюхина	352	31	44
19	Калтай	372	^{mmmmmm} 20	24
20	Томск	402	24 ³ / ₄	«
	Итого 402 в. Обратно 402 в.			
	<u>Кузнецк- Барнаул</u>			
1	Кузнецк	«	«	265
2	Березовское	25	24	216
3	Тогульское зи- мовье	77	28	188
4	Тогул	96	19	169
5	Кытманова	132	36	133
6	Лосина	162	30	103
7	Косихинское	187	25	78
8	Жилина	207	20	58
9	Белоярское	234	27	30
10	Повалиха	245	11	19
11	Барнаул	265	19	«
	Итого 265 в. Обратно 265 в.			

ⁱⁱⁱⁱ перед цифрой зачеркнуто 76;
^{mmmmmm} перед цифрой зачеркнуто 31;

	<u>Проселочный тракт Брюхановское-Усть-Искитимское</u>			
1	Брюхановское	«	«	97
2	Шебанова	15	«	82
3	Морозова	40	25	57
4	Пинигина	65	25	32
5	Ягунова	85	20	12
6	Усть-Искитимское	97	12	«
	Итого 97 в. Обратно 97 в.			
	<u>Земский тракт Котино-Банново^{оооооо}</u>			
1	Котино	«	«	199
2	Ул. Каралдинский	15	«	184
3	Пермякова	30	15	169
4	Инские Вершины	55	25	144
5	Поперечная	75	20	124
6	Междугорное	85	10	114
7	Кропивино	93	8	106
8	Банновское	123	30	76
9	Сарапкина	153	30	46
10	Шевелева	158	5	41
11	Березова	183	25	16
12	Усть-Искитим	199	16	«
	Итого 199 в. Обратно 199 в.			
	<u>Кузнецк-Карагайлинская</u>			
1	Кузнецк	«	«	70
2	Калачева	15	«	55
3	Прокопьевское	30	15	40
4	Усятское	39	9	31

оооо-рррр *вписано чернилами в тексте;*

5	Афони́на	48	9	22
6	Сергеевский ул.	55	7	15
7	Карагайлинская	70	15	«
	Итого 70 в. Обратно 70 в.			
	<u>Томский ли- нейный тракт</u> <u>1-й Кузнецк- Салтон</u>			
1	Кузнецк	«	«	[1]71
2	Ашмарина	18	«	153
3	Калтанская	38	20	133
4	Кузедеева	58	20	113
5	Кондолеп	78	20	93
6	Сара-Чумыш	94	16	77
7	Пуштылим	116	22	55
8	Верхнее- Ненинская	138	22	33
9	Каракан	153	15	18
10	Уропское	163	10	8
11	Салтон	171	8	«
	Итого 171 в. Обратно 171 в.			
	<u>Томский ли- нейный тракт</u> <u>2-й Кузнецк- Салтон- Спасский при- иск</u>			
1	Кузнецк	«	«	312
2	Березовское	25	«	277
3	Томский завод	49	24	«
4	Тогульское зи- мовье	77	28	«
5	Тогул	96	19	«
6	Мартыновское	121	25	«
7	Шалеп	139	18	«
8	Чесноковка	154	15	«
9	Половичева	169	15	«

10	Каракан	184	15	«
11	Урупская	194	10	«
12	Салтонское	202	8	«
13	Сузопский улус	217	15	«
14	Антроповский ул.	247	30	«
15	Кондомский ул.	272	25	«
16	Спасский при-иск	312	40	«
	Итого 312 в. Обратно 312 в.			

Цены, существовавшие в 1903 г. в г. Кузнецке на предметы первой необходимости.

Муки ржаной пуд	от 35 к. до 50 к.
Пшеничная	45-80 к.
Овес	20-30 к.
Крупа ячнная	1 р. – 1 р. 20 к.
гречневая	1 р. 20 к.
просьяная	1 р. – 1 р. 20 к.
Горох	1 р. 20 к.
Соль пуд	60 к. – 80 к.
Мясо пуд	2 р. – 2 р. 80 к.
Баранина пуд	2 р. – 2 р. 40 к.
Телятина	2 р. – 2 р. 80 к.
Свинина	2 р. – 2 р. 40 к.
Чай байховый	1 р. 40 к. – 2 р.
Кирпичный кирпич	90 к. – 1 р. 20 к.
Сахар пуд	[текст утрачен]
Мед	8 р. – 10 р.
Дрова осиновые	2 р. 40 к. – 2 р. [текст утрачен]
березовые	2 р. 70 к. – 3 р.
Масла скоромного	8 р. – 10 р.
конопляного	6 р. – 7 р.
Капусты свежей 100 вилок	50 к.
Картофеля мешок	50 к.
Моркови	40 к.
Свеклы	50 к.
Конопля пуд	2 р.
Лен пуд	2 р. 50 к.

Сена воз	от 70 к.
Соломы	50 к.

Цены на рабочие руки

Кучеру в месяц	от 3 р.
Кухарке	от 2 р.
Рабочему пешему	30 к. в день
Конному	70 к. в день
Плотнику	70 к. в день
Каменщику	1 р. в день

¹ Документальных данных об организации сбора ясака в верховьях реки Томи до 1609 года не сохранилось. Однако несомненно, что сразу же после строительства Томска в 1604 году местные воеводы обязаны были озаботиться этой проблемой. Более того, в «Наказе Б. Годунова сургутскому воеводе Ф. В. Головину и письменному голове Г. И. Писемскому о строительстве г. Томска от 25 марта 1604 года» прямо ставилась задача: «А как де в Томи город станет и тех де городков кочевные волости все будут под государевою царскою высокою рукою, и ясак де с них имати мочно; а которые де люди живут на Томской вершине 8 волостей, и те де люди учнут в государеву казну давать ясак. Да в Томской же де вершине живут 200 человек кузнецов (речь идет о племени абинцев, проживавших в низовьях рек Абы, Мрассу и Кондомы – А.Е.), а делают доспехи из железа стрельные и котлы выкавывают, а у них де 2 князька Базарак да Байдала; а до мелесцов до Исека князька от Томи 10 ден.»

См. Кузнецкие акты. Сб. док. Вып. 1. Кемерово, 2000. С. 17; Бояришинова З. Я., Голлицева Г. А. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи // Из истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1970. С.207.

² Об этом свидетельствует «Отписка томских воевод В. Волынского и М. Новосильцева об их сношениях с людьми Кузнецкой волости» от 1609 года. В ней они указывали: «В нынешнем, государь, в 117 году ноября в 20 день посылали, государь, мы, холопи твои, для твоего государева ясаку в Кузнецкие волости томских служилых людей конных казаков Баженка Костянтинова да Левку Олпатову, да Ивашка Шокурова с товарищи. И пришли, государь, оне из Кузнецких волостей февраля в 11 день и в расспросе, государь, нам, холопом твоим, Баженко с товарищи сказали, что их в Кузнецких волостях хотели побить, и ясаку дать не хотели...».

См. Кузнецкие акты. Сб. док. Вып. 1. Кемерово, 2000. С. 29; Миллер Г.Фю История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 311, 412.

³ Эти же воеводы писали в 1610 году: «И пришли, государь, из Кузнецких волостей атаман Ивашка Павлов со служилыми людьми февраля во 2 день и в расспросе, государь, нам, холопом твоим, сказали, что он, Ивашко, пришел в Кузнецкие волости, осекся в крепость и служилых людей по волостям к кузнецким людям посылал для твоего государева ясаку, а ясак твой, государев, велел на них взять, и с ясаком кузнецких людей взять в Томский город. И кузнецкие, государь, люди не со многих волостей дали твой государев ясак, и то не сполна, не со всех людей... И которые, государь, твои государевы служивые люди ходят для твоего государева ясаку в Кузнецкие волости, и кузнецкие, государь, люди

твоих государевых служилых людей смотрят голодом, и запасов, и рыбы служивым людям не продают, хотят твоих государевых служилых людей поморить голодом». Данный документ характеризует изменение тактики сбора ясака в верховьях Томи. Во-первых, строительство временного укрепления, откуда отправляются сборщики. Во-вторых, изменяется и тактика местного населения – теперь на смену прямым нападений приходит тактика хозяйственного давления.

См. Кузнецкие акты. Сб. док. Вып. 1. Кемерово, 2000. С. 31; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 311, 425.

⁴ Это подтверждается челобитной томских казаков И. Недомолвина и П. Кызылова о жалованье за службу среди кузнецких татар: «В прошлом, государь, во 123 году посылали, государь, нас, холопей твоих, на твою государеву службу твои государевы воеводы Гаврило Юдичь Хрипунов, Иван Борисович Секерин на твоих государевых изменников на кузнецких людей войною Томского города с сотником стрелецким, с Иваном Пуцциным да с казачьим атаманом з Баженом Костентиновым... И января в 15 день те твои государевы изменники кузнецкие люди, собрався со многими людьми: с колмаками с черными и з белыми, и с киргизами, и с курчюгуцкими тысяч с 5 и больши, и нас, государь холопей твоих те твои государевы изменники в городке осодили, и к городу, государь, многими приступы приступали; и сидели мы, государь, от них в осаде 10 недель и голодною смертью помирали».

См. Кузнецкие акты. Вып. 1 Кемерово, 2000. С.36; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 312, 314.

⁵ Сам Василий Ананьин писал в челобитной царю Михаилу Федоровичу через год: «В прошлом, государь, во 124 году посылали, государь, меня, холопа твоего, ис Томского города твои государевы воеводы Гаврило Юдич Хрипунов да Иван Борисович Секирин на твою царскую службу в Кузнецы для твоего государева ясаку и кузнецких людей призывать под твою царскую высокую руку. Я, холоп твой, кузнецких людей под твою царскую высокую руку привел, и кузнецкие, государь, люди тебе, государю, шертовали, и ясак с себя дали, и тебе, государю, нынечи кузнецкие люди служат и прямят, и ясак государев дают». Об этом же писали томские служилые люди в челобитной 1617 года о прибавке жалованья.

См. Кузнецкие акты. Вып. 1 Кемерово, 2000. С. 41-42, 45-46; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. С. 314, 436.

⁶ Тулуберская (Тюлюберская) волость располагалась в то время в пределах Средней Томи по трем ее правым притокам – Верхней, Средней и Нижней Терси.

⁷ Вопрос о местоположении первого Кузнецкого острога до сих пор остается открытым. Документов первых лет существования города не сохранилось. Миллер, находясь в Кузнецке, составил «Историко-географическое описание Кузнецкого уезда», в котором, опираясь на имевшиеся у него материалы, полагал, что острог был поставлен изначально на правом (восточном) берегу Томи, напротив впадения в нее Кондомы. Впервые точку зрения о левобережном местонахождении острога высказал И. Фальк в 1771 году (его записки были опубликованы в 1826 году). Этой же точки зрения придерживался «летописец» Кузнецка И.С. Конюхов. В дальнейшем обе точки зрения имели как своих последователей, так и противников. Современные исследователи придерживаются «миллеровской» точки зрения. Опираясь на все известные опубликованные источники, а также материалы раскопок в городе Новокузнецке В.Н. Добжанскому и Ю.В. Ширину удалось установить, что первоначально острог был поставлен в 1618 году на правом берегу Томи, в 1620 году его хотели перенести на левый, но отказались от этой идеи, и он был перестроен, расширен и укреплен.

См. Сергеев В.И. *Основание Кузнецка и его уезда в Западной Сибири // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 296-307; Сорокин М.Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в XVII в. // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 26-33; Кузнецкие акты. – Вып. 1. – Кемерово, 2000 – С. 45-46, 48-49, 55-56; Добжанский В.Н. О времени и причинах образования Кузнецкого уезда // Проблемы, историографии и источниковедения России XIII – XX вв. Томск, 2003. С. 223-227; Ширин Ю.В. Археологическое изучение Кузнецкого острога // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Кемерово. 1990. С. 91-97; Добжанский В.Н., Ширин В.Ю. Кузнецкий острог 1618 и его перестройка в 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2002. С. 250-273.*

⁸ В русских источниках нет указания на подобный факт. Скорее всего, в преданиях местного населения, о которых указывает автор, таким образом преломились события 1614 года, когда стрельцы и казаки под командованием И. Пущина и Б. Константинова взяли Абинский улус с городком.

⁹ Литвой в Сибири называли категорию служилых людей, преимущественно выходцев из Литвы и Польши, в основном русских, украинцев и белорусов, по разным обстоятельствам оказавшимся в Московском царстве. Оказавшись в русском плену в годы смуты начала 17 века, они зачастую ссылались в Сибирь, где призывались на военную службу, составляя отдельные отряды служилых людей, проходивших по так называемому «литовскому списку».

¹⁰ Данная грамота не сохранилась. По-видимому, погибла во время одного из пожаров. Постройка первой деревянной церкви в 1621 году казаками подтверждается другими документами.

¹¹ Текст царской грамоты от 23 декабря 1623 года, хранившийся в Преображенском соборе города Кузнецка был опубликован в очерке А. Ермалаева «Кузнецк», помещенном в Томских губернских ведомостях в 1858 году. В 1992 году очерк Ермалаева был опубликован в книге «Повествования о земле Кузнецкой». Сама грамота не сохранилась, вероятно, она погибла во время гражданской войны, когда отряд Г. Рогова сжег Преображенскую Церковь.

См.: *Повествование о земле Кузнецкой. Кемерово, 1992. С. 49-57; Кузнецкие акты. Вып. 1. Кемерово, 2000. С. 87.*

¹² Вопрос о присвоении статуса города Кузнецку до сих пор остается дискуссионным. В 1622 году в документах впервые упоминается Кузнецкий уезд, что дает основание полагать, что Кузнецк с этого года стал городом. Однако в документах в течение всего XVII века Кузнецк продолжал именоваться острогом, хотя и был центром уезда.

См.: *Добжанский В.Н. О времени и причинах образования Кузнецкого уезда // Проблемы, историографии и источниковедения России XIII – XX вв. Томск, 2003. С. 223-227.*

¹³ По данным Г.Ф. Миллера городские печати сибирским городам с изображением их герба были даны по указу 1635 года. На гербе Кузнецка был изображен волк.

См.: *Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 89.*

¹⁴ По нашим подсчетам за двадцать лет существования города источники 12 раз упоминают об опасности нападения на него со стороны калмыков, киргизов, багасаров, кизилов, ученгутов, братьев, матов, саянов, черных, белых калмыков и т.п.

¹⁵ Пророк Илья был особо почитаем в Кузнецке. Все приводимые Поникаровским сведения о легендах, связанных с этим Пророком, об обнесении иконы вокруг города, о церкви в селе Ильинском нашли свое отражение и в других источниках. Начало складывания культа Пророка Ильи в Кузнецке относится, вероятно, к середине XVII века, когда было основано село Ильинское. Первое упоминание о нем относится к 1648 году, село за-

щищал небольшой острог. Село Ильинское выдержало не одну осаду, но не разу не было взято врагом. Это и стало причиной возникновения культа Пророка Ильи в Кузнецке.

См. Конюхов И.С. *Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 22-25; Каменецкий И.П. Легенды и сказания о защитниках и покровителях Кузнецкой земли: к вопросу о возникновении, идентификации и достоверности локальных летописных источников // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII – XX вв. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 261-269.*

¹⁶ Е. Баскаков писал томским воеводам князю А. Гагарину и С. Дивову: «Многие кузнецкие люди не в послушании, а государю на нынешней 132 год ясаку не дали, а збираются в скоп, а хотят з государевыми людьми битца; а которые государевы ясачные люди в послушанье и ясак государю дают, и тем ясачным людям от колмацких людей истечение великое, и обиды их женам и детям, мучат и в полон емлют, а иных секут...Кузнецких ясачных людей от тех калмацких людей оборонять некем, служилых государевых людей в Кузнецком остроге мало.

См.: *Кузнецкие акты. Сб. док. Вып. 1. Кемерово, 2000. С. 89.*

¹⁷ Указанные события происходили не 1648, а в 1639 году, как это следует из «Отписки кузнецкого воеводы Д. Кафтырева томским воеводам о подкреплении Кузнецкого острога томскими служилыми людьми». Известно, что 7 октября Мачик (другие имена: Бачик, Маджика), и его люди подошли к Кузнецку, якобы торговать. Не подозревая, что это обман, жители города вышли на торг. В разгар торговли люди Мачика напали на горожан: 15 человек было убито, еще больше ранено. Захватив товары князек ушел на Обь. Он был племянником телеутского князя Абака. После смерти последнего княжество разделилось на два улуса: улус Коки сына Абака и улус его племянника. Мачик возглавлял свой улус с 1635 по 1688 год. В борьбе против русских властей и соперничестве с Кокой пытался опереться на Джунгарское ханство.

См.: *Кузнецкие акты. Сб. док. Вып. 2. Кемерово, 2002. С. 50-51; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 26.*

¹⁸ Письменных источников о данных событиях не сохранилось. О напряженности обстановки в это время свидетельствует «Отписка в Москву Томского воеводы М. Волынского», 1651 года, где отмечается: «А в нынешнем, государь, во 159 году точи, и мугаты, и саяны тебе, государю, ясаку с своих улусов не дали».

См.: *Кузнецкие акты. Сб. док. Вып. 2. Кемерово, 2002. С. 185.*

¹⁹ Описание города Кузнецка, составленное И.Г. Гmeliным в 1734 году, первоначально было опубликовано на немецком языке. Сравнительно недавно оно было переведено и опубликовано на русском. Вот что писал Гмелин о Кузнецке: «Он расположен на том месте, где прежде жили киргизские татары, которые, однако, постепенно, по мере того, как здесь селились русские, все более оттеснялись к калмыцким границам. Город построен уже более 100 лет тому назад, заселили его колонисты из Томска, Верхотурья и Великого Новгорода. На том месте, где теперь город, в то время жили татары, которые плавил железо из руды и занимались его ковкой, чем и добывали себе средства для пропитания. Поэтому это селение и получило такое название – его первыми жителями были кузнецы. Город расположен на правом или восточном берегу реки Томи, напротив того места, где в Томь впадает речка Кондома. Его можно, вследствие этого, разделить на три части – верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя и средняя части расположены на высоком берегу, причем средняя часть находится на низменной, выдавшейся части этого берега, нижняя же часть располагается на равнине, находящейся между Томью и упомянутым берегом, однако расселена не у самой реки, а в полуверсте от ее русла. В верхней части имеется маленькая деревянная цитадель, в которой есть молитвенный дом. В средней части

находится острог, а в нем – дом воеводы и приказная изба; там была также церковь, но несколько месяцев тому назад она сгорела вместе с домами, стоявшими за острогом. В средней части острога находится много домов, но в нижней части их больше, и, кроме того, там имеется еще одна церковь. Число всех, имеющихся в городе домов, едва достигает пятисот».

См.: Гмелин И.Г. Поездка по рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года // Кузнецкая старина. Вып. 2. С. 140-169.

²⁰ На протяжении почти всего XVIII века Кузнецк подвергался военной опасности. Главными соперниками России здесь были Джунгарское ханство, многочисленные племена Енисейских киргизов и крупная племенная группировка телеутов. Для обороны от кочевников были устроены специальные укрепленные линии, включающие в себя крепости, остроги, форпосты и мелкие укрепленные пункты. Линии обороняли казаки и регулярные войска.

См.: Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Вып. 9. Новокузнецк, 2007. С. 40-67.

²¹ Источники позволяют говорить о том, что воеводами в указанный период в Кузнецке были: Т. Бабарыкин и О. Аничков (1618-1621), Е. Баскаков (1623-1625), Ф. Голенищев-Кутузов (1625-1627), С. Языков (1627-1629), князь И. Волконский (1629-1631), Ф. Нащокин (1631), Ф. Хонеев (1632-1633), Г. Кушелев (1633-1635), Д. Кафтырев (1638-1642), А. Зубов (1643-1646), А. Ф. Сытин (1646-1648), Г.К. Засецкий (1649-1650), Ф. Е. Баскаков (1651-1652), Ф.Д. Павлов (до 1656).

См.: Бачинин А.Н. Кузнецкие, Тобольские и Томские воеводы и их администрация // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX вв. Кемерово, 1997. С. 11.

²² Документ, из которого Поникаровский взял данные о сборе ясака, был опубликован в 1842 году, вторично – в 2002 году.

См.: Акты исторические. СПб., 1842. Т. IV. № 21. С. 53-54; Кузнецкие акты. Сб. документов. Вып. 2. Кемерово. 2002. С. 169-170.

²³ Данные о собольих шкурках, вывезенных из Кузнецка в 1640 году, подтверждаются другими источниками.

См.: Каменецкий И.П. Кузнецк и его торговля в 17 в. // Таможенные книги Сибирских городов XVII века. Вып. 2. Туринск, Кузнецк, Томск. Новосибирск, 1999. С. 60.

²⁴ Современные исследователи считают, что первой школой в Кузнецке было славяно-русское училище, которое упоминается в ведомости о школах Тобольской епархии за 1780 год. В 1790 г. в Кузнецке было образовано малое двухклассное народное училище, открытие которого состоялось 22 июля с большой торжественностью – молебном, праздничным столом и пальбой из пушек. Из-за проблем с финансированием училище было закрыто в 1796 году.

См.: Гизей Ю.Ю., Овчинников В.А. Народное просвещение на территории современной Кемеровской области в XVII – начале XX вв. // Архивы Кузбасса. Вып. 1 (9). Кемерово, 2006. С. 38-60.

²⁵ Данная реформа была проведена в связи с переводом Кузнецка из разряда городов с «малым населением» в разряд городов со «средним населением». Реформа предусматривала упразднение городского магистрата и введение вместо него ратуши с правом ведения городским хозяйством и судом. Проблема реформирования местного самоуправления Кузнецка была поднята еще в 1829 году, однако окончательное решение было принято лишь в октябре 1831 года.

См.: Об перечислении города Кузнецка Томской губернии из малолюдных в разряд городов средних. 8 октября – 19 октября 1831 г. // Русское население Сибири эпохи феодализма. Сборник документов. Новосибирск, 2003. С. 88-91.

²⁶ Поникаровский допустил ошибку. На самом деле венчание Ф.М. Достоевского и М.И. Исаевой состоялось 6 февраля 1857 года. Приходской экземпляр метрической книги с этой записью был утрачен в начале XX в. Консistorский экземпляр книги долгое время не был известен исследователям. В апреле 2008 года в периодической печати появилась информация о том, что консistorский экземпляр книги найден новосибирскими архивистами (*см.: «Книга века» // Кузбасс, 24 апреля 2008 г.; «Найдено брачное свидетельство Федора Достоевского» // Комсомольская правда, 26 апреля 2008 г.*). На самом деле консistorский экземпляр книги был обнаружен кемеровским историком И.Ю. Усковым еще осенью 2007 года. Автор подготовил статью, которая по техническим причинам долгое время находилась в печати и не была известна общественности. Ошибка Д.А. Поникаровского, написавшего, что венчание состоялось 17 февраля, легко объясняется. В метрической книге брак Достоевского записан под порядковым номером 17, далее в книге идет колонка с датой заключения брака, где указана цифра 6 (что означает 6 февраля). Поникаровский ошибочно указал цифру из первой колонки, а вторую оставил без внимания. В любом случае, Поникаровский один из первых исследователей, кто обратил внимание на пребывание великого писателя в Кузнецке.

См.: Булгаков В.Ф. Ф.М. Достоевский в Кузнецке // Сибирская жизнь, 1904. № 29 от 10 октября; Усков И.Ю. Метрическая запись о первом браке Ф.М. Достоевского // Кузнецкая старина. Вып. 10. Новокузнецк, 2008, С. 174-175; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5057. Л. 45 об.-46.

БЕЛЛЕТРИСТИКА

По Салаирской тайге (из записной книжки охотника)

Промысел рябчиков в Салаирской черни

Все знают, что за птица рябчик, и как вкусно его мясо, но немногим известно, как трудна охота за ним, особенно в черни – приходится часто пробираться через густой лес, перелезая через колоды, подниматься по крутым логам и берегам черневых речек; часто закрутишься так, что еле-еле выйдешь к становищу или направишься на путь к дому, а иногда найдешь не только на медвежий след, но даже встретишь и самого медведя. Но мне кажется, что истинному охотнику, побывавшему на охоте в черни на рябчиков раза два или три, уже не расстаться с этой охотой – так и будет манить в чернь. Причина тому – разнообразие впечатлений, как от самой природы, окружающей охотника, так и от случайностей охоты. Разнообразные ландшафты поражают воображение, слух и зрение на стороже и напряжены, все умственные способности работают, одним словом, человек вполне живет. А ожидание встречи с медведем, особенно, когда человек встретится в первый раз в черни, и наслушался разговоров про встречу с мохнатым хозяином лесной чащи? А буря в черни? Каких звуков не услышишь в это время! Кажется слышишь: вот-вот ревет косматый хозяин, или слышишь вой ста волков, крик младенца, вопль сумасшедшего, или нежные звуки флейты или скрипки, а то вдруг раздается такой грохот от повалившегося от бури дерева, что глубоко потрясает небывалого в черни. Понятно теперь пристрастие к черни и охоте в ней за рябчиками одного здешнего охотника, который лет 25 охотился на рябчиков, воспитал девять человек детей этой охотой, подвергся несколько раз опасности в черни, но всякий раз, как начнется весна или осень, он уже «там» т выглядывает рябчиков: мне несколько раз приводилось с ним карабкаться по крутизнам здешних черневых речек и логов и коротать весенние и осенние ночи у костра над речкой, под столетними пихтами.

Для не видавших рябчиков в натуре, а знающих только их мясо, постараюсь описать его наружный вид. Рябчик из рода тетеревиных, величиною немного более голубя: мясо имеет белое, очень нежное, вкусное и здоровое. Клюв у него черный, глаза – темно-ореховые, брови красные, на голове хохолок, который поднимается только тогда, когда рябчик чем-нибудь возбужден. Под горлом у самца черное пятно, а у самки его нет. Перья верхней части тела красиво испещрены темными, рыжеватыми и белыми пятнами, на шее белое кольцо. Перья верхней части крыльев рыжеватые, с белыми полосками и белыми пятнами. Маховые крылья сероватые с красно-белыми пятнами; хвост черноватый с пепельно-серыми пятнами, а средние перья с ржавыми полосками; ноги не оперены только на одну треть, а пальцы голые.

Охота на рябчиков начинается в первых числах апреля, когда сделаются проталины в черни, и выйдет из-под снега кандык; по нем охотники замечают: если верхушки растения сорваны, то значить, что в данной местности есть рябчики, и охотник, выбрав удобное место, садиться и начинает пищать в дудочку. Пищит сперва как самка. В это время иногда с земли поднимается рябчик и сядет на дерево; в другой раз просто побежит по земле, или откуда-то вылетит на охотника и сядет по близости. В первом случае значит, что самец с самкой и не хочет ее оставить, и что по близости нет самцов; а во втором, когда самцы сами или бегут или летят, то значит, что нет самок. Когда несколько самцов бегут на пищек, то они часто дерутся, тоже самое они делают, когда слетятся и сядут на дерево. Когда же самец не летит от самки на пищек, то охотник запищит как самец, и тогда самец непременно отлетит от самки как будто бы желая отогнать другого самца, и если с ним встретиться, то непременно начинается драка. Весной самцы так азартливы, что садятся к охотнику вплоть, и даже мне приходилось видеть, как одному моему товарищу по охоте рябчик однажды сел на голову, а в другой раз – на руку. Выстрел из ружья в это время их так мало пугает, а особенно из винтовки, что плохой и горячий охотник может сделать два или три выстрела, и рябчик не улетит. Самку же приходится долго подманивать пищиком на голос самца, в особенности же когда она одна и вблизи ее нет самцов; но большинство охотников ее и не подманивает и не стреляет, оставляя для приплода, так что мне приходилось видеть у охотников или всех убитых самцов, или на десяток рябчиков одну самку. Когда самка сядет парить на яйца, которых она несет от 6 до 8 штук, величиною в голубиные, а цветом серые, то самцы летят на пищек очень бойко; молодые рябчики выводятся в конце июня, или начале июля, и к концу августа или началу сентября вырастают; но на молодых рябчиков не охотятся, во-первых, потому, что они малы и их трудно найти, а во-вторых, в черни в это время столько оводу и всякого гнуса, как здесь говорят, что не рад будешь никакому рябчику. Осенью рябчики редко летят на пищек, и большею частью только на него откликаются, в это время нужно к нему подходить; с августа хотя уже и можно охотиться на рябчиков, но охотники дожидаются, когда опадет лист, так как на оголенной лесине его видно далеко, а также ждут, чтобы перешли дожди и ли снега, тогда под ногами не шуршит трава, и ее шум не пугает рябчика, в августе же трава еще высока, и в листве не скоро увидишь рябчика; мало того, застрелив рябчика, его можно потерять в траве. Время дня и погода много значат в охоте на рябчиков, так как утром и вечером рябчик находится на поезде, - а именно: весной на березе, осине или пихте, осенью же на полянках, на ягоде-калине, рябине, если был урожай этих ягод, а также на березе и осине; днем же на полянах, в густых пихтачах; во время ветров и бурь – в вершинах ложков, в пихтачах; осенью, перед тем как замерзнуть речкам, его можно находить после полудня по берегам речек и ключей, особенно где есть песок и мелкий галешник. Охотники говорят, что он в это время грузится, у него находят в зобу песок и мелкий галешник, и чем ранее осенью рябчик начнет грузиться, тем ранее

будет зима. Зимой же рябчики живут стадами и водятся преимущественно по берегам речек, в тальниках.

Ныне охота на рябчиков производится по обеим сторонам Салаирской черни крестьянами Кузнецкого и Барнаульского округов, и сколько набивается их в год судить трудно, но должно полагать очень много, так как скупщики набирают их по несколько сот пар, а иногда и до тысячи для продажи в города Томск и Барнаул. В нынешнее время, когда у Салаирского рудника рябчики большей частью выбиты, и их нужно искать верст за десять или двадцать, хороший охотник весной и осенью может убить штук десять или пятнадцать в день, особенно весной, но в прежнее время их так было много, что один охотник убивал штук до тридцати в день. И теперь в глухих местах, особенно верст за 40 или 50 в черни можно встретить много рябчиков. Промышленники на рябчиков имеют в черни свои избушки и летом около них ставят сено; осенью же в первых числах сентября отправляются в чернь в эти избушки верхом на лошадях партиями человека по два-три и более, запасшись провизией, порохом и свинцом, и стреляют рябчиков до глубоких снегов; стреляют преимущественно из винтовок, малопулек и без собак, так как рябчик, как только увидит собаку, то прячется, и его в чаще очень трудно разглядеть; одни охотятся верхом, если местность удобная для проезда лошади, а другие пешком, и потому для охоты надевают самое худенькое платье и обувь, т.е. обувь без каблуков. Конечно жизнь охотников в черни в это время проходит не без приключений, в особенности при встрече с медведем, о чем рассказывают много смешных и грустных сцен. Так один отставной солдат, охотясь на рябчиков в черни, набрел нечаянно на медведя и когда тот, вставши на задние лапы, зарывал, то старый служака снял шапку, сделал медведю фронт и отрапортовал; «Солдат третьей роты Барнаульского горнозаводского батальона такой-то»; другой охотник рассказывает, что при встрече с медведем вздумал было спастись от него на пихту, но медведь схватил его за ногу; благодаря лишь тому, что обуток был завязан не туго, он поплатился только им; а третий при встрече с медведем вздумал выстрелить в него из винтовки, но так как она была малопулька, то не сделал медведю никакого вреда, а только раздражил, за что и поплатился тем, что медведь искусал ему плечо и ободрал бок.

Настреляв рябчиков, промышленники выезжают в свое местожительство с добычей, каковой приходится в изобильный год пар 150 и 200, и сдают ее скупщикам, от которых заранее получили под рябчиков порох, свинец или другой товар, необходимый в крестьянском быту; редкие из промышленников продают свою добычу за деньги, так как в город везти и далеко и не всегда есть свободное время. В Салаирском же руднике цены на рябчиков различны; так в 1875 году пара рябчиков стоила восемь копеек, а иногда доходила до двадцати пяти копеек, а обыкновенная же цена десять и двенадцать копеек; но в обязательное время, когда фунт пороху стоил пятнадцать копеек, а фунт свинца три копейки, то пара рябчиков стоила две копейки, и у управляющих Салаирским краем были обязательные охотники, которые

должны были доставлять в неделю по десяти пар на человека, за что другую неделю имели «гульную»; рябчиков прежде отправляли в Петербург с караванами.

Между здешними охотниками ходит ряд легенд про рябчика: прежде, говорят они, рябчик был величиной в корову, но так как он при взлете на дерево пугал всю живую тварь, то Господь Бог, снисходя к мольбам этой твари, повелел уменьшить величину рябчика, раздав его мясо другим лесным птицам, и от того у некоторых лесных птиц двойное мясо: одна половина белая – это рябчиков, другая темная – это их собственное.

[Медвежонок]

Всякому известно, что калина это небольшое красивое деревцо, употребляющееся у нас в садах для украшения: оно из семейства жимолостных, покрытое серою корою с кругловатыми листьями и с белыми цветками, после которых являются алые ягоды, очень неприятные на вкус. Но и это растение играет не маловажную роль в быту нашего крестьянина, и его красивые на вид ягоды идут в пищу и собираются осенью в начале сентября: как только наступит это время и у кого из крестьян есть свободное время, то они партиями идут в чернь собирают калину, вяжут в пучки и дома вывешивают на улицу, где-нибудь под крышей и потом употребляют в пищу пареной, готовят из нее так называемый калиновый кисель и калинники, или ватрушки с калиной.

Осенью я был с товарищами в Салаирской черни на охоте на рябчиков, верст за тридцать от всякого жилого места, и, возвращаясь с охоты, мы встретили партию калинников, т.е. собиравших калину; они были в большом горе и остановили нас, спрашивая, не видали ли мы одну из их лошадей, которая с прошлого вечера у них потерялась; мы не видали, так и сказали калинникам; они однако настолько были любезны, что пригласили нас выпить чаю, на что мы согласились и только что слезли с телеги, как из кустов выскочило на тропинку какое-то черное, мохнатое, небольшого роста животное и покатило по ней кубарем. Сделалась суматоха, слышались крики: волк, собака, медвежонок! И вся гурьба калинников и нас, охотников, бросилась за бегущим зверьком по тропинке, толкая, давя, спотыкаясь и падая друг через друга. Человекам пяти посильнее, поздоровее и половчее других, пришлось опередить остальных и пробежать по тропинке за зверем сажень двести до того места, где тропинка выходила на поляну, и медвежонок, ибо это был он, выскочив на нее, повернул вправо и скрылся под искорью. Добежавши до нее мы увидели, что под искорью берлога; все остановились, стали толковать, как достать медвежонка из берлоги, живым или мертвым – одни предлагали задушить его дымом, другие хотели заткнуть берлогу и сверху раскопать ее и так убить и, наконец, один из охотников сбегал к стану и принес винтовку; на первый раз согласились выстрелить в берлогу: но только

раздался выстрел и из берлоги послышался рев медвежонка, как ему отвечал другой рев, подобный раскату грома, но уже не из берлоги, а с обгоревшей сопки, находившейся от берлоги сажень в двухстах. Взглянув на эту сопку, мы увидели, что между обгоревшими пнями по скату этой сопки несется на нас что-то большое, черное, ростом с корову. Нам, как невооруженным, пришлось в свою очередь возвратиться от берлоги к стану скорее, нежели мы бежали к ней. У стана вместе с калинниками, вооружившись, дожидались мы с час времени прибытия черного хозяина, не желая идти к нему навстречу, так как у нас были винтовки малопульки на рябчиков и не было зверового ружья; но медведь не приходил, и мы решили отправиться домой. Через несколько дней хозяин потерявшейся лошади ездил на эту сопку и там нашел остатки своего коня...

Смуранка

Однажды, в конце мая месяца, мне пришлось ехать по ровной местности между селом Бочатским и деревней Артыштинской; день был прелестный: солнце светило ярко, небо было голубое, равнина была покрыта изумрудной травой, в которой в разных местах виднелись первые цветы, аромат от которых носился в воздухе; ямщик ехал мелкой рысцей и откуда-то доносился свист. Вдали показалась деревенька.

- Какая это деревня? - полюбопытствовал я.

- Артышта, - ответил он, обращаясь ко мне и стал рассказывать о том, что в этой деревне мы переменим лошадей и напьемся.

- Кто это свистит? - удивился я, - Ты разговариваешь со мной, а кто-то свисти, словно человек, - спросил я.

- Муранка! Вон, звоне, - указал он бичом в сторону.

- Какая, такая муранка? - опять переспросил я.

- Зверьки такие есть! Вон, вон, посмотри, - и он опять указан в сторону.

Я стал присматриваться и сперва ничего не мог заметить в траве, но, наконец, в нескольких местах увидел действительно зверьков, немного побольше крысы, которые перебежали в разных местах по полю; перебежит этот зверек небольшое пространство, остановится, встанет на задние лапки, посмотрит в разные стороны и засвистит... Я заметил и норы, в которые этот зверек прятался, а в некоторых местах на придорожных столбах сидели беркуты, караулившие смуранок, которые бывают им лакомое блюдо. Впоследствии мне привелось иметь один экземпляр этого зверька живым, и я постараюсь описать его наружный вид.

Смуранка* из породы сусликов, длиною до десяти дюймов, с короткими ногами, покрыт шерстью сверху желтовато серою, с мелкими бурыми крапинками, с низу же имеет шерсть ржавчино-желтую, имеет защечные

* Должно быть местное название серого овражка, иначе серый суслик, овражек.

мешки, уши весьма малые; принадлежит к породе грызунов, живет в норах; зимой подвержен спячке, а весной, как только станет с полей сходить снег, смуранка вылезает из норы на свет божий и посвистывает, стоя на задних лапках у своей норы. В это время ее и выливают водой, так как по полям много льв от растаявшего снега. Выливанием ее занимаются как инородцы, так и русские, которые продают первых смуранок от полкопейки до двух копеек за шкурку, смотря по потребности. Инородцы из шкурок смуранок делают меха, продавая их очень дешево, от двух до трех рублей за четыре полки, в которых до восьмидесяти шкурок, а мясо употребляют в пищу, и оно, говорят, так жирно и сытно, что одному голодному человеку за глаза будет насытиться одной смуранкой; помет смуранок происходит в Петровки, и в одной норе находится от трех до семи маленьких.

Кажется, что такое мирное занятие, как выливание смуранки не могло бы принести занимающемуся им никаких неприятностей, но нет, судьба устраивает не так, и однажды целой партии промышленников, состоящей из четырех человек инородцев угрожала опасность быть перестрелянными. Дело было так: в 1870 году из кузнецкого острога в томский препровождался под конвоем трех солдат известный разбойник, уроженец деревни Бабонаковой Кузнецкого округа Семен Бабанак, известный в народе под именем Сеньки, ранее того несколько раз бежавший из каторжных работ. На этот раз он уговорил конвойных зайти в одну деревню, в которой жили его родственники и у которых он угостил конвойных так, что те не видели как Сенька ночью бежал от них. На свободе он опять принялся за свое старое ремесло, т.е. за кражи и разбой и держал в страхе всю Бочатскую волость. В этот год весной один крестьянин с Бочатского искал потерявшуюся лошадь и вечером увидел, что партия каких-то людей расположилась в горах в нескольких верстах от селения около костра; известно, что у страха глаза велики, и крестьянин, не рассмотревши их, хорошенько принял за Сеньку с товарищами и дал знать в волостное правление, которое распорядилось собрать народ; всякий вооружился, кто чем мог и отправился по указанию крестьянина к неизвестным людям, которых и увидели действительно сидящими у костра. Зная, что Сенька живой в руки не дастся, решили всех перестрелять. Многие из крестьян стали настораживать винтовки, чтобы стрелять, как одному удалось рассмотреть, что это не Сенька, а какие-то другие люди; вся толпа крестьян подошла к сидящим у костра, которые очень перепугались и объяснили, что они действительно не товарищи Сеньки, а мирные обитатели одного улуса, целый день выливавшие смуранок, а теперь обдиравшие их у костра, но крестьяне все таки им не поверили и препроводили в волостное правление, где инородцы и переночевали в каталаге, куда не объяснилось дело. А Сенька проразбойничал еще до июля месяца, когда были сбиты для его поимки две волости и его, наконец, поймали и привезли в волостное правление. Оказалось, что у него выколоты глаза; поимщики объяснили это тем обстоятельством, что когда они его имали, то Сенька бежал от них и должно быть

наткнулся на сухой сук и выколол сам себе глаза; Сенька же ничего не мог говорить и на другой день умер.

[Глухарь]

Глухарь также водится в нашей черни и живет преимущественно в глухих местах, около черневых речек и в болотах; старые самцы имеют веса от десяти до пятнадцати фунтов и длиною от оконечности хвоста до оконечности носа около аршина. Перья на перде шеи у него черноватые, грудь темно-зеленая с отливом; брюшко покрыто черными перьями, а также и хвост, но с несколькими белыми перьями; задняя часть шеи имеет перья темно-серые; спина покрыта также черными перьями с темно-рыжеватыми; клюв у глухаря массивный, роговой; брови, как у косача – красные; глаза темные; ноги оперены до когтей мелкими пушистыми перышками. Самка глухаря, или капалуха, как ее здесь называют, имеет цвет перьев, как у тетерки, с некоторыми изменениями; она менее глухаря, так что весом фунтов до восьми, не более, выводит детей до десяти штук. Специально на глухарей здесь не охотятся ни во время тока, ни в другое время, а стреляют их когда попадутся, случайно, когда охотятся на рябчиков или на колонков. Обыкновенно осенью встречаются их табунами на одном каком-либо месте; цена глухаря в продаже здесь доходит до 60 коп. за пару. Охотники знают, что глухарь очень осторожная птица, что приходилось не раз испытывать и мне, так что даже весной, во время тока, когда охотник подкрадывается к самцу, если шелкнет под ногой сухая ветка, и глухарь услышит, то непременно улетит, но иногда, напротив, охотник сделает по нему несколько выстрелов, а глухарь все сидит. Так случилось однажды с нами, а именно в апреле месяце нас трое охотников ночевали в лесу; местом ночлега был выбран берег черневой речки; утром мы встали довольно рано, еще до света, согрели чай и разговаривали о предстоящей охоте. Только что рассвело, как с низа речки прилетел глухарь и сел в половине пихты, от нас не более как на пять сажень; сидевший около меня охотник взял стоящую у дерева винтовку, вскинул ее на сошки и ... чик, чик, чик ... осечка; он переменял пистон, опять осечка, он опять стал переменять пистон, но меня уже взяло нетерпение и я, схватив ружье, хотел выстрелить, но ... новая осечка.

- О-хот-ни-ки! – протянул с укоризной наш третий охотник и, взяв двустволку, прицелился – бац!... Глухарь сидит, он из другого ствола: бац! Глухарь ни с места, а погодя несколько секунд расправил крылья и улетел, как ни в чем ни бывало...

Вечером, возвращаясь с охоты к стану, мы согнали опять глухаря, который так неудобно вылетел, что мы не смогли по нем стрелять...

Бурундук

Меня всегда занимал вопрос: каким образом полка из бурундучьих шкурок, сшитая из сотни или более хребтовых шкурок этих зверьков, стоит в наших краях рубль серебром, и много-много полтора, а ведь нужно наловить на нее сотню бурундуков, ободрать, выделать и сшить! И долго бы мне не разрешить этого вопроса, если бы однажды, будучи в апреле месяце на охоте в черни, я не увидел как ловят этих маленьких зверьков. Но прежде чем описать их ловлю, опишу самого зверька. Бурундук принадлежит к отряду грызунов; он длиною от конца мордочки до хвоста вершка три, а хвост длиною вершка два; шерсть на бурундуке небольшая, цветом темно-желтая; по бокам головки проходят коричневые полоски, а вдоль спины протягивается ряд черных полос. Хвост сверху темно-желтый, а снизу светло-желтый; брюшко серое, усы черные, глаза темно-карие, ступни лапок голые о пяти пальцах, на которых небольшие когти. Бурундук, хотя и лазит по деревьям, но преимущественно бегаёт по земле, в которой и вырывает нору и для зимы в нее запасает разных зерен и кедровых орехов, которых находят в ней по несколько фунтов. Особенно любит зорить нору бурундука лесной разбойник-медведь и лакомиться его запасом; мне самому однажды осенью пришлось наткнуться на яму, вырытую этим зверем, аршина в два глубиною, и я думал, что медведь добывал какой-нибудь корень, но бывший со мной охотник сказал, что тут была нора бурундука, и медведь разгреб ее, добывая орехи. И, действительно, я увидел смешанные с землей кедровые орехи, а охотник рассказал мне, что бывали случаи, что лесной разбойник так увлечется охотой на бурундука или разрыванием его норы, что забывает всякую осторожность, позволит охотнику подойти к нему на выстрел и убить. Кроме медведя у бурундука много врагов в виде мелких хищников и, наконец, человек. Целое лето бурундук жирует, а зимой спит, но как только настает весна и с черни сойдет снег, то и бурундук выходит на свет божий и в это время начинается у него течка, которой пользуется человек, чтобы ловить бурундуков. Теперь постараюсь описать эту ловлю.

Как я сказал, однажды в апреле месяце я был в черни на охоте и там встретил партию черневых татар, тоже охотников. У них я увидел круги, сделанные из бересты в диаметре аршина полтора, а высоты четверти в полторы; эти круги похожи были на большие ситья, но вместо волосяной сетки на них был натянут холст. Я спросил у татар, что это за инструмент, и для чего он служит; один из них, порядочно говоривший по-русски, объяснил мне, что этим инструментом они ловят бурундуков; тогда я попросил его показать мне эту ловлю на самом деле, и он поставил свой инструмент на землю, подставил под один край палочку с привязанной к ней довольно длинной веревкой, отошел от этой ловушки на всю длину веревки, конец которой оставил у себя в руках, сел под дерево, начал свистать или щелкать в дудочку, как бурундук; вскоре на его свист отозвались несколько таких же свистков и выбежало несколько бурундуков, гоняясь друг за дружкой; два или три из них подбежали

под сита; татарин дернул за веревочку, палочка выскочила из под сита, которое и закрыло бурундуков; охотник подошел к ситу, подставил к нему мешок, приподнял край ловушки, и бурундуки очутились в мешке; тогда он без церемонии раздавил их и вынул на свет божий, при чем объяснил мне, что в удачный день таким способом можно наловить штук до полусотни. Шкуру они на охоте же снимают, высушивают, а дома жены их выделывают их и шьют меха; мясо же охотники съедают на охоте.

П[оникаровский].

Томские губернские ведомости.

Часть неофициальная. 1882. № 36, 51; 1883. № 3,4,17

Крестьяне-золотопромышленники (очерк с натуры)

[I.]

Стоял конец августа, лучшее время года в южной части Западной Сибири. Днем солнце светит ослепительно ярко, как будто хочет нагреть землю на долгую, суровую зиму; жар умеряется тихим ветерком, несущим с поля аромат спелых хлебов и тронутой инеем роскошной флоры. Трава еще не утратила своей шелковистой зелени и только местами чуть-чуть зазолотилась; скошенные места покрылись изумрудной отавой, а в нескошенных появились новые, нарядные гости – осенние цветы.

Хорошо в это время в черни! Пропали назойливые враги рабочего люда – овода, комары и мошки; тишина стоит невозмутимая, листья блестят под ярким солнцем и красивым узором расстилаются на синем безоблачном небе. Местами рдеют ярко-пунсовые гроздья рябины и калины и, перемешиваясь с черными ягодами черемухи, представляют глазу красивый, пестрый убор. Лес стоит еще пышный, кудрявый, зеленый и только изредка покажется в чаще его прихваченная инеем осина, дрожа и шелестя своими пожелтевшими листьями, или заалеет листок у рябины. Застенчиво выглядывают из травы сочные, спелые ягоды и желтые головки грибов. Мир, тишина, раздолье и какое-то ликующее, праздничное настроение овладевают человеком, вступившим в недра черни в это благодатное время. А по селам кишмя кишит трудовая жизнь. В крестьянских селениях убираются с хлебом, а в горнозаводских [селениях] труд разнообразится: кто идет на охоту за белкой, кто за рябчиком, а кто предпринимает более рискованный, зато более вознаграждающий труд, а именно: идет на поиски золота.

Преследуя этих тайных золотоискателей, горные называют их хищниками, но это название весьма мало идет к ним; они наивно верят в то, что земля есть достояние Божье, отданное со всеми ее богатствами тому, кто над ней поработает. Среди нетронутой девственной преграды, среди шири сибирских бесконечных лесов и гор и долин, где могут ужиться миллионы людей, где достанет всем места и работы, сибирскому крестьянину не приходит в голову, чтобы весь район мог быть запретным, особенно когда он населился уже здесь деревнями. Ведь этот район в 328,000 кв. верст, почему же ему

лежать без пользы, кому он нужен тогда? «Земля – божья пазуха», это мировоззрение народа должно было еще резче выразиться в сибирских пустынях. Применяемое ко всем промыслам, оно отразилось составлением артелей и скитаньем по лесам для тайной добычи золота.

Две такие партии золотоискателей, счетом в 15 человек, расположились в глубине черни, верстах в шестидесяти от всякого жилого места, по ключу, впадающему в главную черневую речку. Становище их помещалось саженьях во ста от устья ключа, лошади были отведены версты за две, а сами они расположились около долины, где залегало золото. Это место было удобно уже потому, что к нему почти не было доступа тем, чьего преследования боялись партии золотоискателей: слева шли черневые леса, справа – болото, а прямо, на другом берегу реки, высились скалы. Чтобы подойти к людям, расположившимся у ключа, надо было перейти в брод речку и идти около болота, направляясь к устью ключа. Очевидно, что этот путь был безопасен только для людей, хорошо знакомых с местностью, и не всякий рискнул бы идти им.

Долина, в которой расположились золотоискатели, тянулась сажень на полтораста в длину и сажень пятьдесят в ширину. По левой стороне ее, прилегая к густому пихтовому лесу, стоят два балагана, один крытый берестой, другой в роде навеса, шагах в четырех от первого; около них вырыта золотоносная яма; к ней ведет шурф, аршина на два пробитый в глинистой почве, величиною в квадратную сажень. В основании золотоносная яма имеет аршина полтора ширины и суживается по мере углубления в породу, так что на дне ее человек может только стоять или сидеть, а уже никак не лежать. В конце эта яма, или нора, как ее называют, распадается на две ветви, также узкие, сажень в десять длины. В одной из этих ветвей работает партия известного золотоискателя Дмитрия, по прозвищу Беды, в другой – партия Петра Федоровича Некрасова, по прозвищу Некраса. Ключ недалеко от устья перегороден плотиной, а по бокам поставлены два вашгерта, т.е. ящика без крышек, с трех сторон закрытые стенками.

Полдень. Солнце ярко золотит вершины скал и дерев, бросая их причудливые, длинные тени на лужайку, где около двух больших котлов разместились окончившие свою работу люди; им, потрудившимся в поте лица, кажется вкусным, лакомым блюдом жиденький суп из сушеного мяса, и они аппетитно едят его, за раз, как по команде, опуская ложки в котел.

Дмитрий Степанович Михайлов, по прозвищу Беда, не даром играет между товарищами первую роль; его рослая, мощная фигура и красивое загорелое лицо с волю, энергичными глазами, резко выделяют его из толпы. Круглый сирота, Дмитрий, был взят на воспитание дядей, родным братом матери, вместе с сестрой Ольгой и старшим братом Иваном. Оба мальчика ходили учиться в столярную мастерскую; способные и умные, они, однако представляли собою два совершенно различных типа. Иван был тихий, нервный мальчик крайне бесхарактерный; побои и обиды, которые он выносил в учении и дома, приучили его лгать, хитрить и изворачиваться, чтобы как-

нибудь избавиться от щелчков, пинков и розог. В конце-концов из него вышел пройдоха, мошенник и такой лгун, которому нельзя было верить ни в одном слове.

Но то, что погубило Ивана, не оказало ровно никакого влияния на Дмитрия; у него была бесшабашная, незлобивая натура и завидная способность быстро осваиваться со всяким положением и во всем подмечать смешную сторону; он мог острить и балагурить сквозь слезы, и все любили его за этот веселый нрав и часто спускали ему то, за что крепко доставалось его брату. Он до такой степени умел везде и всегда найтись, что когда, выросши, сошелся с компанией воров, был пойман и сдан в арестантские роты, – то и тут ему повезло больше всех остальных: он объявил себя столяром, был взят в мастерскую и так полюбился начальству, что оно чем могло облегчало его участь. Обладая замечательными организаторскими способностями, Дмитрий умел совершенно подчинять себе товарищей, и они души в нем не чаяли. Два года, проведенные в арестантских ротах, прошли для Дмитрия как два месяца и, выйдя на волю, он вынес с собой маленький капиталец, скопленный им из получек за различные столярные работы, в которых он был большим знатоком. Умелый и ловкий на всякое дело, Дмитрий поступил в кучера к управляющему, женился не его горничной, и овладел таким расположением барина, что когда тот уехал в Петербург, то оставил Дмитрию такую сумму денег, что он мог купить себе избу и обзавестись весьма приличным хозяйством. Но где же было усидеть на месте ему, привыкшему к риску и опасностям? Подвернулась под руку подпольная работа рабочих-золотоискателей, – и ответила всем его симпатиям. Собрать около себя целую партию и совершенно подчинить ее себе, – было для него нехитрым делом, потребовавшим очень мало труда, и еще меньше времени: к нему всякий шел охотно, зная его добросовестность и изумительную находчивость в трудных обстоятельствах жизни и слепо веря, что уже ежели Дмитрий не выручит, – так никто не выручит. Ценили также и нрав его, веселый, неунывающий: с балагурством, шуткой да песней лучше спорилась работа, а Дмитрий был на них первый мастер. Он и теперь вот, проработав с самой зари, устал как будто меньше других и, весело усмехаясь, что-то рассказывает сидящему подле него стрику Перфилу Иванычу Перфильеву, отставному мастеровому, лет 60-ти с лишним, принятым в партию за опытность и давнишнее знакомство с чернью. Он действительно знал ее вдоль и поперек и мог бы назвать много золотоносных речек, которых никто не знал кроме его, но не делал этого, надеясь на то, что когда правительство разрешит вольную разработку золота, он, Перфильев, за большие деньги продаст свой секрет какому-нибудь богатому золотопромышленнику. Выйдя на волю, Перфил Иваныч выстроил себе в черни избушку и жил в ней весну и осень, занимаясь охотой и рыбной ловлей; но главную его работой были конечно поиски золота, которые он производил ночью, втайне от всех, кроме своей семьи, помогавшей ему в этой работе. Он отлично вел свои дела и начал сильно раздражаться, когда однажды наткнулся на партию таких же золотоискателей, каким был сам. Секрет его был от-

крыт. Слава о богатом содержании данной местности привлекла к нему массу охотников; началась энергичная разработка и не менее энергичное преследование со стороны местных властей. Но Дмитрий Беда, главный организатор золотопромышленных партий, так ловко вел дела, что ему всегда заранее давали знать о прибытии властей на место разработки, и партия успевала вовремя переходить на другое место.

Кроме Беды и Перфильева, за обеденным котлом сидел Семен Иваныч Иванов, когда-то служивший по откупу, державший кабак в --ском руднике и долгое время бывший монополистом своего дела. Теперь же у него явился сильный соперник, имеющий свои заводы и склады, и конкурировать с ним Семен Иваныч, разумеется, не мог. Он бросил торговлю, ликвидировал свои дела и начал скупать и перепродавать золото. Но и тут ему не повезло: он попался, золото у него было отобрано, а деньги, скопленные целыми годами, перешли в карманы тех, кто мог освободить его от тюрьмы. Затосковал Семен Иваныч, начал пить и обнищал до того, что ничего у него не осталось кроме того, что было на нем надето. Жена билась, билась с ним, наконец, не вытерпела, ушла в город и нанялась там в кухарки к одному знакомому семейству.

Пить Семену Иванычу было уже не на что, так что он поневоле остепенился и решился пристать к партии золотоискателей. По счастью, побывав уже не в одной партии, он попал, наконец, в партию Беды, умевшего держать своих товарищей в крепких ежовых рукавицах; именно такие рукавицы нужны были Семену Иванычу, чтоб не дать ему спиться окончательно.

Подле Семена Иваныча сидел Василий Павлович Петров, или иначе – Васька Рыжий, болезненный, худой и оборванный, с редкими рыжими волосами на голове и бороде, клинообразным лицом и мутными глазами. Он был хорошим стрелком и отличался замечательной чуткостью, так что с полным успехом заменял сторожевую собаку, и рабочие брали его с собой в чернь как караульщика. Один у него был недостаток, очень крупный в глазах этих полуголодных людей, – это страшное обжорство; «безвытнный человек», - говорили про него в руднике, но терпели как необходимую охрану их безопасности.

Около другого котелка сидела другая партия Петра Федорыча Некрасова, по прозвищу Некраса, человека трудолюбивого, крайне терпеливого, но не имевшего ни одного из тех качеств, которые дают человеку власть над другими; каким образом он попал в руководители партии, и каким образом эта партия подчинялась ему, – оставалось загадкой не только для других, но и для него самого. Возле него сидел Клим Петрович Петров, иначе – Клим Долгий, мужчина огромного роста, здоровенный и сильный, весь обросший черными, как смоль волосами, суровый, никогда не улыбающийся. Крутая нужда загнала его в партию; работал он как вол, не покладая рук, а все не мог из нее выбраться; в семье он был сам-десятый, ребята, 8 человек, мал мала меньше, – стало быть, вся работа о прокорме лежала на нем одном. Видя, что

честным трудом не много возьмешь, Клим пробовал воровать, но и это как-то не пошло ему в прок и оказалось больше опасным, чем выгодным.

Рядом с Климом, почти исчезая перед ним, сидел тщедушный, ничтожный мужичонка, всем и каждому известный под именем «Васьки». Другого имени у него не было. Это был изворовавшийся, изголодавшийся человек, лентяй, бросивший семью, чтобы не работать на нее; одним только талантом наградил его Господь Бог – это чудным голосом, за который его терпели и кормили в руднике. Но нет такого скверного, которому не нашлось бы подобного: у Васьки был друг, с которым он никогда не расставался; звали его Федор Катков; он искусно врал и ловко захватывал все, что плохо лежало и попадалось под руку; выпить, как говорили, был тоже не дурак, и всегда ухитрялся делать это на чужой счет. В часы отдыха они вместе с Васькой забавляли рабочих разными рассказами и так ловко врали, помогая друг другу, что вводили в заблуждение даже тех, кто знал, что им нельзя верить.

У Васьки была только одна святыня – это удивительная привязанность и полная почтительность к старухе-матери. Жену и детей он бесцеремонно бил под пьяную руку и даже выгонял из дому, но матери никогда не сказал поперечного слова и терпеливо выслушивал ее воркотню и брань. Из-за этого не раз выходили курьезные сцены: мать Васьки, жившая у вдовой дочери, узнав, что сын опять закутил и избил жену, являлась к нему и если не надеялась своими собственными внушениями остепенить расхорившегося сына, то брала его за руку и вела в волость, где с поклонами просила «поучить разбойника» за то, что он «жену бьет и ребят не кормит». «Можно, можно, бабушка», отвечают волостные и, как ни молит Васька о пощаде, как ни кланяется, что будет «ладно жить», старуха устраивает ему торжественную дёрку. И Васька не пытается противиться, знает, что если уж мать решила, значить быть по сему. Когда же товарищи начинают стыдить его, он беспечно тряхнет головой и ответит: «Что ж? Ведь родительница драла, никто другой; с нее, брат, взятки гладки, она и епарала отдерет, на нее суда нет, потому – мать, в утробе носила».

Остальные члены партии были скромные, тихие ребята, ничем не выдающиеся, холостые и женатые, работавшие для того, чтобы прокормить жену, покорные начальству, непьющие, аккуратно платившие подати, по праздникам ходившие в церковь и усердно соблюдающие все посты и обряды.

Партии ведут между собою оживленную беседу; Васька только что рассказал какой-то смешной анекдот, и дружный хохот взрывчатыми переливами прокатился по долине. Начались шутки и прибаутки, потом вспомнили, что сегодня очередь рассказывать за Дмитрием и пристали к нему.

- Ладно, - раздался звучный голос Беды. – Быть, по-вашему! Расскажу я вам, какой случай вышел с купцом одним, как я еще у управляющего в кучерах служил. У этого купца, вишь ты, сын шибко загуливал, и как загуляет, значит, так и ну буянить. Вот, только раз как-то полицмейстер его и поймал, да и велел засадить за решетку. Узнал это купец, обиделся, сейчас, значит в просьбу. Дошло до управляющего; призвал, это он купца, да и говорит ему:

«брось Иван Поликарпыч, не ходи с просьбой: ну, эка важность, что малый в кутузке посидит? Тебе же лучше, может остепенится. Ведь все равно, власть не осилишь, как ни жалуйся». Не послушал купец доброго человека, в задор вошел. «Я, - говорит, - и в Питер махну, ежели здесь своих прав не найду». – В Питер? А знаешь ли, - это управляющий-то ему говорит, - что от нас до Питера проведена золотая цепь и кто эту цепь оборвет, тот и нас осилит. Брось лучше, послушай меня».

Не послушал купец, начал тяжбу; тягался, тягался, и что же, братцы мои, вытягал? – в конец разорился. Такие, значит, фигуры тут подвели, что как липку его обобрали. Вот каково силе-то поперек идти! – закончил Беда.

- Оно точно, - отозвался Семен Иваныч, - точно, что сила! Знаю я их, вот где сидят, - показал он на затылок. – Помню как я кабаки-то у вас снял, они меня и попридержали: «нужно, дескать, разрешение начальства, закон, значит, такой». Ну, ладно; являюсь это я в город; и что-ж бы вы думали, братцы мои? Четыре четвертных за четыре кабака просят. «Выложи, - говорят, Катеньку^{*}, и вся недолга». Да я не дурак, рядиться стал, рядились, рядились, ну и взяли они с меня шесть красненьких за первый ход. Вот оно как: за одно разрешение по 15-ти рублей с кабака в год! А их ведь, кабаков-то, в трех округах штук триста, а не то и четыреста будет. Вот так-то можно жить!

- Ладно, сегодня поработали, - раздался из другой партии голос Клима. – Сколько-то промыли, узнать бы?

- Да, ничего, - отозвался Некрас. – Кабы так с недельку поработать, рублей по шести на брата придется, а то и по 10-ти.

Эх, - вмешался Васька. – кабы дед был жив, в один бы день столько наработал, сколько мы в неделю. Сильнейший был человек! Один медведя домой за уши приводил.

- Ну, не ври, Василий, - остановил его Некрас.

- Чего врать! - настаивал Васька. – Вон, спросите у Федора какой сильный был дед; чай он помнит?

- Уж точно, что сильный, - начал было Федор Катков, но ему не дали продолжать, назвав и его лгунишкой.

- А ты вот, что, Васька – вмешался Клим, покончив с едой, - расскажи-ко нам лучше как ты за полштофа согласился, чтобы тебя выстегали? Оно занятнее будет.

Васька весело тряхнул головой и засмеялся.

- Ладно, пошто не рассказать, - согласился он, - Прихожу это я в склад к Ивану Петровичу, - а он, значит, выпимши. Ну, думаю себе, будет лафа. Вот только стал это он со мной балагурить, да вдруг и говорит, ни с того, ни с сего: «Васька, давай-ко я тебя выдеру». Я ему: «Ладно, - говорю, коли дашь водки полштофа». Рядились это мы, рядились, да на том и решили, что он мне за десять розог полштофа дает. Ну, вот, призвал это он рабочих, а я лег;

* Катенька – двадцати пяти рублевая купюра с изображением Екатерины II.

стегнули это они раз, я только вздрогнул, по второму – закричал, а уж по третьему так и света не взидел. Схватил свои штанишки, да и ну наутек. А Иван-то Петрович вслед кричит: «Постой, постой, возьми полштофа». – Куды тебе, у меня только пятки звенят. А рабочие-то, слышу, хохочут, мне вслед.

- Ну, а как же полштофа-то, - спросил Некрас.

- Разумеется, взял. На другой день, пошел и взял; спроси, вон у Федора, вместе роспили.

Обед кончился; котел выполоскали, налили свежей водой и поставили кипятить еще, чтоб заварить чай. Некоторые из рабочих закурили трубки и разлеглись около балаганов, другие пошли в лес, собирать ягоды. Дмитрий Беда лег заснуть в берестяной шалаш и проспал два часа.

- Ну, ребята, - сказал он, вылезая из шалаша, - пора и за работу.

Он подошел к ключу, умылся, вытерся подолом рубахи и вместе с Некрасом отправился к вашгертам. Рабочие разделились: некоторые пошли за Некрасом и Дмитрием, а другие направились к своим норам.

Работа шла следующим образом: двое рабочих стояли у забоя в норе и долбили золотоносную россыпь, и один набирал в лоток наскобленный золотоносный песок из ямы и передавал его носильщикам, относившим песок на промывку к вашгерту. Рабочие чередовались: те, что сегодня были у забоя, завтра должны были играть роль носильщиков, и обратно. Только Некрас и Дмитрий не менялись ни с кем работой, и все время занимались промывкой, как знатоки этого дела и люди ловкие и опытные; при неумении же и неловкости, можно спустить все золото вместе с галькой и таким образом уничтожить весь результат работы. Когда же случалось, что золотоносная жила в яме затеривалась, то на помощь призывались: у Беды – Перфил, у Некраса – Клим Долгий, всегда успешно отыскивавшие затерявшуюся жилу. В ямах работали или сидя, или на корточках; для освещения употребляли плошки, или жировики с коровьим салом и фитилем из бумажных тряпок; пески долбили кайлой, и выгребали гребнем или железной лопаткой. Часов в 7 Дмитрий объявил, что пора шабашить; все вышли из ямы и столпились вокруг своих вашгертов. Любо было смотреть на работу Дмитрия: крупная галька была уже вся промыта, оставалась только мелкая с золотым и золотистым песком; он спустил и ее, и осталось одно золото да немного песку в комочках и плитках. Тогда Дмитрий пустил в ход щетку и уменьшил воду; когда золото и песок собрались в одну кучку, он спустил воду, песок скатился, осталось чистое золото, которое он и сгреб в железную ложку.

- Ну, ребята, слава те, истинному Христу! – разгибая спину, сказал Дмитрий, обращаясь к рабочим, стоявшим вокруг него в молчаливом напряженном ожидании. – Тут, я чай, золотников с десятков будет.

- Слава Тебе, Господи, - в голос сказали рабочие, и двинулись за Дмитрием к кассиру. В это время и Некрас окончил съемку золота и подошел со своими рабочими к Дмитрию, подбросившему сухого хвороста в ярко вспыхнувший костер.

- Ну что, Некрас? – спросил Дмитрий, грея на огне лопатку с золотом. – Сколько Бог дал?

- Да ничего, золотников семь-восемь будет, - отвечал Некрас, ставя на огонь и свою лопатку.

- Слава Тебе, истинному Христу, - снова сказал Дмитрий, ссыпая в капсульки отогретое золото и тут же пряча его.

Солнце склонялось к западу. Костел ярко пылал, освещая оба стана, где уже сладко похрапывали утомившиеся тяжелым трудом рабочие. Дмитрий Беда расположился на бревне, и при свете костра починает себе обуток. Подле него уселся Перфил, мешая костер сухой палкой, а немного подалее сидит Некрас, покуривая трубочку; возле него спят двое рабочих, наклонив под себя вместо подушек еловые ветки и покрывшись тулупами.

Ночь тихая и прохладная разлилась над чернью. Кругом стоит невозмутимая, благодатная тишь; только с плотины доносится журчание ручья, да изредка проснувшаяся рыба встрепенется и всплеснет тихую воду речки; месяц еще не взошел и на ясном, прозрачном небе чуть-чуть розовеет остаток зари.

II.

Была ночь, но наши золотопромышленники не спали.

- Завтра, кажись, опять будет вёдро^{*}, - тихо проговорил Некрас, точно боясь нарушить торжественную тишину спускавшейся ночи.

- Да-а-а-а, - зевая согласился Дмитрий, - Еще недельки две, надо полагать, простоит; месяц уже и народился и обмылся; дай-то Бог, чтобы подоле подержалась погода; кабы еще столько намыть, вот оно бы и было нам на зиму-то. Хоша бы на хлеб-то хватило, а на варево, да на прочее что зарубим: в горе будет работа.

- Да, оно ничего бы, - отозвался Некрас. – Только вот как бы, Самсон не приехал.

- Что ты, с чего ему приехать? Я, чай, так тихо все устроил, что никому невдомек, что мы здесь.

- То-то, парень, так ли? Вон, Васька, кажись, в кабаке проболтался, что едет сюда.

- И на кой черт ты его взял к себе? Ведь сам знаешь, что он лодырь, а взял! Да он такой, что сам на себя, вранья ради, уголовное дело покажет, а не то, что на других, - раздраженным тоном заметил Дмитрий.

- Да вот, поди ж ты, - оправдывался Некрас. – Пристал он ко мне: «возьми, да возьми, я счастлив на золото», - ну, я и поверил: что ж, думаю, не взять? Теперь и сам не рад, грех один с ним.

- Ледящий он человек, этот Васька, - вмешался сидевший неподалеку Клим Долгий. – и в самом деле напрасно мы взяли его: дела не делает, так,

* Вёдро – летняя сухая и ясная погода.

лодырничает себе. Что это, братцы? – продолжил он, после минуты молчания, и вытянул жилистую шею, как будто к чему-то прислушиваясь. – Никак гром погромохивает?

Рабочие притихли и начали вслушиваться: издали действительно неслись какие-то глухие, раскатистые звуки.

- Зверь! – решил Дмитрий и снова спокойно принялся за работу. – Нам бояться нечего, он на огонь не пойдет. А вот у караульщиков наших душа-то поди уж в носу от страха.

- Ну уж нет, не из трусливых они, - заметил Некрас. – Лежат себе у огня, да в костре помешивают; это ты точно сказал, зверь никогда на огонь не пойдет.

- Не пойдет, ни в жисть не пойдет, - подтвердил Перфил. – Ланись вот ушел я к избушке рыбачить; из дому вышел поздно, солнце стало закатываться. Ну, покуда дров нарубил, покуда что, глядь уж вовсе темно стало. Разложил это я огонь, поел и лег. Только вдруг слышу сквозь сон, ревет зверь, почитай, что возле меня, за кустами: аж жутко стало, одному-то в лесу со зверем; куда те, думаю, несет, нелегкая? Взял это бересту, зажег ее, да и шасть в кусты, к зверю-то. И что ж бы вы думали, братцы мои? Так это я, значит, испугал его, что он от меня во все лопатки кинулся, только шерсть мелькнула.

- Верно; боится зверь огня, а человека – тем паче, - решительно заметил Дмитрий.

- А что ж, Васька-то давеча говорил, будто дед его зверя за уши домой приволок? – спросил Клима. – Наврал, значит?

- Должно, что наврал, - решительно сказал Дмитрий. – А только это правда, что дед его сильный был человек; я от стариков слышал, как он у четырех человек двести рублей отбил. Это было еще по обязательному, когда дед Васьки, Колода, некоторое время находился в бегах. Вез это, значит, крестьянин с рудника 200 руб. Узнали о том наши, и трое из них сговорились отнять у него эти деньги; выехали на дорогу, и ждут его. Видят, наконец, едет мужик. «Стой, - кричат, - давай деньги». Мужик отвечает, что денег у него нету. Тогда один возьми, да и назовись Колодой. Как услышал это мужик, сейчас и отдал деньги. Отпустили его, едет дальше. Только вдруг из лесу настоящий Колода выходит и тоже пристаёт к мужику, чтобы, значит, деньги отдал. Мужик и говорит ему, что «деньги, дескать, были, да Колода отнял». – Как, Колода? Какой Колода?». Ну, тут, разумеется, все и объяснилось. Рассказал ему мужик, на какой дороге наших встретил, и куда они пошли, и в чем одеты были; Колода повернул коня и был таков; конь его не конь, а бес был, живо наших догнал. «Так-то вы, - закричал на них Колода, - людей моим именем грабите! Подайте сейчас назад деньги». Наши перепугались и спорить не стали: отдали. И как бы вы думали, братцы мои, что сделал Колода? Догнал это он опять мужика и отдал ему половину. «Знай, - говорит, - что Колода никогда всего не отымет, и людей не зорит».

- Д-да, важный был мужик? – сочувственно отозвался Перфил. – Я слышал, что когда он строил себе дом в руднике, так один таскал на себе восьмивершковые бревна.

- Ну, братцы, кончил, - объявил Дмитрий, кладя на землю свой обуток. – Теперь и спать пора, нечего болентрясить-то.

Прибавив в костер дров, рабочие улеглись, кто в шалаше, кто подле костра, на еловых ветках.

Крепко спят рабочие; костер почти потух, и только угольки тлеют и временами вспыхивают под холодной струей ветерка. К утру с плеса и с лога поднялся туман, сделалось холоднее Трепетно мигавшие звезды побледнели в нарождающемся свете утра.

Васька проснулся от холода и пошел к костру, подбросить дров. Огонь снова вспыхнул. Васька присел к костру, придвинул чайник с недопитым чаем, разогрел его, выпил три чашки и, почувствовав себя согретым, лег рядом с Климом.

Рассветало. В черни зачирикали воробьи и синицы, где-то загремел рябчик, ему откликнулся другой, и снова все стихло; чернь и весной бедна птицами, а осенью и подавно.

Солнце показалось из-за скалы, рабочие начали пробуждаться. Первым проснулся Дмитрий и разбудил других. В это время из тальника показался Перфил с тремя полуаршинными тайменями. Решили двух сварить тот час же, а третьего оставить в прок (в запас).

Напились чаю, поели и принялись за работу. Ваське хоть и не хотелось быть у носилки, но он не смел противиться воле артели и работал вместе с другими. Так как вашгерты Беды и Некраса отстояли друг от друга на недалеком пространстве, то рабочие перекидывались друг с другом словами и замечаниями. К полудню с караула прибежал Васька Рыжий, с винтовкой в руках.

- Ты зачем? - спросили его два рабочие с носилками из ямы Некраса.

- Я к Митрию, - запыхавшись отвечал он. – Что-то по речке сверху, слышно как будто разговор какой-то, да шепот.

Он добавил это уже на ходу, спеша к вашгерту Беды.

- Ты за каким лешим? – встретил его Дмитрий. – Или опять трескать захотел? Кажись, ведь жрал утром.

Объясненная Васькой Рыжим причина его прихода окончательно вывела из себя Дмитрия, и он велел ему убираться снова туда, откуда пришел, но идти было уже некогда: из-за тальника показались четыре человека, и между ними объездчик.

- Братцы, объездчик! – крикнул Дмитрий и, выхватив винтовку у Васьки Рыжего, толкнул его так, что тот свалился.

Рабочие, услышав крик Дмитрия, побросали все, что было у них в руках и, как стая птиц шарахнулись в сторону и скрылись кто в черни, кто на крутом берегу ручья, густо поросшем пихтами. Один только Некрас остался

в яме, так как она была узка, да Васька Рыжий, все еще не оправившийся от толчка Дмитрия, которому он не хотел давать винтовку.

С криком «хищники, хищники!» поимщики бросились вдогонку рабочим, но, добежав до черни, остановились, испугавшись вероятно численности скрывшихся в ней неприятелей, и вернулись к шалашу, мимоходом подняв валявшуюся на земле винтовку. Обьездчик, по имени Самсон Прокофьевич Кирилов, тот самый «Самсон», приезда которого так боялись рабочие, подошел к Ваське Рыжему, угрюмо сидевшему на земле.

- Окромья Беды и Некраса, кто тут был с тобой? – спросил он Ваську.

- А тебе на что?

- Как на что? Вы здесь золото воруете, а мне дела не будет.

- Да это золото-то твое, что ли? – в свою очередь спросил его Васька.

Самсон только развел руками, удивляясь дерзости Васьки.

- Мое, не мое, - сердито отвечал он, - да и не ваше. Оно Божье, да царское.

- Вестимо, Божье, да царское, - согласился Васька. – Бог труды любит, ну, вот я потружусь для него, добуду золото, продам его и отдам царю подать. Вот, хоша бы для примеру, крестьянин землю пашет, земля ведь тоже Божья да царская, ну он и отдает свой труд Богу, а подать царю, - продолжал философствовать Васька. – Земля, говоришь, царская? А мы-то чьи? Тоже, чай, царские. Так неужто ж, батюшка, с голоду нам велит помирать?

На такой аргумент Самсон или не мог, или не хотел дать ответа, и молча направился к балагану, пошарить, не найдется ли там чего предосудительного. К нему на помощь подошли другие, но кроме оставленной впопыхах лопаты, провизии и некоторых инструментов, не нашли ничего, хотя золото было зарыто тут же под корни росшей возле балагана пихты. Обыскали норы, но и там ничего не нашли, кроме носилок с непромытым песком, нескольких инструментов и шапки одного из рабочих. Решили отдохнуть, победать, и уже после обеда заняться промывкой песков. Лошадей спутали и пустили кормиться. Костер, так долго служивший рабочим, одинаково ярко вспыхнул и для их противников. Сварили неизбежный суп из сушеного мяса и съели обед, пригласив с собою Ваську и надеясь, что эта любезность заставит его разговориться пооткровеннее.

- Ну-ка, рассказывай, как ты здесь очутился? – спросил его сельский староста, бывший в числе поимщиков по обязанностям службы.

- А вот, как, Илья Иванович, - начал Васька самым откровенным, благодушным тоном. – Пошел это я вчера на охоту за рябчиками, ночевал на речке Осиновке, потом вышел сюда. Вижу с горы, что здесь люди, я спустился и только что подошел к вашгерту, как на меня бросился какой-то человек и стал отнимать винтовку. А тут и вы подоспели, так я никого и не разглядел, признаться, кто тут был.

- Полно тебе Лазаря-то петь, - оборвал его староста, - лучше признавайся.

- Ей Богу, Илья Иваныч, не в чем мне признаваться, - божился Васька, и как его ни допытывали, ни слова не прибавил к своему первоначальному рассказу.

Целый день провели в черни поимщики и намыли около золотника золота. Они уже уехали, а несчастный Перфил все сидел в яме, боясь наткнуться на них, и вышел из нее только тогда, когда уже совсем смеркалось. Он тот час же подошел к пихте и увидел, что золото не вырыто. «Слава тебе, Господи», - тихо сказал он, как будто боясь, что его могут услышать и, подойдя к оставленному поимщиками запасному мешку, взял из него калач и съел его, благоговейно перекрестившись. Ему и в голову не пришло скрыть от товарищей, что золото цело и одному овладеть им.

Он оглянулся вокруг, и глазам его представилась печальная картина: вашгерты были изрублены, шалаши сожжены, плотина разрушена.

Он крикнул товарищей, и скоро все снова собрались на разоренном пелище.

- Спасибо Самсону, хоть запас-то оставил, - сказал Беда. – Вон и таймень висит на дереве, диво, что они не видали его.

- Да ведь что ж, - отозвался Некрас, - нешто Самсон против нас зло какое имеет? Никакого он не имеет зла, а так ... Служба, братцы мои, та же неволя; назвался груздем, так уж как там хошь, а в кузов лезть надо.

- Что правда, то правда, - согласился Беда. – Вот только хорошо бы узнать, кто ему донес на нас; уж задал же бы я пфейферу этому фискалу.

Они долго беседовали на эту тему, рассуждая о том, кто мог быть этот враг, погубивший их дело, но к истине все же не подошли! Выдал их Самсону один крестьянин из мастеровых, по прозвищу Кошка. Это был темный вор, конокрад, обманщик, пользующийся дурной репутацией даже между самыми отчаянными ворами; ходили даже слухи о том, что на душе у Кошки лежит не одно убийство. Зависть ли к Бедо, или что другое, но только он не любил его и старался вредить ему, где и чем мог. Когда Васька Рыжий проболтался в кабаке, что поедет с Бедой на ключ Перфила, Кошка был тут же и стал следить за Васькой. Дня через два, узнав, что ни его, ни Беды нет дома, Кошка оседлал коня, взял винтовку и сказал дома, что поедет в чернь, на рябчиков. Ему посчастливилось узнать от встречного крестьянина, что этот последний встретил партию Некраса, повернувшую к ключу Перфила. Пробыв в черни весь этот день, Кошка ночью вернулся в рудник, поднял с постели объездчика и объяснил ему в чем дело. Сборы продолжались не более получаса времени и поимщики попали в чернь как раз во время, т.е. тогда, когда их менее всего там ждали.

Ваську Рыжего отдали в руки правосудия, как одного из «хищников». Но он усердно клялся в своей невинности, горько жаловался на поимщиков, будто бы избивших его и отнявших у него рябчиков, и не раз повторял, что «лопни его глаза» и «тресни утроба», если он видел хоть крупиночку золота, что Дмитрия Беду он в глаза не видал и что вообще он безвинно потерял своих рябчиков, плод трудов целой ночи, и просил выдать ему денег за убытки.

Привлеченный к допросу Беда показал, что в это время он ездил в чернь с двумя товарищами рыбачить и охотиться за рябчиками; товарищи подтвердили его показание. И несмотря на уверения Самсона с товарищами, что Васька и Беда были в числе «хищников» и тот и другой были отпущены с нотацией «впредь не попадаться».

Алтайский горный округ и описываемая часть его Кузнецкий, богат металлами. Чего тут нет: золото, серебро, свинец, медь, железо, каменный уголь и при всем этом он недоступен частной предприимчивости. Эта цветущая земля, леса, приволье их и дорогой металл, часто лежащий под небольшим покровом земли, естественно влечет сюда и соблазняет окружающее население, особенно когда кругом ютится бедность и изнуренное нуждою и работами подзаводское население. Заработок у кочегаров, мастеровых, рудокопов и угольщиков слишком мал, чтобы обеспечить жизнь населения. Старое горное начальство дурно рассчитывалось и, между тем, подати горных крестьян увеличивались оброком, да еще волостные сборы, темные поборы, содержание писарей.

Тяжело живет крестьянину, душно на руднике, пекло у раскаленной печи на заводе, а кругом приволье и ширь, и благодать. Здесь ли не проявиться силе, здесь ли не разгуляться. И, понятно, влечет и тянет в эти леса. Не одна жажда корысти обольщает народ, а приволье жизни, приволье промысла.

Какая славная, привольная эта жизнь в лесах, видно на промышленниках и пасечниках сибирских, какой дух отваги, какую крепкую расу она воспитывает. В этом авантюризме доселе еще ищет выхода и удали непригнетный к сохе дух народный.

Не один отважный Беда носится по сибирским лесам, отгрызаясь от объездчиков, не одна сила крестьянская разрывает ямы и ворочает пни, открывая и намечая богатства может быть для более счастливых предпринимателей.

III.

Там, где поднимаются предгорья Салаирского кряжа, местность становится более холмистою и покрытою чернью – девственным лесом самых разнообразных пород, перевитых хмелем и ползучими растениями. Местами видны обнажения, угловатые камни-гиганты торчат изо мха, порой вырванное ветром-буреломом дерево обнажает, как когти, свои корни, в которых держаться куски камней и железной охры. Все выдает скрытое богатство металлообильного кряжа Алтая. Тронутая кора, накопанные ямы, кучи руды железной, свинцовой, серебряной, сваленные в лесу, показывают близость рудника. Расположенный в холмах, он окружен прекрасною зеленью, среди которой темные хвой чередуются с веселой березой и кустарниками, дикие пионы покрывают местность и ярко сверкают группами. Рудник имеет вид обыкновенного заводского селения. Покосившиеся хижины мастеровых с затянутыми брюшиной окнами, старые и новые сараи, темные норы шахт, про-

бегающая светлая горная речка и жалоба от нее к промывальной машине, закоптелый рудничный народ, старый калека-нищий, группа разгулявшихся бергалов (приисковых рабочих), флегматичный торговец у лавки, подозрительно расфранченные в ситец красавицы у ворот и пробегающий инженер в щегольском мундире и новеньких эполетах – вот обычная обстановка заводского селения.

Однажды, часу в двенадцатом дня, Дмитрий Беда (знакомый читателю) встретил Некраса на одной из улиц –ского рудника.

- Куда идешь, Некрас? А, Некрас! – окликнул он товарища, повернувшись и идя за ним следом.

Но Некрас не слышал его и продолжал идти, уныло понутив голову. Беда должен был несколько раз повторить оклик, пока тот, наконец, не остановился.

Прятели поздоровались.

- Куда пошел? – снова спросил Беда.

- Куда? - повторил Некрас, как будто не вдруг смекнув о чем его спрашивают и медленно почесал затылок. – Да вот, вишь ты... опять к отцу Семену ходил. Все об сыне-то хлопочу. Ну...а теперь к Ивану Иванычу иду, даве два раза заходил, да все, вишь, дома нету его.

- Ну, что же, батюшка-то?

- Батюшка-то? Да что... все то же. Пятнадцать рублей просит за свадьбу, не сбавляет; я уж и так, и сяк, все свое знай: меньше нельзя.

- Да он, гляди, того ... не выпимши ли? Ноне, говорят, он больно запивать стал.

- Если маненько, - отвечал Некрас. – Кума Палагея сказывала, как, значить, с иконами ходил, крепко был выпимши; а отец дьякон, так тот всю дорогу, как есть, гадовал. Срам один!

- Что уж тут! Известно, срам. Погоди маненько, ужо как проспится, може добрее станет, смилуется, - предложил Беда.

- Нет уж, где ж там! - махнул рукою Некрас. – Я вот к Ивану Иванычу иду, заработок сдавать; тут на мой пай рублей пятнадцать будет; да еще коня торгуют за тридцать рублей, вот оно на свадьбу-то и хватит.

- Да нешто ты еще не сдал заработок? – спросил приятеля Беда.

- Нет. А ты?

- Эвона! Уж дня три, как сдал. По четыре рубля. А вон и сам Иван Иваныч идет, - прибавил он, указывая пальцем на подходившего к ним мужчину лет под сорок, среднего роста, с русой бородкой и типичной русской физиономией, одетого в коричневое драповое пальто. – На свадьбу-то, слышь, позови! – крикнул он вдогонку Некрасу, быстро зашагавшему на встречу Ивану Иванычу.

- Ладно, - не оборачиваясь, ответил Некрас и, сняв шапку, отвесил поклон остановившемуся перед ним Ивану Иванычу.

- Здравствуй, брат, здравствуй! – ответил Иван Иваныч на низкий поклон Некраса. – Что скажешь?

- Да тот ... до ваших милостей, Иван Иванович. Принес вам...

- Почему? - перебил его Сапогов, сразу смекнув, о чем идет речь

- Да почему люди, по тому и мы. Беда по четырем вам сдал, ну, и я потому же.

- Дорого, парень! По три с полтиной отдашь, так возьму.

- Что вы, Иван Иванович! Уж меньше-то четырех никак нельзя; по этой цене всякий возьмет. Лучше уж я к Семенову пойду, - прибавил Некрас и, надев шапку, хотел уже идти, когда Сапогов остановил его.

- Да ты как возьмешь-то? Товаром или деньгами? – спросил он Некраса, сообразив, что те рубли, которые он передаст Некрасу деньгами, с процентами вернуться к нему на товаре.

- Рублев на пятнадцать возьму товаром, - отвечал Некрас. – Тут мой пай рублев на пятнадцать, а остальные – артельные. Сына хочу женить, Иван Иванович.

- Ну, уж пожалуй, давай. Три рубля семьдесят пять копеек я, так и быть, дам тебе, - как будто нехотя согласился Иван Иванович, зная очень хорошо, что, отвезя в Россию золото, он наживет, по крайней мере, 2 рубля на золотник, а провоз одного или полутора пудов, разумеется, ничего не будет ему стоить.

Иван Иванович Сапогов был местный купец, имеющий несколько лавок в –ском руднике и ведущий через приказчиков развозную торговлю в округе. Сын одного великорусского крестьянина, Сапогов был привезен в Сибирь мальчиком и тотчас же по приезде поступил в услужение к местному торговцу. Он оказался таким ловким и сметливым работником, что скоро овладел полным доверием хозяина, и когда этот последний умер, Сапогов, тогда уже 30-летний малый, женился на его вдове, 50-летней женщине, и завладел, таким образом, всем состоянием покойника, умершего бездетным. Так как Сапогов отлично знал все тонкости рудничной торговли, то дела его пошли очень хорошо, и капитал его год от году рос и увеличивался. Он был в прекрасных отношениях с горными, и через его руки шли на продажу съестные припасы, порох, свинец, железо и медь, а крестьяне несли ему золото.

Жизнь Иван Иванович вел аккуратную: в скоромные дни ел щи с капустой и кашу, а в постные довольствовался редькой с квасом. По праздникам ходил к обедне, каждый пост говел и, по местному выражению, «постовал». С женой и приказчиками он был суров и деспотичен, а с горным начальством ласков, предупредителен и даже низкопоклонен. Все его задачи и стремления сводились к одному: копить, копить и копить, какими бы путями ни было.

Перебрасываясь с Некрасом отрывочными фразами, Иван Иванович подвел его к своему дому, выстроенному еще покойным хозяином на одной из главных улиц –ского рудника. Дом этот был единственной роскошью, которую разрешил себе Иван Иванович, крайне умеренный во всех своих требованиях; он состоял из десяти комнат и занимал собою почти целый квартал.

Войдя в кабинет, Иван Иванович бросил картуз (фуражку) на письменный стол, и, отворив ящик, достал из него весы и гири. Некрас, переkre-

стившись на образа, стал поодаль, вынул из-за пазухи капсюль, наполненный золотом, и протянул его Сапогову. Оказалось двадцать два золотника. Иван Иваныч ссыпал золото обратно в капсюль и, положив его на стол, вынул деньги.

- Приноси еще, если будет, - сказал он, подавая деньги Некрасу. – Сам знаешь, я ваш завсегдашний покупатель.

- Знаю, знаю, Иван Иваныч. Принесу, как добудем; а покуда – прощения просим.

Он отвесил поклон и готов уже был выйти, когда из-за дверей прихожей раздался громкий голос, и в комнату, где только что совершился торг, вошел заседатель: за ним шел староста и несколько понятых.

Увидав их, Иван Иваныч обомлел и так растерялся, что позабыл спрятать капсюль с золотом.

- А! ... Сидор Сидорович! - оправляясь, наконец, выговорил он и сделал шаг навстречу гостю, совершенно забывая, что капсюль с золотом лежит на столе, на самом видном месте. – Милости просим ... Милости просим, батюшка!

- Да я ведь не в гости к вам ... я по делу, - отвечал заседатель, избегая смотреть на хозяина, и, подойдя к столу, увидел капсюль.

- Понятые! Не выпускайте этого человека, - указал он на бледного, перепуганного Некраса, - а ты, староста, поди сюда; надо осмотреть вот это, и свесить ... сколько тут.

Он взял со стола капсюль и передал его старосте.

- Что там? – снова спросил Сидор Сидорович после того, как староста развернул капсюль.

- Золото, вашескородие, - отвечал староста. – Шлиховое золото; да еще какое крупное-то!

- Свесьте его; надо составить протокол, - решительно сказал заседатель и, несмотря на бледного, взволнованного хозяина, обратился к Некрасу.

- А ты зачем здесь, любезный?

- А по своим делам, вашескоблагородие, - отвечал Некрас, несколько отправляясь от испуга.

- По своим делам? – переспросил заседатель, подозрительно смотря на бледного, дрожащего Некраса, робко прижавшегося к притолоке двустворчатой двери. – Ну-тка, ребята, обыщите его.

Приказание было тотчас же исполнено понятными, вытащившими у него из-за пазухи деньги, аккуратно завернутые в серую бумагу. Пересчитали, оказалось 60 р. 80 к.

- Где ты взял столько денег? – спросил заседатель.

- Где взял? – машинально повторил Некрас – Где взял? Да ... свои, - нерешительно протянул он.

- Свои? - усмехнулся заседатель, и обратился к старшине, весившему в это время, взятое у Сапогова золото. – Сколько там? – спросил он, и когда старшина определил ему вес в двадцать два золотника, сел писать протокол,

велел запечатать золото. За подписью его, под протоколом подписался старшина, понятые и, наконец, последним должен был подписаться Сапогов. Он было заупрямился, но когда заседатель пригрозил ему каталажкой за сопротивление власти, подписался и покорно выслушал объявление налагаемого на него домашнего ареста.

- Я должен это сделать, - как бы извинился заседатель, - потому, что у вас в доме нашли шлиховое золото.

Он хотел уже выйти, когда в прихожей послышался женский голос, и в комнату вошла жена Сапогова, неуклюжая, толстая старуха.

- Что это у тебя, Иван Иванович народу-то столько насбиралось? Точно на съезжий праздник, - начала она и, увидав заседателя, поздоровалась с ним.

- Да вот у вашего мужа на столе нашли шлиховое золото, - сказал заседатель, но Сапогова перебила его.

- Золото? У него золото? Полноте, Сидор Сидорыч! Откудова у нас будет золото? Разве, может, подкинул кто? Здесь ведь народ-то какой? Сами, чай, знаете! Крестьяне нам уж давно грозятся, вот и сделали. Вы нас ведь не первый год знаете, Сидор Сидорыч...

- Подкинул кто, или нет – покажет следствие, - перебил ее заседатель и, простившись с ней и с хозяином, вышел со старостой и понятыми, приказав первому отвести Некраса в каталагу.

По уходе их, Сапогов долго не мог прийти в себя от испуга и неожиданности.

- Кандалы... острог..., - шептал он, неподвижно смотря куда-то в пространство.

- Что же ты стоишь-то как ословелый? – крикнула на него жена. – Говорила я тебе, что не след заниматься этим делом, что втрескают тебя эти мошенники; мало тебе торговали-то? Вот и выпутывайся теперь, как знаешь! О, Господи! Разоренье одно! Послать что ли за Петром Петровичем? Он ведь с Сидором Сидоровичем приятель. Господи, Господи! Да как это вышло-то все, ума не приложу..., - недоумевала она, разводя руками и вопросительно смотря на мужа, в прежней безнадежной позе стоявшего посреди комнаты.

Он ничего не отвечал ей; да и что мог он отвечать, сам не зная, как все это случилось? Он, конечно, был бы осторожнее, если бы знал, что земская полиция, в лице Сидора Сидоровича, давно уже следила за скупом шлихового золота. Когда от попавшегося Васьки не могли узнать ничего определенного, его выпустили на поруки и стали следить, куда он ходит, с кем знается. Таким образом, узнали о дружбе Васьки с Бедой и Некрасом, а вслед за тем стало известно, что тот и другой ходят к Ивану Ивановичу: начали следить, караулить и, наконец, донесли заседателю, что Иван Иванович сам провел к себе Некраса. Тогда заседатель взял старосту с понятыми и, незамеченный, проник в дом Ивана Ивановича; через створчатую стеклянную дверь он подглядел всю процедуру купли и продажи и поймал преступников с поличным.

Весть о находке у Ивана Ивановича и об аресте Некраса быстро распространилась по селению и дошла до жены Некраса. Узнав, что муж ее засажен

в каталагу, испуганная женщина тотчас же бросилась к нему и была допущена без всякого затруднения.

Каталага помещалась шагах в десяти от волости, при волостном правлении, и состояла из сеней и собственно каталажки, в которую вела дверь с прорубленным в ней маленьким окошечком. Дверь эта запиралась снаружи тяжелой железной полосой. Комната была грязная, задымленная, с русской печкой и нарами; свет проходил в нее через два небольших окна с железными решетками.

Некрас сидел на нарах, когда в окно двери каталажки заглянуло женское лицо, он узнал жену и быстро подошел к двери.

- Что тебе, Палагея? – спросил он ее, невольно ожидая услышать от нее какое-нибудь утешение.

- Что! Известно что! Повидать тебя пришла. Ведь говорила я тебе: брось ты это проклятое ремесло; не слушался, вот и сиди теперь, может сошлют еще, куда я тогда с ребятами денусь, горемычная? – причитала Палагея плаксивым голосом.

Некрас молчал; у него и так было нелегко на душе, а от слов жены стало еще тяжелее.

- Хоть бы Беда пришел, что ли! – сказал, наконец, Некрас, тщетно стараясь придумать какой-нибудь способ освобождения.

- Придет, придет, - быстро заговорила Палагея. – Я уж бегала к нему, оповестила. На-ко вот, я поесть тебе принесла, - вспомнила она и протянула мужу через окно калач и луковицу. – Поешь, подкрепишь маненечко.

- Никак ты пришла к окошку-то, тетка Палагея? – раздался громкий, энергичный голос, и голова Беды показалась в окошке рядом с головой Палагеи. – Хлеб с солью, товарищ! – приветствовал он Некраса. – Что? Видно свадьбу справляешь? Да ты, Мироныч, пусти-ко нас в каталагу-то, - обратился он к каморнику.

- Не пушшу! – твердо сказал Мироныч. – И в сени-то не велено пушшать, я это так уж.

Беда не настаивал больше, зная непреклонную твердость Мироныча, верного цербера каталаги, при которой он находился с самого начала образования волости, т. е. лет десять, и не было примера, чтоб у него бежал арестант.

- Как это тебя угораздило? – спросил Беда у Некраса и, не дожидаясь ответа, прибавил: - нашли золото?

- Нашли, - угрюмо отвечал Некрас. – и золото отобрали, и деньги.

- И деньги? Ммм! – задумчиво промолвил Беда.

- Говорят, в острог посадят, - снова захныкала Палагея.

Ей никто не отвечал; Некрас молча жевал калач, Беда сосредоточенно задумался. В это время, в сени каталаги начали собираться рабочие из артели Беды и Некраса; каждый считал долгом заглянуть в окно каталаги и спросить последнего: «как это могло случиться?». Потом все столпились около окошка, загалдели и стали просить Мироныча пустить их в каталагу. Но Мироныч

оставался непоколебим и пригрозил выгнать всех из сеней, если будут приставать. Это подействовало, толпа затихла; начались толки и советы, как выйти из беды. Одни предлагали отдать по рублю с рыла письмоводителю заседателя, но Беда отнесся к этой мере с недоверием. По рублю! Усмехнулся он. – Давай Бог, чтобы по три-то взял, а то, вишь – «по рублю»!

Поднялся опять содом; больше всех шумели рабочие из партии Некраса: им было жаль золота и денег, приходящихся на их пай. Никто не соглашался пожертвовать тремя рублями из своего пая, говорили, что все эти деньги должен отдать Некрас, и обвиняли его в неосторожности. Больше всех горячился Перфил и не хотел уступить из своего пая ни одной копейки.

- Стой, Перфил! – остановил его Беда. – Что, если барин задержит все деньги и ты не получишь ни гроша? Что тогда?

- Что тогда? – переспросил Перфил. – Ну, разумеется, Некрас должен мне отдать их.

- А где он их возьмет?

- Где возьмет? А где хочет, мне-то что! У него вон за Сапоговым есть свой пай, да корова, да лошадь.

- Не дело говоришь, Перфил, - заметил Беда. – Мой совет попытаться, не возьмет ли по рублю письмоводитель, и ежели не возьмет, так дать по три. Бог дал, Бог и взял, говорит пословица; нам лишь бы товарища выручить.

Совет Беды поддержали его товарищи по артели; но убедить Перфила им удалось только после больших усилий, и то с помощью старика Мироныча, объявившего, что он сейчас же прогонит строптивых.

Беда был выбран ходатаем; порешили сказать, что деньги, отобранные у Некраса, принадлежали ему и отданы им Некрасу за купленного у него Бедой коня; некоторые из присутствующих согласились быть свидетелями и, в случае нужды, подтвердить под присягой, что Некрас действительно продал коня Бедо, нуждаясь в деньгах к свадьбе сына, и зашел к Сапогову с целью переговорить с ним о покупке товара и сторговаться заранее.

Беда вполне подчинился решению товарищей и отправился в канцелярию заседателя, чтобы предварительно переговорить с его письмоводителем. Из предыдущей сцены читатель, конечно, догадывается, в чем должны были заключаться эти переговоры.

IV.

Не мешает, однако, познакомиться несколько с личностью заседателя, не последнего героя наших очерков, как представителя местной администрации.

Родом из разночинцев, Сидор Сидорыч, или, как его называли тогда, Сидорка, был выгнан из городской школы и определен родителями писцом в одно окружное присутственное место. Тридцать с лишним лет он тянул эту лямку, пока не добился, наконец, всеми правдами и неправдами, место земского заседателя. Он высоко поднял голову: сбылась, наконец, его мечта, казавшаяся недостижимой, заветная цель его трудов и происков. Как все люди,

долго находившиеся в приниженном положении, он боялся за неожиданно доставшуюся ему власть и крепко за нее ухватился. Единственная книга, которую он прочел, был тощий, старенький томик «Уложения о наказаниях», и он взял его руководящей нитью своей новой деятельности, как воплощение высшей правды, и по нем начал творить суд и расправу, не отступая ни на шаг; никакой критики, никакого «внутреннего убеждения» у него не было, да и не могло быть. Но, педантично строгий к другим, к себе он был довольно снисходителен, в смысле наживы, хотя брал только тогда, когда мог обещать успешный результат того дела, которое обещал отстоять.

Женился он на простой, безграмотной девушке, но очень искусной хозяйке, поселился в удобной просторной квартире и зажил припеваючи. Потребности у него были простые, и удовлетворить их не представляло никакого труда. Купцы пользовались его особенным нерасположением; он называл их «грабителями» и прижимал где мог. Вот почему он с таким азартом принялся за дело Сапогова и так торжествовал, поймав его на месте преступления; тут пахло хорошеньким кушем и можно было взять его с покойной совестью: от покупки краденного золота нельзя было отвертеться пустяками, и он, как представитель закона, должен был примерно наказать хитителя государственной собственности.

Вечерело. В просторной комнате, носящей название «чайной», за столом, на котором пытел большой самовар, сидел Сидор Сидорыч с супругой своей Анной Андреевной и аппетитно пил чай, наливая его на блюдечко и аккуратно устанавливая это последнее на пяти оттопыренных пальцах левой руки. Процедура чаепития составляет одно из несложных наслаждений – ского рудника; это и отдых от трудов, и развлечение от домашней скуки. Человек как будто распаривается от горячей, живительной влаги, делается мягче, уступчивей, благодушной.

В комнате все больше и больше сгущался мрак, усиливающийся от запотевших от самовара окон. Молчание нарушалось сопением, причмокиванием и прихлебыванием, да изредка вставляемыми отрывочными фразами, в роде: «завтра ведро будет, надо полагать», - которыми супруги обменивались в промежутке переливанья чая из чашки в блюдечко. Но на пятом или шестом стакане (он уже сбился со счета), Сидор Сидорыч почувствовал прилив словоохотливости.

- Завтра надо будет приняться за дело Сапогова, - начал он, понемногу раскачивая свой серый драповый халат и вытирая пестрым ситцевым платком пот с раскрасневшегося лица.

- Ты с ним что хочешь сделать? – спросила Анна Андреевна, откусывая кусочек сахара, и тотчас же прибавила: - Уж, пожалуйста, ты не жалея его, коли он перед тобой нюни распустил; намердись я у него в лавке шерсть покупала, так ведь копеечки не уступил; что с других, то и с нас, ежели еще не дороже.

- Чего жалеть! – согласился Сидор Сидорыч, и хотел еще что-то прибавить, когда в прихожей раздался хриплый голос, спрашивающий, «дома ли

заседатель», и в дверь чайной заглянуло круглое, плутоватое лицо с коротко остриженными черными волосами.

- Дома, дома, Петр Петрович, - радушно встретила хозяйка, обрадовавшись появлению нового лица. – Милости просим!

- Да что это вы в потьмах-то сидите? – продолжал гость, входя в комнату.

- Проходите в залу, Петр Петрович, - пригласил заседатель, здороваясь с гостем и отворяя дверь в соседнюю комнату, - Давай-ко нам свечку, Анна Андреевна, - уходя крикнул он жене, но она уже предупредила приказание мужа и шла за ним с зажженной сальной свечой.

- Еще свечку подай, Аннушка, да пораспорядись-ко закусочкой. – Вы, Петр Петрович, чего хотите сперва? Чаю или водочки? - обратился к гостю хозяин.

- Чаю, разумеется, чаю; давеча у Сапогова был так до сей поры голова трещит; выпили мы с ним по маненьку, - как бы вскользь заметил Петр Петрович, сразу намекая на цель своего визита к заседателю.

Анна Андреевна внесла в это время другую свечку, в медном подсвечнике и, сложив руки, остановилась у стола послушать разговор гостя.

Замечательная личность был этот гость – Петр Петрович Петров. Если Сидор Сидорыч был плохо знаком с совестью по недостатку ума и развития, то Петр Петрович сознательно выбросил ее из своего внутреннего склада, как негодную вещь. Этот был прожженный и, если можно так выразиться, ученый мошенник. Отец-крестьянин отдал его в одну из городских школ, и мальчик оказался таким способным, что в настоящее время занимал одно из очень видных мест в округе и пользовался общей любовью, не смотря на то, что всех надувал и всех готов был продать в виду своих интересов. Он дружил с высшим начальством, кумился и брался с купечеством и не гнушался даже приятелью рабочих. Между тех и других и третьих, он не только обманывал сам, но и им помогал обманывать друг друга, и делал это так тонко и ловко, что всегда оставался в стороне. В среде плутовства и казнокрадства это был незаменимый помощник, и как-то так устраивался, что незаметно для других, ему зачастую перепадала львиная часть награбленного.

- Милости прошу закусить, - обратилась к гостю хозяйка, после довольно продолжительного отсутствия вернувшаяся в залу. За нею шла кухарка, или «стряпка», по местному выражению, с огромным подносом, уставленным всякими вареньями, соленьями и печеньями. Анна Андреевна поставила на стол вино и водку, внесенные ею на отдельном маленьком подносе, и сев на стул, вынула из кармана вязанье.

- Вы говорите, что были у Сапогова, Петр Петрович? – вороча длинными спицами, начала она, когда гость выпил водки и закусил ее соленым рыжиком.

- Был, был, Анна Андреевна. Он посылал за мной. Как ни есть, а тоже ведь кум, нельзя оставить в несчастье. А ловко ты его поймал, Сидор Сидорыч, ловко! Молодец, брат! Так их и надо, мошенников. Распотешил он меня

давеча: просит, в ногах валяется, хнычет, что твоя баба: «выручи, - говорит, - кум, заступись». – Ладно, - говорю, - заступиться можно, отчего не заступиться. Только ведь, - говорю, - заседатель меньше 1000 рублей не возьмет. Мялся он мялся, да видит, что делать-то нечего, - согласился. Ты ведь знаешь, Сидор Сидорыч, что я своих в жизнь не выдал, так вот и тебе выхлопотал тысячу рублей. Я твою руку тянул, а он-то, мошенник, думает, что это в его пользу: «я, - говорит, - на вас как на каменную гору надеюсь». Надейся, думаю себе, надейся, мошенник! Таким случаем пользоваться надо: много ли их, таких-то случаев? В зубы-то ему глядеть нечего.

- Так, верно, Петр Петрович! – крикнув, сказал хозяин. – Спасибо парень! Дока* ты, ух, дока!

- Тут будешь, брат, докой, - хвастливо произнес Петр Петрович. – Вон наши-то, прибавил он, под словом «наши» разумея высший горный кружок, - десятками тысяч в карманы кладут, да и то сходит. Слышали небось про Остолобовское дело. Хапал это он хапал, все как по маслу шло; да раз как-то с подрядчиком поссорился из-за двухсот рублей. Подрядчик-то возьми да и донеси на него, а Остолобов, не долго думая, взял да и махнул в Питер, за щиту, значить, искать себе. Ну, и стоила ему эта самая защита не один десяток тысяч рублей.

- Ну, и что же? Выпутали?

- Белее белого сделали. Теперь опять мошну набивает, ретивее прежнего. И то сказал: надо же наверстать-то. А мой совет вот: воруй куда можно, коли ты не дурак, да только умей концы хоронить. Ну и воруют и меня, грешного, не оставляют, - закончил, смеясь, Петр Петрович.

Далеко за полночь тянулась беседа приятелей, и Сидор Сидорыч, никогда не пьяневший, узнал много интересного и назидательного от подвыпившего Петра Петровича.

«Голова!» завистливо думал он, мысленно взвешивая практичность наставления гостя.

В этот же самый вечер, другая беседа велась в канцелярии Сидора Сидоровича и была не короче хозяйской. Уполномоченный товарищами, Беда пришел к письмоводителю с просьбой о помощи. После долгих убеждений, что помочь в таком деле никак невозможно, письмоводитель сказал, наконец, что он «похлопочет» у Сидора Сидорыча, и отправился к нему на дом, оставив Беду в мучительном ожидании результата его «хлопот». Сидор Сидорыч, занятый интересной беседой с Петром Петровичем, не принял письмоводителя; но, несмотря на это, последний вернулся к Бедо и сказал, что «Сидор Сидорыч просит полтора ста рублей»

Дмитрий Беда почесал в затылке.

- Нельзя ли бы хоть сто, Василий Васильевич, - сказал он просительным тоном.

* Дока – знаток, мастер своего дела, ловкач.

- Никак невозможно, - решительно отвечал письмоводитель, - Дело теперь уж на ходу, надо со всеми поделиться, что же останется Сидору Сидорычу; не станет же он без антиреса об вас хлопотать; велика нужда!

- Нечего делать, - вздохнув, сказал Беда, и встал с лавки. – Видно, погибать надо Некрасу. Прощенья просим, Василий Васильевич.

- Да ты стой, - остановил его письмоводитель. – Неужто уж ничего не можешь накинуть?

- Ничего, - твердо сказал Беда, чужая, что дело сладится и уже жалея, что он не посулил меньше. – Нам и сто-то рублей не шутка собрать!

- Ну, уж ладно, черт с тобой! – смиловившись письмоводитель, - Жалко ведь вас, мошенников; тоже – люди!

И, положив в карман сторублевую бумажку, письмоводитель отпустил Беду с уверениями, что дело Некраса «в шляпе», и отправился к Сидору Сидорычу, объяснить, что «больше 60 рублей Некрас никак не может собрать за свой выкуп».

Вслед за письмоводителем приехал к Сидору Сидорычу купец Сапогов; вошел он с плаксивым расстроенным видом, а вышел довольным и сияющим. Хозяин с поклонами проводил до выходных дверей давешнего «преступника» и, вернувшись, приобщил 1060 р. к своему кругленькому капиталцу.

В этот же вечер следствие было окончено.

Д. Нелюбинский
Восточное обозрение, 1882. № 17, 18, 24, 25

Сибирская Калифорния

В 187* году, в южной части ---ской губернии весна наступила так рано, что к Николину дню луга покрылись травой и из распустившегося, одетого пышной зеленью леса, несся аромат цветущей черемухи. Вернувшиеся ласточки весело защибетали, купаясь в яркой, безоблачной синеве неба, парни и девушки высыпали на улицу в летних костюмах, с гармониями, балалайками и песнями. Нигде не ждут весны с таким нетерпением, как в глухой провинции и нигде так весело не приветствуют ее появление, как там, в этих забытых Богом и людьми уголках, где каждый поневоле живет исключительно своей внутренней жизнью, по недостатку живых, общественных интересов.

Накануне Николина дня по дороге, идущей бором от ---ского рудника, в двух телегах, запряженных сытыми лошадьми в наборных хомутах, ехали две семьи братьев Буйвололовых, к отцу, в Золотушинскую деревню, на съезжий праздник. С ними были их жены и дети; по нарядным платьям и пестрым платкам женщин, по сбруе и упряжи лошадей можно было заметить, что Буйвололовы люди зажиточные.

Проехав еще версты две по начинающему постепенно редеть бору, путники выехали на поляну, и глазам их представилась следующая картина: дорога прихотливыми изгибами спускалась под гору, у подошвы которой, журча и переливаясь, текла быстрая речка, разделявшая Золотушинскую деревню на две части: восточную и западную. Деревня лежала, таким образом, в котловине, и высокие берега речки рисовались красивыми, живописными грядами почти сплошь покрытыми ярко-зеленым, березовым лесом. За ними, почти в самом селении, виднелись высокие насыпи красного и желтого цвета; это были груды промытого золотоносного песка. Речка или вернее ручей, была во многих местах перегорожена и на местах запрудов стояли вашгерты для промывки золота. Домики в селе были большей частью новой постройки и около каждого из них отведены пригоны для скота и место для гумна.

Буйвололовы остановили лошадей у двухэтажного нового дома, стоявшего на мысе, глубоко вдающемся в ручей; новая ограда, множество служб и амбаров указывали на зажиточного хозяина.

На встречу гостям вышла женщина лет 30-ти, небольшого роста, кругленькая, с загорелым симпатичным лицом, это была жена третьего брата Николая Буйвололова, жившего вместе с отцом.

- Здравствуй, Маланья! – крикнул ей Иван (старший из братьев), въезжая первым во двор и привязывая лошадь к столбу, стоявшему по середине двора.

- Здравствуйте, здравствуйте, Иван Васильич! – ласково отозвалась невестка и, подойдя к другой телеге, взяла на руки маленькую девочку, дочь второго брата – Семена.

Приветливо разговаривая с гостями, Маланья провела их к отцу, жившему в верхнем этаже дома. И там, как внизу, чистота и опрятность бросались в глаза: стены были выбелены, полы выскоблены и покрыты шерстяными половиками; на полках блестели кастрюли и самовар. В одной из комнат, на ларе, сидел старик лет семидесяти, одетый в новую рубаху из розового ситца, со связкой ключей за поясом; это и был хозяин дома, Василий Иванович Буйволов, и в бороде старик имел еще бодрый вид, и когда его сторбленная фигура выпрямлялась, то он был головой выше сыновей; в его серых, быстрых глазах загорались подчас искорки, которыми могли бы позавидовать многие молодые.

— Здравствуйте, здравствуйте, гости дорогие! — приветствовал Василий Иванович почтительно поклонившихся ему сыновей и ласково обнялся с ними. Здорово, внучка, — прибавил он, улыбаясь девочке и беря ее с рук Маланьи. — А ты поди-ко, по хозяйству распорядись, — обратился он к невестке. — Чай гости-то есть хотят.

Сейчас, сейчас, батюшка, — засуетилась Маланья. — У меня уж готово все, и стол внизу накрыт. Милости просим за-всяко-просто, гости дорогие, — поклонилась она и первая сбежала вниз.

К еде приступили с обычными церемониями: старик налил рюмку водки и поднес сперва старшему сыну, потом второму; оба сначала сперва отказывались, со словами «покорно благодарим, батюшка, вы сперва выкушайте», — но потом, по настояниям отца, опорожнили рюмку, перекрестившись истовым, широким крестом.

Ту же церемонию проделали и невестки. В это время в избу вошел муж Маланьи, Николай — младший сын Буйволова. Братья поздоровались.

— Ты где это был? — спросил Николая отец.

— Да к Барабанке за табаком ходил. Вот валит парню счастье-то: ноне опять золота набрал фунта четыре, да лонись наши ребята ложек нашли; богатый, бают, страсть какой: золотника по четыре с возка получили; в артели-то за неделю Рублев по двадцати пяти на брата пришлось; все ему сдали, Барабанке, значить: кто деньгами взял, кто товаром, а кто и водкой. Он к празднику-то привез бочонок ведер в двадцать, — не хватило; все разобрали; вчерась еще бочонок привез в тридцать ведер.

— Батя, — перебил брата Семен, обращаясь к отцу, — ты знаешь Коровий Лог, что около рудника?

Как не знать? — отозвался старик, сидевший в стороне с внучатами. — Вестимо знаю.

— Я вот твоего совета хочу спросить, — продолжал Семен, хлебая уху из общей чашки. — По моим приметам там должно быть много золота: почва-то такая же, как и у вас на золотушинском; да и говорят, что будто допреж сего в нем били шурфы и наткнулись на золото.

— Да где-ж это золото-то в здешних краях нет? — уклончиво отвечал старик. — Везде оно есть. Знаешь, у вас в руднике, за кладбищем, большой нос?

- Знаю; а что?

- Ну, так вот, давно это было, еще я в ту пору на разборе сидел, - продолжал старик, - так один из приставов, Петром Иванычем звали его, разведки делал, да и наткнулся на золото; промыл это он золотников пять-шесть, да и представил управляющему; а управляющий-то, вместо благодарности, так обругал пристава, что тот и пикнуть не смел. Сам знаешь, прежде в руднике-то команды было тысячи до пяти, - лучше всякого прииска; отпустят это человек пятьсот-шестьсот, да получают по рублю с человека, - вот оно пятьсот рублей в кармане и есть; а в году-то ведь пятьдесят две недели, не шутка сказать! Так и скрыли золото. Потом уж, лет эдак через двадцать, когда начали разрабатывать таежное золото, так и здесь открыли.

- Ну, батюшка, - перебил отца Николай, хорошо ты рассказываешь, да соловья баснями не кормят. Пора бы и водочкой угостить гостей.

- Дело, - согласился старик, и начал угощение, впрочем очень умеренное, так как старик не любил пьянства, и сыновья это твердо помнили. После обеда женщины остались дома, поболтать и посплетничать на свободе, Ивана старик увел на гумно, а Семен с Николаем вышли за ворота, сели на завалинку и завели речь о том, что в данную минуту всего больше интересовало обоих, а именно о Коровьем Логе.

- Крепкий у нас старик! – начал Семен. – Ничего у него не выпытаешь. А ведь много там надо быть золота есть; мне Ксенофонт сказывал, что наш старик сам там прежде работал, стало быть, должен знать. Ты бы попытал его допросить, Николай, может тебе он скажет.

- Не скажет, ни за что не скажет. Не любит он этих работ, и меня еще ни разу без греха не отпускал на ямы в свободное время. Привязался к своим пашням, и знать ничего не хочет. Ноне десятинов с двадцать посеяли.

- Слава Богу, - отозвался Семен.

- Так-то так, - нехотя согласился Николай, - да работа-то на поле тяжкая, а прибыли большой от не видишь. То ли дело золото, аль бы торговлю вести. Денег у старого много, дело-то хорошо бы пошло; мелочами бы торговали, а то и водкой; вон Барабанка для примера: гляди-ка как роспыхался: смотреть – завидки берут.

- Что будешь делать? - сочувственно вздохнул Семен. – На все его родительская воля. А ты все-ж-таки попытай, Николай.

- Ладно, отчего не попытать? Лениво согласился Николай, поднимаясь с завалины. Вот и бабы наши из избы повыползли, - прибавил он, указывая на женщин, направлявшихся в их сторону.

На следующий день, после молебна, отслуженного на площади приглашенным из соседнего города священником, Василий Иваныч пригласил всех к себе. Самыми почетными гостями были, разумеется, священник с причтом. По уходе «батюшки», праздник оживился и даже сам строгий хозяин выпил чарку-другую лишнюю. Угостившись у него, толпа повалила к Барабанке, он него к третьему, четвертому и т.д. К вечеру все упились в лоск, горланили песни, целовались, ссорились, мирились, опять ссорились и опять

мирились. На другой день – то же самое; таким образом мужики путались в течение пяти дней, пока, наконец, не пришли в себя, тогда благоразумие заявило свои, так бесцеремонно попранные права: мужики пошли в баню, выпарились, еще выпили «посошок» на опохмелье, и разъехались по домам, всякий к своему делу. Некоторых жены увезли связанными в телегах, и имевших вид мертвых тел. Только громкий храп с присвистом, да односложные, бессмысленные мычания выдавали присутствие жизни в этих несчастных, головы, которых, как деревянные колотились о края телеги.

Так кончился деревенский праздник. Только семейство Буйволохов, сдерживаемое железною волею старика-отца, не поддавалось общему безобразию; но и оно веселилось от души, отложив в сторону все заботы и попечения.

Только одному человеку из всей деревни веселье не шло на ум. Этот человек был Семен Буйолов. Крепко запала в его голову дума о Коровинском Логе, но кого он ни спрашивал, с кем ни заводил разговора, - никто не мог сообщить ему больше того, что он знал сам. Старик же отец упирался и молчал как камень. Семен слушал песни товарищей, сам им подтягивал, плясал под разные звуки балалайки, - а в голове гвоздем сидела одна крепкая дума и шла лихорадочная работа, далекая от всего окружающего.

- «Господи, - думал он, - сколько золота-то кругом, богатства-то сколько в нашей черни, - а мы, горемычные, все не можем выбиться из непокрытой нужды! И ведь все это Божье, все, кажись, нам бы на пользу должно идти. Положим, хотя бы «горные» пользовались, казне бы доход давали; а то ведь и этого нет; у нас же часто тайное золото покупают. Никому не идет, без прока лежит в сырой земле. Эх, кабы нам только дозволили, уж как бы мы здесь поработали-то! Всей бы артелью принялись, честно да благородно, не кривя душою доставили бы золото казне, аль там кому прикажут, да и себя-то поправили бы, худобу бы свою прикрыли. Сколько у нас молодцов есть, которые прииски открывали, нарядчиками бывали; что силушки-то положили, что думушек передумали! А какой толк? Все другим пошло, весь жар нашими руками другие загребли! А разве бы мы не сумели также пользоваться? Разве нам-то не хочется хоть малость передохнуть, да кусок иной раз послаще съесть? Эх ма! Славное место Коровин Лог!»!

И так текли думы Семени; а окрест звенели и дрожали бесшабашные звуки пьяного веселья и далеко разносились в тихом, безветренном воздухе.

Представитель полицейской власти на руднике был добрейший и мирнейший человек Иван Иванович, который отродясь не имел никаких недоразумений в руднике. Он не имел никакой воинственности, жизнь он вел мирную и тихую. Было воскресенье, Иван Иванович собирался к обедне, как получил от Веселовского такого рода записку: «Милостивый государь, Иван Иванович! Так как мы с вами решили не возбуждать излишней переписки и тем более волнения, то я распорядился, чтобы шурфы были закрыты рудничными рабочими, которые сегодня и были командированы, но хищники их

прогнали, грозя всех перебить. Примите меры. С истинным почтением ваш Веселовский». Получивши такого рода записку, Иван Иванович задумался: не исполнить – нельзя, так как могут сменить за бездействие и попущение, а исполнить – могут свернуть шею или вспыхнет бунт, что еще хуже, так как тогда все уже падет на него, как на человека маленького, без средств, без связей и без покровителей. Подумав немного, Иван Иванович велел выпрячь своего серого коня из дрог и оседлать его, затем послал за прикомандированным к нему, в качестве единственной полицейской силы, казаком. Остановился немного на описании и этого достойного человека. Семен Никитич Казаков, в руднике известный более под именем Никитича, казак одной из станиц на Иртыше, старик лет пятидесяти пяти, который ни в своей станице, ни на всей линии не имел ни свойственников, ни родственников; вступая в службу лет шестнадцати, отслужив обязательную службу тридцати пяти лет, был в молодые годы в походах и в Пишпеке, и в Туркестане, служил в Зайсанском посту и на китайской границе, был в отряде на золотых приисках, а когда кончил строевую службу и стал считаться внутренне-служащим, то начал заниматься на службе за других. Возьмет с собой лошадь, да на дорогу Рублев десять, и в поход. Придет на место, и если начальство доброе, то непременно лошадь пропъет и служит пешим, хотя считается конным и получает фураж. Теперь он вот уже третий год служит в руднике. Первый год служил за себя, а остальные по найму. Так ему понравилось в руднике, и его там полюбили, что даже кажется нельзя вообразить рудника без Никитича. Благодушный был человек Никитич, ни одного-то он преступления не открыл, ни одного-то он вора не поймал и даже ни одного пьяного не засадил самостоятельно в каталажку; если и встретится пьяный, то он или пройдет мимо, или отведет домой, смотря по расположению духа. Если уж сильно раскутятся рудничные, то он бывало пригрозит: поштойте, вот я пойду шкажу барину-то; Никитич шепелявил, так как у него не было двух верхних передних зубов, которые он вышиб, упав с лошади, идя в атаку под Джюнага-чем, о чем он любил рассказывать, выставляя свою храбрость при этом деле. Таков был Никитич. Когда он явился, то Иван Иванович спросил его строго: зачем он не у обедни. Никитич отвечал, что он шел с докладом к его вышкородию, но увидав, что у Яшки целовальника открыт до обедни кабак, он и распорядился закрыть его.

- То-то, закрыл его, - продолжал Иван Иваныч.

- Виноват, вашкородие, - шепелявил Никитич, так как знал по опыту, что это слово смягчительно действовало на мягкие натуры.

- Слушай-ка, Никитич, - продолжал Иван Иваныч, впадая в дружеский тон, - рудничные, говорят, бунтуют, не дают зарывать ямы, хотят перебить всех посланных.

- Я сам вижу, вашешкородие, - отвечал Никитич, - что идут с лопатами, да с топорами, я шпрашиваю, куда, я они и говорить не хотят. Да куда им бунтоваться, все единственное што киргизы – пакостливы, што кошки, а трусливы, што зайцы, вашешкородие.

- Ну вот, видишь, - отвечал Иван Иванович, - я и сам так думал. Возьми-ка ты лошадь у ямщика, да надень всю полную форму и ружье возьми, мы и поедем, спугнем их.

- Шлушаю-ш, - отвечал Никитич и вышел.

- Проводив Никитича, Иван Иванович стал ходить по комнате, но в это время вошла к нему жена и вынесла на руках двухмесячного ребенка, а за ней тянулись еще двое погодки – сын и дочь.

- Ты на что Никитича-то звал? – спросила она.

- Крестьяне бунтуют, надо ехать усмирять, - сказал Иван Иванович с чувством собственного достоинства.

- Ты смотри, пожалуйста, не разозли их, убьют, пожалуй, - уговаривала его жена.

- Не бойся, не убьют, - говорил Иван Иванович, беря у ней малютку на руки; я их всех знаю – трусы ведь они.

- Да я тебя знаю, ты ведь дикий, - отвечала жена.

- Ничего, мы с Никитичем справимся с ними. Вот и он, - сказал Иван Иванович, увидя входящего Никитича в казакине, в шароварах с широкими красными лампасами, в шапке с железными ножнами, в патронташе через плечо и с карабином еще екатерининских времен и с огромной папахой в руках. Увидя в такой невиданной воинственной форме Никитича, дети испугались и даже малютка, бывший на руках Ивана Ивановича, прижался крепко к плечу и заплакал.

- Готов, вашешкородие, - доложил Никитич.

- Не бойся, ребята, - уговаривал их Иван Иванович, целуя малютку и передавая его жене; - Вот мы с Никитичем съездим и сейчас вернемся, тогда он снова будет вас лежке возить. Ну, прощайте же, - сказал Иван Иванович жене.

- Ты, Никитич, не давай барину-то сильно горячиться, - говорила жена Ивана Ивановича, провожая их в прихожую. Никитич отворил барину двери, пропустил его, а потом вышел сам во двор; там пособил Ивану Ивановичу сесть на коня, а потом сел сам на пегую кобылу, которую ему всегда отпускал ямщик для большей потехи почтенной публики, хотя у Никитича всегда по этому поводу и происходила с ямщиком ссора. Длинный, сухой и озабоченный Иван Иванович в неуклюжей шапке, подобно шлему Монбрена напоминал Дон-Кихота с Санхо-Пансо Никитичем. Наши герои выехали на улицу, которая была против обыкновения оживлена; крестьяне, кто с лопатой, кто с кайлой и топором шли вдоль по улице, а которые навстречу Ивану Ивановичу; некоторые из них кланялись, другие же как будто и не замечали едущих и отворачивались в сторону, чтобы не поклониться, что было очень редко с рудничным народом, который съизмала привык к субординации и никогда не пройдет мимо начальства, чтобы не поклониться. Все были сумрачны.

На базарной площади билось тоже много народа, но не было слышно того шума и говора, который бывает всегда, когда идет торговля, а было как-то угрюмо-молчаливо.

- Вышескородие, а вышескородие, - заговорил Никитич, когда они проезжали мимо лавок, - позвольте заехать в лавки?

- Зачем тебе, - спросил его Иван Иваныч.

- Кремень надо купить, фузель-то у меня без кремня, выпал как-то, я и не досмотрел, - отвечал, не изменяя серьезности, Никитич.

- Ах, чтобы те прорвало! – воскликнул Иван Иваныч, посмотревши на карабин Никитича, который действительно был без кремня. – Нашел время, когда возиться с кремнем! Пойдем.

- Шлушаюсь! – отвечал Никитич ни мало не озабоченный случившимся с ним казусом; они поехали далее, спустились по дороге, пролегавшей между рудником и поселением, и свернули направо, в лог. Там также было много всякого люду и все были вооружены, кто лопатой, кто топором, или кайлой, но работ на ямах не было. Видя такое настроение и свое беспомощное положение, Иван Иваныч не решился показать свою начальническую власть и раскричаться на крестьян, тем более, что у Никитича карабин без кремня и осталась только одна шашка, а сам он был вооружен только шпагой. Возбужденный народ мог наделать дерзостей, или избить, а то и убить; во всяком случае дело было серьезное и, объехав ямы, Иван Иваныч в раздумьи возвращался домой. В это время встретился им идущий к ямам унтер-офицер местной команды и он же командир этой команды – малый молодой, разбитной, франт и местный ловелас, от которого все рудничные девушки были без ума, а парни всем сердцем ненавидели его за это.

- Здравствуйте, ваше высокоблагородие, - вскричал он, повстречавшись с Иваном Ивановичем и сделав под козырек.

Ивана Иваныча осенила мысль – «дай-ка, - подумал он, - попрошу унтера вывести солдатиков на ямы, авось, может быть, крестьяне испугаются и разойдутся, а в это время рабочие заруют ямы».

- Вот что, Сидор Пантелеич, крестьяне бунтуются, не дают зарывать ямы; нельзя ли солдатиков с ружьями поставить к ямам, может быть усмиряться.

- Это можно, ваше высокоблагородие, - отвечал Сидор Пантелеич, обрадованный тем, что ему придется пройтись во главе своего отряда по руднику, показать себя настоящим командиром пред рудничными красавицами.

- Ты, Сидор Пантелеич, не бери с собой зарядов-то, чтобы не вышло чего, это будет так, просто, для проформы, - сказал ему Иван Иваныч.

- Мы их в приклады, - начал было Сидор Пантелеич; но Иван Иваныч перебил его и сказал, что и в приклады не нужно, а если будут налегать, то чтобы солдаты ушли.

- Слушаюсь, - согласился Сидор Пантелеич и, повернув на левом кругом, бойко зашагал за солдатиками в казарму. Иван Иваныч поехал к дому Веселовского, который был недалеко от ям, за пригорком, на котором стояло гумно, у его дома также была полпа крестьян с горными инструментами.

- Что, ребята, - заговорил с ними Иван Иванович, слезая с лошади. Куда собрались?

- Зарывать было ямы пошли, - отвечал ему старик нарядчик лет пятидесяти, снимая шапку, - да народ-то не пускает, говорит, перебьем всех вас; мы, вот, вернулись к барину и не знаем какое будет распоряжение.

Иван Иванович отдал поводья Никитичу и приказал ему, чтобы он дал знать, когда придут солдатики на ямы, а сам вошел в дом к Веселовскому.

- Бунт, Иван Иванович, бунт, - встретил его Веселовский; надо дать знать высшему начальству, они нас всех перебьют.

- Не бойся, Семен Николаич, - уверял его Иван Иванович, - никакого бунта не будет, я велел солдатиков привести на ямы; вот увидите, как все бунтовщики разбегутся.

Семен Николаич все-таки усомнился в благополучном исходе и думал, что народ взбунтуется и всех их перебьет; но так как был двенадцатый час, то он велел подать закуску, и они выпили и закусили. Между тем унтер привел своих солдатиков на ямы и об этом дали знать Ивану Ивановичу, тот распросился с Веселовским, попросил его прислать рабочих для зарытия ям и опять с Никитичем отправился на ямы; там солдатики сделали фронт Ивану Ивановичу, и когда он с ними поздоровался, то они молодцевато закричали: «Здравия желаем!» Рабочие, какие были на ямах, ушли и собрались на пригорке, сажень в полутора от ям, а между тем пришли посланные Семеном Николаичем и стали зарывать ямы. Иван Иванович, еще раз объехав ямы, поехал к толпе.

- Здравствуйтесь, ребята, - поздоровался он с крестьянами; - что это вы собрались тут? Некоторые из крестьян поздоровались, а другие молчали.

- Ты что, Буйвол, - спросил Иван Иванович, увидав стоявшего Семена Буйволова с железной лопатой, - работать видно пришел.

- Нет, отвечал тот нехотя, - не работать, а посмотреть, как наше сокровище будут зарывать.

- Как ваше? – переспросил его Иван Иванович.

- Как? Ведь мы его отрыли, рудник стоит, почитай более ста лет; никто не знал про такое сокровище, а как мы отрыли, так от нас и отняли, - отвечал Семен.

- Никто вас не заставлял открывать и никто у вас не отнимал, а это так велит закон – нельзя и только, вот и все.

В это время подъехал к толпе Веселовский с заправляющим краем и тоже вступил в разговор с крестьянами и стали уговаривать их разойтись, говоря им, что из этого ничего не выйдет, и что они сделают себе же хуже. Мрачно и угрюмо выслушали золотоискатели энергичное внушение. На минуту остановились, переглянулись и к удивлению Ивана Ивановича и Веселовского разом повернули и разошлись, не промолвив даже и слова. Так кончился калифорнийский бунт!

Как мы сказали, вышел приказ, чтобы золотоносную местность взять за казенный рудник. Строго воспрещено было разгребать ямы или воровать

пески; поставили караулку и в нее нарядили караульщика, у которого в первую же ночь застрелил кто-то собаку, которую тот брал с собой для безопасности. Спустя несколько времени, ночью же, на его избушку напали неизвестные люди, заперли его, разгребли одну из золотосодержащих ям, достали пески и увезли. Караульщик доложил об этом, и был командирован в ночной обход с десятниками и сотниками храбрый Никитич, который вооружился карабином и обещался палить, если встретит хищников. По-видимому все успокоилось. Никитич всякое утро докладывал Ивану Ивановичу, что все обстоит благополучно; а между тем стали ходить слухи, что хищничество из ям продолжается.

Наступил октябрь месяц, но снег еще не выпадал. Иван Иванович однажды ночью взял с собой работника и поехал на ямы, на всякий случай вооружившись револьвером. Когда они стали подъезжать к бугорку, то на нем увидели лежащего человека; работник Ивана Иваныча соскочил с лошади и, подкрался и крикнул: «Попался!» В ответ раздался сап. Но какого было изумление, когда работник, осмотрев этого человека, узнал в нем Никитича. Иван Иваныч тоже слез с лошади и тоже осмотрел: действительно это был его Никитич с шашкой и карабином, спящий очень мирно на бугорке. Иван Иваныч рассердился и растолкал его, не обошлось и без крепких слов, но Никитич не мог дать ясного отчета, что с ним и как, потому, что был сильно грузен. Никитич за такой поступок был посажен на три дня под арест, и когда был призван по прошествии ареста к барину, то чистосердечно признался в том, что его каждую ночь, как он ходил к ямам, угощали сотники и десятники, которые брали с собой вина, чтобы согреться; но что он с этого времени будет исполнять свою обязанность честно, благородно. Однако, на этот год более не потребовалось услуги Никитича, вскоре выпал глубокий снег, покрыв все ямы, так что их не было видно из караулки; также был отпущен и караульщик.

На следующий год, как только сошли снега и можно было работать, рудничное начальство поставило на ямах работников и стали промывать золото; но хищничество из ям по-прежнему продолжалось. Никитич, как ни старался, никак не мог никого поймать, так как народ был в стачке и один другого не выдавал.

Зима в том году, в котором рудничное начальство стало разрабатывать золотосодержащие ямы, была такая бурная, что и старики не запомнят; снег как выпал в начале октября, так и шел целыми тучами днем и ночью, утром и вечером, и иногда при ветре поднималась такая метелица, что свету белого не видать. У идущих и едущих перед глазами была такая-то белая пелена и более ничего; а иногда бывали минуты, что едущий не видал своего кучера. В рудник нанесло груды снега; ездить было нельзя; улицы перемело, и снег лежал вровень с крышами. Пробовали было некоторые домохозяева ездить за водой, но оставляли в сугробах полубочья так, что приходилось распрягать лошадь и возвращаться домой за людьми, чтобы добыть полубочье, и когда с людьми приезжали, то полубочья уже не находили на снеге – оно было зане-

сено и его приходилось отрывать. Были случаи такого рода, что в одну ночь заносило дома вместе с дворами так, что над ними образовывался огромный сугроб снега, и домохозяева, чтобы выйти наутро из ворот, прогребали в снегу туннель.

Однажды семейство крестьянина, встав утром, желало выйти из избы на двор, но дверь нельзя было отворить, как ни старались. Одна старуха днем понесла к своей знакомой моток ниток; знакомая эта жила от ее квартиры через улицу, но заблудилась, даром что был день, угодила за рудник, где выбилась из сил, замерзла и уже через неделю была найдена с клубком ниток за пазухой. Много было хлопот в это время и Ивану Иванычу, и старосте, и Никитичу; староста так и спал в волости, а Никитич поселился у Ивана Иваныча, которым то и дело давали знать, что вот дядя Иван поехал за сеном или дровами и не возвращался, и они должны были сбивать народ и отыскивать дядю Сидора и дядю Ивана и находили их у кого-нибудь из знакомых или где-нибудь полузамерзших за рудником с возами сена или дров, в половину занесенных снегом, и везли их в ближайший дом или в волостное правление, где и отваживались. Много было беды в руднике от недостатка хлеба, дров и сена. На золотоносных ямах поставили теплую провальню, и с осени запасли песков и промыли; надзор за промыслами Веселовский поручил Сидонскому, мещанину из сосланных, всю жизнь проведшему на приисках, который и поселился у него, а сам в середине ноября уехал в город, отстоявший от рудника верстах в двухстах.

Доверенный Сидонский наблюдал за промывальной, наступившие бураны и холода, однако, остановили работы. Иззябши и побродив по сугробам, он воротился раз домой, пообедал и под завывание бури читал газеты. Угли в камине стали тухнуть, пробило девять часов, и Сидонский кончив чтение, велел Пяткину, лакею, служившему у Веселовского, подать себе закусить; поевши кое-чего, он посмотрел опять камин, и как углей в нем совсем не было, то задвинул вьюшку, ушел в кабинет, заперся, погасил свечу и лег спать. А буря все продолжалась.

- Господи, скука какая, - говорил в то же время Иван Иваныч, сидя за ужином у себя дома с женой и с детьми, - ни к себе позвать гостей, ни самому куда-нибудь в гости! Когда этакая погода и кончится?

- Господе Иисусе Христе! – воскликнула в это время жена и перекрестилась, так как от порыва ветра затрясся весь дом, и на улице застучало, зашвистало и завывало.

- Никитич у нас? – спросил ее Иван Иваныч.

- Куда ему деться-то, у нас, - отвечала супруга.

Поужинали. Жена Ивана Иваныча уложила детей в кровать и легла сама, а Иван Иваныч покопошился у себя в спальне и тоже лег, угасив огонь, но не мог заснуть; то ему казалось, что кто-то кричит караул, то кто-то как будто воет, то стучит в окна и просит помощи. Только стал засыпать – опять стук.

- Ах, ты Господи! – воскликнул он, - никак опять кто-нибудь заблудился, - подумал Иван Иванович и прислушался, стук прекратился. – От погоды, - успокаивал он себя и повернулся на другой бок. Немного погодя стук опять возобновился.

- Иван Иванович, а Иван Иванович? – звала в полголоса его супруга из спальни, - Никак у нас стучат?

- Нет, погода! – отвечал Иван Иванович.

- Чего нет! У нас, у дверей, - отвечала ему жена.

Иван Иванович встал, достал огня и явственно расслышал стук в двери. Он через залу прошел в прихожую и спросил через дверь: - Кто тут и что надобно?

- Пожар! – отвечал ему голос из-за двери.

- Какой пожар? Где? – спросил, оторопев, Иван Иванович и отворил с ключа дверь; но ветер задул свечу, и Иван Иванович из прихожей с погашенной свечкой отправился через залу в спальню, но в зале в незапертое ставнем окне Иван Ивановича осветило зарево, которое казалось вот тут и есть. Иван Иванович засуетился: - Буди, пожалуйста, детей, да неси их в баню, она на отстое, в огороде; да лошадей седлать, - говорил Иван Иванович, надевая на себя теплые сапоги и простую амуницию.

- Я, вашескорodie, - отвечал голос Никитича из залы, - уже велел седлать.

- Никитич, - спросил его Иван Иванович, - где пожар-то?

- То ли волость, то ли возле волости, - отвечал Никитич, разглядывая в окно зарево.

- Старосту надо, да за старшиной, - вопил Иван Иванович.

Буря была во всем разгаре – ровно открылась бездна, из которой буквально сыпал снег сплошной массой и ветер был так силен, что Иван Иванович и Никитич едва держались на лошадях; сквозь метель видно было на юге алое зарево пожара, как будто бы северное сияние. Иван Иванович с Никитичем проехали несколько сажень, но куда не было видно, и лошадь Ивана Ивановича остановилась.

- Ну, ты, одер, - понукал Иван Иванович своего серого. – Не туда заехали, Никитич – сказал он. Но Никитич не отвечал. Иван Иванович обернулся и старался его рассмотреть, но никого не мог увидеть.

- Никитич, а Никитич, - закричал жалобно Иван Иванович, но ответа не было. Серый в это время взял налево, прошел несколько сажень и остановился. Иван Иванович его пришпорил, он сделал несколько шагов и провалился передними ногами. Пристав перевернулся через его голову носом в снег. – О, Господи, смерть моя, - взмолился он. Серый стал освобождаться из снега, а Иван Иванович старался не выпускать поводьев.

- Ну, погода, прости Господи, - проговорил Иван Иванович и кое-как вскарабкался на серого, который в это время повернул в обратную сторону.

- Ну, нет, - сказал Иван Иванович и повернул серого опять к зареву. Проехали опять несколько сажень, серый шарахнулся в сторону, Иван Иванович еле-еле удержался и закричал: – Кто тут? Перед ним была какая-то черная масса; он наклонился и увидал, что это пожарная бочка, брошенная в сугроб. Иван Иванович сообразил по положению бочки, что он на главной улице рудника, домов же не было видно, так как они были занесены снегом вровень до крыш. Проехав еще несколько шагов, Иван Иванович повернул было серого направо, но наехал на какой-то полузанесенный снегом дом; он повернул опять прямо, но серый опять утонул задними ногами в сугроб, и Иван Иванович опять скатился в снег.

- Господи! – взмолился он и почувствовал всю безнадежность своего положения. В такую ночь можно было погибнуть. Осталась одна надежда, что как-нибудь вывезет конь.

- Эх, серко, мой серко, - обратился Иван Иванович к коню, - Ты хоть вывези, - и отпустил поводья. Серый как будто его понял, мотнул раза два или три головой и пошел твердой поступью. Иван Иванович совсем отдался на произвол коня. Проехали они шесть сажень и без приключений. За несколько шагов впереди появилась серая масса.

- Кто тут? – закричал Иван Иванович.

- Мы, мы, - отвечало ему несколько голосов, и Иван Иванович узнал рудничных крестьян.

- Где мы теперь? – обратился он к говорящему.

- За рудником, - отвечал ему тот. – Мы ведь тоже скружали.

- Не видали ли Никитича, - спросил опять Иван Иванович.

- Нет, - был ему ответ.

Выехали на ровное место недалеко от пожара и теперь могли положительно определить, что горит дом Веселовского. Иван Иванович встрепнулся, пришпорил серого и полетел к пожарищу. Дом Веселовского весь был объят пламенем, и около него суетилось человека четыре или пять. Иван Иванович хотел проехать по улице мимо горящего дома, но так как улица была узка, и дом весь был объят пламенем, а ветер был от пожара на улицу, то пламенем опалило у Ивана Ивановича бороду, а у серого хвост и гриву.

- Где же машины? - кричал Иван Иванович. - Где староста? Где старшина? – Да, неужели только народа? – Засуетился Иван Иванович и подъехал к группе человек из пяти, которые стояли у ворот и глядели на пожар. – Братцы, помогите, - обратился он к ним, но никто не пошевелился.

- Не ездите, вашешкородие, - советовал отвечавший ему Никитич, следуя за ним, - Ветром сдует в огонь.

И действительно с наветренной стороны нельзя было держаться, ветер так и бросал коня и всадника в огонь. Иван Иванович остановился у угла горящего дома, а буря все бушевала и бушевала, разнося искры на ту часть рудника, которая была под ветром, почему на пожаре и мало было народа, так как каждый боялся, чтобы у него не загорелся от искры дом или сарай; счастье еще, что большинство крыш у домов и сараи были покрыты снегом.

- Ты где был? – спросил Иван Иванович Никитича.

- Заблудился, вашешкородие, попал за рудник. Кабы не конь привычный, погиб бы.

- Где же староста и старшина? Да отчего не бьют в набат, - говорил Иван Иванович.

- Ничего не слышать, - отвечал Никитич. – Ишь какая погода!

При такой буре и без народа ничего не осталось Ивану Ивановичу делать, как только подъехать к группе из пяти или шести человек и смотреть на пожар; он покорился и был только немым свидетелем, как догорали остатки гостеприимного дома Веселовского. О причине пожара он ровно ничего не мог узнать. Стряпка Веселовского рассказывала, что она накормила Сидонского ужином, и он лег спать в кабинете Веселовского, запершись, а нарядчик Пяткин убравши все, лег в комнату около прихожей; потом, спустя часа два или три, она была разбужена стуком в кухню Пяткина, который кричал, что горят, и когда она впустила его в кухню и добыла огня, то увидела, что Пяткин был только в одном белье, перепуганный и кричавший, что горят; потом он надел на себя шубенку и старые сапоги и без шапки куда-то убежал, а когда она со стариком вбежала в прихожую, то там был дым, а Сидонского не было нигде, и что они ничего не могли вытащить, кроме экипажей. То же самое подтвердил и старик, ее муж. Два или три соседа рассказали, что они начало пожара не видали, а вышли на улицу уже тогда, когда квартира Веселовского вся была объята пламенем. Начались предположения, толки, подозрения Сидонского в том, что будто бы он зажег дом, обокрал Веселовского и скрылся. Действительно его нигде не находили. Днем наехало рудничное начальство, прислали людей, чтобы разгрести пожарище, под которым нашли обгоревшие кости человеческого черепа и проч., а также слитки серебра от столовой и чайной посуды Веселовского, слитки от медной посуды, обгорелое белье, книги, минералогические коллекции и оружие. Кости принадлежали, по-видимому, Сидонскому, он погиб, но причина пожара так и осталась тайною. Следствие, начавшееся по этому поводу, ничего не могло выяснить, как ни бился следователь. Веселовский же из города взял отпуск и уехал в Петербург, осталось только от всего этого гряда угля и кирпича на том месте, где жил Веселовский, да вырытые ямы в Коровинском Логу.

Кончилась бурная зима. Иван Иванович забыл тревожное происшествие. Он сидел под окном и чистил охотничьи принадлежности, собираясь закатиться в «чернь», в леса и подстрелить мишку. День был праздничный, рудник гулял. По улице раздавались песни. Ватага рабочих проходила мимо дома Ивана Ивановича. Он взглянул и увидел Буйволова крепко навеселе. Иван Иванович прислушался к песне.

Чуть, насилу рассвело
С-рское село,
Прекрасно, весело.
Весело там в С-ре.

Но не в самой середине –
Край конце села. (2)
Всем известно, братцы, нам –
На выезде к рудникам,
Тут стоял казенный дом
Господин в нем жил притом
Пристав рудников (2)
Рудник был горнозаводской –
Господин жил Веселовский.
Прииска за ним (2)
Прииска те работали,
У крестьян их отбирали.
Вдруг крестьянам стало бедно –
Отобрали очень вредно.
Не знают как быть (2)
Вдруг случился им отъезд
В город Барнаул.
Как собрались в Барнаул –
Был жестокий караул
В одиннадцатом месяцу,
Было угодно так Творцу,
Осенние дни (2).
Вот двенадцато число
С гор ужасно снег несло
Буря поднялась! (2)
Страшно буря разыгралась,
Все ужасно напугались
Кто где мог спастись? (2)
Среди самой темной ночи –
Было около полночи
Сиял белый свет! (2)
Белый свет сиял, как днем;
На углу живет Ион,
Аристов дьячок? (2)
Вдруг так сделалось светло,
А Ион смотреть в окно,
Видит, что пожар! (2)
Испугался, задрожал,
Поскорее побежал.
«На пожар!» - кричит. (2)
Тут народ скоро собрался,
А дом кругом уже обнялся
Нельзя подступить! (2)

Рабочие повернули за угол, а песня еще раздавалась; она с фотографической точностью передавала страшную и загадочную зимнюю трагедию рудника. В ней даже сквозили какие-то намеки.

- Темное дело, страшное дело! – подумал Иван Иванович.

Д. Нелюбинский
Восточное обозрение, 1882 . № 36, 38, 39.

Кто во что горазд (очерк из сибирской жизни)

Удивительная новость облетела все уголки небольшого степного города на берегу Иртыша: богач-обыватель, бухарский купец Мухтобай, пропал без вести. Его хватились и семья и власти. Полиция обшарила соседние деревни и заимки, сделала повальный обыск, но Мухтобая и след пропал. Единственное сведение, занесенное в дознание, было показание жены купца, что он, возвратясь из лавки, захватил с собой три тысячи рублей и уехал куда-то в сопровождении работника-мальчишки. Дальнейших показаний не было, никто и нигде не видел Мухтобая. Нежелательно было местным властям остановиться на этом, но пришлось заключить дознание фразой «без вести пропал», и дело сложить в архив. Прекратились полицейские розыски, перестали толковать и горожане, все задремало, все предалось обычным мирным занятиям. Прошел месяц, о происшествии стали забывать, как вдруг дело о Мухтобае всплыло наружу и подняло городок...

На опушке леса, близ заимки богатого купца Сидорова, его управляющий Муртаза, случайно, во время охоты наткнулся на труп киргизенка лет пятнадцати или шестнадцати.

Обрадовались власти, узнав о происшествии. Мертвое тело в районе владений богатого купца Сидорова – не шутка! На место происшествия был командирован частный пристав Кондратий Семенович Кондратьев, прозванный киргизами Кондыке, с понятыми и полицейскими служителями. Вместе с Кондыке поехали стряпчий и медик. В киргизенке узнали работника пропавшего Мухтобая. Осмотрели местность кругом трупа и во ста саженях от убитого нашли труп Мухтобая с разбитым черепом. Денег же при нем не оказалось. Обо всем был составлен акт, а тела увезены в ледянку. Как раз в это время в полицию дали знать, что лошадь Мухтобая, запряженная в телегу найдена в согре, верстах в семи от заимки Сидорова, привязанною к лесине. Вот эти то сведения и подняли городок. Власти, потирая руки, задались вопросом: каким образом трупы найдены в одной стороне, а лошадь в другой? Для разъяснения дела необходимо было нарядить следствие, а потому и была составлена следственная комиссия. Председателем назначили одного старого служаку, человека не в пример честного, гуманного и потому считавшегося недалеким, членами – двух военных, ничего не смыслящих в следственной части, а секретарем – чиновника Перепупенко. Опытный человек был Перепупенко и не даром попал в секретари комиссии. Он был уроженец Малороссии, получил образование в гимназии, но не успел окончить курс, так как был исключен за какой-то неблагоприятный поступок. Этот факт не обескуражил Перепупенко, он тотчас же пристроился к гражданской службе и уехал в Сибирь искать счастья. Здесь человек этот, лишенный всяких нравственных правил, поставил задачей своей жизни наживу и поднизался на этом попри-

ще на славу, чем вызывал зависть и уважение сослуживцев. Все удивлялись его уму, находчивости и способностям, все побаивались Перепупенко, начиная от простого обывателя до товарищей по службе. А он пользовался этим и входил в большую силу. Предприимчивость его по части пополнения кармана доходила до наглости, до дерзости. Приятелю своему, стоявшему выше его по служебной лестнице, он умел подставить ногу и тотчас же занимал его место. Таким образом, поднимаясь шаг за шагом, Перепупенко достиг того, что на него стали возлагать все важные поручения... Что был в сравнении с ним какой-нибудь Кондыке? Кондратий Семенович происходил из казаков одной иртышской станицы. Раньше он ездил верхом по наряду за полицмейстером и понравился одному из них своею расторопностью, находчивостью, полицейским нюхом и знанием всех мошенников в степном городке. Кроме того, Кондратьев хорошо владел киргизским языком. А это все были такие качества, благодаря которым облюбовавший его полицмейстер дал ему сначала место квартального, а затем сделал его частным приставом. Как на первом, так и на втором посту Кондыке был полезен своему патрону, обделявая для него и ясные и темные дела. Он обладал способностью открывать мелкие и крупные кражи, но похитителей никогда, он раскрывал мошенничества, но не находил мошенников, он умел расправляться даже и с прислугою, на которую жаловались господа. Служа и подслуживаясь, Кондыке понимал одиннадцатую заповедь «не зевай» и старался не отступать от нее. Но при всем старании Кондратия Семеновича ему приходилось довольствоваться только крупичками, падающими со стола полицмейстера. А потому, скапливая крохами, он не успел нажиться в такой степени, как бы этого желал. Он был собственником заимки с пашней, имел небольшие стада лошадей и овец и дом в городе. Все это было ничто в сравнении с карьерой Перепупенко. Кондыке, не смотря на свою сметливость и расторопность, целый месяц не мог найти следов пропавшего Мухтобая, а, наконец, и, освидетельствовав трупы, не сумел извлечь из них для себя пользу. Перепупенко же, пользуясь званием секретаря и зная отлично следственную часть, тотчас же забрал в руки всю следственную комиссию и жадным взглядом стал искать, в кого бы можно было всосаться. О, Перепупенко, конечно, далеко оставлял за собою Кондыке!... Жертв представлялось много: во-первых, Муртаза и все работники с заимки Сидорова опустошили свои карманы, ради освобождения себя от подозрения в соучастии по убийству Мухтобая. Этим способом они избавились от заключения в тюрьму, впредь до открытия настоящих убийц; во-вторых, значительным кушем поплатился купец Сидоров во избежание придинок и прицепок к нему, так как трупы были найдены близ его заимки; в-третьих, Перепупенко высосал порядочную мзду с Ахмеджалова, у заимки которого нашли коня и телегу убитого Мухтобая, здесь же, кстати, он пощупал и карманы управляющего и рабочих. Однако гениальный секретарь не мог довольствоваться только этим, следственная комиссия по его указаниям продолжала розыск убийц, подозрение было брошено на родных и друзей Мухтобая. Те перепугались не на шутку и поспешили откупиться. А жадный

взгляд Перепупенко зорко бегал кругом. Аппетит знатока следственной части разыгрался не на шутку, голова работала, приискивая новые источники...

Был темный осенний вечер. В домике Кондыке слабо мерцал огонек. Жена Кондратия Семеновича готовилась на покой, сам он в халате и туфлях медленно прохаживался в своем кабинете. На столе тускло горела свеча, в окна моросил мелкий дождь, время от времени в трубе слышался жалобный вой ветра. Невеселое было настроение духа Кондыке, грустные мысли и соображения преследовали его, к ним примешалось и чувство зависти. Слышал Кондратий Семенович о подвигах следственной комиссии и, стоя в стороне, только облизывался. Отдавая полную справедливость знанию дела Перепупенко, почитая в нем артиста, подающего пример другим, возбуждающего к деятельности разных ротозеев, Кондыке вместе с тем завидовал ему и мысленно ругал себя за несообразительность при производстве первого следствия. Время от времени губы Кондыке шептали:

- Ведь было же все дело в моих руках, как хотел мог повернуть, так нет, не сумел!

Или:

- Не даром говорят, судьба-матушка дала овому талант, овому два!!..

При таких грустных мыслях, Кондратий Семенович вздыхал и мысленно давал себе слово – быть впредь умнее.

Размышления его были прерваны приездом гостя. Обрадовался ему Кондыке, как скучающий человек, а радость его еще более увеличилась, когда в госте он узнал самого Перепупенко. Перепупенко был сила, Перепупенко был в славе, посещение его польстило Кондратию Семеновичу и он явился радушным хозяином, в полном смысле слова. Как по мановению руки, стол уставился водкою, наливками, закусками – были тут и балык, и свежая икра, и семга, приношения местного купечества, была дичь, рыба и овощи в соленом и маринованном виде домашнего приготовления. После первых приглашений гость и хозяин стали исправно выпивать и закусывать. Было время, когда Кондратий Семенович не так роскошно принимал Перепупенко, когда вместе с собою попросту, без затей сажал его за домашние щи, порою снабжая его небольшими деньжонками. Но это было давно, тогда еще, когда Перепупенко был в степном городке мелкой сошкой и часто завертывал к Кондыке учиться уму-разуму. Теперь не то, ученик давно во всех отношениях стал выше его, и характер их знакомства переменился. Если что напоминало прежнее время – это бесцеремонное «ты»

- Ну, давно, давно не бывал у меня, дорогой гость, совсем позабыл, - говорил Кондратий Семенович после третьей рюмки, благоговеино поглядывая на артиста.

- Да и теперь собственно не пришлось бы побывать, кабы не дело, - ответил гость, уставившись упорно в глаза хозяина.

- Какое уж тут дело, я, брат, тебе теперь не советчик. Сам гусь лапчатый, у тебя учиться надо!

Перепупенко самодовольно усмехнулся, продолжая смотреть в глаза хозяина, и, как бы отчеканивши каждое слово, повторил.

- Я к тебе по делу.

- Да разве уж мухтобаевское дело кончено? За другое что ли взялся? – спросил Кондратий Семенович не без удивления.

- Какое кончилось, следствие в самом разгаре, говорю тебе – по этому самому делу тебе придется плохо, то я и завернул.

- Болтай больше!

- По следствию оказывается, что ты знал, кто убил Мухтобая, ты покрыл убийц, взял с них изрядный куш и отпустил.

Кондратий Семенович был поражен. Лицо его побагровело, глаза выпучились на гостя, рука, несшая кусок балыка, остановилась на полпути ко рту.

- Вот я и заехал тебя предупредить, - добавил гость не только спокойно, но еще с покровительственным видом.

- Что ты, Перфил Перфильевич!... Как можно! ... Покрыл!... Напротив, я старался изо всех сил..., - произнес Кондыке оторопелым голосом.

- Знаю я, как ты старался, - перебил его Перепупенко, - взял три тысячи рублей, да и баста, а теперь говоришь, старался.

- Да что ты?... да что я? ... да что же это? – лепетал растерявшийся Кондыке.

- Давай лучше на чистоту: отдай две тысячи и черт с тобой! – отрезал гость твердым голосом.

Такого артистического пассажа Кондратий Семенович не ожидал.

- Что вы? Что вы, Перфил Перфильевич?... Перестаньте шутить... ведь мы старые приятели.

- Что ж, что приятели? Дружба дружбой, а служба службой, - ответил Перепупенко. – Две тысячи, брат, а не то знаешь, что за сокрытие преступления – лишение всех прав и состояния. Понимаешь – «и состояния»!! – повторил он последнее слово особенно внушительно.

У Кондратия Семеновича руки и ноги дрожали, он молчал.

- Так ты не хочешь? – заговорил снова Перепупенко. – Смотри, ты меня знаешь!

Кондратий Семенович едва справился с своим костенеющим языком и с неестественной улыбкой произнес.

- Полноте шутить, выпьем лучше...

- Выпить, отчего не выпить? С хорошим человеком можно выпить! - и он налил по рюмке себе и хозяину.

Чокнулись, выпили и закусили. Гость вопросительно смотрел на хозяина, хозяин ежился, бессознательно двигался на стуле и смотрел куда-то в угол.

- Что же молчишь? Согласен, а? – спросил Перепупенко.

Кондыке молчал.

- Ну, прощай, не соглашаешься, как знаешь, только смотри, чтобы не раскаться, я свое дело сделал, на меня не пеняй!...

Гость ушел. Кондратий Семенович выпил сразу три рюмки водки, но вино не действовало на него, даже, напротив, прежнего хмелю как не бывало. Тяжело было на душе у него, мрачные картины одна за другой вставали в памяти Кондыке. Вереница дел пронеслась перед глазами, таких дел, где он вместе с Перепупенко составлял планы для запугивания неповинных обывателей и для вымогательства из их карманов более или менее крупных сумм. Затем, вдумываясь в свое положение, Кондратий Семенович несколько успокоился, имея в виду, что по данному делу на его совести не было никаких пятен. Однако же решил на следующий день съездить к Перепупенко, чтобы ощупать на сколько в самом деле почва сносна. Это ему не удалось, он не застал Перепупенко, который, будучи верен себе, чем свет отправился к председателю и доложил ему, что, по следствию, из города нужно удалить Кондратьева, подозреваемого в сокрытии преступления, как бывшего следователя по данному делу. Председатель комиссии мало вникал в производство следствия, будучи обременен другими делами. Полагаясь на опытность Перепупенко, он тотчас же сделал представление о переводе Кондратьева в другой город. Не прошло и нескольких часов, после того, как Кондыке возвратился домой, он получил бумагу о переводе. Это было такою неожиданностью для Кондратия Семеновича, что у него тут же отнялась поясница и он слег.

Больной, разбитый, он пожелал видеть поверенного своих тайн, свидетеля вольных и невольных прегрешений, друга и товарища своего детства, кучера Ахмеда. Но и с Ахмедом случилось в то утро несчастье. Он упал с лошади и сломал себе ногу. Приглашенный доктор прописал лекарство Кондратию Семеновичу и сделал перевязку Ахмеду. К вечеру Кондыке сделалось немного легче, но встать он все-таки не мог. Мысли его опять приняли новый, печальный оттенок. Перевод означал, что дело приняло угрожающий характер. В отсутствие Кондратия Семеновича, Перепупенко мог сделать что угодно, подставить ложных свидетелей, найти таких лиц, которые обнаружат ужасную картину лихоимства и жестокости Кондыке, наконец, могут всплыть вверх и его действительно темные дела. Кондратий Семенович сознавал все это, и ему мерещились острог, лишение всех прав и состояния, этап, ссылка. Ему думалось: Вот и меня засадят туда, куда я сажал сотню других, и меня, как тех, которых я подводил под наказание, выведут на площадь, где палач сломает над моей головой шпагу и даст пощечину, а враги и те, которых я обидел когда-то, будут радоваться моей беде. Кондратий Семенович понял, что его положение безысходно. Он еще раз позвал Ахмеда. Но Ахмед не мог встать. Тогда Кондыке собрал все свои силы и, задерживая стоны, встал с кровати, дотащился до шкафа и достал бутылку с какою-то темною жидкостью.

- Лучше это, чем холод, голод, унижение, нужда, словом, все то, что даст мне Перепупенко, - сказал он и взболтнул бутылку, посмотрел на свет –

оно самое! Он взял рюмку и отправился в кухню через двор, с большим трудом переступая. Ахмед не спал, сальная свеча нагорела и тусклым светом обдавала лицо его, выражающее страдание. Кондыке подошел к своему другу.

- Что, Ахмед, - сказал он по киргизски, - худо?

- Худо, хозяин, - ответил тот на родном языке, - а тебе?

- Ничего, Бог не без милости, - отвечал Кондыке, - я вот полечусь этим, принес и тебе.

Ахмед посмотрел на бутылку.

- Помнишь, товарищ, у нас был уговор – жить вместе и умереть вместе?

- Помню, - ответил киргиз.

- Будет нам с тобой – пожили; у тебя никого нет, а у меня жена-старуха, а дети пристроены...

Ахмед в знак согласия кивнул головой.

- Так налить?

Ахмед попросил. Кондратий Семенович налил из бутылки коричневой жидкости, и Ахмед выпил с удовольствием. Кондыке также выпил и затем сказал.

- Ну, теперь спи, Ахмед, и я пойду лягу, а к утру нам обоим будет легче.

Идя через двор, Кондратий Семенович, разбил бутылку в дребезги, а, придя к себе, поставил рюмку на место, задул свечу и лег, не раздеваясь. Утром Кондыке и Ахмед оказались мертвыми, и доктор констатировал, что оба умерли от паралича сердца.

Вычеркнув Кондратия Семеновича из числа подсудимых по мухтобаевскому делу, Перепупенко стал привлекать к следствию богатых обывателей других городов. Сорвав куш с трех-четырех купцов, мастер следственных дел обратил внимание и на рудники. Из одного рудника Перепупенко вытащил богача-купца Каторжникова, бывшего мастерового, прошедшего огонь и воду, сидевшего несколько раз в остроге. И на старуху бывает проруха, дока на доку напал! С лицом весьма недовольным, что его оторвали от дела, предстал перед Перепупенко Каторжников. Объяснение происходило наедине.

- Что вашему благородию угодно? – был категорический вопрос и наглый взгляд Каторжникова, уставленный в лицо секретаря комиссии.

Перепупенко сообщил ему обвинения, сделанные против него и потребовал тысячу рублей.

- Не на дурака напал! – было ему ответом.

- Негодяй, я тебя в острог упеку!

- Попробуй! Только как бы вместо меня не сесть тебе самому?!...

- Как ты смеешь?!...

Знаем мы вашего брата. Не испугаемся! И не с такими справлялся Илья Каторжников, а уж с тобой-то потягаюсь!

Перепупенко был взбешен. Глаза его налились кровью, губы дрожали.

- Эй, люди! Казаки! – крикнул он в прихожую.

Явилось двое казаков.

- В острог!- приказал Перепупенко и показал рукою на Каторжникова.

Тот насмешливо улыбнулся, проговорив. - Нам не впервые, а вот како-во-то будет тому, кто сядет в первый раз...

Катаржников, сидя в остроге, собрал все сведения о действиях Перепупенко и донес куда следует, ссылаясь на обобранных им лиц, а тех подговорил подать особую коллективную жалобу. Все раскрылось перед очами высшей администрации. Город только ахнул, когда такая сила, как Перепупенко, оказалась сломленною.

Следственная комиссия была закрыта. Дело Мухтобая кануло в вечность. Прибыли новые следователи по делу о действиях секретаря бывшей комиссии. Перепупенко попал в острог, и первый калачик, присланный «несчастненькому», был от купца Каторжникова.

Д. Нелюбинский
Восточное обозрение, 1884 . № 30.

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве

Великая драма жизни прошла перед нашими очами, мир великих идей был доступен нашему пониманию. Гармония чистых чувств была доступна душе, лучшие природные порывы были ею испытаны. Наше поколение первое увидало далекие абрисы берегов грядущего. В нашей жизни они отделялись, но идеалы раз (намеченные) запечатленные в душе влекли нас неотразимо чрез бурные волны. На нашу долю выпало испытать и первые восторги и мрачную бездну разочарования: темная ночь часто окружала наше существование и мировая скорбь и бессильная тоска за будущее грызли душу. Нужны были великие силы перенести это. Великие страдания и разочарования выпали на долю нашему несчастному поколению. Тяжелая историческая эпоха выпала на долю нашего существования.

Воспоминания о Томской гимназии Н.М. Ядринцева. Сибирский сборник 1888 г. выпуск 1-й, стр. 31-я.

1

В 1855 году мы жили в Томске в собственном доме, под юрточной горой, на том месте, где ныне магазин г. Корнакова. Домик наш был двухэтажный – в верхнем этаже были две комнаты и кухня, и он отдавался квартирантам, такое же помещение было и в нижнем этаже, в котором помещались мы, т.е. батюшка, матушка, я и младший брат Александр. В один из октябрьских дней этого года я пришел в большую перемену зачем-то из гимназии¹, в которой был в 4 классе, домой, стоял у окна и смотрел на большую улицу, как увидел, что мой брат перебегает улицу по направлению к дому, а за ним тоже торопится, путаясь в лисьей шубе с бобровым воротником, в шапке с собольим околлом, юноша, ростом немного выше брата, с бледным сухощавым лицом и черными волосами; этого юношу я часто видал прогуливающимся по большой улице г. Томска с пансионерками учителя французского языка томской гимназии Прозоровского, где он, как я потом узнал, учился и поступил оттуда в третий класс томской гимназии.

Так как брат с ним прошел к нам во двор, то я стал их дожидаться, чтобы вместе идти опять в гимназию. Прошло более четверти часа, как я их прождал и хотел уже идти встречать, как отворилась в комнату дверь, вошел брат и за ним юноша. Оба, не снимая шубы, стали объяснять, что сегодня в классе они дурили и у Ядринцева, причем брат указал на юношу, изломали стекло у карманных часов и вот, чтобы их поправить побежали из гимназии

в большую перемену к нам, чтобы вставить новое стекло у часового мастера, квартировавшего у нас в верхнем этаже, что тот и сделал, взяв за стекло один рубль, а теперь торопятся обратно в гимназию, так как перемена кончается и зашли за мной; я тоже надел шубу, и мы втроем отправились в гимназию. Так началось мое первое знакомство с Николаем Михайловичем Ядринцевым. После этого он часто забегал к нам, чтобы побеседовать, так как мы, хотя были и бедные люди, но нас товарищи не чуждались и у нас собирались Н. И. Н[аумо]в, И. И. Д. и П-вы, Е.Е. И-в, А.А-кий, два брата С-их и многие другие, беседовали, шутили, спорили, рассказывали анекдоты, а также сообщали, что кто читал. В особенности отличался своим красноречием и остроумием Н.И. Н[аумо]в, как мне помнится, у него с Н[иколаевм] М[ихайловичем] были постоянные пререкания и всегда Н.И. Н[аумо]в своим остроумием побеждал Николая Михайловича, остроты которого были большею частью мягкие, забавные и более возбуждали душевный смех, а Н.И. Н[аумо]в острил колко, и противнику приходилось от его острот очень жутко. Но все эти собрания кончались всегда миролюбиво, и мы расставались довольные друг другом, и я не помню, чтобы когда-либо выходила ссора. В гимназии я с Н[иколаем] М[ихайловичем] также видался часто: бывало, как только начнется большая или маленькая перемена, то и бежишь в старую гимназию* в нижний этаж, где помещался 3-й класс, чтобы видаться с Н[иколаем] М[ихайловичем], переброситься с ним несколькими словами и попросить почитать книжек, так как у отца его была большая библиотека. Однако ж приходилось не видаться с Н[иколаем] М[ихайловичем] и по нескольку дней или за недосугом или по причине дурной погоды, хотя он часто и приглашал меня к себе в гости (он тогда жил за городом на водочном заводе, на нижнем лугу), но я по своей застенчивости и по стыдливости за ветхий свой костюм и плохие сапоги не решался идти к нему, хотя брат мой бывал у него и всегда оставался доволен приемом и любезностью как Н[иколая] М[ихайловича], так и его родителей. Приязнь между нами еще усилилась, когда помещение гимназии перешло в дом Гуляевой; Н[иколай] М[ихайлович] перешел в четвертый класс, а я в пятый; здесь мы виделись с ним почти ежедневно, в перемены он приносил мне читать книги, а иногда присылал с братом; но дружба совершенно укрепилась, когда он перешел в 5-й класс, а я в этом классе остался. Он сидел в классе возле меня; все был такой же тоненький, сутуловатый, с бледным лицом, высоким лбом и черными волосами, в изящно сшитом вицмундире, на который он, однако, мало обращал тогда внимания, так как он у него часто был в пыли или в мелу; все такой же бойкий и остроумный, что называется, не полезет за словом в карман,

* Младшие классы гимназии и пансион помещались тогда, где и теперь, т.е. в каменном доме, принадлежащем уездному училищу, а старшие, начиная с четвертого, в деревянном флигеле дома Серебренникова в верхнем этаже, а в нижнем жил директор. Воспитанники низших классов почему-то стеснялись посещать нас. (Прим. автора).

почему за его карикатуры и остроты ему часто доставалось от товарищей, особенно от одного из них А.И. Немирова, теперь умершего, которого прозвали горшком и над которым Н[иколай] М[ихайлович] часто острил. Но товарищи не оставались в долгу у него и в отместку давали ему разные названия, так его звали пиявицей за его тонкий и гибкий стан, а у кого из товарищей не хватало остроумия ответить на остроту Н[иколая] М[ихайловича] остротой, тот старался ответить кулаком и мне приходилось постоянно защищать его, как более сильному, за что Н[иколай] М[ихайлович] прозвал меня Дон-Кихотом, а я его звал – добрый Санхо. Так как я сидел в пятом классе второй год, то многое из предметов, проходимых в этом классе, мне было знакомо, почему усидчиво заниматься не приходилось, и все свободное время я посвящал чтению приносимых мне Н[иколаем] М[ихайловичем] книг; о прочитанном мы постоянно толковали и спорили. В это время уже между нами установились столь близкие отношения, что Н[иколай] М[ихайлович] мне сознался, что пробует свои силы в литературе, и однажды принес мне стихотворение «Охота», посвященное «другу моему П-му», т.е. мне, вот оно:

1

И душно, и скучно
Нам в хижине теплой
Холодные дни проводить,
Пред жаркою печкой
В морозы и вьюги
Рассказом не скучным
Нам время делить
Душа рвется скорее
В родные леса и луга;
Предчувствуя весну,
Так сердце трепещет
И радостно бьется в груди.

2

Уже зеленеют леса и поляны,
Ручей, протекая, журчит.
Как весело солнце в лазури небесной,
Поля, освещая, блестит!
Пернатые птички, порхая с деревьев,
Хвалебные гимны уж Богу поют.
Пора уж и нам, мой приятель
Охоту начать по лесам!

3

И весело вскинув винтовки на плечи,

Мы с песней дружно пошли.
Скитались мы долго в лесах и долинах;
Там множество дичи в лесах мы набили
И много ночей вокруг костра проводили;
За ланию робкой в горах мы гонялись
И пулею меткой сражали ее.
Как весело было скитаться в пустынях,
Под тенью деревьев в жары отдыхать;
Прохладные ночи при звездах блестящих
Пред ярким костром проводить!
Жалели мы часто о шумной столице,
О людях, живущих в пыли городской.
Весною и летом мы скуки не знали,
Как дети, игривы и резвы всегда,
Как птицы небесные в небе порхали
Меж зелени яркой мы летней порой.

4

На зиму мы снова домой возвращались
Морозы и вьюги опять коротать
Пред теплою печью, в ненастное время
О милом раздолье своем вспоминать.

Это стихотворение навеяно было чтением соч[инений] Густава Эмара², Гештекера и рассказами об охоте, как моими, так и товарищей охотников Н.Д. Попова, А.И. Соколова, так как мы чуть ли не с первого класса гимназии начали охотиться, а Н[иколай] М[ихайлович] только с четвертого, и то редко. Потом он принес мне балладу в прозе «Демон и молодая мать», написанную на страничке, которая у меня и по сие время сохранилась, а однажды, когда я почему-то не пришел в класс, то он прислал мне с братом стихотворение под названием «Кружка», подписанная инициалами Н. Г. К...ола; к этим стихам была сделана приписка, подписанная гимназическим прозвищем – «пиявица». Это стихотворение также помещаю здесь:

КРУЖКА

Дорогая кружка!
Дней моих подружка!
Ты моя отрада
И трудов награда.
Тебя не сменяю
Ни на что я в мире –
Ни серебра, ни злата
За тебя не надо

Дорогая кружка!
Дней моих подружка!
Мне не нужно счастье
И отрада в жизни –
Счастлив я с тобою,
Награжден судьбою;
Лишь была б полна ты
Пьянящею влагой,
И я полн отвагой
И я рад и весел,
Осушивши кружку,
Дней моих подружку.
И тогда мне люди
Кажутся прекрасны –
Гнусность и пороки
Для меня не ясны,
И бросаюсь к людям
Я тогда в объятья,
А все моя кружка,
Дней моих подружка!
Когда выпью кружку,
Я все забываю –
Горе и печали
Гордо презираю,
И она дороже
Мне всего на свете:
Пусть отнимут жизнь мне –
С ней я не расстанусь –
И умру я с кружкой,
Дней моих подружкой.
Н. Г. К...ола.

«Тебе, конечно, странно, мой друг, что я воспеваю кружку, между тем ничего не беру в рот, кроме воды».

Но я пишу все дребедень:
Попался мне олень –
И я пою – олень, олень!
Иль попадетя на глаза
Обыкновенная дуга –
И я пою: дуга, дуга!
Кажись, я скоро напишу
Большую оду к сапогу.
П.и.я.ви.ца.

Не буду я здесь описывать ни наших классных занятий, ни учителей, так как это уже было сделано Н[иколаем] М[ихайловичем] и П.Б., первым в «Сибирском сборнике»³, а вторым в «Сибирской газете», но только от себя скажу, что не могу осуждать моих бывших учителей, потому что это были люди своего времени, со всеми его достоинствами и недостатками; прибавлю, впрочем, что мы им обязаны развитием в нас любви к чтению и гуманности к людям; я всегда с отрадой вспоминаю об Я.С. Сергееве, С.И. Игнатеве, Ф.В. Рудакове, отце Федоре Краснопевцеве, П.М. Комарове; только последние двое еще живы, а первых уже нет на свете и могу утверждать, что между всеми ими не было людей, которые бы преследовали нас из-за личной мести или из корыстных видов, чем так развращаются и озлобляются молодые сердца, а смотрели на нас, как на взрослых детей, почему и снисходили к нашим шалостям. Я говорю «шалости» и, действительно, как же мы были еще не дети, когда в 5, 6 и 7 классах производили такую возню, что пыль поднималась до потолка, беготню по коридорам, по классам и единоборства. Зато не было между нами пьянства, уличных дебошей и других пороков, впоследствии на жизненном пути никто из моих товарищей и соучеников не впал в преступление. Между тем мы пользовались свободой, как в классе, так и дома; для характеристики выпишу из дневника несколько строк, какою мы пользовались свободой и как ее употребляли. 21 июня 1856 года. Был экзамен из немецкого языка, я получил 3 и уговорился с И-м ехать удить на реку; Н. Попов просился с нами тоже за реку. Только что кончился экзамен, я пошел домой с Поповым, зашли на Ушайку купаться; тут нашли мы С-ва бывшего актера, по милости С-ко перешедшего в 6 класс. Выкупались, покурили и отправились домой. Идя дорогой, я говорю Попову: - Коля, ведь ты испугаешься ехать с нами – ведь ты трус: только ты на печке храбришься. Ну куда тебе ехать с нами. – «Нет, ты дожидайся, я непременно поеду». – Ладно, поедем. Говоря таким образом, мы дошли до дома. Ну, прощай, Коля, сказал я, подходя к воротам – «Прощай! Смотри же, я приду сейчас, да ружье возьму». Мы с ним расстались. Я вошел только что в ворота, а И-в мне на встречу. – Поедешь, спросил он. – Пожалуй, поедем. – А попов-то как? – Он сейчас придет. Мы стали дожидаться Попова. Матушки дома не было. Брат не хотел оставаться дома; я выпросил у постояльцев замок; брат с И-м пошли к лодке, а я остался дома ожидать Попова. Дождался, дождался, не могу дожидаться; запер дверь на замок и пошел на реку. Был сильный жар; народу на реке купалось много. Я подошел к берегу; брат с И-м, да К-м поехал на зелененький остров; я подождал несколько времени, слышал, как мальчишка бранился с Герасимом* за то, что он отобрал у него грузило. И-в оставил брата на острове, а сам приехал за мной. Я сел на корму, абласок у И-ва маленький, только четырех человек поднимает; волны были хотя не очень большие,

* Приятель брата и мой, с которым мы рыбачили, ходили за ягодами и грибами. (Прим. автора).

но все-таки покачивало. Ах, как хорошо плавать по реке, когда волны, и когда качает; так сердце и замирает! Переплыли на зелененький [остров]. Пошел дождь, мы опрокинули лодку и уселись под нее. Дождь шел четверть часа. Когда дождь прошел совсем, на реке были валы. Брат говорит: - Митя, мы поедем с К-м домой, ты нас перевези. – Вот, как утихнут волны, тогда, пожалуйста, перевезу, сказал я. Покуда стихла погода, мы позавтракали, покурили и стали удить. Сколько ни закидывали, ничего не клевало. Погода утихла; спустили лодку; брат и К-ий сели посредине, а я на корму. На этом берегу было тихо, но когда стали подплывать к противоположному берегу, поднялись валы, мы насилу пристали и высадились. Я только что отплыл, как Попов кричит: Постой, П[они́каров]ский, перевези меня! Я его посадил, а его собака поплыла за нами. Переплыли на остров, собаку далеко снесло. Оставили Попова на острове, а я с И-м поехал за реку. На реке чуть-чуть серебрились валы, ласточки летали так близко к воде, что задевали крылышками за ее поверхность; я сидел на корме; солнце так пекло, что нельзя было сидеть в лодке. Мы р. Томь переплывали в полчаса; я оставил И-ва за рекой, отдал ему корзинку с пищей, бутылку с молоком и сапоги, сам отправился за Поповым. Меня ужасно отнесло далеко. Приплыв к острову, вытащил лодку на берег, пошел искать Попова, пришел к тому месту, где его оставил, но нашел только удочку с леской, к которой был привязан порох. Обошел весь остров – Попова нет, как нет. Я думал, что он утонул. Нет, кажется, не для чего это ему порох к удочке прицеплять, рассуждал я. Стащил лодку, опять переплыл через Томь, встретил И-ва, спрашивал не переправлялся ли Попов. – Нету. Фу, ты чорт возьми! Где же он? Вытащили лодку, пошли удить на озеро – рыба не клюет. Мы навали пучек и воротились; стал накрапывать дождь, мы пришли к лодке. Дождик усиливался, мы вытащили лодку, опрокинули ее и сели под нее. Дождь пошел, как из ведра, на реке ничего не было видно – все покрылось, как будто бы туманом; дождь шел с полчаса; потом стал утихать, на реке поднялись такие волны, каких я еще не видал. С четверть часа волны пробушевали на реке, мы стащили лодку, уселись и поплыли вверх. Проплыв с полверсты, И-в говорит: - Давай остановимся тут. – Хорошо. Остановились, разложили огонь, стали жарить картофель. Покуда он жарился, я пошел вырубить прутьев для гороха. Нарубил сорок прутьиков, пришел к огню, покурил и стал вынимать картофель. Поели картофель, собрались и поехали домой. Пошел дождь; И-в сидел на корме; переехали на эту сторону мокрые, как лягушки. Я пошел домой, а И-в поплыл; я насилу добрался до дома; дождь шел ужасный, на каждом шагу я спотыкался, вяз и чуть жив добрался до дома; брата дома не было. Слава Богу, что хотя батюшка и матушка не бранились. Сели чай пить, является брат весь в грязи, мокрый. – Что, не видал ли Попова? – спросил я. – Мы с ним ходили к верхнему перевозку, отвечал он. – Да как же он с острова переехал? – Вот как: Рожерка (собака) не мог выплыть, он попросил мальчиков, чтобы они за ним сплавали; они сплавали, перевезли его на остров, посадили Попова в лодку и перевезли на эту сторо-

ну. Мы с ним пошли удить, да дождик нам помешал, и мы воротились домой. Так проводили мы лето в дни юности. Зима учебного 1856/1857 г. проходила незаметно между посещением классов, собраниями товарищей, только в это время мы лишились нашего остряка Н.И. Н[аумо]ва, который вышел из четвертого класса и уехал в Омск для поступления в военную службу⁴; чтение книг также продолжалось усердно: в эту зиму я получал от Н[иколая] М[ихайловича] «Отечественные записки»⁵ сороковых годов и читал с жадностью критические статьи, которые, как я узнал впоследствии, доставши в 60[-х] годах соч[инения] Белинского, были писаны им. Приближалась весна, солнышко стало пригревать, в великий пост по большой улице города стали чаще и чаще появляться толпы гуляющих барынь и барышень. В конце апреля снег стоял как в городе, так и в его окрестностях, и однажды в классе Н[иколай] М[ихайлович] говорит мне: - Знаешь что? Приходи после обеда ко мне, пойдем на охоту на нижний луг – от нас близко (он жил, как я уже сказал, на конце города, на нижнем лугу на водочном заводе), пошляемся по лугу, но ружья не бери – я возьму для тебя и для себя. Утки уже прилетели: я видел вчера несколько летевших стад. Как только кончились классы, я побежал домой, закусил на скорую руку, переделся и отправился через весь город к Н[иколаю] М[ихайловичу]; лишь только я стал подходить к воротам завода, как в них встретил выходящего Н[иколая] М[ихайловича], одетого франтом: в теплом пальто, больших сапогах, с патронташем и ягдташем и вооруженного двустволкой, а шедший за ним человек, должно быть служащий при заводе или дворник, нес для меня винтовку. Мы дошли до черемушника, потом вышли на р. Томь, оттуда повернули на озера, на которых льда уже не было, но уток на них не нашли; зелени на лугу еще не было – все еще было мертво; мы не нашли ни одной птички, на которой можно было бы попробовать ружье; садились отдыхать и курить несколько раз, так как Н[иколай] М[ихайлович] еще не привык проходить большие пространства и уставал. Ничего не убивши, мы перед отправкой по домам выстрелили в цель несколько раз и уже в сумерки подошли к заводу, где и распрощались. Это была первая моя охота с Н[иколаем] М[ихайловичем]. 22 мая нас отпустили готовиться к экзаменам, которые начались для пятого класса 13 июня законом Божиим и кончились 28 июня для всех благополучно (только М-ву велено после вакации передержать [экзамен] из геометрии); все были переведены в 6-й класс.

Во время экзаменов случилось одно обстоятельство, которое, если бы не кончилось так благополучно, то стоило бы жизни Н[иколаю] М[ихайловичу]. Это было так: после какого-то экзамена из пятого класса, я теперь хорошенько не помню, но только день был очень жаркий; мы выдержали этот экзамен удовлетворительно и он кончился рано; Н[иколай] М[ихайлович] уговаривал меня идти с ним купаться на р. Томь к Духовской церкви⁶, а так как я ему ни в чем не мог отказать, то и отправился с ним; он, идя еще улицей, расстегнул вицмундир, что в наше время строго запреща-

лось, что я ему и заметил, так как мог встретиться дорогой директор или инспектор и ему могло достаться, но он не обратил на мои слова внимания и торопился и меня торопил купаться, так как изнемогал от жары. Подходя к р. Томи, возле берега которой стояли длинные-предлинные плоты, на которых было много купающихся, он уже снял вицмундир и, пока я раздевался, он уже был раздет, а только что я стал снимать сорочку, как услышал возгласы купающихся: «Тонет! Тонет!». Поскорее сбросив сорочку, я осмотрелся и увидел, что Н[иколай] М[ихайлович] уже в реке около плота и старается схватиться за крайнее бревно, чтобы выскочить на плот, но его быстротой воды отбивает; он на моих глазах несколько раз отрывался от плота и погружался в воду, а в это время быстротой течения его относило все далее и далее вдоль плота и как бы засасывало под него. Не долго думая, я бросился к нему, стараясь схватить его за руку или за плечо, но всякий раз моя рука скользила по его мокрому телу; насилу каким-то образом я успел схватить его правой своей рукой за загривок, а он за мою левую руку схватился своими руками, и таким образом я вытащил его на плот со словами: «Что с тобой?». Он, полежавши несколько минут, ответил: «Я думал мелко, да не так быстро, поторопился, бухнул в воду и чуть не утонул». Я был растерян и испуган этой катастрофой, а он, отдохнувши, начал шутить как над собой, так и надо мной, и хотел опять идти купаться, но тут я уже решительно сказал ему, что совсем не буду купаться, да ему не советую. Это я сделал не из боязни за себя, так как я умел плавать очень хорошо и обладал физической силой, но в видах его слабосилия, глубины и быстроты реки. Он меня послушал, мы оделись, стали курить и рассуждать о бывающих в жизни печальных случаях и о том, как я, бежавши босиком по плоту, чтобы подать ему помощь, не упал и не сломал себе ногу. Потолковавши, мы расстались, причем я убедительнейшее просил его тут не купаться, в чем он мне дал слово, и я покойно возвратился домой, зная, что если Н[иколай] М[ихайлович] дает слово, то его держит. Все остальное лето 1857 г. вплоть до августа мне не пришлось видеться с Н[иколаем] М[ихайловичем], так как я был каждый день то на рыбалке, то на охоте, то ходил за грибами и ягодами. Увидались мы с ним 7 августа, когда собрались в первый раз в шестой класс гимназии, и после молебна началось учение, так что в августе были заданы уже уроки из законовещения и немецкого языка.

В шестом классе Н[иколай] М[ихайлович] тоже продолжал сидеть возле меня и также приходилось защищать его от длинных рук Немирова, которые иногда за какую-нибудь остроту на счет их обладателя, смотришь, и тянутся через стол, чтобы вытащить остряка, а так как Немиров был сильнее и меня, то и мне доставалось. И в шестом классе я получал от Н[иколая] М[ихайловича] «Современник»⁷ с 1847 г. и последующих годов, «Морской сборник»⁸, в котором мы с ним познакомились с «Вопросами жизни» Пирогова⁹ и с «Воспитанием» Бема¹⁰, а так как в 6 классе предметы все читались легкие, то для чтения оставалось много времени. В этом классе Степан Ива-

нович Игнатъев знакомил нас с порядком управления в Англии, Франции и Америке, а также, отчасти, и в России. Много говорил о крепостном праве, о телесном наказании и о многих других современных вопросах. Конечно, много мы не понимали, но все-таки обсуждали в своем кружке. К нам в дом по-прежнему продолжали собираться, как одноклассники, т.е. И-в, П-вы, С-вы, так и учившиеся в седьмом классе, бывшие мои товарищи Поповы, Савельевы и другие; делились своими впечатлениями, прочитанным, виденным и слышанным. Дружба моя с Н[иколаем] М[ихайловичем] увеличивалась все более и более, так что только и ждал, когда с ним увижусь и побеседую; в классе мы почти не разлучались; он иногда приходил ко мне и один, и тут отводили душу и о чем только тут не разговаривали. Однажды он пристал ко мне, чтобы я непременно пришел к нему после обеда, а надо сказать, что я ни разу у него в доме не был, все отговариваясь или недосугом, или болезнью; главная же причина была моя непонятная для меня робость и застенчивость, особенно в многочисленном собрании мне незнакомых, тут уже я совсем терялся – не знал о чем говорить и что делать, так что и руки висят бесполезные, и свинцом налита голова. Эта робость и застенчивость осталась во мне и по сие время, а кажется, сколько раз охотился и на медведей, кабанов и лосей; приходилось в тайге встречаться с медведем, когда в руках только одно ружье, заряженное дробью или удочка с удилицем, и при таких обстоятельствах не терялся. Однако, на этот раз он уговорил меня, подкупив тем, что кроме его у них никто не будет, даже его сестра Александра Михайловна не выйдет к нам. Я приоделся и после обеда пошел к нему; действительно, он встретил меня один, провел в свою комнату, где мы и расположились на свободе. Он мне показывал оружие, оставшиеся ему после отца, книги, потом начатые, но не оконченные свои сочинения, стихи, эпиграммы; шутил, острил и смеялся и видно было, что был очень доволен моим посещением, а в конце концов повел в зало. Там стоял большой концертный рояль. Об этой штуке я слышал и был с ней знаком по описанию и даже помнил экспромт Третьякова на него:

К стене примкнуто, стоит чудесно,
Лишь пальцем ткнуть,
Поет чудесно.

А в это время Н[иколай] М[ихайлович] открыл крышку рояля и мне представился ряд белых и черных клавишей; я ударил пальцами по ним, он издал громкий звук, и я должно быть с такой комической миной отдернул руки от клавишей, что раздался невообразимый хохот Н[иколая] М[ихайловича], который, взявшись руками за бока, хохотал во все горло. На этот хохот вышли из другой комнаты его матушка и сестра; первая спрашивала: «Что ты, Коля? Что с тобой?», а вторая смотрела на нас обоих с крайним удивлением и в особенности на меня, стоящего смущенным и с крайне печальной и сконфуженной физиономией. Н[иколай] М[ихайлович] только и мог выговорить: «Ничего, ничего! Так!». Наконец, немного отдохнув от сме-

ха, представил он меня матушке и сестре. Что я говорил в то время, теперь не могу припомнить, но только чуть-чуть не убежал домой со слезами на глазах и крайне огорченный смехом Н[иколая] М[ихайловича], который, видя мое смущение и огорчение, стал просить матушку, чтобы угостила нас чаем; конечно, это он сделал для того, чтобы удалить их. Когда же они ушли, он начал меня успокаивать, шутить и смеяться, но долго после этого он не мог забыть эту сцену и вспоминал об ней в 1879 г., в Самаре¹¹. Успокоивши меня, он сел за рояль и сыграл мне какие-то пьески. После этого мы опять возвратились в его комнату, где продолжали беседу, а потом позвали нас пить чай, который прошел в обществе его матушки и сестры, бывших со мною очень любезными. Когда стало смеркаться, я распрощался и ушел домой. 13 марта 1858 г. у меня заболел брат Александр, который учился вместе со мной в 6 классе и слушал законоведение, а дома с батюшкой готовился из латинского языка, чтобы по окончании курса в гимназии ехать в университет. Батюшка знал латинский язык очень хорошо, так как окончил курс в Тобольской семинарии в двадцатых годах, а в его время в семинарии все предметы читались на латинском языке. Я с К-м, тогда жившим у нас, ухаживали за больным; его лечил Зацкевич, но вылечить не мог, и брат умер 23 марта, в первый день Пасхи, когда мы только что пришли от ранней обедни и стали пить чай. Не буду описывать горе, как мое, так батюшки и матушки, но тут выразилась и привязанность ко мне Н[иколая] М[ихайловича] и сочувствие к моему горю более, чем кого-либо. Хоронили брата 26 марта, в среду; Н[иколай] М[ихайлович] бывал у нас каждый день, а во время похорон нес крышку. Когда же я вскоре заболел сам, то он также навещал меня почти каждый день, а если ему было некогда, то посылал с К-м книги и записки. Вот некоторые из них, сохранившиеся от того времени. «Дорогой друг, Д.А.! Скоро ли ты явишься? Грустно. Драки и междоусобия; все шалят, а мне не с кем разделить время. В среду были на охоте с И-м; ничего не убили, но прекрасно провели время; стоило посмотреть природу. Приходи же скорее. Твой друг Н. Ядринцев». А вот и вторая: «Любезный друг, Д.А. Вот уже я получил от тебя два послания и все еще не собрался описать тебе свои похождения; увижусь, расскажу побольше; теперь скажу только, что в воскресенье в три часа я поехал с господином NN верхом на охоту в деревню, по пути ничего не было замечательного, кроме того, что вязли в болотах и бродили по озерам; в 6 часов мы приехали в Кузовлеву и остановились на квартире; покуда хозяйка готовила чай, мы пошли налегке за деревню на озеро; чудно было ходить: деревня стоит на берегу речки Корицки; на другой стороне реки был кустарник и огромные кедры; мы походили и убили четырех уток – товарищ две и я две; пришли на квартиру, напились чаю, поужинали и в 9 часов поехали домой; вечер был прохладный, и мы скоро ехали по чудной дороге; в 11 часов приехали домой. Чудно провели время; я так давно не проводил. Прощай, друг, увижусь, перескажу больше. Как только позволит время, я буду у тебя. Остаюсь томимый разлукой Н. Ядринцев». На обороте карандашом припис-

ка: «Предпоследние часы мы писали эпиграммы на теленка*, П-в, я, И-в, С-в читали их вслух. Извини, друг я позабыл тебе прислать книгу, про которую ты мне писал, думал, что будет хорошая погода, и хотел к тебе придти».

Во время моей болезни он прислал мне стихотворение следующего содержания:

Зачем же, милый рыцарь мой,
В постели жаркой ты томишься?
И скучный предпочел покой,
И с нами ты не веселишься?

Зачем доспехи и ружье
Ты променял на роман скучный?
Свое раздольное житье –
На вдохновенья час докучный?

Скорей, мой друг, оставь постель!
Оставь микстуру и леченье!
Дивлюсь, как болен ты досель
И мне имеешь развлеченья?

Я жду тебя с часу на час
И мчатся дни уже за днями;
И всякий день наш полон класс,
Лишь нету друга между нами!

На это стихотворение я ответил ему стихами Козлова¹²:

Бесценный друг и гость наш милый,
Придешь ли ты в мой уголок?
Родными окружен сердцами,
Найдешь ты с теми же друзьями
Душистый чай и огонек.

Когда же я стал выздоравливать, то посещения Н[иколая] М[ихайловича] тоже не прекратились, и он нет-нет да зайдет или пришлет записку. Вот еще две, сохранившиеся от того времени: «Добрый друг, Д.А. Очень рад, что ты поправляешься, я давно этого ожидал и очень обрадовался, получив от моего друга несколько строк, написанных твоею рукою. Сегодня мы подали Яше* № 15 ведомостей; ты не можешь представить, какую он скорчил лукавую физиономию и спросил у К-го: «Что, вам нравятся стихи?»».

* Так прозвали воспитанника 6 класса Т. (Прим. автора).

* Яков Степанович Сергеев, учитель словесности (Прим. автора).

Мы смеялись, и он улыбался: надо было быть слишком непроницаемым, чтобы не заметить торжества нашего автора; он сейчас же окритиковал Заангорского. Мы снова намекнули; он снова скорчил улыбку – презанимательно. Увижусь, все расскажу. Звонок ударил Adieu Н. Ядринцев. – «Любезный друг! Извини меня, что я не иду навестить тебя сегодня; завтра я к твоим услугам и принесу книгу: я еще сообщу кое-что нового на счет литературы. Как-то ты поправляешься? Надо бы постараться к экзаменам-то. Ну, прощай. Н. Ядринцев. PS. Прочитал ли ты мою французскую записку: я думаю, не разобрал. В четверг мы славно погуляли; приду расскажу». В дневнике же у меня записано: «4 июня 1858 г. в понедельник и вторник вечером приходил ко мне Н[иколай] М[ихайлович]. Он мне читал свои стихотворения, рассказывал анекдоты, и так проходило у нас время до 10 и 11 часов. 20 июня. Пятница. Послал записку Н[иколаю] М[ихайловичу], просил прислать «Современник» 48 года, за май. В 6 часов вечера он сам явился ко мне, принес «Современник» и вторую часть Гоголя, которую еще брат назад тому два года отдал Прасолову. 26 июня. Я был в гимназии и узнал, что Н[иколай] М[ихайлович] едет на неделю в Барнаул, и обещал мне писать оттуда, а 28 июня читал переводку и мы узнали, что из нашего класса остались на второй год Н[иколай] М[ихайлович], как не выдержавший [экзамена] из математики, и Обоскалов, а мне велено держать экзамен после вакации. 29 июня. Н[иколай] М[ихайлович] уехал в Барнаул. Из Барнаула 8 июля я получил от него письмо, в котором он описывает тамошнюю жизнь, свое препровождение времени и предложение ехать на Алтай, чтобы видеть каменщиков. Надо знать, что зимой этого года батюшка принес мне из губернского правления номер «Томских губернских ведомостей», в котором была помещена статья о каменщиках, т.е. крестьянах раскольниках, поселившихся на Алтае, потом бежавших в китайские пределы и оттуда китайским правительством возвращенных нашему правительству. Эта статья произвела на меня впечатление, я дал ее Н[иколаю] М[ихайловичу], он пришел в восторг от нее и от каменщиков и все мечтал об них и желал их увидеть; но в эту поездку в Барнаул почему-то ему не пришлось побывать у каменщиков. 1 августа. Н[иколай] М[ихайлович] вернулся из Барнаула и в тот же день был у меня, рассказывал о тамошней жизни, читал отрывки из дневника и звал на охоту в деревню. 6 августа. Состоялась наша поездка в Кузовлеву, туда же приехала матушка, Н[иколай] М[ихайлович] и его сестра, а также учитель Антаков. Мы ехали вчетвером на телеге, без кучера. Правил лошадей А. С-в, возле него сидел Н[иколай] М[ихайлович], а я назади с И-в. Проезжая лесом, увидели стадо скворцов, кто-то из товарищей сказал, чтобы я, как державший заряженное ружье в руках, попробовал его по скворцам; лошадь остановили, я прицелился, спустил курок; пистон хлопнул, но выстрела не последовало, а вместо него из дула выполз таракан; скворцы, конечно, улетели. По обыкновению, Н[иколай] М[ихайлович] первый заметил это обстоятельство и разразился хохотом, товарищи ему вторили, и таракан послужил предметом для шуток

на всю дорогу до Кузовлевой. На охоте мы пробыли до вечера, но ничего не убили, а к вечеру пошел дождь, и мы вернулись в деревню, где напились чаю и благополучно вернулись домой. Я выдержал экзамен и перешел в седьмой класс и продолжал видаться с Н[иколаем] М[ихайловичем] в гимназии; раза два он приходил ко мне, но 16 августа, когда я просил его придти ко мне вечером, он поведал мне следующее: матушка запретила ему ходить ко мне, так как вышла сплетня следующего содержания. Была у нас одна личность, которую воспитанники не очень-то долблывали и дали ей несколько названий; эта личность-то постоянно бывала у Ядринцевых и сочинила, что будто бы Н[иколай] М[ихайлович] ходит ко мне за тем, чтобы видаться с дочерью живших у нас квартирантов. Можно судить, какое впечатление произвело это известие на меня. Я был возмущен не столько за себя, так как уже и тогда испытывал и переносил часто на себе несправедливость и клевету, но меня до глубины души обидела клевета на Н[иколая] М[ихайловича], человека столь чистого в нравственном отношении, которого я знал очень хорошо, и который не позволял себе в нашем кружке не только никаких сальностей, но даже грубостей; я дошел до бешенства и тогда же хотел идти к этой личности, потребовать от нее объяснения и побить при всех; но Н[иколай] М[ихайлович] удержал меня, представив те резоны, что этим я могу повредить себе, но дела не поправлю, так как эта личность пользуется у них в доме большим авторитетом; что лучше представить все времени, которое обнаружит клевету, и что он остается по-прежнему моим другом. Я с ним согласился, хотя в душе питал искреннюю ненависть к клеветнику и с того времени при встрече с ним ему не кланялся, а отворачивался от него или избегал встречи с ним, хотя однажды и получил замечание от него, что я поступаю невежливо, не здороваясь с ним; но я отговорился близорукостью. Так-то в жизни с одной стороны злоба, зависть и тупоумие, а с другой – легковерие и недомыслие часто причиняют людям, совершенно невинным во взводимой на них клевете, много горя. В классе же с Н[иколаем] М[ихайловичем] я видался почти ежедневно, сообщали мы друг другу, чем занимаемся, что читаем и он мне по-прежнему носил книги. Он в это время занимался пиротехникой и однажды, в конце августа, просил меня придти к устью р. Ушайки, чтобы перебраться на остров и там пустить ракету, сделанную им. Я пришел, но так как вода прибыла, то на остров мы не могли попасть, а пошли на нижний луг, где за поленницей березовых дров повесили ракету, зажгли у ней фитиль, но она не полетела, а только шипела и искрилась. Искры увидели караульщики и закричали: «Поджигатели! Поджигатели! Ловите их!». Мы испугались, так как в это время было несколько пожаров, и был слух о поджогах, оставили ракету догорать, а сами бросились бежать; перебежали весь луг и скрылись в роще, где теперь университет, отдохнули и уже в сумерках возвратились по домам. 6 сентября я встретил на улице возвратившегося из Омска Н.И. Н[аумо]ва и был у него 8 на квартире, о чем сообщил Н[иколаю] М[ихайловичу]. До 15 февраля 1859 г. он не ходил ко мне, конечно, не желая поступать вопреки

желанию своей матушки, а в этот день вечером собрались у меня Н.И. Н[аумо]в, А.В. С-в; первый пришел ранее всех и прочитал мне первое свое обработанное литературное произведение «Случай из солдатской жизни», которое потом послал в «Военный сборник», в котором оно и было напечатано¹³. Когда же собрались остальные товарищи, то мы много шутили, остряли и по обыкновению Н.И. Наумов спорил с Н[иколаем] М[ихайловичем]. Потом решили по воскресеньям собираться у меня и читать, кто что напишет к этому времени; но это наше предложение не состоялось, так как мне уже нужно было подумать о выпускном экзамене, так как он начинался для 7-го класса с первого мая и сдавался за всю гимназию из всех предметов, Н.И. Н[аумо]в был занят службой, а Н[иколай] М[ихайлович] боялся, чтобы опять не остаться в 6-м классе и стал усерднее заниматься; однако, в большую и малую перемену мы с ним видались ежедневно. В мае же месяце 1859 года я с ним не видался, так как у нас шли выпускные экзамены, а их распустили готовиться; после экзаменов Н[иколай] М[ихайлович] заходил ко мне несколько раз, сообщал свою радость, что его перевели в 7-й класс и звал на охоту, но так как я опять готовился держать экзамен на учителя русского языка, то я отказывался и все лето просидел дома, иногда разве в свободное время, какое случалось от занятий ходил к Н.И. Н[аумо]ву и то не надолго; в августе месяце, после того как выдержал экзамен на учителя, был определен для практики в томское уездное училище, где и занимался до самого отъезда в С[емипалатинск], т.е. до первого декабря 1859 г. Перед отъездом, я пошел проститься с Н[иколаем] М[ихайловичем] вечером и застал его у себя; мы провели часть вечера, сперва у него в комнате, по обыкновению, он шутил и острял; потом позвали нас пить чай в компании с его матушкой и сестрой, а после пришел ее жених В.А. Смирнов. При прощании мы обещали писать друг другу, итак, я уехал из Томска, а Н[иколай] М[ихайлович] остался доучиваться в 7-м классе. Из С[емипалатинска] я ему писал несколько писем, а также получал от него письма, в которых он описывает свое житье-бытье, эти письма, как и письма, полученные потом из Петербурга, куда он уехал, чтобы поступить в тамошний университет, не кончивши курса в томской гимназии, к несчастью, у меня не сохранились. Только я помню, что он в письмах из Петербурга все звал меня туда, чтобы поступить в университет, расхваливал тамошнюю жизнь и сообщал, что Н.И. Н[аумо]в приехал туда. В 1863 г. из Омска я получил от него письмо, в котором он извещал, что учительствует у Кузнецова, а более подробные сведения, как о жизни его в Питере, так и в Омске получил от Г.Н. П[отани]на, проезжавшего тогда в С[емипалатинск] с ученою целью. Далее о его судьбе мне почти ничего не было известно, кроме того, что я читал его тюремные очерки в «Искре»¹⁴, а также «Русскую общину в тюрьме и ссылке»¹⁵. В 1878 году, бывший в С[алаи]ре по делам службы И.И. П-в сообщил мне, что Н[иколай] М[ихайлович] в Омске и служит сто-лоначальником в главном управлении, и что он виделся с ним на Алтае, куда тот ездил с ученою целью.

17 июля 1878 года я получил в С[алаи]ре, где служил уже по министерству внутренних дел, распоряжение выехать в с[ело] Б[очатско]е, встретить и проводить до д[еревни] С-кой одно лицо; я тотчас же собрался и выехал в Б-т, где и ночевал; на завтра часов в 6 утра меня разбудили, сообщив, что лицо уже приехало и будет ревизовать волостное правление. Я оделся и пошел в волость, но только что стал подходить к зданию волостного правления, как заметил идущих туда же ревизора, чиновника П-на и третьего господина в серой крылатке и с цилиндром на голове, по походке, по манере и физиономии как будто бы мне знакомого. Подходя к группе, в третьем я узнал Н[иколая] М[ихайловича]. Представившись ревизору, поздоровавшись с П-м, я стал рекомендоваться Н[иколаю] М[ихайловичу], который, улыбаясь своей доброй улыбкой, говорит: «знаю, знаю, старый товарищ» и пожал мне крепко-крепко руку. По моему наблюдению он немного вырос против того, как мы расстались в 1859 году, нисколько не пополнел; борода и длинные волосы поседели, лицо было такое же белое, как и тогда; манера держать себя, походка, разговор остались все те же, что и в гимназии. Ревизор и П-н вошли в волостное правление, а мы остались на улице и долго-долго смотрели друг на друга. Первый заговорил Н[иколай] М[ихайлович]: «Пойдем, зайдем во двор», сказал он мне, взял за руку и повел во двор волостного правления. Тут мы обнялись, расцеловались и расплакались – оплакивали оба горечь разлуки и радость свидания. Во все время я не отходил от него, по обыкновению, он говорил, а я слушал, но что он говорил, я теперь не помню, так как я в то время был сильно взволнован радостным свиданием; смутно помню, что он вкратце рассказал мне свою жизнь после нашей разлуки. Ревизор кончил свою ревизию волостного правления и ему сказали, что лошади поданы; Н[иколай] М[ихайлович], садясь в экипаж с ним, сказал, что в С-ке он со мной еще увидится и поговорит; мне подали тройку и я покатил за ним; день был жаркий, точно такой же, как тогда в Томске, когда Н[иколай] М[ихайлович], купаясь, чуть не утонул; лошадей запрягли мне усталых и они на половине пути к С-ке пристали и пошли шагом, сколько ямщик ни погонял их. Я сердился, но делать было нечего. Когда приехали в С-ку, то содержатель земской квартиры мне сказал, что ревизор и Н[иколай] М[ихайлович] меня ждали, пили чай, но, не дождавшись, уехали, а Н[иколай] М[ихайлович] оставил мне письмо, которое я распечатал; оно заключало написанные карандашом стихи. В письме он желал мне всего лучшего; вот содержание стихов и их заголовок: «Прежнему товарищу П-му, 20 лет, свидание в С-кой».

Старый друг, кто жизнь познал,
 Не страшась ее угрозы,
 И несчастного чело
 Украшают часто розы.

Не узнаешь, чем и как
Будет жизнь твоя богата –
Почесть царская иным,
Чаша яда для Сократа.

Но и в яде есть свой мед.
Солнце сменит жизни грозы;
Перед смертью встретит, верь,
Нас любовь и дружбы слезы.
Н. Ядринцева.

Так как в письме Н[иколай] М[ихайлович] просил меня писать ему в Омск, то я и послал туда два письма, но ответа не получил; думая, что он уехал куда-нибудь, я более не писал, как 28 января 1879 г. получил от него из Омска письмо, в котором он сетует, что на посланное давно им письмо, в ответ на мои, с приложением его фотографической карточки, я ему не отвечаю, и что он настоящее письмо посылает мне через исправника, просит откликнуться и что он пребывает искренним старым другом. Письмо же с фотографической карточкой, действительно, так и потерялось. С этого времени началась между нами длительная переписка и продолжалась до 1888 года. В письмах из Омска от 19 марта, 13 апреля, 27 августа 1879 года извещает о своих работах, о деятельности Зап[адно]-Сибирск[ого] отдела географ[ического] общ[ества], просит собирать материалы по этнографии, статистике и пр. В письмах от 22 января, 26 марта, 14 апреля, 12 мая 1880 г. из Омска сообщает о Н.И. Н[аумо]ве, Г.Н. П[отани]не, о выходе журнала «Русск[ое] бог[атство]», благодарит за присылку семян пшеницы и уведомляет, что он назначен в экспедицию на Алтай, о том, что я выбран членом-корреспондентом в З[ападно] С[ибирское] геогр[афическое] общ[ество], просит собирать сведения об инородцах; сообщает о том, что сгорела в Иркутске типография газеты «Сибирь»¹⁶. В конце мая этого года я сидел у окна в своей квартире, в С[алаи]ре после полудня, как увидел, что по улице к моему дому едет тарантас, запряженный четверкой лошадей, а за ним идет Н[иколай] М[ихайлович]; я вышел к нему на встречу. Поздоровавшись, Н[иколай] М[ихайлович] сказал: «Я к тебе заехал из Барнаула, чтобы повидаться, а также взять у доктора З[ас]с анероиды, так как еду в экспедицию на Алтай». Он пробыл у меня три дня, а так как в это время по делам службы находился здесь И.И. П-в, наш общий товарищ по гимназии, а также приехал из Барнаула доктор Д-г, то мы очень приятно провели время. Н[иколай] М[ихайлович], как и прежде, не пил никаких крепких напитков, как я его ни уговаривал чокнуться со мной хоть раз в жизни. Проводил я его по дороге опять в Барнаул, а со станции К[рестовск]ой получил от него в шутовском тоне записку, в которой он извещал, что экспедиция благополучно прибыла на эту станцию и

что разбойники на нее не напали. 4 июля я получил от него письмо из Уланы, в котором он извещает, что работает около черни; объехал инородческое волости, и в Улане его задержала болезнь на две недели, но, несмотря на это, он хочет непременно выполнить программу поездки. В октябре он вернулся в С[алаи]р через К-к и жил у меня неделю, отдыхал, рассказывал о поездке и, когда отправился в Томск, то я его проводил до с[ела] Б[очат]ского, где ночевал с ним в одной комнате; тут мы расстались и, к несчастью, навсегда, так как я уже не видал его более. Из Томска от 25 ноября т[ого] г[ода] я получил от него письмо, в котором он извещает, что на него инсинуируют, что дело газеты «Сибирь» в безнадежном состоянии, что он бывшего с ним переводчика прогнал. В письмах от 8 апреля, 26 мая, 26 июля, 20 августа 1881 г. из села Большого сообщает, что был в Петербурге два месяца, остался на лето в имении у родных в Рязанской губернии с семьей, в Петербурге окончил доклад в географ[ическое] и юридич[еское] обществах, что на службу в Омск не поедет; вновь просит доставлять ему сведения по этнографии инородцев, по их археологии и пр.; в одном из писем была приписка его супруги, в которой она просит принять и ее в число наших друзей. Также сообщает, что Н.И. Н[аумо]в пишет новую книгу и А-в выехал в экспедицию. Воображением стремиться пожить в родных местах, среди природы, в тайгах и горах, а между тем только временно, чуть не тайком отрывается на это свидание, чтобы взглянуть на минуту на свою красавицу. Сообщает, что написал «Очерки воспоминаний о Томской гимназии»; готовит книгу «Сибирь, как колония»¹⁷, затем оканчивает «Современное положение инородцев», далее – «Первобытную культуру алтайцев»¹⁸; затем думает написать «Живописное путешествие по Алтаю»¹⁹; постарается поместить в журнал «Историю горного царства»; готовит материалы о землевладении и земледелии в Сибири и пишет статью по поводу 300-летия Сибири²⁰. В письмах от 20 и 28 декабря извещает, что ему разрешено издавать «Восточное обозрение» и что он внес уже 2500 руб[лей] залогом. При письме от 18 января 1882 года Н[иколай] М[ихайлович] прислал печатную программу «Восточного обозрения», которое обещано выходом первого апреля 1882 года; в письмах от 27 февраля, 31 марта и 6 сентября т[ого] г[ода] извещает, что был вызван в комиссию экспертов сведущих людей и представил записку о колонизации Алтая; также сообщает о выходе в свет его книги, об уничтожении генерал-губернаторства Западной Сибири и о смерти Шашкова²¹. В письмах от 24 января, 16 и 24 апреля, 29 августа, 9 и 21 ноября 1883 г. извещает, что Г.Н. П[отанин] едет в Китай и что он, Н[иколай] М[ихайлович], не теряет надежды еще в жизни побывать на Алтае и в черни. Не удастся, то – ружье есть – «на плечо!» и тогда опять в черневую деревню, на Белуху, в Кузовлеву и в С[алаи]р!». Что «Восточное обозрение» имеет до 700 подписчиков, а Н.И. Н[аумо]в едет в М[ариинск]²²; уведомляет, что дела у него масса, работает ночами, потерял сон, - ложится в 4 и 5 часов утра, не спит до 8 и 9 часов и только утром до 11 часов забывается. Все это изнурительно и чтобы подбодрить себя поехал на

охоту около лесного института в компании на зайцев и лисиц. Ездил два раза, ничего не убил, но исходил верст 16, промочил ноги, замерз, устал, но за все это спал хорошо. В письмах от 1 февраля, 9 апреля, 11 августа*, 8 сентября, 5 ноября 1884 г. извещает, что дела по-горло – статьи, доклады в геогр[афическое] общ[ество], содействия промышленности о Чуйской дороге, доклад в археологическом обществе, устройство вечеров в пользу недостаточных студентов, организация лекций по антропологии для сибиряков, – что подписка на газету увеличилась до 900 подписчиков. Советует, на что обратить внимание, если состоится поездка в чернь; жалуется на то, что здоровье плохо и сообщает, что кончил десять глав очерков по истории культуры угро-алтайских племен. В письмах от 4 февраля, 28 мая, 2 июля, 1 августа 1885 г. сообщает о музыкальном вечере, бывшем 4 января в зале Благородного Собрания в пользу общества вспомоществования учащимся в С[анкт]-П[етербурге] сибирякам, о сибирской прессе, что он сильно хворает – желудок, геморрой и пр. доехали* его – и что выписал супругу из деревни, а сам едет лечиться на воды; сообщает дошедшую до него на меня опять инсинуацию, и не мудрено, так как, кто служил в Сибири, тот знает, в каком ходу здесь клевета. У нас был один субъект в то время в М[ариинс]ке, выросший на интриге, который ни перед чем не останавливался, чтобы только ему одному благоденствовать и величаться и которого только много лет спустя выпроводил из Томской губернии благороднейший К.А. Ш. Вот этот то субъект и пустил в ход сплетню, но ошибся в расчете, не зная, сколь многолетняя дружба связывает меня с Н[иколаем] М[ихайловичем] и сколь он знает меня хорошо и на что я способен.

Письмом от 12/13 апреля 1886 г., полученным в Барнауле, извещает, что расхворался, и поездка за границу не надолго освежила и подняла силы, что по приезде опять начал изнурительную работу ночами и подписка в 1886 г. пала на 150 подписчиков; в июле месяце того же года прислал карточку с надписью: «еду в Иркутск, привет из Томска» и рекомендует одного молодого человека. Последнее письмо я получил от Н[иколая] М[ихайловича] от 17 июля 1887 г., в котором он сообщает, что очень завален работой – до изнурения, да и здоровье расшаталось. Тяжелое время! Прибавил он. Причем сообщает, что его приглашали в Томск, а также в Иркутск, но бросить дело в Петербурге нет резона, что ездил не надолго в деревню отдохнуть и взглянуть на детей и должен был возвращаться, просил за одного молодого человека, который должен мне рассказать, как живет Н[иколай] М[ихайлович] и как он одинок.

После этого письма, я более писем не получал, а только получил поклоны через несколько лиц, приезжавших из Петербурга, с которыми

* С этого числа я уже получал письма в М[ариинс]к, куда был переведен. (Прим. автора).

* Так в документе.

Н[иколай] М[ихайлович] заказывал сообщить мне, что ему живется плохо, здоровья нет, дело с газетой падает и он ее переводит в Иркутск, что вскоре и случилось. В 1887 г. я писал ему в Петербург, а потом в Иркутск, но ответа не получал и, не зная, где он находится или на чье имя писать для передачи ему, то я и не мог продолжать переписку. Из газетных же сообщений было видно, что он в это время постоянно путешествовал – то был в Западной Европе, то в Монголии и, наконец, в Чикаго. В январе сего года разнесся слух, что Н[иколай] М[ихайлович] приедет заведующим статистическим бюро на Алтае, чему я очень обрадовался и в первых числах июня получил письмо, что он приедет в Барнаул и я седьмого июня вечером засел писать ему письмо из З-ка, где тогда находился, о своем житье-бытье, боясь, что он опять уедет куда-нибудь и мне надолго не представится случая написать ему, а тем более увидаться, при том же писать Н[иколаю] М[ихайловичу] меня побуждало то обстоятельство, что я с октября месяца м[инувшего] г[ода] по июнь сего года подвергался три раза случаям лишиться жизни, почему, думал, что какой-либо случай может разлучить нас навсегда. Девятого июня приехал в З-к из Барнаула сын мой и сообщил, что Н[иколай] М[ихайлович] был у нас 6 июня, а 7 обещал приехать завтракать, и что сын мой седьмого июня был у него сперва в 11 часов дня, но Н[иколай] М[ихайлович] спал, а потом в 12, но не застал его дома, а так как сыну моему нужно было ехать в командировку, то он и не простился с ним. 12 июня мною было получено письмо из Барнаула с извещением, что Н[иколай] М[ихайлович] седьмого июня умер. Причина смерти опий или морфий, который он принимал от катара желудка. Похороны были 9 июня и, хотя шел дождь, но народа было много; причем, получено было много сочувственных телеграмм от разных лиц и обществ; венков же на гроб было положено до семидесяти. Дочь моя сделала венок из живых цветов и положила ему на голову, который и ушел с ним в могилу. Вот все, чем я мог почтить его память. Общий же наш товарищ по гимназии И.И. П-в участвовал в погребальной процессии и нес крышку, а гроб несли бывшие в это время в Барнауле студенты Томского университета. Прах Н[иколая] М[ихайловича] покоится на городском кладбище возле церкви и над могилой возвышается большой деревянный крест. Итак, сбылись его желания – он лежит в преддверии столь любимого Алтая.

Не мне ценить его как общественного деятеля – это дело истории; скажу только, что это был человек сердечный, до крайности деликатный, беспредельно и бескорыстно преданный родине, порядку и законности, всегда готовый помочь, ободрить, успокоить и, вдобавок, развеселить; и, бывало, какое бы горе ни было на душе, если придет Н[иколай] М[ихайлович], то все забывалось. Да, мой дорогой Николай Михайлович, и до конца жизни ты остался таким же и исполнил завет: «нести более любви, еже аще, кто душу свою положит за други своя», и если упрекнуть тебя, то только могут упрекнуть в беспредельной любви к людям, но кто много любил, много простится тому, но ты искренно любил и честно ненавидел и оказался в жизни рыца-

рем-то ты^{*}, а Санхой я, заботившийся более о своем брюхе и шкуре. Вспоминая длинный ряд годов нашей дружбы, заключу эту статью стихами поэта, обращенными к умершему другу:

Пусть время скорбь мою смягчить уже успело,
Все по тебе, мой друг тоскою я томим;
И часто загрустив душой осиротелой,
Зову тебя. Где ты? Приди, поговорим;
Над современностью в беседе дух возвысим;
Побудем в области добра и красоты...
Но ты безмолвствуешь! Нет ни бесед, ни песен...
Где ты!

Мне пусто без тебя; но жизненные силы
Меня еще теперь покинуть не хотят
Живу, меж тем, как ты уж спишь во тьме могилы
И все растет, растет могил священный ряд...
Что ж! Надо бодро несть ниспосланное горе...
Ведь мне не долго жить среди этой пустоты.
Ровесник твой, и я уйду туда же вскоре
Где ты.^{*}

Д.П.

14 октября 1894 г.

Печатается по: Д.П. Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве. Иркутск, 1896. С. 1-26. Другие издания см.: // Сибирский сборник. Вып. № 2. 1896. С. 189-214.; Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 303-318 (в сокращении).

* Имеется в виду Дон-Кихот.

* Другу А. Жемчужников. (Прим. автора).

¹ Томская мужская гимназия была открыта 10 декабря 1838 года. Срок обучения в гимназии был 7 лет. Долгое время гимназия оставалась единственным средним учебным заведением в городе. Только в 1913 году была открыта вторая мужская гимназия. С 1905 года в Томске существовало частное мужское учебное заведение 1-го разряда, преобразованное затем в гимназию (стала государственной в 1916 году). С 1863 года в городе существовала Мариинская женская гимназия.

² Густав Эмар (1818-1883) французский писатель, настоящее имя Оливер Глу, автор многочисленных приключенческих романов. Героями романов Эмара были индейцы – то благородные и великодушные, то жестокие и хитрые, но всегда мужественные и гордые.

³ Ядринцев Н.М. Воспоминание о Томской гимназии (К 50-летию юбилею томской гимназии посвящает ученик ее). // Сибирский сборник. Иркутск, 1888. С. 1-32. То же. // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 265-289. Эпиграф к данному сочинению Поникаровского взят из этой работы Ядринцева.

⁴ В 1857 году Н.И. Наумов поступил на военную службу юнкером в Омский пехотный батальон, через год он был переведен в Томск. В 1860 году он вышел в отставку и переехал в Санкт-Петербург, где поступил в университет. В 1861 году был арестован за участие в студенческих волнениях и исключен из университета.

⁵ «Отечественные записки», журнал, издаваемый в Санкт-Петербурге с 1818 г. по 1884 г. (с перерывами). В данном случае речь идет о периоде, когда в журнале печатались крупнейшие русские писатели (А. Герцен, В. Белинский и др.).

⁶ Церковь Сошествия Святого Духа была одной из старейших в Томске. Она была построена как деревянная в 1652 году. Затем несколько раз перестраивалась. В конце XVIII – начале XIX вв. была возведена каменная, с колокольной.

⁷ В XIX веке под названием «Современник» выходило четыре журнала. Первый «Современник» издавался в 1836 году А.С. Пушкиным. В данном случае имеется в виду журнал, издаваемый Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым в 1847-1866 гг.

⁸ «Морской сборник» старейший военно-морской журнал. Первый номер журнала вышел в 1848 году, издается до сих пор.

⁹ Статья Николая Ивановича Пирогова (1810-1881), знаменитого русского хирурга, была опубликована в № 9 «Морского сборника» за 1856 год. Статья обратила на себя внимание передовыми идеями об общественном воспитании.

¹⁰ Вероятно имеется в виду сочинение немецкого философа, гностика и мистика Якоба Бема (1575-1624).

¹¹ Вероятно типографская ошибка, Н.М. Ядринцев никогда не был в Самаре, возможно речь идет о Салаире.

¹² Козлов Иван Иванович (1779-1840), русский поэт и переводчик. В данном случае процитировано стихотворение Козлова «К А.И. Тургеневу» (1832 год). В цитате допущена ошибка, первую строку следует читать «Бесценный друг и гость любимый».

¹³ Рассказ Н.И. Наумова «Случай из солдатской жизни» был напечатан в «Военном сборнике» № 7 за 1858 год. Это было первое печатное произведение писателя. Рассказ был напечатан под псевдонимом «Вольноопределяющийся Н. Корзунов».

¹⁴ Возможно, имеется в виду фельетон Н.М. Ядринцева «Тюленьская жизнь», опубликованный в «Искре» № 33 за 1866 год. В фельетоне Тюленем иронически названа Тюмень.

¹⁵ Работа Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» впервые была опубликована в Санкт-Петербурге в 1872 году. Это не только научное, но и художественно-публицистическое произведение, в котором автор приходит к выводу, что община это та социальная ячейка, которая приведет к коренному переустройству социальной жизни в России.

¹⁶ Газета «Сибирь» начала издаваться в Иркутске с января 1873 года. Пожар в редакции газеты, упоминаемый в тексте, произошел ночью 16 марта 1880 года. Типография полностью сгорела, в пожаре было уничтожено два дома. Издание газеты было возобновлено только в январе 1881 года.

¹⁷ Книга Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» впервые была издана в Санкт-Петербурге в 1882 году. В 1886 году книга была издана в Женеве на немецком языке. В 1892 году было осуществлено исправленное и дополненное переиздание книги. В 2003 году в Новосибирске в серии «История Сибири. Первоисточники» книга была переиздана по изданию 1892 года.

¹⁸ Иностранцам Сибири посвящено несколько работ Н.М. Ядринцева этого периода жизни: Об алтайцах и черных татарах // Известия Императорского русского географического общества. Кн. 17. Вып. 4. 1881 год. С. 228-254; Иностранцы Сибири и их вымирание // Русская мысль. Кн. 3. 1883. С. 81-128.

¹⁹ Подробный отчет о поездки в горный Алтай был опубликован Н.М. Ядринцевым в 1882 году в Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

²⁰ Статья Н.М. Ядринцева «Трехсотлетие Сибири» была опубликована в «Вестнике Европы» № 12 за 1881 год.

²¹ Писатель, общественный деятель, областник Серафим Серафимович Шашков умер в Новгороде 29 августа 1882 года.

²² В 1884 году Николай Иванович Наумов поступил на службу крестьянского начальника Мариинского округа. В этой должности он находился до 1887 года.

Письма Н.М. Ядринцева Д.А. Поникаровскому

1

(Омск), 29 марта 1879 г.

Любезный друг и товарищ Дмитрий Алексеевич!

Пишу перед Пасхой... Стало быть, Христос воскрес!

Давно получил твое письмо и прости, ради бога, что все откладывал написать тебе, так как коротенько писать не хотелось, а обстоятельно решительно было некогда. Нужно было двинуть все работы разом – и по Географическому обществу, и по литературе местной, и петербургской. В «Отечественные записки» послал статью о переселенцах в Алтай¹, пишу такую же в «Слово»², готовлю статью в «Вестник Европы» по университетскому вопросу³, закончил статистическое исследование для Отдела, составлено две карты, написал и скоро готовлю программу для исследования сельской общины в Сибири⁴, получил заказ написать брошюру о необходимости земства в Сибири⁵ и, кроме того, до 15 статей и заметок написал и послал в нашу сибирскую газету в Иркутске⁶. Ты можешь по этому судить, сколько накопилось в руках дела; посчитай к этому деловую и необходимую корреспонденцию со всеми кунаками (неразб.) Сибири. Кроме того, много взято из Главного управления – капитальное дело по наделу алтайских крестьян землею, которое предстоит двинуть. Помощника и сотрудника между тем решительно нет. Масса наехавшей сюда университетской молодежи ищет здесь только места и шалопайничает, но нет способных, ни одного писателя, даже корреспондента.

Мне хотелось бы тебя, дружище, втянуть в постоянное сотрудничество при иркутской газете, где я направляю вопросы. Нужно только тебя ориентировать.

Первое. Ты можешь писать постоянные корреспонденции из Кузнецкого округа по всем вопросам местного быта. Второе. Ты человек, следивший вообще за подробностями края и могущий отозваться по отдельным вопросам, например, о судьбе рабочих на золотых приисках (быт ты знаешь по кузнецким приискам), о крестьянской жизни и условиях сибирской общины. Материал у тебя, конечно, найдется. Третье. Ты можешь писать отдельные очерки о рудниках, промышленности Алтая и т.п. Писать не подходит только слишком обширные статьи, очень отдаленные от насущных и близких вопросов, которыми по преимуществу занята газета⁷.

Присланная тобою статья о поездке по Киргизской степи годится скорее для сборника как отрывок из записок туриста, но для газеты она велика, наполнена она впечатлениями и этнографическими заметками, но в ней недостает текущего интереса, близкого к жизни населения страны. Я понимаю, под каким впечатлением она написана, в ней вылились живые впечатления нашей степной природы, все, что породило твое внимание, что поражало на пути тою или другую оригинальностью. Сколько раз мне самому хотелось бы отдаться подобным же впечатлениям и накидать картины нашей природы, но

я знаю, что одни эти картины в современных журналах не встретят гостеприимства, а в газете тем менее. Вот те поэтические мотивы, та игра чувств, которая наполнила «Флорентийские ночи» Гейне, по поводу которых публицист Бёрне с грустью заметил: «Ах, кому бы из нас не хотелось написать подобное произведение...». Но жизнь с ее вопиющими нуждами и страданиями, с ее борьбой и звуками боевой трубы тянет в другую сторону⁸.

Ты остался верен нашей юности, дорогой друг, и не переставал писать, уже это ценно в тебе, у тебя есть навык, и тебе не нужно проб, а для меня не существует вопроса о твоих способностях. Мне было бы крайне грустно долго не встречать в тебе сотоварища по печати. Сколько на моих глазах вышло в корреспонденты, писатели и этнографы каких-нибудь приказчиков, людей, которые никогда не понимали литературы, не обладали и на сотую долю живую писательскую впечатлительностью, какую обладаешь ты.

Помнишь ли ты наши литературные собрания и кружок в гимназии, нашу любовь к чтению, восторги Тургеневым, наши первые упражнения, дневники и т.п.? Николай Иваныч Наумов подражал Брамберсу, а потом ты писал подражания «Запискам охотника» Тургенева, охотясь с тем знаменитым ружьем, из которого раз вылез в самую критическую минуту клоп или таракан. Мною в то время написана была какая-то «кружка», дней наших подружка, которую вдребезги уничтожил своею сатирою наш юный Брамбеус, будущий автор «Сила солону ломит»⁹. Моя мать за мои юношеские литературные произведения называла меня не иначе, как «мой Пушкин». Сколько чепухи было написано, прежде чем в первый раз с душевным трепетом увидел первые свои напечатанные строки. По этому поводу написана была целая повесть – о литературном призвании, в котором было следующее место: «О кто увидит в первый раз напечатанными свои мысли, пусть проклянет час своего рождения! Потребность писать, мыслить, глубоко чувствовать заест его, иссушит, но не даст радости в жизни!»¹⁰

Вспомнилось наше пребывание в Петербурге с Николаем Ивановичем на чердаке на Васильевском острове, когда он печатал «солдатские рассказы», а я дебютировал в «Искре» под именем Дант Семилужной волости ... (неразб.). В 1874 году я встретил Наумова, который громыхался (?) семь лет без места в Петербурге, все надеясь найти определенное место в литературе. Ныне, как мне сообщил Г.Н. Потанин, проехавший в Монголию, что Николай Иванович оставил место столоначальника в штабе и опять в кружке литераторов Г. Успенского, Златовратского¹¹, Скабичевского¹², сделался свободным художником.

Мое чиновничество есть накопление литературного материала. Ты последний, который во имя старых традиций и дружбы должен выступить в литературе и составить с нами одно целое. Это честь нашего выпуска. Поэтому посылай мне для просмотра, что напишешь, а я скажу, куда направлять. Программа об общине тебе будет выслана¹³. Получил ли ты приглашение от Одела Географического общества? Книга трудов Отдела печатается. Когда выйдет, тебе пошлю. Скоро вышло книгу Павлова «3000 верст по Оби и ее

притокам», напечатанную в Тюмени. В Барнауле есть учитель Ломшаков (?), у него есть маленькая библиотека. Напиши ему, скажи, что я рекомендовал тебе его, и он может доставит тебе для чтения кое-какие книги, только, полагаю, научного содержания, а [не] Гейне, Байрона и т.п.

Что касается пропавшего письма, то это вещь обыкновенная, теряешь целые фолианты и ученые грузы у нас на Руси, на то и почтовое ведомство дабы утерять, а не доставлять Madame Поникаровской (не разборчиво). Твою заметку, приложенную при письме, посылаю в Иркутск. Карточка, пропавшая в письме, за мной. Если умру, помещу в завещании, но надеюсь выслать прежде смерти. Потанин поехал в новую экспедицию в Монголию. Был здесь 12 марта, выехал 28, жил у меня с женой и с студентами тобольскими, поедут чрез Кош-Агач и выедут в Кяхту.

Твой верный друг Н. Ядринцев

¹ «Судьба русских поселений на Урале» // Отечественные записки, 1879. Кн. 6.; там же и «Привольные места в Сибири», 1880. Кн. 4.

² «Слово» (Петербург, 1878-1881), ежемесячный научный, литературный и политический журнал, запрещенный за «вредное направление». Статьи Н.М. Ядринцева в «Слове» не появились.

³ Статья Н.М. Ядринцева по университетскому вопросу в «Вестнике Европы» не появилась.

⁴ Отчет о поездке в Западную Сибирь и на Алтай опубликован в «Записках Зап.-Сиб. Отдела ИРГО», 1879. Вып. 1. и 1880. Вып. 2.

⁵ Брошюра о земстве, видимо, так и не была написана.

⁶ Речь идет о газете «Сибирь», в которой Н.М. Ядринцев с 1875 г. часто выступал.

⁷ Выступал ли Д.А. Поникаровский в газете «Сибирь», установить не удалось.

⁸ Бёрне Людвиг (1786-1837) – немецкий писатель-публицист. Ядринцев вслед за Бёрне впрямую истолковывает новеллу Гейне «Флорентийские ночи», между тем внешнее отстранение от злободневных политических проблем вызвано жесткими цензурными гонениями.

⁹ По свидетельству Г.В. Плеханова, сборник очерков и рассказов Н.И. Наумова «Сила соломѣ ломит» (СПб., 1874) пользовался в среде народников огромной популярностью. Брамбеус – псевдоним журналиста и ученого-востоковеда О.И. Сенковского.

¹⁰ Повесть не сохранилась. Но все перечисленные здесь факты перекликаются с воспоминаниями Ядринцева и Поникаровского.

¹¹ Златовратский Николай Николаевич (1845-1911) – писатель-народник.

¹² Скабичевский Александр Михайлович (1838-1911) – критик, историк литературы народного направления.

¹³ «Программа для изучения сельской общины в Сибири». Омск, 1879.

2

[Омск, 12 мая 1880 г.]

Перед самым отъездом пишу тебе, дружище, спешное письмо. Программа об инородцах будет выслана, она уже печатается, дней через 5 будет готова¹. Книга записок Отдела для тебя взята и – у меня на столе². Пошлю в посылке сам. Карточка для тебя снята, пойдет в той же посылке во избежание соблазна почтмейстерам, вероятно из любви к литературе интересующимся моей особой. Не будем претендовать. Раз добрые люди из любви ко

мне чуть не украли меня самого в оригинале, согласишься, что это не самое худшее, но я бежал, чувствуя, что я еще нужен³.

Предписание, командировка у меня уже в кармане, экипаж вытасчен, Барометр, психрометры, буссоль и даже универсальный инструмент для измерения Белухи наготове⁴.

Погода чудная, опять родина встречает меня чудесной весной.

Получил письмо от Николая Ивановича Наумова из Питера. Он теперь в союзе с беллетристами, изучающими народный быт, Глебом Успенским, Златовратским, Гаршининым и другими создают новый журнальчик «Русское богатство»⁵.

Подписка идет, 2 книжки вышли, старые писатели их благословляют в путь. Был вечер где-то, и молодые литераторы-народники, в том числе и Н.И. Наумов, были представлены И.С. Тургеневу, который с ними обошелся тепло и ласково⁶.

Николай Иванович, выставивший и мое имя на журнале, закликает писать статью. Поэтому я пишу сейчас перед отъездом очерк о сибирской Швейцарии, и именно из путешествия около Кольванского озера⁷.

Вот тебе случай, пиши и посылай туда немедленно очерк. Николай Иванович по старой дружбе примет тебя с распростертыми объятиями. Адрес: Петербург, в редакцию журнала «Русское богатство», и письмо Наумову в ту же редакцию.

Очерк составь из своих материалов, живей по возможности: описания рудничного быта или кузнецкого крестьянства. Сделай его литературным⁸.

«Сибирь» не высылается с одиннадцатого номера. Не знаю, уладились ли иркутские беды⁹. Подождем. С тобой увидимся непременно.

Не знаю, сделал ли я тебе приятное. Я написал томскому губернатору Мерцалову, хорошо мне знакомому, о твоей личности, отрекомендовал твои способности и сказал, что он мог бы помочь мне в собрании сведений о кузнецких инородцах. Не знаю, будет ли такое распоряжение¹⁰.

Будь здоров, счастлив, поклон твоей жене. Посылка пойдет с этой или следующей почтой, карточка снята.

В Археологическое общество послано письмо о разрешении рыть курганы.

12 мая 1880 г.

Твой Ядринцев

Омск

¹ «Программа для описания сибирских инородцев», Омск, 1880. 16 с.

² «Записки Зап.-Сиб. Отдела ИРГА». Вып. 2. Омск, 1880. Здесь был опубликован отчет Н.М. Ядринцева о первой поездке на Алтай в мае-августе 1878 г.

³ «Чуть не украли ... в оригинале» - намек на свое почти десятилетнее пребывание в тюрьме и ссылке, завершившееся помилованием и освобождением в 1874 г.

⁴ С мая по октябрь 1880 г. Н.М. Ядринцев совершил вторую экспедицию на Алтай с обширной программой, в том числе и с целью изучения положения инородцев (так называли тогда аборигенов Сибири).

⁵ «Русское богатство» - литературный, научный и политический журнал основан в Москве в 1876 г., в 1879 г. переведен в Петербург, в 1880 г. начал издаваться артелью писателей, в которую входили Н.Н. Златовратский, Г.И. Успенский, С.Н. Кривенко, Н.И. Наумов, А.М. Скабичевский, В.М. Гаршин и др. Артель распалась после 1 марта 1881 г. (убийство Александра II), и журнал перешел в другие руки. Только с приходом в журнал видных писателей-народников – Н.К. Михайловского, В.Г. Короленко – его роль в общественной и литературной жизни страны значительно выросла.

⁶ Встреча литераторов-народников с И.С. Тургеневым произошла в феврале 1880 г. в Петербурге.

⁷ Очерк был завершен и опубликован: «Сибирская Швейцария. Из путевых записок об Алтае» // Русское богатство, 1880. № 8.

⁸ Выступление Д.А. Поникаровского в журнале до марта 1881 г. не состоялось.

⁹ Выпуск иркутской газеты «Сибирь» был запрещен в 1880 г. на несколько месяцев.

¹⁰ Мерцалов Василий Иванович (1836-1916) – томский губернатор в 1880-1883 гг. Непосредственно в этой экспедиции Д.А. Поникаровский участия не принимал.

3

[Петербург, 20 декабря 1881 г.]

Дорогой друг Дмитрий Алексеевич!

Письма твои получил, хотя они и пересылались мне из Большого Села. Последнее от 13 ноября. Прости, что давно не отвечал. Ждал важной новости, чтобы тебя порадовать.

Приехав в Питер, я начал энергичную деятельность по сибирским делам. Дали *сибирский обед* с речами и пожеланиями реформы, было 200 человек. Одновременно и обед в Москве. Сносились телеграммами со всеми городами Сибири. Я готовил на обеде также речь. Прочти описание обеда в «Неделе», также было в «Новом времени».

После был в комиссии экспертов о переселенцах¹.

Наконец, самая главная для тебя новость, я добился, о чем мы с тобой мечтали. Я издаю газету еженедельную «Восточное обозрение». Утвержден уже редактором и издателем. Нашел средства и с марта или апреля начну². Посылай статьи, объявления. Доволен ли мною?

По поводу газеты и переселений виделся с министром внутренних дел Николаем Павловичем графом Игнатьевым³. В Петербурге много свел знакомств, и меня здесь ценят. Наконец, издаю целую книгу о Сибири и ее текущих нуждах⁴. Выйдет в январе, ты ее получишь.

Итак, не сердись, душенька, что долго не писал, дело делал.

Твоего *сибирского медведя* положу в Петербургской редакции и буду хвастаться. Напиши, как убил Мишку?

Кем назначен Худяков в Бийск? Исправником?⁵

Я получил картины, но желал бы материалы и предметы хозяйств черневых татар. Организуй мне музей.

По археологии сдал материалы графу Уварову⁶.

Всем, кому подобает, рекомендую тебя как корреспондента.

Не забывай меня. Обнимаю и целую тебя.

Адрес: Пока пиши в Петербург, Исаакиевская площадь, дом № 7, кв. 9.
Александру Александровичу Кобычеву⁷, для передачи Н.М. Ядринцеву.
Жена жила в деревне, ныне едет сюда.
20 декабря 1881 г.

¹ Н.М. Ядринцев был приглашен в комиссию экспертов о переселенцах, так как неоднократно выступал в печати по этому вопросу.

² Первый номер «Восточного обозрения» вышел 1 апреля 1882 г.

³ Игнатъев Николай Павлович (1832-1908) – дипломат, в 1881-1882 гг. министр внутренних дел, основатель «священной дружины» по борьбе с революционным движением.

⁴ «Сибирь как колония». СПб., 1882.

⁵ Худяков, чиновник, работавший в Бийском уезде.

⁶ Уваров Алексей Сергеевич (1825-1884) – археолог, один из основателей Археологического общества и Государственного Исторического музея в Москве. Его главный труд – «Археология России» (1881). Возможно, речь идет и о материалах, присланных Поникаровским.

⁷ Кобычев А.А. – вероятно, хозяин дома.

4

[Петербург], 28 февраля 1882 г.

Любезный дорогой друг и сотрудник Дмитрий Алексеевич!

Все твои письма и корреспонденции получены: Спасибо и спасибо большое как за статьи, а вдвое за добрые слова и пожелания. Ты являешься в числе первых корреспондентов. Прошу не оставлять и впредь, особенно с 1-го апреля.

Все материалы об общине мне высланы, в том числе и твоя «Община». О ней я пишу лучший отзыв и вслед за тем перешлю в Омск с рекомендацией немедленно напечатать. Здесь же сделаем небольшие извлечения, чтобы обратить на нее внимание¹.

Подписка только что начинается. Из Сибири шлют с каждой почтой. Я занят составлением редакции, хлопот много.

На днях был вызван в комиссию экспертов и сведущих людей. Представил записку о колонизации Алтая...

Твои статьи не могу высвободить у Наумова. А готов бы был поместить у себя².

Удосужусь, напишу еще, а теперь прости, надо еще много ответов дать.

Кроме корреспонденций, жду отдельных картинок быта. Особенно сообщай о жизни крестьянства. Вся обстановка и все подробности будут любопытны для здешних читателей.

Твой редактор Н. Ядринцев

¹ Видимо, речь идет о материалах, вошедших в очередной четвертый выпуск «Записок ЗСО ИРГО», 1882 г., где опубликована работа Поникаровского «Сельские общины Салаирской волости».

² Статьи и очерки, посланные Н.И. Наумову, предназначались для «Русского богатства», но журнал в 1881 г. перешел к другим лицам, и эти материалы в нем не публиковались. Возможно, что речь шла об очерке «Сибирская Калифорния», опубликованном в «Восточном обозрении», 1882, № 36-40.

5

[Петербург, 31 марта 1882 г.]

Дорогой друг Дмитрий Алексеевич!

Христос воскрес! Целую тебя и по-христиански и по-товарищески. Статьи получены. Я их мельком просмотрел. Материал хороший, но длинен рассказ, особенно для газеты¹. Поэтому прости, если придется сократить и сжатостью придать большую картинность.

В первых номерах пойдут авторитеты и редакционные статьи. Пишу накануне первого номера. Не утерпел, пустил статью свою о *черни* и дорогих воспоминаниях².

Книга моя вышла, я поручил конторе выслать тебе. Надпись, разумеется, сама собою: «Дорогому другу, товарищу и пустынночку Черневому»³.

Пишу корреспонденции.

Генерал-губернаторство Западной Сибири уничтожено. Будем ждать затем земства и суда⁴.

Над Алтаем висит ревизия. Увидите летом. Заводы решено передать в частные руки.

Привет тебе, писать больше некогда.

Твой Н. Ядринцев

Привет жене и ребятам.

31 марта 1882 г.

¹ «Статьи получены», «длиннен рассказ», - вероятно, речь идет о материалах, посланных в свое время в журнал «Русское богатство».

² Статья о черни – «Странник на Золотом озере (Из путешествий по Алтаю)» // Восточное обозрение, 1882, № 1; о «дорогих воспоминаниях» - «Воспоминания и грезы Восточного фельетониста». // Там же, 1882, № 2.

³ «Сибирь как колония». Пустынночка Черневой – шутовское прозвище по месту жительства Поникаровского.

⁴ В 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено и учреждено Степное генерал-губернаторство, куда входила Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области, а Тобольская и Томская губернии переводились на одинаковое положение со всеми губерниями России с непосредственным подчинением Петербургу. Ожидаемого земства и реформы суда Ядринцев не дождался: земство при отсутствии дворянства было для царизма институтом слишком демократическим (ограничено, не для всех частей Сибири, земство было введено решением III Государственной думы 1912 г.), а судебная реформа проведена лишь в 1897 г., да и то без учреждения суда присяжных заседателей.

[Петербург, 16 апреля 1883 г.]

Любезный дружище!

Прости, что не удосуживаюсь писать так часто, как хотелось бы.

В пятнадцатом номере ты увидишь рассказ «Нечаянная встреча». Это твой материал, обработанный Н.И. Наумовым¹. Во всяком случае, если ты пришлешь и сырье – и оно преценно.

«Восточное обозрение» приобретает читателей в городах. Теперь у нас 700 подписчиков. Но мало в селах, волостях, деревнях. Надо и их присоединять. Не знает ли Попов² писарей, кому послать объявление?

Твои очерки в «Губернских ведомостях» видел³. Не знаю, ушел ли Корш из «Ведомостей». Но его из Петербурга заставили удалиться, а за ним убрался и сам г. Мерцалов⁴. Sic transit Gloria mundi^{*}, - говорят учителя латинского языка. Я в Питере с этим франтом не виделся, да и что тебе пришло в голову, что мы встретимся?

Описание инородцев составляй и пошли сначала мне на просмотр, а потом в Западно-Сибирский отдел⁵.

Вот, что душенька, ты читал, что учреждаются особые чиновники по крестьянским делам в Западной Сибири? Они будут подчинены министерствам. Жалование у них хорошее. Здесь много уже кандидатов. Но меня спрашивали в министерстве, не знаю ли я кого? Я бы охотно рекомендовал тебя. Но нужно и тебе подать прошение и затем приложить или сослаться на рекомендацию начальства. Попробуй! А я здесь буду хлопотать...

Григорий Николаевич уезжает морем в Шанхай, а потом во внутренний Китай⁶. Через вас не поедет...

Пока «Устой»⁷ закрылись, журналы трещат. Литературное время и настроение скверное и мрачное. Мы стоим еще на страже своих интересов.

В Петербурге затевают поземельное переустройство...

Поздравляю с пасхой и весной. Привет прекрасной Черни.

Твой Н. Ядринцев

Передай привет жене, поцелуй деткам, мои начинают читать. Купил винтовку – 33 рубля с дальними патронами, легкая и прелесть. А объявления о ружьях читал в газете?

16 апреля 1883 г.

¹ В «Восточном обозрении», 1883, № 15 и 21, напечатан очерк Н.И. Наумова «Роковая встреча», указания на то, что использован материал Поникаровского, нет.

² Сведений о Попове найти не удалось.

* Так проходит земная слава (лат.)

³ В «Томских губернских ведомостях» за 1883 год Д.А. Поникаровским опубликованы очерки «Салаирский край» (№1), «По Салаирской тайге» (№ 3 и 4). Подпись «П».

⁴ Корш Евгений Валентинович – присяжный поверенный, сосланный в Томск за подлоги и растрату, в 1883 г. был редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» и вел безуспешную полемику с частными газетами, особенно с «Сибирской газетой». Видимо, приезжал в Петербург вместе со своим покровителем В.И. Мерцаловым.

⁵ В «Записках Западно-Сибирского отдела ИРГО» работа Д.А. Поникаровского об инородцах не появлялась.

⁶ Потанин Г. Н. В 1883-1886 годах состоялась третья экспедиция ученого – на этот раз в Китай морем на фрегате «Минин». См.: «Вокруг света. Экспедиция Г.Н. Потанина» // «Восточное обозрение, 1883 № 36, 39-40, 49, 51-52 и «Путешествие Г.Н. Потанина в Китай» // Восточное обозрение, 1884, № 32, 35-36, 41.

⁷ «Устой» - ежемесячный литературно-политический журнал, выходил в 1881-1882 годы в Петербурге. Издание артельное, организатор С.Н. Кривенко, редактор-издатель С.А. Венгеров.

7

[Петербург, 8 сентября 1884 г.]

Дорогой друг Дмитрий Алексеевич!

Пишу тебе, перебравшись в новую квартиру. Татьяна Христофоровна¹ может тебе передать, сколько хлопот для этого в Питере. Семья была в деревне, и я без нее устраивал квартиру.

Цена тоже 75 рублей с дровами, но квартира – великолепия. 7 комнат с ванной, мраморные каминные и подоконники, паркет и лепные потолки. Зеркала в нишах и проч. В кабинете я поставил прекрасную статую Венеры из фасового гипса. Купил зелени и т.д. Так что квартира хоть куда. Но чувствуется все равно страх: долго ли проживется?

Ты жалуешься, что газеты скудные. Но зависит, друг, от сибирского материала. Корреспонденции шлют только обличительные, и они накликают беду на голову. Сыплются со всех сторон жалобы. Теперь вся забота – спасти голову из-за предостережения².

Корреспонденты же, напротив газете, в стороне, а в последнее время заленились, и корреспонденций у меня нет. Просьба и к тебе, пиши хоть разные происшествия и случаи. Пиши как хочешь, но пиши.

Получил ли, наконец, альбом, посланный в Салаир?

От Наумовых не имею ничего...

«Сибирская газета»³ выдала администрации своего сотрудника Завиткова⁴. Это печально. Я никогда не выдавал сотрудников. У меня есть дело в суде, и я подсудимый, а не сотрудник. Мои корреспонденты обеспечены.

Будь здоров!

Твой Н. Ядринцев

Корреспонденции! Умираем без них.

Кривенко⁵, Шелгунов⁶, Станюкович⁷ сидят. Был Тихомиров⁸, Кольцов⁹ теперь эмигрант. За это редакторов и забрали.

8 сентября 1884 г.

¹ Татьяна Христофоровна – жена Н.И. Наумова, переехавшего из Петербурга в Мариинский округ на службу.

² В июне 1884 г. «Восточное обозрение» получило от министерства внутренних дел второе предупреждение за стремление «ослабить в населении авторитет властей», первое было получено в октябре 1882 г.

³ «Сибирская газета» (Томск, 1881-1888), ее издатель П.И. Макушин, в состав редакционного коллектива входили политические ссыльные. Закрыта по настоянию попечителя учебного округа В.М. Флоринского. День открытия Томского университета был днем закрытия газеты..

⁴ Завитков Александр Карпович (1850-1910) – писатель, живший тогда в Томске. Других сведений о нем разыскать не удалось. Печатался в «Сибирской газете» (что именно, не установлено), в «Восточном обозрении»: А. Завитков «Тайга. Очерк из жизни приисковых рабочих» (1882, № 32), 3-ков. «Из приисковой жизни» (1883, № 24,25), Азб. «Очерки частной золотой промышленности Сибири» (1884, № 33), А. 3-ков. «Отправились домой. Рассказ из приисковой жизни» (1884, № 42), Завитков. «В тайге» - в «Литературном сборнике. 1885.

⁵ Кривенко Сергей Николаевич (1847-1906) – публицист-народник, в январе 1884 г. арестован в связи с разгромом «Народной воли» и сослан в Сибирь.

⁶ Шелгунов Н.В. – в 1880-1883 годах был редактором журнала «Дело», в 1883 г. арестован и выслан в Выборг, весной 1884 г. снова арестован по подозрению в связях с народолюбцами и выслан в село Воробьево Смоленской губернии.

⁷ Станюкович Константин Михайлович (1844-1903) – писатель, с 1883 г. редактор журнала «Дело», в апреле 1884 г. арестован и выслан в Томск за «сношения ... с лицами, скрывающимися за границей».

⁸ Тихомиров Лев Александрович (1852-1923) – видный участник народнического движения, в 1883 г. бежал за границу, с 1887 г. ренегат, его книга «Политическая и общественная Россия» (Париж, 1887) названа Г.И. Успенским «настойной книгой ренегатства», вскоре после этого вернулся в Россию и стал редактором «Московских ведомостей», являвшихся органом политической реакции.

⁹ Кольцов – о ком идет речь, установить не удалось.

8

[Петербург], 5 ноября 1884 г.

Дорогой друг Дмитрий Алексеевич!

Спасибо за письмо. «Розыск»¹ получил, он еще не просмотрен. Некогда. Будь покоен, однако, что при первой свободной минуте прочту его. Занят подбором материала для сборника. К сожалению, меня заставили заранее представить программу статей. И я стеснен теперь в выборе. Осенью я усиленно занялся этнографией и закончил почти 10 глав «Очерков по истории культуры угро-алтайских племен»². Масса перечитанных статей, сочинений, археологических работ утомили меня жестоко. И в это время был пробел фельетонов.

Ты жалуешься, что суха газета. Но нельзя же наполнить газету одним вздорным и легким материалом. Ведь это значит отучить публику от всего серьезного. Наконец, ввиду грозы над газетой приходилось удерживаться...³

Относительно корреспонденций приходилось быть также очень осторожным. Но и в это время затишья кое-что сделано.

В Степном генерал-губернаторстве была ревизия. Как ты не знаешь! Все время наша батарея была направлена в эту сторону. Фельетоны и обличения приводили в бешенство Омск. На батарею жаловаться было не в пору. На носу висела ревизия, открывались темные дела.

Теперь конец и победа! Ревизор прибыл в Петербург и тотчас же послал мне заявление сочувствия моей прямой и честной деятельности. Обличения помогли ревизии и дали возможность открыть многое.

Из Томска скверные вести. Я терпел и молчал о некоторых вещах, не имея прочных доказательств о разных делах. Теперь мне кое-что известно...

Даже говорят, что в «Сибирской газете» запрещены фельетоны. Это забавно. Остается изобразить старца Колпакова. Только что он запретил в озлоблении фельетоны, как вдруг экзекутор ловит столоначальника, который вместо казенной бумаги написал фельетон, карикатуру на Колпакова (Красовский). Это будет воспроизведено.

Итак, предстоит заняться Томском.

Но боже мой! Дальше лежат у меня вопли из Красноярска. Затем то же из Иркутска, из Владивостока. Придется открывать бой по целой линии. А времена критические. Нечего делать! Бросил каменных баб и обращаюсь к каменным людям. Вчера направил телеграмму в Томск. Спрашиваю о фуксмановском деле и предупреждаю, что дело предано гласности. Ты видишь, что я благородно выступаю: «Иду на вы»⁴.

После археологии появился у меня аппетит к беллетристике, к художественному. А может, меня вдохновляет Венера, стоящая во весь рост перед моим столом и обставленная тропическими растениями. Третьего дня накидал ночью сцены из жизни переселенцев и картины Алтая⁵. К повести Завиткова, нашего будущего Помяловского, вставил несколько сцен⁶.

На днях, 26 октября, был сибирский ежегодный обед. Было человек 50. Как всегда, выпало мне на долю провозгласить тост, и я провозгласил «...за ту, которую забывать нельзя, которая забывается, но остается незабвенной для нас». После того приходилось вставать и еще несколько раз говорить и отвечать ораторам.

Еще новость. Отыщите 44-й номер «Живописного обозрения». Там в романе «На поисках за богатством», написанном Шелером и Симоновой, выведен на сцену сибирский кружок: Наумов, Потанин и я с семьями⁷. Увидите, как нас расписали, очень уж даже лестно. Такие вещи пишутся только про покойников, да и то признанных уже миром, а нам эти лавры преждевременны.

Твой Н. Ядринцев

¹ «Розыск» - возможно, это продолжение «отрывка из сибирской жизни» «Кто во что горазд» // (Восточное обозрение, 1884, № 30, псевдоним Д. Нелюбинский), в котором рассказано о розыске без вести пропавшего богатого купца.

² Н.М. Ядринцев работал над первой книгой приложений к газете «Восточное обозрение» - «Литературный сборник». В нем опубликованы две главы из этого исследования - «Начало оседлости. Исследование по истории культуры угро-алтайских племен», а в примечании к ней перечислены все остальные главы.

³ По тогдашнему положению газета, получавшая три предупреждения правительства, становилась подцензурной.

⁴ Некоторые фельетоны, направленные против томских деятелей, написаны Н.М. Ядринцевым: «Веселые рассказы сибирского старожилы», «Из сибирского дневника», «Сибирские анонсы» и др. (Восточное обозре-

ние, 1885, № 9, 11, 14 и др.). И.И. Красовский (ум. в 1885) – губернатор Томской губернии, инициатор газеты «Сибирский вестник», выведен под именем Колпакова. «Бросил каменных баб и обращаюсь к каменным Людям», – видимо Ядринцев закончил статью «Древние памятники и письма Сибири», опубликованную в «Литературном сборнике».

⁵ Возможно, речь идет об очерке «В пустыне. Из воспоминаний о Телецком озере» // Восточное обозрение, 1885, № 15.

⁶ Установить, какие сцены написаны Ядринцевым и вставлены в повесть А. Завиткова «В тайге», открывающей «Литературный сборник», невозможно.

⁷ «Живописное обозрение» – еженедельный иллюстрированный журнал, издавался в Петербурге с 1872 г. Роман «На поисках за богатством» подписан К.И. Соборным. Теперь известно, что это совместный псевдоним А.К. Шелер-Михайлова (1838-1900) и Л.Х. Симоновой (1838-1900). Роман опубликован в 1884 г. в № 34-52; глава VI, посвящена «ядринцевским четвергам», помещена в № 44. В ней прозрачно изменены имена и фамилии: Иван Николаевич Умов – это Николай Иванович Наумов, Михаил Николаевич Зерницын – Николай Михайлович Ядринцев, Топанин – Потанин, Мулевский – Омудевский и т.д. Герой романа, молодой человек, сын купца, воодушевляется идеями «сибирского кружка» и вместе с любимой уезжает в Сибирь.

9

[Петербург], 2 июня 1885 г.

Не забыл я и не разлюбил, дорогой Дмитрий Алексеевич, а выпускал сборник¹, снарядил семью в деревню и в конце сам расхворался... Думал, отдохну, поеду на месяц за границу. Но оказалось, что засел в Петербурге². Выход пакостного «Сибирского вестника», враждебного сибирской печати, увеличил волнения, как и работы³. «Сибирская газета» и несчастный Адрианов, не сумевший завладеть почвой в Томске, допустив сначала Корша в редакцию, понемногу подготовили это дело...⁴

Адрианов представляет полную бездарность и неспособность быть редактором и держать направление. Он трус и находится под влиянием других.

Ты увидишь из номеров нашей газеты, что мне пришлось первому вооружиться⁵. Вам посланы будут номера «Новостей», где я также подготовил нападение⁶. Корш старается сделать газету приличной. Это шулер, надувающий фронт и являющийся в собрание, чтобы легче обыграть легковерных.

Телеграмма принесла весть о смерти Красовского. В Томске, значит, переполох и предвидятся перемены. Во время междуцарствия я направлю немало выстрелов.

Пишите смелее теперь об исправниках и заседателях. Кого назначат губернатором, узнаем. Я буду бдеть и справляться.

Только бы силы мои поправились. Плохо, что и ты хвораешь. Надо еще подтянуться, умирать рано...

Понравился ли вам сборник? Передай Николаю Ивановичу, что с будущего года я намерен издать 6 книжек-приложений в год и жду от него беллетристических очерков⁷. Пусть приготавливает. Конечно, помещу за гонорар.хлопотать за него буду так же, как всегда.

Остаюсь твоим другом и никогда не переставал тебя любить.

Твой Н. Ядринцев.

¹ Предисловие «От редакции» в «Литературном сборнике» помечено: «15 июня 1885 года, С.-Петербург».

² Поездка в Швейцарию на лечение состоялась в августе-сентябре 1885 г.

³ «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (Томск, 1885-1905) был создан с целью борьбы с прогрессивной печатью в Сибири. Издатель – купец В.П. Картамышев, редакторы – Е.В. Корш и П.М. Полянский, сосланные за уголовные преступления.

⁴ С 1885 г. «Сибирская газета» редактировалась А.В. Адриановым.

⁵ В «Восточном обозрении» сразу же после появления первых номеров «Сибирского вестника» появилась статья без подписи «Новоявленные просветители Сибири (1885, № 24). Теперь очевидно, что она принадлежит Н.М. Ядринцеву.

⁶ «Новости» - ежедневная общественно-политическая газета, выходившая в Петербурге с 1871 г. С 1881 г. и по 1906 г. называлась «Новости и биржевая газета». Сведений о том, что в ней выступал Ядринцев, нет.

⁷ Планы Н.М. Ядринцева не осуществились: в 1886 г. вышло четыре «Сибирских сборника», в 1887 – один, в 1888 – четыре. Николай Иванович Наумов под псевдонимом «Знакомец» опубликовал «Эскизы без теней» (1886, кн. 3)

Опубликовано: *«Литературное наследство Сибири». Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 245-258. Комментарии печатаются по этому же изданию с некоторыми изменениями и дополнениями.*

Письмо Д.А. Поникаровского – Н.И. и Т.Х. Наумовым¹

Добрейшие и дорогие Николай Иванович и Татьяна Христофоровна

Я сдал должность вновь назначенному чиновнику г. Вейс, но распоряжений от г. губернатора о своей судьбе еще никаких не получил, а также не получил еще никакого известия об деньгах, следующих мне за службу в Бийске и Барнауле, почему прошу ежели не представит труда справиться об них в губернском управлении; получение денег в скором времени тем важно, что от этого зависит судьба Ольги и Кати; если деньги получу то Ольгу можно отправить в Томск по 8-й класс, а если нет, то не на что будет посылать, и она останется в Барнауле. Катерину тоже думаю послать в Томскую гимназию полную пансионеркою; не узнаете во сколько стоит полная пансионерка, когда подавать прошение и куда и сколько нужно выслать в гимназию денег. Если найдете возможность сейчас же ответить, то отправьте в с. Вознесенское Каинского округа на мое имя, в противном случае к Кате отправьте в Барнаул у Белоголовых² до моего приезда, а когда вернусь, не знаю. Вообще мое положение не завидное; в таком положении я еще в жизни не был. Если вскоре ничего не получу от г. губернатора, то уезду в Барнаул, подам в отставку, а далее что Бог даст. Надоели уже эти шатания без угла и порядка. Напомни писал ли я Вам о встрече и проводах Колумзина³ напишу в следующем письме. Много было потешного; я с ним обедал и из Томска он мне отправил письмо, просил собрать сведения, которые я ему и собираю. Пожалуйста не оставьте скорыми уведомлениями.

Преданный Вам Д. Поникаровский
с. Вознесенка
Вознесенской волости
Каинского округа

*Отдел рукописей и книжных памятников
Научной библиотеки Томского государственного университета
Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-2.*

¹ Письмо не датировано, судя по упоминанию фамилии чиновника Вейса, оно было написано между августом и октябрём 1896 г., когда Поникаровский был прикомандирован к 4-му участку Каинского округа, где Вейс служил чиновником по крестьянским делам.

² Поникаровский снимал комнату в Барнауле у Белоголовых.

³ Фамилия написана не разборчиво.

ПРИЛОЖЕНИЯ. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ГАЗЕТ

Кузнецк и Кузнецкий округ

Кузнецк (Томской губернии). Увольнения, перемещения и причисления чиновников* бывшие по Томской губернии в 1881 г., коснулись и до нашего округа – вся высшая администрация в нашем округе новая. Впрочем, переменились люди, но не переменились нравы – вот один случай, который довольно ясно характеризует наши нравы. Хозяин дома, в котором помещается Кузнецкий клуб, состоит членом этого клуба, но однажды, будучи выведен из клуба за дебош, взял да и выбил окна в клубе, оправдываясь тем, что дом его, и он может им распоряжаться, как хочет.

Вследствие нескольких случаев заболевания в Кузнецком округе дифтеритом и тифом, 7 декабря минувшего года было заседание Кузнецкого уездного комитета общественного здоровья под председательством окружного исправника, и состоялся протокол комитета. Комитет этот, обсуждая всесторонне все данные, способствующие развитию какой-либо заразной болезни, не мог не согласиться с тем мнением, что дурные гигиенические и санитарные условия особенно скученного и бедного населения служат самой лучшей почвой для развития появившегося или принесенного извне яда. В виду этого и в предупреждение страшных бедствий, могучих постигнуть город и округ единственно только вследствие неопрятности его, комитет постановил исполнить десять пунктов, из которых дай Бог выполнить хоть половину.

Насколько помогут эти правила для борьбы с болезнями трудно судить там, где один медик на округ, а теперь население занято покуда вопросом об устройстве земской гоньбы по кузнецко-томскому земскому тракту. В прежнее время гоньба по этому тракту устраивалась так: к каждому селению, стоящему на этом тракте и составляющему ям для отбывания земской гоньбы, приписывалось несколько селений, жители которых обязаны были выставить лошадей. Одни из них выставляли своих лошадей, а другие нанимали за себя; в некоторых же селениях иногда нанимаемы были годовые ямщики. Так шло дело до конца 1881 года и жалоб ни от кого не было; но в конце этого года вздумали в каждом селении по кузнецко-земскому тракту, в котором есть ям, непременно завести ямщиков. Участка два или три согласились завести их, но остальные отказались, так как ямщики требуют с каждого участка не менее тысячи рублей в год и еще известную часть хлеба по числу приписанных душ к участку. А известно, как мужик дорожит копейкой, нажитой

* Из Томский губернских ведомостей за 1881 г. видно, что всех уволенных, причисленных и перемещенных чиновников было 130 человек, из них только одних уволенных 70 человек. (Прим. автора).

потом и кровью, да притом еще наш кузнецкий крестьянин не очень зажиточен на деньги; это видно из того, что по приглашении на пожертвование во время восточной войны, мужички с удовольствием жертвовали, но кто холстом, кто хлебом, а деньгами мало. Теперь же, когда заведутся ямщики, и по числу станций от Кузнецка до границы Томского округа*, которых считается до пятнадцати, будет заплачено по тысяче рублей, итого пятнадцать тысяч рублей, то эти деньги пойдут в карманы кулаков, так как крестьянин-хлебопашец ни за что не возьмет гоньбу, а ее возьмет или кулак или мещанин, который тот же кулак и значит, пятнадцать тысяч в год население должно затратить совершенно непроизводительно. Пользы от этой растраты не будет никому и никакой, разве только то, что кто-нибудь прокатится метеором взад и вперед по этому тракту. Население же участвует только в несении тяжестей гоньбы, но не имеет права даже послать письмо или прошение через волостное правление или сотника в Кузнецк, и каждый житель округа, желающий подать прошение, должен ехать в Кузнецк, так как в июле 1880 г. последовало распоряжение, которое изъяснило, что Кузнецкое окружное полицейское управление при приеме сельских почт от волостных правлений заметило, что постоянно с почтой сотник привозит частную корреспонденцию и посылки и разносит таковую по городу почти целый день, почему предписывается ныне же устранить прием частной корреспонденции. Так бесцеремонно поступают в нашем крае с населением!

Восточное обозрение. 1882. № 5. 29 апреля

Кузнецк (Томской губернии). И в наш отдаленный край газеты принесли известия о преобразованиях частью совершившихся, а частью готовящихся для Сибири; а именно: уничтожение генерал-губернаторства Западной Сибири, переход трех сибирских губерний на общее положение, но главное желание и ожидание сибиряков, чтобы был введен гласный суд и земство, которые бы пролили свет на нашу жизнь и внесли бы правду и закон в нашу бескрайнюю окраину. Теперь же все делается полицией, через полицию и для полиции, а известно, что при той громаде обязанностей, какие лежат на полиции, ей всего нельзя сделать, а остается только исполнять то, на что особенно налегает начальство и исполнять только для виду, чтобы сошло с рук. Возьмем хотя наш Кузнецкий округ Томской губернии, в котором земскому заседателю приходится заведовать участком в три волости, заключающим в себе до двухсот деревень в каждом; при том есть участки, как 2-й, который по одной трактовой дороге тянется до двухсот верст. Какая же может быть поспешность во всем со стороны полиции при отсутствии телеграфов и почт! Одни следственные дела, которых поступает к заседателю от двадцати, до

* Мы здесь говорим только про томско-кузнецкий земской тракт, который идет от ст. Коккул до Кузнецка, а то есть еще торговый кузнецкий тракт, где тоже хотят завести ямщиков – тогда население должно приплачивать еще более. (Прим. автора)

тридцати в месяц, сколько отнимут времени? Все это я пишу не для защиты полиции или заседателей, но чтобы выяснить положение дел и показать настоятельную необходимость в преобразовании. Особенно бы нужно было обратить внимание на преобразование управления инородцами, которые теперь находятся в прямой зависимости от полиции, и не только их экономическое положение не изучено, но вообще весь их быт нам мало известен, путешественники касались его поверхностно и то только проездом. В прежнее время хотя и могли бы изучать быт инородцев, да и не только быт инородцев, но и другие стороны здешнего края господа горные инженеры, как люди образованные и со средствами, при том же стоящие близко к народу и здешней природе, но они кроме разорения края ничего нам в наследство не оставили, а посылать изучать быт инородцев полицейских чиновников более чем странно, особенно наших сибирских, уровень образования которых в большинстве не идет далее уездного училища или домашнего. Не изучивши же быта инородцев, нам кажется нельзя приступать к преобразованию их управления, в противном случае могут быть изданы такие законоположения, которые пойдут прямо в разрез их жизни, нравам и обычаям, и вместо блага могут принести существенный вред. Грустно приходится читать то, что иностранцы, проездом бывшие у нас, указывают нам же на наши богатства, и что мы ими не пользуемся. Но кто же виноват, когда на многом у нас лежит запрет, а многое, что разрешено, попадает в руки избранных счастливец-монополистов. Наш округ, как и весь Алтай, ожидает давно доступа частной промышленности.

Исправление наших дорог ныне началось с 10 мая, так что многие из крестьян не успели отпахаться и должны были бросить пашню, чтобы ехать поправлять дороги; цены на хлеб стоят по здешним местностям сравнительно с предшествующими годами высокие, мука пшеничная пуд 70 к., ржаная – 40 к., овес – 30 к., возвышение цены на хлеб многие приписывают тому обстоятельству, что был недостаток воды на мельницах, что конечно имеет свою долю правды, а многие – большой закупке на прииски Мариинского и Кузнецкого округов.

Восточное обозрение. 1882. № 13. 24 июня

Кузнецк (Томской губернии). Дорогомания нас одолела совсем: не только что крестьяне нынешнюю весну были оторваны от полевых работ для исправления дороги, которую назначили исправлять 10-го мая, но даже вышел приказ, чтобы дорогу усыпать галькой и посыпать песком, что крестьяне и исполняют буквально, хотя в некоторых местах приходится возить песок и гальку на дорогу за несколько верст. Бесспорно, если бы эта дорога была плоха, то необходимо было бы ее исправлять, но кто ездит по кузнецкотомскому тракту летом, тот знает как хорош этот тракт и как плотно дороги ровно и твердо и на это-то ровное и твердое полотно насыпают гальку, отчего делается совершенно невозможно ездить, вследствие чего ездят не по се-

редине дороги, а возле дороги. При том, если бы был большой проезд по этому тракту, или бы шли большие обозы летом, а то только проезжает несколько начальствующих лиц, а обозы идут зимой. И выходит, что исправляют дорогу не по сознанию, что нужно ее исправлять, а только для виду и для начальства, пройдет начальство, и дорогу забросят до следующей весны. Назад тому лет шесть этот тракт вздумали обсаживать березками, как крестьяне говорили, начальство приказало садить сады, но от этих садов ничего по сие время не осталось, так как прежде чем заставить крестьян садить сады, их нужно было бы выучить садоводству. Как тяжела дорожная натуральная повинность для крестьянства – всякому известно, но если эта тяжесть будет еще увеличена независимыми обстоятельствами, то она становится невыносимой, хотя наш крестьянин сроднился со всякими трудностями.

Так крестьяне некоторых деревень Мунгатской волости здешнего округа исправляют дорогу в Томском округе и так как им ехать туда далеко, то позволено было выполнять эту повинность наймом, и был указан подрядчик; но указанный подрядчик запросил дорого, и крестьяне наняли своего, тот по условию с крестьянами исправил дорогу, но ее не приняли, сказали, что дорога плохо исправлена, и прошло же года осенью мунгатских крестьян выгнали опять на дорогу в Томский округ, а ныне уже требуют их туда на месяц для исправления той же дороги. Но что говорить про крестьян, когда лица и других сословий ничем не гарантированы в нашей Сибири. Расскажу для примера случай, бывший недавно с одним из обывателей здешнего округа. Однажды едет этот обыватель через одно здешнее село и останавливается, а на это время в этом селении случился местный администратор, посылает он стражника узнать, что за личность проезжает; стражник едет и спрашивает проезжего, который что-то сострил над стражником, и недовольный стражник едет и жалуется администратору, что проезжий не только не объявляет свою фамилию, но даже говорит ему, стражнику, дерзости. «А! а! Та-а-а-к? – рассвирепел администратор: со-ци-а-лист! Взять его». И проезжего берут и сажают в каталагу, но проезжий оказывается не социалист, а кузнецкий обыватель Т-ов. Поволновался несколько обыватель, да делать нечего, пожалуй еще в самом деле могли счесть за социалиста, а ведь это несчастное слово достигло и наших городов и на всякого нагоняет страх. Что же мог сделать обыватель? Жаловаться! Да сколько хочешь жалуйся, твою жалобу протянут десятки лет и еще и могут обвинить. Почему мы и желаем, чтобы дали более свободы местной печати, чтобы безобразия в нашем отдаленном крае были известны как высшей администрации, так и обществу, и это было бы гарантией свободы личности. А вот нашим золотопромышленникам – так полная свобода: так нынче жена одного золотопромышленника, любительница скорой езды по городу, задавила одну девушку в Кузнецке, и дело все-таки кончилось ничем. Наш острог также требует большого за ним надзора, так как недавно чуть-чуть не сбежал из него арестант через пол; потом гнилые полы и сами упали в длину на несколько сажень; хорошо, что это случилось но-

чью, когда арестанты были заперты в камеры, а не днем, в противном случае многих бы из арестантов не досчиталось тюремное начальство.

Восточное обозрение. 1882. № 23. 2 сентября

Кузнецк (Томской губернии). В прежнее время, лет двадцать-тридцать тому назад, в небытность по селам и деревням лавок и ярмарок в Кузнецком округе и за дальностью поездок за покупками в город Томск и Кузнецк, а также в рудник Салаирский, где были лавки, возникала необходимость по Кузнецкому округу развозного товара. И вот приказчик, или как его называют молодец, обыкновенно из российских с мелочным мануфактурным, или другим товаром, всего рублей на двести или триста, отправлен хозяином-купцом для торговли по уезду из Томска, Кузнецка или Салаира. Этот молодец едет по деревням Кузнецкого округа с товаром обыкновенно перед сенокосом или перед жатвой, и раздаст в долг крестьянам товары, а осенью или зимой вновь отправляется тоже с товаром, и собирает за прежний розданный товар: холст, масло, мед, воск, и т.д. и вновь раздает в долг товары. Такого рода торговля по здешнему округу в прежнее время была очень выгодна так, что чрез несколько лет такой молодец делался и сам хозяином; почти все здешние купцы вышли из этих молодцов. Природные здешние сибиряки смеются над ними, называют их офенями, лапотниками, говоря, что они в России щи лаптями хлебали. Так про одного теперь уже умершего капиталиста рассказывают довольно характерный анекдот. Лет тридцать или сорок тому назад он выехал в Кузнецкий округ из России, хотя и был женат, но жену оставил на прежнем месте жительства; поступил он в приказчики к одному хозяину-купцу, шлялся от него с разным торгом по деревням, составил маленький капитал, отошел от хозяина, купил свой дом, занялся своим делом и в это время выписал из России жену. Когда она приехала, то к нему собрались его знакомые, и он по-сибирски вздумал их угостить чаем. Сам заварил чай и сказал жене, чтобы она, когда чай будет готов, поподчивала им гостей, а между тем занялся гостями. Жена его, прежде никогда не пившая чай и не угощавшая им никого, чайную эссенцию заваренного им чая слила в лохань, а выварки выложила на поднос и стала ими угощать гостей; увидавший такой афронт муж спросил ее, что она делает, супруга же простодушно ответила, что угощает чаем, а чаиху она вылила в лохань. Такие-то люди приезжали цивилизовать Сибирь и однако, благодаря нашей апатии, сами наживались; благодаря этой апатии можно судить о выгодности развозного торгова в прежнее время по тому, как нам рассказывал один старый купец, что прежде бумажный платок, стоивший полтора рубля на ассигнации, продавался в здешних местах за красненькую и синенькую, т.е. за десять и пять рублей ассигнациями; конечно, не обходилось и без обмана, подлога, клятвы, божбы и тому подобных атрибутов русского торговца. Иногда в недавнее прошлое в здешнем округе бывали с молодцами такие случаи, а именно: один молодец узнал, что в одной глухой деревне здешнего округа есть старуха крестьянка, у которой хранятся в кубышке золотые; приезжал он к этой старухе несколь-

ко раз с товаром, но та товар не покупает и золотые не показывает. В это время как раз вышла медная монета нового чекана, и вот наш молодец набрал копеек нового чекана целый мешок и поехал с товаром в ту деревню, где живет старуха с золотыми; остановился у нее на квартире, после ужина высыпал на стол новые копейки и стал их считать: старуха-крестьянка любопытствовала узнать, что это за монеты; молодец ответил, что это новые золотые, которые он выменял в Кузнецком казначействе на старые, а что старые уже отменены. Взяла старуха забота за свои золотые: ехать в город для перемены их нужно было за двести верст, и вот она стала просить молодца, не переменит ли он старые золотые на новые, так как он всегда может их переменять в казначействе, а ей ехать в город далеко и опасно – могут дорогой убить. Молодец немного поломался, но, наконец, согласился, и старуха вынесла ему из подполья пятьдесят золотых, а он ей отсчитал пятьдесят копеек нового образца; наутро молодец уехал. Прошло несколько времени, старуха слышит, что золотые покупают по семи рублей, и она поехала в волость узнать у одного знакомого торгующего, которые ее удостоверил, что действительно золотые покупают по семи рублей и сторговал у старухи за эту цену все пятьдесят золотых, за которыми она и съездила в свою деревню; но когда привезла, то вместо золотых оказались медные копейки нового чекана. Началось по этому поводу следственное дело, да по бездоказательности оставлено без последствий, а старуха с горя вскоре умерла. Другой случай, также недавно бывший в Кузнецке с одним молодцом, следующего рода. Он промышлял на фальшивые ассигнации, которые распространял между крестьянами, а потом надумал попрактиковаться на своем брате молодце; и вот в Кузнецке в одной лавке надумал сдать за товар между настоящими бумажками и фальшивую, но принимавший рассмотрел и не стал ее брать, начался спор, в это время мимо шел полицейский надзиратель, которого и позвал в лавку принимавший деньги молодец; сдавший фальшивую, видя, что дело принимает дурной оборот, схватил фальшивую бумажку в рот и стал жевать, надзиратель же схватил его за горло, чтобы не дать проглотить бумажку; но молодец остался молодцом – успел изжевать и проглотить бумажку; по этому поводу также началось дело, но не известно чем кончилось. Конечно, разного рода проделки молодцов с крестьянами не остаются безнаказанными со стороны последних, почему молодцов еще зовут в нашем округе обуховой родней, так как в прежнее время им часто приходилось знакомиться во время своих поездок по округу с этого рода орудием. Так по тому тракту, который едет из Кузнецка в Томск, около черни их били и бросали в так называемую буйстковскую шахту, находящуюся недалеко от тракта, а тех, которые ездили с торгов около реки Томи, били и бросали в Томь, как здесь говорят – отправляли в Нарым рыбу ловить. Был с одним молодцом в этих местах еще такого рода случай: торговал этот молодец однажды в одной деревне по берегу реки Томи и вечером поехал в другую деревню; дорогой на него напали, ударили обухом по голове, от чего он обеспамятел, и грабители отворили найденными у него ключами большой деревянный ящик, в котором он возил товар, выгрузили

сей последний, вместо товара положили молодца, думая, что он убит, и бросили в реку Томь: но по счастью в этих местах река была неглубока, а ящик не настолько тяжел, чтобы мог утонуть, его понесло по реке и остановило на мели как раз возле той деревне, из которой молодец выехал; в это время на реку вышел поить лошадь крестьянин и видит, что водой принесло какой-то ящик; он разбил камнем крышку у ящика и нашел там уже пришедшего в чувство молодца, который вылез из ящика, или как здесь называют фурмона и пошел с крестьянином на квартиру, где остановился ранее; по дороге к ним присоединились еще несколько крестьян, которым он рассказал о случившемся с ним происшествии, а когда подошли к бывшей его квартире, то увидели привязанных лошадей и между ними двух, на которых торговал молодец. Когда вошли в избу, то застали хозяина и еще с ним двух неизвестных людей за дележом ограбленного у молодца товара, грабители были схвачены и понесли должную кару. Вся эта история не легенда, а бывший факт – так-то молодцы, подвергаясь опасности, наживают капиталы и обращаются в местных Деруновых. Одни из них доживают до глубокой старости и имеют удовольствие видеть, как их сынки проматывают нажитые ими всякими неправдами капиталы, а другие не доживают до этого и без них уже детки проматывают капиталы по разным увеселительным заведениям Томска и Ирбита. На все наложили свою лапу местные Деруновы из молодцов – на крестьянство, на суд и на администрацию; так достаточно сказать одно слово кому следует, и члены суда и администрации летят со своих мест.

Восточное обозрение. 1882. № 27. 30 сентября

Кузнецк (Томской губернии). Как, мы жители дальней окраины, ждем с нетерпением преобразований по судебной, административной, земской и другим частям, и вообразить нельзя! И как настоятельно необходимы эти реформы, может знать только тот, кто живет в сибирской глуши, где произвол царствует во всех его видах и родах и где редко можно найти суд правый, милостивый и равный для всех. Вот один из случаев нашей обыденной жизни в подтверждение сказанного: есть у нас один купец, который в молодых годах выехал из России и служил приказчиком у такого же купца в одном руднике, и служил он приказчиком до того времени, пока не почувствовал свою силу, т.е. сколотил капитал и повел свою торговлю; почувствовав силу денежную, он вместе с тем возмечтал, что он сила нравственная и начал безобразничать и делать такое, что можно делать только в наших глухих бесправных местах. Так он в начале прошлых семидесятих годов, когда еще торговал в руднике, учинил такой скандал в присутствии волостного правления с местным приставом полиции и его плащом, что описание этого скандала будет неудобно в печати; по этому поводу началось следствие, для чего прислали другого следователя, он и тому наделал дерзости; прислали третьего, и дело тянулось и тянулось несколько лет; все думали, что наш безобразник получит должную кару; не тут-то было – дело дошло до губернии, где

его кончили невменяемостью. Приумножив капитал, наш купец переехал к нам в Кузнецк, но не оставил безобразий. Так нынешней весной он в пьяном виде ворвался в дом одного семейного чиновника, нашумел, испугал жену, ребенка, разогнал прислугу; и по этому поводу также началось дело, которое чем кончится, еще не известно, но чиновник уже переведен в другое место. Рука есть в губернии! Будь гласный суд, подобные безобразия не остались бы безнаказанными. Скажут, что истину выяснит следствие, но нужно знать, что такое сибирское следствие, в особенности, если оно ведется полицейским чиновником, в большинстве случаев, желающим отличиться, а не найти истину. В важных случаях следствие ведется лицом, которому приказывают непременно отыскать виновных под страхом лишиться места, тут всякий у такого следователя и без вины окажется виноватым, тем более, что большинство следственных дел ведется без наблюдения стряпчего, который и без того обременен делами; при том стряпчий у нас не самостоятельное лицо, а такой же безгласный и зависящий от администрации чиновник, как и все. Томские старожилы помнят наделавшее в свое время много шуму дело о найденном убитым под старым мостом через реку Ушайку секретаре духовной консистории; следствие по этому делу было поручено квартальному, в ведении которого находился этот участок, и квартальный нашел преступника, который повинился, и дело уже было представлено в суд, как одна женщина, с которой этот квартальный имел незаконную связь, рассорившись с ним, донесла, что убийцей секретаря был не кто иной, как сам квартальный, что подтвердилось фактами. А какими мерами были вынуждены признания мнимого убийцы, читатель может сам догадаться. Вот до чего доводит безгласность в глухой стороне!

Восточное обозрение. 1883. № 3. 20 января

Кузнецк. 2 декабря 1882 г. В 1880 году при объезде преосвященным Петром округов Томской губернии были им замечены разные беспорядки по духовному ведомству в этих округах; поведение многих священников найдено не очень безукоризненным, о чем и было опубликовано в № 9 «Томских епархиальных ведомостей»; нынешним летом преосвященнейший ревизовал наш округ; будет ли помещен отчет об этой ревизии в «Епархиальных ведомостях», еще не известно. При нашей сибирской безгласности наше общество легко уживается с дурными нравами духовенства, которое живет вне высших духовных интересов, заботясь только о своих интересах и не поднимаясь нравственно над уровнем окружающей среды. Что за нравы у духовенства хоть бы в нашем околотке? Наши священники не ищут духовного развлечения в занятиях наукой, в собирании сведений статистических и этнографических, в сношениях с отделом географического общества в Омске, в служении общественному делу, например, заведением народной школы; удовольствия его те же, что у богатого неученого крестьянина – беседа за закус-

кой с графинчиком; такие пирушки оканчиваются нередко тем, что пастыря духовного стада* на другое утро находят где-нибудь около церковной ограды с остриженной бородой, без рясы, шапки и сапогов, а иногда и со следами побоев. О поборах и говорить нечего. Зажиточные крестьяне знают, сколько берут священники за свадьбы, особенно если есть какой-либо случай придаться. Некоторые из приходов нашего округа предлагали священникам заменить поборы жалованьем, но священники отказались, заявив, что они одной руги соберут в год более, нежели даст им жалованье. А какие профанирующие религию сцены происходят при этих поборах! Священник, обходя селение в праздник, стоит среди избы с крестом и ждет, пока крестьянка собьет комок коровьего масла! Рекрутский набор в нынешнем году окончен по нашему округу к двадцатому ноябрю по всем участкам, и в каждом участке (их считается по округу пять) присутствие продолжалось не более трех дней, т.е. в эти три дня нужно было призываемым взять жребий, врачам осмотреть их, присутствию выдать им билеты; конечно, три дня времени не очень много, так как призываемых в каждом участке не менее полутора человека, бывает и более. Кстати, до нас дошел слух, что один администратор, разъезжая по нашему округу и собирая крестьян для беседы и совещания с ними по их делам, кричит на них, когда они осмеливались иметь свое суждение: «молчать, а не то шкуру сдеру!». А между тем этот чиновник считается безукоризненным. Вот не ожидали то?...

Восточное обозрение. 1883. № 6. 10 февраля

Кузнецк. Вводить цивилизацию между инородцами – очень и очень благое дело, но вводить ее нужно с умением и надо обладать для этого большими знаниями и способностями. У нас же поступают довольно просто: соберут инородцев и прикажут им выстроить, в видах цивилизации, конечно, дома для инородных управ. Инородцы, однако, возражают: «для сего же нам здания для управ, когда и всю-то переписку по управе писарь в кармане носит?». За такое противоречие, конечно, на инородцев сыплются крики, топанье ногами, и они, как трусливый народ, разбегаются в разные стороны; их опять собирают, но они так запрячутся, что их с собаками не найдешь. После этого решаются вводить уже настоящую цивилизацию, т.е. приказывают непременно выстроить в инородных управах здания для училищ инородческих детей; но инородцы и училищ не хотят строить. Тогда за такую продерзость им приказывают со всех концов собраться в одну деревню около города; только, должно быть, водители цивилизации между инородцами устыдились своего распоряжения, или переменялась политика, но последнее приказание было отменено.

Вместо того, чтобы браться не за свое дело, не лучше ли бы обратить внимание на бедственное положение рабочих на золотых промыслах, хотя

* Так в документе, возможно опечатка, нужно читать сана.

[бы] за тем, чтобы исполнить законоположения по этой части, и то была бы большая заслуга. Большая компания, взявшая известные места по левому берегу Томи для разработки золота, отдала некоторые из этих мест в аренду мелким предпринимателям, которые, в свою очередь, производят разработку посредством золотничков, эксплуатируя их как только можно.

Восточное обозрение. 1883. № 32. 11 августа

Из Кузнецкого округа (Томской губернии). Никто из сельских хозяев нашего округа, а он весь состоит из крестьян-хлебопашцев и частью инородцев, не ожидал такого плохого результата от земледелия, какой получен нынешней осенью, так как всходы хлеба и трав весною в нашем округе были великолепные и траву подкосили при самых благоприятных условиях; но пошли продолжительные дожди с парниками и много сена пропало в гребнях, так что многие из крестьян косили во второй раз, с хлебом же случилась другая история, а именно: почти с 9-го августа начались инеи и продолжались с неделю или более, и хлеб не только что прихватило морозом, но он во многих местах померз; даже в Бочатской волости, отличавшейся своим всегдашним плодородием – и в ней недород, хотя в этой волости был урожай даже в 1868 году, когда был почти по всей Томской губернии голод. Повсеместный недород на хлеб поднял вдруг цену на него и мука пшеничная с 40 к. поднялась до 90 к., ржаная с 25 к. – до 45 к., овес с 15 к. – до 35 к.; огурцы и капуста также не уродились, притом же, к довершению неприятности, в некоторых местах округа появилась чума на рогатый скот, а также было несколько убийств с целью грабежа, не говоря про кражи и другие преступления. Все это достаточно характеризует нынешнее состояние нашего округа, так как в прежнее время он отличался от других округов Томской губернии тишиной и спокойствием. Как и в иных местах этой губернии, так и у нас тоже есть лица, которые должны заботиться о благосостоянии своего округа, но эти лица большею частью набираются у нас из людей совершенно не знакомых с нуждами его, да они и не желают изучать эти нужды, так как все без образования или случайные, которые далее своего носа ничего не видят, а смотрят только на число входящих и исходящих бумаг. Об этом вся их забота, да еще о встрече и проходах начальства, с присовокуплением прогулок по округу и в губернию, благо за прогоны платить не приходится... И то сказать, может ли один человек, будь он хоть семи пядей во лбу, сделать что-либо, когда наш округ более любой российской губернии по пространству? Для этого нужны усилия многих лиц, нужно земство, которого и ожидают все лица, искренно преданные благосостоянию края, а не канцеляристы; иначе же, без земства, все пойдет год от году хуже и хуже, так как о крестьянских нуждах никто не заботится, вследствие того, что нет лиц, которые бы представляли интересы крестьян: нельзя же назвать представителями этих интересов волостных старшин и сельских старост, за которых все делают писаря – люди наживы. До чего мало обращается внимания на нужды крестьян, видно из того, что крестьянин не имеет права послать по сельской почте, за

неимением почтовых отделений в округе, письма куда-нибудь, не говоря о прошении, которое он сам должен отвезти в Кузнецк или послать с доверенным, для подачи в какое-нибудь уездное присутственное место нашего округа или для передаче в Кузнецкое почтовое отделение, если прошение следует в другое место; а между тем, на земскую нужду деньги собираются с крестьян в довольно порядочном количестве, и в некоторых местах округа крестьяне отбывают эту повинность натурою. Не лучше удовлетворяются и другие нужды в нашем округе – медицинская помощь, ветеринарная, школьная и т.п. Мало у нас ценят мужика, мало заботятся о крестьянстве в Сибири, хотя его положение более всего должно заслуживать внимания.

Восточное обозрение. 1883. № 44. 3 ноября

Кузнецк (Томской губернии). От души порадовались все искренно любящие свою родину слухам о том, что скоро и у нас в Сибири отделится следственная часть от полицейской, и сколько-нибудь изменится старый судебный и полицейский режим, и в судах будет хотя какая-нибудь законность, а полиция не будет обременена следственной частью и будет занята только предупреждением и пресечением преступлений, т.е. исполнять только прямую свою обязанность.

При том же обещают, что следователями будут лица с юридическим образованием, а не такие, как теперь полицейские чиновники, контингент которых не только у нас в Кузнецком округе, но и по всей Сибири, набирается из бывших кантонистов, выгнанных из духовной семинарии за дурное поведение семинаристов, не окончивших курс по лености и малоспособности гимназистов, а самое большее [из] лиц, кончивших курс в уездном училище. Что можно ожидать от лиц с таким образованием? За примерами о действиях таких следователей далеко ходить не стоит, они случаются сплошь и рядом и вот один и ближайший из них. В корреспонденции моей из Кузнецка, помещенной в № 3 «Восточного обозрения» за этот год, я сообщал, как один купец нашего города в пьяном виде зашел в семейный дом к одному чиновнику, наскандалил, испугал жену, ребенка, разогнал прислугу, и что по жалобе чиновника по этому поводу началось следствие. Между прочими свидетелями этого скандала была девушка по фамилии З., проживающая в качестве няньки у чиновника, которая и уехала на родину верст за сто двадцать от Кузнецка, не дождавшись начала следствия. Что же делает следователь, которому поручено было это дело, а очень просто – он вопреки всяким законам вызывает ее в Кузнецк для очной ставки с купцом и можете себе представить положение девушки лет 16 или 17, которую могли бы везти, за неимением средств, земским порядком, т.е. с сотником 120 верст, одну только за то, что судьба угораздила ее быть свидетельницей, как безобразничал кулак-купец, но она избавилась от поездки с сотником благодаря тому, что имела мать, которая и привезла ее в Кузнецк. Порядки по другим частям не лучше, так съезд членов присутствия по крестьянским делам, бывший прошлым годом, по прошествии чуть ли не полутора лет, в нынешнем году был только один

раз, хотя председатель съезда и назначал его несколько раз и приглашал пожаловать на него гг. членов, которые почему-то отказываются, в особенности исправники, хотя на съезде и решаются довольно важные дела, особенно по крестьянским опекам, решения которых крестьянам приходится ждать по несколько лет. О кабинетских рудниках и заводах в нашем округе идут слухи такого рода, что большинство старых начальников сменено и вместо их назначены новые из приезжих из России, а некоторые из старых служащих на Алтае, и что приезжие из России приемку производят аккуратно и осторожно и весят точно, боясь быть обманутыми (что и может быть, так как люди старого порядка воспитывались во лжи и обмане); не так поступают люди старого режима, назначенные на новые места и принимающие дела и материалы от старых служащих, бывших своих товарищей по службе; те, говорят, принимают с маху, огулом (по пословице ворон ворону глаз не выклюет) зная, конечно, где раки зимуют, т.е. если и будут какие прорухи или недостатки, то их могут замазать – ведь нельзя же не порадеть родному человечку! Что будет, увидим, но нельзя не заметить, что большинство уставщиков и кандидатов осталось старых, деморализованных старыми порядками, т.е. привыкших ко лжи и обману, которые, стоя между рабочими и начальством, обманывают тех и других, так как старые горные приставы и управляющие тоже не заботились об деле, жуировали и только клали в карман доходы, уделяя из них малую толику уставщикам и кандидатам, которые за них работали. Посему, по нашему крайнему разумению, надо обратить большее внимание на воспитанников Алтайского горного училища в Барнауле, выходя из которого воспитанники в 16 или 17 лет уже имели привычку пить водку, играть в карты, лгать и обманывать, как старые служащие на Алтае, и уже ни о чем не думали, как только о наживе, т.е. выходили из училища вполне развращенными и только благодаря тому, что горное начальство пользовалось громадным влиянием на все дела на Алтае, и суд и полиция находились под этим влиянием, а служащими в эти учреждения подбирались подходящие люди, большинство уставщиков и кандидатов не попали за свои действия по службе на поселение или в каторжные работы, хотя многие объясняют этот порядок патриархальными отношениями между начальством и подчиненными, забывая, что в это время существовал же положительный закон.

Восточное обозрение. 1883. № 48. 1 декабря

Из Кузнецкого округа (Томской губернии). Неурожай нынешнего лета в нашем округе начинает отзываться как на ценах на хлеб, пшеничная [мука стоит] 70 и 80 к., а ржаная – 50 к., овес – 40 к. за пуд, так повлиял и на торговлю на наших осенних ярмарках, мануфактурные товары вовсе не шли у купцов, потому, что крестьяне не могли сбыть сырья, так на пары, т.е. пуд сала и кожа требованья вовсе не было; много приведенных лошадей на ярмарки было уведено назад, так как на них не было покупателей; мед, масло, пушнина также не шли; орехов, хотя нынче и был урожай, на ярмарках их не было. В некоторых деревнях нашего округа уже крестьяне ходатайствуют о

выдаче им хлеба из запасных магазинов, а в Козьменской волости составили приговор, чтобы сократить пьянство по деревням, иметь по питейному заведению только в тех деревнях, в которых нет церкви, но по нашему мнению это не поведет ни к чему, потому что вместо кабаков явятся склады, на открытие которых по деревням не требуется приговора сельского схода.

Набор в нашем округе уже начался, и мне пришлось наблюдать странное явление на молодых людях, подлежащих набору, так некоторые из них оказались женатыми лет в 18 и 19; старики отцы объясняли ранние браки тем, что все же лучше быть в солдатах на чужой стороне с женой, чем одному и к тому же прибавили, что пусть поживет крестьянской семейной жизнью, а коли вернется из солдат да женится, то все это не такая жизнь будет. При том же у некоторых молодых людей, подлежащих призыву, было заметно стремление попасть под суд, чтобы тем или вовсе избавиться от службы, или оттянуть хотя на некоторое время вступление в солдаты. Видно, как не легка нынче военная служба, но, все-таки, не хочется быть подневольным человеком; да и то сказать – вернувшийся из военной службы делается уже плохим жителем деревни, а старается улизнуть из нее и попасть в мелкие торгаши или в кабак в целовальники. А известно, что выходит из крестьянина в таких условиях: чтобы сделаться сидельцем, как говорят крестьяне, нужно снять крест и пояс и, в конце-концов, попасть в острог, что с большинством и случается. И много такого люда в Сибири! А еще в № 41 «Екатеринбургской недели» мы читаем, что если проследить статьи «Восточного обозрения», то можно придти к четырем странным выводам, из коих первый формируется так: «В Сибири живут одни мошенники и ни о чем, кроме плутней там не думают», мы же от себя еще прибавим, что кроме мошенников, каторжных, поселенцев, крупных и мелких воришек, вольно и невольно прибывших в Сибирь, в ней еще живут спекулянты и крупные хищники (конечно, они есть и на Урале), которые ни на одно разоблачение в «Восточном обозрении» их деятельности не ответили ни одним опровержением.

Восточное обозрение. 1883. № 51. 22 декабря

Из Кузнецкого округа (Томской губернии). До чего разные темные личности сомнительного пошиба обижают нашего крестьянина, можно набрать множество примеров, приведу один из них. Нынешней осенью мне привелось быть в одной деревеньке, в стороне от тракта, я сидел у открытого окна в избе знакомого крестьянина; было далеко за полдень; погода была прелестная, что называется бабье лето. Я увидел, что по улице, мимо избы идет староста этой деревеньки, мой старый приятель, с незнакомым мне крестьянином и что-то жарко объясняет, размахивая руками, своему спутнику. – Здравствуй, Иван Семеныч, - поздоровался я с ним через окно. – Здравствуйте, здравствуйте, - отвечал он, подходя вместе со спутником к окну, - а я в хлопотах-то и не приметил вас, извините. – Да где ему приметить, - вмешался его товарищ, - опростоволосился он у нас, даром, что староста. - Как так! – любопытствовал я, - не проскочил ли опять медведь между ног? – так как

староста охотник, и с ним был случай на медвежьей облаве такого рода, что медвежонок буквально проскочил между ног. - Да вишь, ты, - начал староста, - приезжает ноне в нашу деревню какой-то чиновник; остановился на земской [квартире], я и пойдя узнать, что за человек, да мендаль-то* и не прицепил, даром, что она у меня была в штанах. Вхожу, говорю, так и так, пришел я узнать, что вы за люди. - А ты что сам за человек, - спросил он, да так серьезно. - Я говорю, староста. - А я почему знаю, что ты староста? Вышел я в сени, вынул из штанов мендаль, прицепил куда следует и опять вхожу. - Ну, - говорит, - теперь вижу, что ты староста. А я, - говорит, - тайная полиция по золоту, по кабакам и по торговым делам. Торгуют у вас золотом? - спрашивает. - Никак нет, - отвечаю я. - Сколько кабаков? - Ни одного, - опять говорю я. - Сколько лавок? - Две, - говорю. - На какую сумму торгуют? - Не знаю, - говорю, - ваше высокоблагородие, не было разговора. - Да, как, ты смел не знать? Да я тебя, да я тебя упеку, - напер он на меня, - ты должен знать, ты полицейская полиция. - Сельская полиция, - поправил я старосту. - Да, сельская полиция, - поправился староста, - ошибся маленечко, извините. Ну, братец ты мой, так раскричался на меня, что хоша образа вон неси. Ты, - говорит, - от сего дня должен знать все это, сколько кабаков, сколько лавок, кто чем занимается, куда ходит, что делает. - Слушаюсь, - говорю я, - ваше высокоблагородие, а сам кланяюсь. - Бери, - говорит, - понятых, да пойдет осматривать лавки. Взял я понятых и пошли: смотрели у одного, все как есть говорит он, в порядке; знаме этот торгует от богатого купца из города. Зашли к другому - у того, братец ты мой, соль, да орехи, да мука. - Есть, - спрашивает, у тебя свидетельство на торговлю? - Нету-те, - говорит. - Как ты смеешь торговать без свидетельства, - раскричался опять ревизор, какие-то акты постановил, сам подписал, меня заставил подписать* и приложил печать: за понятых грамотный крестьянин руку приложил. Когда он это кончил, то опять напер на торговлю. - Вот, - говорит, - в острог тебя посадят, опишут у тебя все - и пошел, и пошел... Мой торговец только и говорит: - помилосердуйте. - Ну, - наконец, говорит, - если хошь, то приезжай в такую-то деревню (и староста назвал деревню, отстоящую в верстах в двадцати от этой), я там, - говорит, - буду ночевать. Взял тех же лошадей, на которых приехал, и укатил в деревню. Торговец мой подумал, подумал, да тоже поехал за ревизором. - Чем же все это кончилось, - спросил я. - А чем кончилось, - отвечал староста, - известно чем: отдал парень четвертную, чтобы он акт-то уничтожил, ну и уничтожил. - Как же так, - недоумевал я, - приехал к вам какой-то человек, назвался ревизором, составил какие-то акты, а ты не попросил у него никаких документов? - Вот ты поди, - отвечал староста, - опростоволосился, да и писаря у меня не было. Да, подумал я, когда староста со своим спутником ушли от окна, нужен нам свет, нужна свободная и независимая печать; нужен суд

* Знак старосты. (Прим. автора)

* Этот староста грамотный, что довольно редко в нашей округе. (Прим автора).

правый, милостивый и равный для всех, чтобы разогнать непроглядную тьму. Но скоро ли всего этого мы дождемся?

Восточное обозрение. 1884. № 2. 12 января

Из Кузнецкого округа (Томской губернии). В наших местах бывают поучительные встречи. На днях на кузнецком тракте я встретил батюшку. - Ну и погода, - сказал батюшка, придерживая правой ладонью щеку, - я вот тридцать верст сделал не выдаючи, знаете ли, приехал сюда исполнять требы, да вот полечиться. - Что с вами? - спросил я. - Горло, знаете, болит, у нас в селе существует горловая болезнь, а вот здесь живет старушка, Семеновной зовут, так она очерчивает горло и помогает. - Как очерчивает? - Так, просто, - пояснил батюшка, - пошепчет что-то, очерчит пальцем и помогает, вот и хозяина спросите, - продолжал он, указывая на вошедшего хозяина. Дома Семеновна-то? - обратился он к хозяину и, когда тот ответил, что дома, то велел поставить самовар и после чаю послать за Семеновной. - Ведь, батюшка, это суеверие, - сказал я ему, все более и более удивляясь, как же поможет нашептывание от горловой болезни. - Вера тут помогает, - возражал батюшка, - небось станешь старухами лечиться, когда доктора в глаза не видишь целым годом, да и он один на весь округ, когда же ему по больным-то ездить, дай Бог управиться с трупами, коих в год-то по округу приведется штук сто изрезать. Притом же и мы люди простые, привыкли к простым лекарствам: к бане, редьке, а главное водка либо с перцем, либо с нашатырем, а то и с солью - это самое главное лекарство. - Вы бы, батюшка, аптечку завели, ведь есть много простых лекарств, которые помогают и прихожане бы от вас получали первоначальную помощь, - сказал я. - Да я знаком был кое с чем из медицины: еще в семинарии слушал лекции доктора З-ча о подаче первоначальной помощи больным, а вот лет пятнадцать, как кончил курс в семинарии, и, признаться, забыл - знаете, все собирался выписать, то некогда, то денег нет: нынче не старая пора, едва-едва придется в год взять рублей пятьдесят со свадьбы, и то с самого богатого мужика, а то десять, пятнадцать рублей. Я любопытствовал было узнать у него кое-что о здешних раскольниках, об отношении крестьян к земле, о торговле, но оказалось, что батюшка с раскольничьим вопросом вовсе не знаком, в отношении крестьян к земле тоже, а об общине и понятия не имеет. Посоветовал было я ему списаться с сибирским отделом географического общества, чтобы изъявить желание доставлять сведения о здешнем крае. Куда!... Ото всего он отказался, и когда подали самовар, то явилась водка, закуска, но я уехал, не желая быть свидетелем, как Семеновна будет очерчивать горло у батюшки и всю дорогу продумал: вот наша сельская интеллигенция.

Восточное обозрение. 1884. № 5. 2 февраля.

Из Кузнецкого округа (Томской губернии). Теперешнюю злобу дня в нашем округе составляет питейный вопрос, так как начальник Алтайского горного округа установил следующие правила в восьми пунктах: 1) не давать

разрешений на открытие питейных заведений в селениях тех волостей, которые составили приговор о недопущении питейных домов; 2) в прочих волостях, не увеличивая численности ныне существующих питейных домов, разрешать только по тем селениям, в которых таковые уже имеются; 3) в горно-заводских селениях, в отмену прежних распоряжений бывшего горного правления, требовал от желающих заняться питейною торговлею согласие горно-заводского населения, выраженное в виде общественных дозвожительных приговоров и т.д. Теперь многие селения и составили приговоры, чтобы не иметь у себя кабаков, мотивируя несогласие иметь их чрезмерным распространением пьянства, от которого происходит полное разорение крестьянского хозяйства; другие же селения, хотя сперва и составили приговора, чтобы не иметь у себя питейных заведений, как селение Гурьевское, но потом дали четыре новых приговора четверем кабатчикам, соблазненным двумястами пятьюдесятью рублями за каждый приговор, предложенными от кабатчиков в пользу общества; каковые деньги были взяты общественниками, поделены и пропиты, хотя некоторые из общественников предлагали употребить их на какое-нибудь общественное дело, например, на постройку часовни, на церковь или школу, но большинство не согласилось, говоря, что это питейные, не трудовые деньги, и их не следует употреблять на общественное дело, а тем более на богоугодное; третьи же селения, как Салаир, составили приговор, чтобы не иметь у себя не только кабаков, но и ренсковых погребов и даже складов. Чем кончится вся эта история, докажет время. Неурожай нынешнего года и падеж скота в нашем округе отразились и на сборе податей, так что многие волостные правления посылают собирать подати, кроме сборщиков, еще волостных судей, которые неплательщиков податей приговаривают к сечению розгами, но секи – не секи, а когда мужичку нечего отдать, то ничего не поделаешь. Желал бы я от всей души, чтобы наши канцеляристы с тысячными окладами жалованья в год и штык-юнкера пожили в деревне в то время, когда в ней неурожай, падеж скота или другое народное бедствие, бьющее прямо на экономическую жизнь народа. Сколько горя и слез прибавляет оно еще и без того к невеселой жизни крестьянина! Сколько надежд разрушает! Так один крестьянин, кроме уплаты податей, что стоит на первом плане у крестьян, ожидая урожая, хотел женить сына, или перекрыть избу, или выстроить амбар, другой – продать три-четыре коровы и вырученными деньгами за них покрыть нужды целого года, но падеж скота разрушил все его благосостояние. Ни совета, ни помощи ждать неоткуда, а ведь от благосостояния крестьянства зависит и благосостояние казны.

Восточное обозрение. 1884. № 8. 23 февраля

Кузнецкий округ (Томской губернии). Хотя и принимаются административные меры, указанные в законе против падежа, но они ничего не помогают, так как крестьянство само часто сопротивляется всем этим мерам или не исполняет их: так крестьяне снимают кожи с палой скотины или зарывают труп первой палой скотины у себя на дворе, думая, что если первую скотину

вывезет, то за нею и остальные околеют. Как известно, с невежеством труднее бороться, чем с эпизоотией. При всем этом и сельские власти не доносят своевременно о появлении болезни, а доносят тогда, когда болезнь уже распространится. Так сперва пишется рапорт от старосты о появлении болезни в волостное правление, которое в свою очередь доносит в полицейское управление, а это последнее – в губернское правление, которое сносится с врачебной управой о посылке ветеринарного врача для прекращения эпизоотии и т.д. все по начальству, а болезнь не ждет и делает свое дело. Приезжает, наконец, ветеринар в селение, в котором больной скот и спрашивает старосту. - Ну, что, староста, как падеж? - Да, слава Богу прекратился. - Слава Богу, - говорит обрадованный ветеринар, а большой был у вас упадок? - Да, ничего, почитай ни одной скотины в деревне не осталось, окромя телятишек, - опять отвечает староста. То есть, другими словами от двух-трех тысяч рогатого скота не осталось ни одной взрослой скотины, кроме телят; вот и понятна та паника, которая происходит в деревне при появлении заразы: плачь и стон стоит по улице, когда вывозят со двора поилиц и кормилиц, как называют крестьяне рогатый скот. Ведь нелегко домохозяину-крестьянину вывезти со двора в неделю десять, двадцать или тридцать скотин, а здешний народ держит помногу скота, как для молока, так и для продажи. Понятен также и нижеследующий рассказ: живет в одной деревне баба, муж у ней в солдатах, у ней двое ребят, которые кормятся единственно коровой; в деревню занесена эпизоотия, корова околела, а бабу вынимают соседи из петли.

Однако ж подспорьем крестьянам в нынешнюю невзгоду явились порядочные заработки на каменноугольных копях в нашем округе, так как, кроме двух старых (Новобочатской и Соминской) стали еще разрабатывать три новых – Прокопьевскую, Беловскую и Кольчужинскую, а также заработки по добыванию и перевозке железной руды, потому что в 1884 году на здешнем Гурьевском заводе предложено увеличить производство железа втрое против прежних годов.

Восточное обозрение. 1884. № 11. 15 марта

Кузнецк (Томской губернии). Зима 1883 года началась в наших краях дороговизной на все жизненные припасы, а в декабре месяце появилась чума на рогатый скот в с. Бочатском: конечно, при появлении такой болезни принимаются и меры, чтобы она не распространялась, как со стороны администрации, так и со стороны народа; жаль, что теперь у нас не существует в том размере, как года два или три тому назад неофициальной части «Томских губернских ведомостей», а то бы приятель или подчиненный тиснул в них статейку о тех деятельных мерах против чумы, какие принимаются, и глядишь – за деятельность кому следует вышла бы благодарность или что-либо поболее. Крестьянство тоже и со своей стороны принимало меры против чумы: так некоторые сдирают шкуры с палой скотины и трясут эти шкуры перед здоровой или эти шкуры солят и дают лизать скоту еще оставшемуся целым. В довершение всего, в хлебе нынешнего потока оказалась спорынья (рожки), и

был случай заболевания от употребления муки со спорыньей целого семейства в числе шести человек, и даже один из этих заболевших умер. Конечно, по случаю появления в хлебе спорыньи пишутся циркуляры; неизвестно только, помогут ли они? Но оставим грустное и угнетающее: такого очень и очень много в нашей стороне, а можем сообщить кое-что ободряющее – так прошел в нашей стороне слух, за достоверность коего не ручаюсь, что будто бы новое горное начальство хочет возобновить Томский железодельный завод; мы радуемся этому и сочувствуем, так как когда-то Томский завод продан и ликвидирован старыми деятелями в ущерб интересам населения. Продажа его была скандальна и представляла образец, как бросались кабинетские деньги. Мы присутствуем теперь при переходном времени, времени полном волнении, затруднений, поглощенном людскими страстями и препирательствами. Конечно, повалить тех столбов, которые подпирали старый алтайский режим, было не трудно при той власти, которая дана в настоящее время, но задачи, явившиеся на смену, этим не исчерпаны. Создать хозяйство разоренного края нелегко.

Восточное обозрение. 1884. №18. 3 мая

Кузнецк (Томской губернии). Чаше и чаще появляются в газетах сообщения о преобразованиях по судебной части в Сибири, от чего радостнее бьется сердце у людей, преданных правде, гуманности и законности в этой отдаленной окраине, ожидающих с нетерпением преобразований для этого края. Кто жил в России, видя гласный суд, потом перебрался в Сибирь и живет в ней под эгидой суда старого, дореформенного, тому совершенно ясны преимущества первого над последним, из практики которого приведем несколько фактов. Так один богатый крестьянин, вдовый, имеющий у себя несколько взрослых женатых сыновей, живших с ним в отделе, исчез и при розысках сельским старостой с общественниками труп его был найден на пашне зарытым в борозде; подозрение в убийстве пало на работника, который и сознался перед волостными начальниками и обществом, что он убил старика-крестьянина, будучи подговорен к тому сыновьями, желавшими поскорее завладеть наследством своего отца. При производстве же формального следствия работник отперся от своего первоначального показания, и суд освободил его на основании 323 ст. XV т. 2 ч. изд. 1857 г., так как в этой статье сказано, что признание, учиненное вне суда, считается недействительным. Затем другой факт. Одна крестьянская девушка, будучи выдана замуж очень молодой и не вынеся семейной крестьянской жизни, несколько раз бегала из семьи, но всякий раз возвращаема домой с побоями, и, наконец, для избавления себя от ужасной жизни и мужа убила последнего топором на покосе; другая, будучи отдана за вдовца, у которого была большая семья, и не в силах переносить трудностей и страшных побоев, тоже бегала несколько раз от мужа, но тоже была возвращаема обратно, и чтоб как-нибудь уйти от мужа, утопила пасынка. Обе эти крестьянки нашим формальным судом были обвинены и понесли жестокое без всякого смягчения наказание. Всем понят-

но, как бы поступил в данном случае суд гласный, суд справедливый, милостивый и равный для всех. При всем том, следствие ведется без стряпчего, почему все зависит от следователя, т.е. обвинить или оправдать подсудимого, а что такое следователи, то это видно из № 9 «Томских губернских ведомостей», где незнание ими законов констатировано самою губернскою властью; присоедините ко всему этому полнейшую безгласность, и картина будет полная. Все делается в угоду для кабатчиков, складчиков и золотопромышленников, а не для закона. Да и то сказать, как не угодить этим господам, когда, имея репутацию честного человека, можно у них занять денег, конечно без отдачи, поиграть с ними в стуколку, выигрывая каждый раз порядочный куш, также можно купить у них сторублевую вещь за рубль и т.д.

У нас получено недавно известие с одного прииска, что на нем, вое время работ в разрезе задавило от одного до двух человек рабочих, а по сообщениям других – двадцать, но насколько это правда – наверное сказать не можем.

Восточное обозрение. 1884. № 26. 28 июня

Кузнецкий округ (Томской губернии). 20 августа. В настоящее время конторы здешних рудников и заводов приготавливают проекты новых штатов. В последний раз штаты были утверждены для Алтайского горного округа в 1883 г[оду] и при том временно в виде опыта на три года. Штаты ли подействовали (жалованье всем служащим было сильно увеличено), или замена во многих местах Алтайского округа прежних служащих новыми, но, во всяком случае, горнозаводская промышленность округа значительно увеличилась с 1883 г[ода]. Так, например, чугуна выплавлено в Гурьевском заводе в 1882 г[оду] 43 т[ысячи] пудов, в 1884 г[оду] – 96 т[ысяч] пудов, а в 1886 г[оду] уже 123 т[ысячи] пудов. Выплавка серебра, сильно упавшая к 1883 г[оду]*, стала с этого года довольно быстро расти, так что в 1884 г[оду] выплавлено уже 492 п[уда] (бликового) серебра, в 1885 г[оду] – 536 п[удов], а в 1886 г[оду] – 613 п[уда], то есть достигла количества, выплаваемого десять лет тому назад. Впрочем, наш Гавриловский завод сильно отстает в этом движении. В то время, как Барнаульский сереброплавильный завод увеличил свою производительность за 4 года (1882-1886 гг.) почти в 2 ½ раза (с 62 п[удов] до 152 п[удов]), а Павловский – в 2 раза, в здешнем Гавриловском заводе выплавка серебра за тоже время увеличилась очень незначительно с 80 п[удов] до 100 п[удов], т. е. всего на 25 %. В 1882 г[оду] Гавриловский завод доставлял 20, 2% всего алтайского серебра, в 1884 г[оду] уже только 16,7%, а в 1886 г[оду] – 16,3%.

* В 1877 г[оду] добыто 617 п[удов], в 1880 г[оду] – 507 [пудов], а в 1883 г[оду] только 386 пудов бликового серебра. Данные на время с 1887 г[ода] еще не обнаружены. (Прим. автора).

Повлияли ли реформы 1883 г[ода] и в других отношениях? Прекратились ли хищения в прежнее время бывшие притчей во языцех относительно алтайских служащих? В общем, воровать теперь сделалось гораздо труднее и опаснее, но как еще далеко здесь до совершенства, покажут приводимые ниже сведения. Говорить я буду исключительно о Салаирском крае, но надо думать, что и в других местах Алтайского горного округа дело обстоит не лучше. Так, например, нынче летом сообщалось в печати*, что в Риддерском руднике (Бийского округа) открыта целая система злоупотреблений и беспорядков. Управляющий рудником был отставлен от должности, а уставщик, не дожидаясь развязки, кончил самоубийством.

В Салаирском крае особенно не везет комиссарам. Это служащие, заведующие магазинами рудников и заводов, покупающие хлеб, свечи и др. припасы, отпускающие эти припасы рабочим и на надобности рудника. Соблазн ли здесь очень велик, или уж судьба такая горькая, но редкий комиссар оставляет свою должность по своей воле. В Салаирском руднике и теперь еще проживает некто К-в, бывший года 4 тому назад комиссаром. По собственным его словам, и по свидетельству очевидцев, К-в «пил шампанское ковшами» и не только сам пил, но и поил им всех к нему приходящих. С того времени комиссары стали немного поскромнее, но именно только «немного». Так в конце 1887 г[ода] в магазинах Салаирского рудника был открыт ревизионною комиссиею большой недочет в припасах (более чем на тысячу руб.). Заведующий магазином комиссар Т-в был уволен от должности; вместо него комиссаром поступил г. Ж-в; не успел он прослужить и двух лет, как и его пришлось убрать; в июле нынешнего года при проверке магазинов оказалось, что недостает несколько сот пудов пшеничной муки и овса и значительного количества свеч, керосина и пр.; всего более чем на 800 руб. Значительную долю этого недочета следует отнести на счет халатности комиссара. Всякий, кто видел, как шла приемка хлеба в магазины и отпуск его рабочим, мог только удивляться, что припасов недостает всего на 800 руб. Пользуясь тем, что комиссар иногда приходил для приема хлеба нетрезвым, крестьяне, привозившие хлеб, иногда один и тот же куль весили дважды; дважды же он записывался принятым. Делалось это, конечно, с ведома помощников комиссара, которые сами при этом же не плошали. Впрочем, достоверно и то, что припасами из магазинов пользовался и сам комиссар. Говорят, что недочет будет покрываться ежемесячным вычетом четверти жалованья бывшего комиссара, который теперь служит в конторе рудника, где был до комиссарства. Таким образом, растрата будет пополнена не ранее 8 лет, бывший комиссар получает 420 руб. в год. Впрочем, не одни комиссары тащат то, что плохо лежит.

Весной прошлого года один из «горных кандидатов» г. И-в, продававший крестьянам порох из складов Салаирского рудника, заявил управляю-

* «Сибирский вестник» № 63. (Прим. автора).

щему, что он «потерял» полученные за порох деньги. Этот неосторожный служащий только что кончил курс в Барнаульском горном училище и не успел прослужить на руднике и года. Человек этот был довольно симпатичный, но возможность пользоваться деньгами, которые оставались у него несколько месяцев, соблазнила и его. Растрата простирается до 150 руб. Виновник ее тогда же был уволен от должности.

В Новобочатской каменноугольной копи уставщиком до июня месяца нынешнего года был некто П-в. Живя в 40 в[ерстах] от своего непосредственного начальства (управляющего Гавриловским заводом), он вел расчеты по добыче угля почти бесконтрольно. Уже раньше носились неблагоприятные слухи об этом уставщике: говорили, что он живет шире, чем то можно было позволить себе по его жалованью; что он, закупая в Салаирском руднике разные товары (чай, сахар и пр.), продавал их рабочим (или лучше сказать, выдавал им в счет заработной платы) за двойную цену и пр. Нынче в мае умер один из рабочих на этой копи, и перед смертью заявил священнику, что он умирает от побоев, нанесенных ему уставщиком П-в. Судебное следствие не подтвердило этого обвинения. Но одновременно с началом следствия по этому делу, П-в заявил полицейскому приставу о произведенной им растрате. Он утверждал, что издержал на собственные надобности деньги, полученные им дня за три до того от управляющего Гавриловским заводом для расчета рабочих. Денег в этот раз было ему дано 2000 руб. Кроме того, оказались и другие растраты. Бухгалтерия на копи велась плохо; некоторых документов для учета [у] уставщика совсем не оказалось, или они были утаены П-м. Весь июнь и июль П-в был на свободе, но в начале августа был арестован и отправлен в Кузнецкий тюремный замок.

Восточное обозрение. 1889. № 38. 17 сентября

Кузнецкий округ (Томской губернии). 18 февраля в селе Ильинском открылся съезд крестьянских выборных для распределения натуральных повинностей по волостям южной части округа. Съезд этот был назначен сначала [на] 27 ноября прошлого года, но тогда не состоялся за неприбытием выборных от Уксунайской волости, которых исправник собственною властью освободил от съезда, а прочие выборные не захотели без них решать дело*.

Съезд для распределения натуральных повинностей, по мысли положенной в его основу, напоминает земские учреждения в Европейской России. Он также, хотя и в ограниченной сфере, заботится о нуждах и пользах уезда (округа) и состоит из выборных. Но подробности его организации и порядок

* Уксунайская волость имела в виду остаться при тех же повинностях, какие несла и в предыдущее трехлетие (съезды собираются через 3 года). Это было очень выгодно для нее, так как кузнецко-барнаульский тракт проходивший через Уксунайскую волость, идет теперь через Салаирский рудник, да и протяжение тракта в пределах Кузнецкого округа увеличилось. (Прим. автора).

занятий превращают съезд в довольно жалкую пародию на выборные учреждения.

Каждая волость посылает на съезд старшину, всех сельских старост и по одному особому выборному от каждого сельского общества. Председатель съезда бывает исправник или его помощник. На съезде присутствуют все и волостные писари, которые собственно вместе с председателем и составляют расписание повинностей (дорожной, подводной, квартирной, опалки лесов) по волостям и сельским обществам. Затем расписание прочитывается съезду, члены которого могут делать свои замечания, если находят расклад неправильным. Таким образом, волостные писари и председатель составляют комитет съезда и играют роль земской управы, подготавливающей доклад для съезда.

Старшины и старосты являются, конечно, безгласной частью съезда, так как они в качестве низших полицейских агентов непосредственно подчинены председателю съезда и не решаются ему противоречить. Делать свои замечания осмеливаются иногда только выборные от сельских обществ (так называемые «гласники»), да и им нужно иметь большое гражданское мужество, чтобы спорить с исправником.

В нынешний съезд волостным писарям велено было явиться в с. Ильинское 16-го февраля, чтобы успеть заранее составить расписание повинностей и не задерживать напрасно выборных, которые должны собраться 18-го [февраля].

После подписания расписания членами съезда, оно отсылается на утверждение губернатора и входит в общее расписание земских повинностей по губернии.

Для удобства Кузнецкий округ разделен на 2 части: северные его волости собирались на съезд в селе Брюхановском 10 декабря прошлого года, а южные волости – в с. Ильинском.

Восточное обозрение. 1891. № 12. 17 марта

Кузнецк (Томской губернии). Об общественной жизни нашего города за последнее время не появилось сведений ни в «В[осточном] обозр[ении]», и ни в томском «Вестнике» легкомысленных чудес и курьезов, если не считать выдумки об онучах, будто бы высушенных в помещении нашего собрания, не менее легкомысленного и не признанного журналиста Чечотки. Такова уж видно судьба не знающего о чем писать томского фельетониста! Печальна и участь читателя! Но... как не интересно побеседовать на эту тему, мы считаем за лучшее прямо перейти к нашей цели, а именно сообщить кое-какие факты из жизни нашего общества. Последнее хотя не велико, но при известной состоятельности составляющих его членов, при единодушии и без жалкой игры в честолюбие и себялюбие всегда может быть сильным, жизненным и могущим сделать доброе дело, в чем мы и можем представить доказательства. Так еще в ноябре минувшего года, по инициативе нашего городского головы С.Е. Попова, в помещении общественного собрания, была устроена

лотерея-аллегри в пользу голодающих Европейской России. Участие в последней приняло все местное общество; дамы и местные барышни, кроме того, что пожертвовали свои вышивные работы, плоды многих трудовых зимних вечеров, приняли на себя роль продавщиц чая, фруктов и шампанского; купцы и вообще граждане нашего города пришли на помощь своими пожертвованиями в виде различных предметов ценностью от рубля до нескольких десятков рублей; список пожертвованных вещей с именами их жертвователей мы приведем в конце корреспонденции. Устроенная лотерея дала блестящий результат, а именно за всеми расходами поступило в пользу голодающих 600 рублей. Это обстоятельство говорит за хорошие стороны нашего общества; очевидно, общее дело, как помощь голодающим, не чуждо гражданам нашего города, необходим только инициатор; таковой нашелся в лице г. Попова, и нельзя не быть ему благодарным от лица страждущих за энергию по устройству лотереи вместе с его деятельной помощницей Е.В. Поповой. Последняя, кстати прибавить, на рождественских праздниках доставила удовольствие 30 ученицам женского приходского училища, устроив у себя на дому елку. Дети посетили устроенный для них вечер с разрешения смотрителя уездного училища, к сожалению не стремящегося и не желающего доставить хорошего развлечения нашим учащимся устройством литературного вечера или елки с пением и играми, как то делается в г. Томске. Неужели г. смотритель не сознает пользы от устраиваемых вечеров для молодого поколения? По всей вероятности, он не забыл вечеров, бывших в учительской семинарии его *almae matris*, а такие воспоминания, без сомнения, приятны. И нам думается, что г. смотритель сделал бы доброе дело, доставив несколько приятных часов, а в будущем воспоминаний, нашим немногочисленным учащимся. За сочувствием общества дело бы не стало, оно всегда относилось и относится хорошо к учебным заведениям, в прошлом году оно дало два музыкальных концерта в пользу уездного училища, собрав на его нужды 89 рублей. Музыкальные концерты теперь у нас не редки, и этот факт знаменателен в истории развития музыкального образования вообще в Сибири; года два-три назад в Кузнецке был один-два рояля, а в настоящее время части роялей доходит до 12; с появлением музыкальных инструментов явились учителя (две учит[ительницы]) и учащиеся, а с ними и концерты. Этот факт говорит за возможность открытия и существования городской публичной библиотеки. Если не дума, то частное лицо, выступив инициатором по устройству полезного учреждения, при содействии общества, а также служащих на ближних приисках, смело могло бы устроить общественную библиотеку и тем дать возможность интеллигентам освежить свои знания, а молодому поколению воспитываться на лучших произведениях отечественной литературы. Мы надеемся, что за читателями дело не станет, и надеемся, что среди кузнецкого общества найдутся люди, которым дорога судьба русского просвещения. «Да, здравствует солнце, да скроется тьма!» - вот что должно быть в сердце каждого русского человека и в частности гг. кунечан. В заключение

корреспонденции приведении список жертвователей и вещей в пользу голодающих.

Адамович – две вазочки; *Барковы* – ридикюль, два бронзовых подсвечника, дюжину чайных салфеток и одну на сухарницу; *Батюшкин* – два графинчика; *Брезовские* – полдюжины чайных серебряных ложек; *Булгаков* – две пчелиных колодки; *Вадзидская* – швейную машину, лампу, штилеты; *Гандель* – золотой брелок, серебряный ситчик; *Гессель* – изящную вязанную пелеринку; *Горст* – скатерть и бронзовые часы (будильник); *Гудович* – ящик мыла; *Денисьевы* – два бокала, ридикюль и китайский веер; *Дмитриев* (лесничий) – два чайных ситчика и др[угие] в[ещи]; *Емельянович* – две браслетки, никел[ированные] подсвечники, две брошки, два кольца и др[угие] в[ещи] всего около 20; *Емельянова* – серебряные часы; *Кочерина* – серебр[яную] брошку и фитю; *Красимович* – дубовую шкатулку, альбом, 12 платков и вышивку на туфли; *Медников* – 4 шляпы, 12 пар перчаток, 2 зонта, 2 пары галощ, воротничков и галстуков 12; *Недорезова* – шелковую старую шаль; *Новоселова* – зеркало; *от[ец] протоирей* – никел[ированный] барометр; *от[ец] Евгений* с семейством – диванную подушку, серебр[яную] шейную цепочку, серебр[яную] браслетку, золотой перстень, перчатки, французские серьги и брошку; *Пановы* – стенные часы и скатерть; *Попов* (городской голова) – лошадь; *Попова* – вышитую диванную подушку; *Ремшевская* – две туалетные подушечки, кофейник и ник[елированный] чайник; *Суховольский* – ковер, плюшевый альбом; *Сычев* – флакон olei ricini; *Сычева* – две серебр[яные] солонки, серебр[яный] под золото стаканчик, 13 салфеток и 5 рублей (от ее супруга); *Фамильцева* – два коврика под лампы; *Шаньгина* – 2 вышитых полотенца; *Шукина* – вышивку на фартук и полотенце и *Ярославцева* – вышитую диванную подушку. Всего жертвователей 33 челов[ека].

Р.С. Крестьяне Кузнецкого округа не остаются равнодушными на судьбы голодающих. Нам известно, что крестьяне Мунгатской волости собрали до 5000 пудов хлеба. Пожертвования все принимает городской голова С.Е. Попов. Солдаты местной команды, под влиянием уездного воинского начальника Г.А. Гесселя, отделяя часть от своего пайка, собрали до 30 пудов. Весною С.Е. Попов намерен сплавить весь собранный хлеб в Томск, оттуда, по усмотрению г. губернатора, будет направлен в голодные места.

Восточное обозрение. 1892. № 10. 8 марта

Кузнецк (Томской губернии). Существует мнение, что наш город по своему географо-топографическому положению может служить местом отдохновения в каникулярное время. В этом мнении есть доля правды. Благодаря тому, что с севера и северо-востока город закрыт горами, холодным северным ветрам доступа нет, и здесь преимущественно дуют юго-западный и юго-восточный ветры. Отсутствие холодных ветров сказывается резко на колебании и состоянии температуры; но если наш город выигрывает в этом отношении, то этого нельзя сказать относительно почвы. Дело в том, что наш город расположен на двух террасках, говорим террасках потому, что они не

очень велики. Первая терраска начинается от подошвы горы, где находятся остатки старинной крепости и доходит до Болота, чрез которое протекает речка, называемая Картас. Болото Картас начинает собою вторую терраску, и последняя кончается за Форштадтом. Первая терраска обладает сухою почвою; вся вода весенняя и дождевая, стекающая с крепостной горы, не застаивается в ней, а проходит на вторую и, таким образом, болото Картас постоянно питается почвенною водою первой террасы. Болото Картас довольно обширно; нам кажется, что в длину оно занимает не менее трех верст и в ширину от 50 до 200 сажень. Названное болото можно считать источником лихорадочных и тифозных заболеваний, а потому уничтожить его, осушить – дело первой важности и заботы со стороны городского самоуправления. Попытки провести канаву для лучшего стока воды, кажется, уже были; но говорят, что канавка была недлинна, да и к тому же ее затянуло илом; так что попытка, можно сказать, не дала осязательных результатов.

Сделать это пытался наш уважаемый городской голова С.Е. Попов; но и он, надо сознаться, впал в ошибку, приказывая иногда запружать канаву. Это имело неудобства и в гигиеническом отношении – получался весьма зловонный запах, если спускали застоявшуюся воду: илистое дно под горячими лучами солнца давало удушливое испарение. В виду этого весьма желательно уничтожить этот пруд, сделать канаву во всю длину Картаса и запретить где бы то ни было делать запруды. Только при свободном стоке воды по хорошо устроенной канаве можно добиться осушения болота, где нередко тонут лошади и рогатый скот. Помимо устройства канавы весьма хорошо приступить к насадке деревьев. Этот способ испробован в Сухуме на Кавказе, и результаты были благоприятны. Все предполагаемое устроить нехитро и возможно; но дело может остановиться за недостатком средств; последних, говорят, у города совсем нет, а изыскать, нам кажется, таковые весьма легко. Отчего, например, не взимать небольшой процент *с обозов, идущих из Томска с товарами здешних купцов*, наживающих барыши с кузнецкого обывателя? Отчего также не обложить обозы, отправляющиеся из Кузнецка с хлебом и проч[им] на прииски многих компаний? Из копеек составились бы сотни, если бы несколько лет практиковался попудный сбор; но все это можно наверстать; город будет иметь средства и уже тогда не встретится затруднений при постройке необходимых учреждений.

Мы знаем, что у города нет средств выстроить начальное мужское училище. Хорошо, что нашелся добрый человек, известный своей благотворительностью С.Е. Попов. Он, как нам передавали, намерен употребить остающееся жалование городского головы, прибавить часть своих средств и выстроить нужное помещение. Остается пожелать доброму человеку окончить благое дело. За неимением же средств город лишен амбулатории, небольшой по размерам, но снабженной необходимыми вещами. Существование ее дало бы возможность врачу расширить свою деятельность; принимать больных дома – весьма и весьма неудобно; для этого надо приспособить помещение, что не всегда доступно. Да и, наконец, в такое время, как холерное, прини-

мать далеко лучше в амбулатории, чем на дому. Одним словом, как не говори, а нашему городу *амбулатория нужна*, и для созидания ее необходимо обратиться к частной благотворительности; думаем, что жители, сознательно живущие на свете, позаботятся о потомстве, создадут приемный покой и тем оставят по себе добрую славу. Заботы о чистоте и благоуобразии города должны быть на первом плане. Новый исправник, знакомый уже Кузнецку Ф.П. Лучшев ставит себе в обязанность устройство города. Мы знаем, что он обратил внимание на шатающийся скот по городским улицам и на упомянутое болото Картас. Иметь пастуха для кузнечан не будет обременительно для кармана, а что выгодно – в этом сомневаться нечего. В заключение считаем не лишним сообщить цены кузнецкого рынка. Пуд пшеницы в июне и начале июля стоил 50-60 коп., пуд ржаной муки – 25-39 коп., овса – 12-13 коп. и пуд масла – от 5 руб., 5 руб. 80 коп. [до] 6 руб.

P.S. В начале июня наш город проехали лаборанты Томского университета гг. Горст и Державин; последнему сопутствовал студент того же университета М. Оксенов. Г. Горст экскурсировал по Кузнецкому округу с целью собрать материал по народной медицине; как слышно, его поездка дала хорошие результаты. Г. Державин, вошедший в число членов геологической экспедиции, снаряженной горным департаментом для исследования железнодорожного пути, проехал речки Стрельную, Корчуган, Иню и Кондому, занимаясь изысканием каменного угля для будущей сибирской жел[езной] дороги. Из Кузнецка г. Державин спустился вниз Томью, причем посетил Верхнюю и Нижнюю Терси, а также Тайдон.

Восточное обозрение. 1892. № 35. 30 августа

Салаир и Гурьевск

Салаир. Кузнецкого округа, 14 июня. Зима нынешнего года была настолько снежная и буравливая, что Салаир был буквально занесен снегом, и с большим затруднением можно было ездить по улицам, а по некоторым и совсем нельзя было проехать. Но наступила весна и настолько ранняя, что 13 марта прилетели скворцы, 26 трясогузки, а 2 апреля был уже дождь, и явились дикие утки, 12 вышла крапива, 17 молодухи привезли из черни колбу (черемшу), 20 явились мухи, а 26 прилетели ласточки и расцвел кандык, подснежник и медуница, 28 был первый гром; 9 мая почти весь лес опушился листвой, а 11 мая расцвела черемуха. Погода во все это время стояла теплая и были дни очень жаркие; в огородах все уже было посажено, кроме капусты; дождя в это время выпало не очень много; к 17 мая расцвела акация, рябина и Марьины коренья. Хорошая погода столь благоприятствовала растениям, что в конце мая уже косили траву на телеги, а 30 мая был гром, молния и дождь. Но вдруг 31 мая вечером пошел снег, а первого и второго и третьего июня пошли дожди (4 июня шел град немного менее голубинового яйца), и стало очень холодно. Во многих огородах вышедшие овощи померзли.

Цены на хлеб стоят здесь такие: пшеничная мука 60 коп. и 80 коп. за пуд; ржаная – 35 коп и 40 коп; овес – 30 коп за пуд. По случаю ранней весны и благодаря тому, что сено нельзя было достать с поля во время весенней распутицы, цены на него стояли до одного рубля за волочугу.

Томские губернские ведомости. 1882. № 25. 24 июня

Салаирский рудник. Кузнецкий округ. 4 августа. Июнь и июль месяцы нынешнего года, хотя и отличались в наших местах непостоянством погоды и резкими переходами от холода к жару и от бездождия к дождю и такими атмосферическими явлениями как грозы, которые были часты в нынешнее лето (так, в селении Гавриловском, отстоящем от Салаирского рудника в 4 верстах в июне месяце во время грозы громом оглушило трех человек; 30 июля в Салаирском руднике от грозы сгорел дом купца Селезнева со всеми прислугами), но в общем можно сказать, что эти месяцы были благоприятными для всякой растительности, т. е. для ягод, грибов, овощей и трав, особенно же для последних, но зато уборка сена стоила очень дорого, сравнительно с прошлыми годами: работнику за день платили по 50 и 60 коп., а работнице по 45 и 50 коп. с хозяйскими харчами. Хотя хлебопашеством в Салаирском руднике занимаются несколько человек и сеят разного хлеба не более двух десятков десятин, но и эти хлебопашцы хвалятся урожаем хлебов.

Нынешним летом много было посетителей в Салаирском руднике: 21-го июля посещал рудник преосвященный Петр епископ Томский и Семипалатинский; а в июне и июле месяцах в разное время посещали как Салаирский рудник, так и окрестные заводы и золотые прииски члены Алтайской комиссии гг. Войцлав, Ваганов, Курнаков, Иосса, Брусницын и Ухтомский.

Вследствие ожидаемого хорошего урожая цены на хлеб понижаются – мука пшеничная пуд 50 коп., а ржаная 30 коп.

Томские губернские ведомости. 1882. № 34. 26 августа

Салаир. Кузнецкий округ. 10 ноября. Как нынешним летом в наших краях была непостоянная погода, так и в наступившую осень; первый снег у нас выпал 8 сентября и на другой же день стаял, а 12 сентября шел град, дождь, гремел гром и сверкала молния; с 18 сентября по 26 шел опять снег и покрыл землю на четверть аршина, но 26 сентября пошел опять дождь и согнал весь снег; с 27 сентября по 3 октября опять шел снег, а 3 октября опять пошел дождь и опять согнал снег; но с 6 октября пошел снег вплоть до 29 октября, когда был мороз в 19 градусов, и с этого времени установилась санная дорога. Такое непостоянство погоды имело влияние на цены всех жизненных припасов: так мука ржаная не выходила из 40 коп. за пуд, пшеничная из 70 коп. за пуд, мясо – из 2 руб. за пуд, а соль дошла до 1 руб. 10 коп. за пуд. Это же непостоянство погоды имело влияние и на уборку хлеба в деревнях Кузнецкого округа, хотя большая часть свободных рук из Салаирской волости и других деревень отправилась для найма на жатву уже 15 августа и получила порядочные заработки, так что десятину жали от 7 до 12 руб., получая при том готовое содержание, но все таки много хлеба ушло под снег за недостатком рабочих рук, потому что машины при уборке хлеба в Кузнецком округе не введены. Урожай нынешнего года, как говорят, превосходит урожай прошлых лет и даже урожай 1875 года, когда хлеб ржаной доходил до 10 коп., а пшеничный до 25 коп за пуд, овес стоил 8 и 9 коп пуд; ныне были десятины хлеба, на которых получалось по 2000 снопов, на некоторых десятина овса получалась по 2500 снопов. От возвратившихся обывателей Салаира к 20 октября, когда уже по деревням кончилась жатва, мною собраны сведения о их заработках и вот результаты: крестьянин Р. с женой за четыре недели страды получил 53 руб. на хозяйских харчах; крестьянин И. с женой и двумя детьми за три недели получили 47 руб., крестьянин Л. вчетвером за четыре недели получил 60 руб. и 40 пуд. хлеба; крестьянин И. вшестером за пять недель получил 105 руб. и готовое содержание, и так работали многие другие. Не смотря на неблагоприятную погоду, эпидемических болезней в Салаирской волости, как на скоте, так и на людях, не было, хотя в последние три года в Салаире каждую осень появлялся дифтерит; напротив, в с. Гурьевском, отстоящем от Салаира в одиннадцати верстах, в последних числах сентября явился дифтерит в одной крестьянской семье, но эта семья была отделена, дом, в котором она проживала, прокуривался серой, горный врач Е.Ф. Печеркин пользовал этих дифтеритных астралином, т. е. очищенным керосином, и благодаря этому из четырех больных умер только один грудной ребенок, и тем болезнь прекратилась.

Комету, о которой пишут в газетах, у нас замечали 12 октября на ю.-в., а 5 ноября ночью часу в девятом было видно северное сияние, и довольно большое.

Томские губернские ведомости. 1882. № 48. 2 декабря

Салаирский край. Несколько лет тому назад был возбужден вопрос о соединении Салаира телеграфом с Барнаулом, Томском и Кузнецком, что чрезвычайно порадовало всех нас. Радость эта станет вполне понятна для тех, кто познакомится с общим обзором поселений нашего края, его числом жителей, производительностью и способом сообщения с окружающими его городами. Как известно, Салаирский край состоит из следующих селений, в которых главным образом сосредоточена производительность здешнего края.

1) Салаира, в котором в 1881 году было 2527 человек жителей обоего пола, число торговых лавок было в том же году 15, в которых произведено торговых оборотов в год на 150 тысяч рублей;* горная промышленность в Салаире выразилась в том же году в следующих цифрах: приготовлено для Гавриловского завода руд серебряных 460 800 пудов на 29 952 р[убля]; для Обских заводов шпатов 84 300 пудов на 6 111 р[убль] 75 к[опеек]; руд железных 24 734 пуда на 694 р[убля] 69 к[опеек]; употреблено на добычу руд серебряных, железных и шпатов 36 758 р[ублей] 71 к[опейка]; при добыче руд серебряных, железных и шпатов задолжалось рабочих контрактных на год 37 человек, которым выдано 1684 р[убля] 32 к[опейки], вольно-приходящих поденщиков, в артелях от 6 до 15 человек, 111 [человек], им выдано задельной платы 17 912 р[убля] 57 к[опеек].

2) В заводе Гавриловском, отстоящем от Салаира в четырех верстах, жителей в 1881 году было обоего пола 1149 человек; заводское производство выразилось в следующих цифрах: расплавлено руд серебряных 455 800 пудов на 31 580 рублей 43 к[опейки]; выплавлено серебра бликового 80 пудов, 5 фунтов и 1 золотник на 77 343 рубля 29 копеек; при расправке руд задолжалось рабочих контрактных 32 230 поденщин, которым заплачено 7 486 руб[лей] 42 к[опейки]; вольноприходящих поденщиков 11 278 поденщин, им выдано платы 4 135 р[ублей] 91 к[опейка].

3) В селении Гурьевском, отстоящем от Гавриловского в семи верстах, в 1881 году было 1318 челов[ек] жителей обоего пола и 8 торговых лавок, в которых производилось торговых оборотов в том году на восемьдесят тысяч. Заводское производство в Гурьевском заводе выразилось в следующем: отлито чугуновых вещей 10 090 пуд[ов] 18 фунт[ов] на 13 169 руб[лей] 10 к[опеек]; выковано железа разных сортов 18 936 пуд[ов] на 32 458 р[ублей] 80 к[опеек]; приготовлено железных изделий 2 688 пуд[ов] 19 фун[тов] на 10866 р[ублей] 65 к[опеек]; употреблено на выплавку чугуна, выковку железа

* Здесь показан оборот торговли в лавках мануфактурными и крестьянскими товарами, а не съестными припасами и не жировыми товарами. (Прим. автора).

и приготовление изделий 56 494 р[убля] 55 к[опеек]; при плавке чугуна, выковке железа и приготовлении изделий задолжалось рабочих контрактных 30 человек, им выдано 1572 р[убля]; вольнонаемных поденщиков 115 человек, которым выдано 1654 р[убля] 28 к[опеек].

4) На Новобочатской каменноугольной копи в 1881 году было число жителей 146 человек обоего пола, и производство выразилось в следующих цифрах: добыто каменного угля 368 681 пуд[ов] на 12 903 руб[ля] 83 к[опейки]; при добыче угля и выжиге кокса задолжалось рабочих контрактных на год 55 человек, им выдано 2240 р[ублей] 34 к[опейки], вольнонаемных поденщиков 15 436 поденщин, им выдано платы 11 139 р[ублей] 71 к[опейка].

Вот в каких суммах в 1881 году выразилась производительность здешнего края по горной и заводской промышленности и по торговле. Как главное производство здешнего края есть горное и центр тяготения его есть Барнаул, то естественно, что большинство корреспонденции приходится на этот город; торговое же сообщение главным образом идет на Томск, так как все товары для здешнего края идут чрез Томск, почему большая часть торговой корреспонденции идет на Томск, чрез Барнаул. Вот два главных пункта для здешнего края, с которыми он связан интересами промышленными, торговыми и частью официальными. Сообщение же с Кузнецком есть только официальное, касающееся Салаирского волостного правления и местного полицейского чиновника; торговых же сообщений и промышленных нет, или очень мало. Теперь посмотрим, какое расстояние от Салаира до Кузнецка, Барнаула и Томска, и какие имеются средства сообщения.

От Салаира до Кузнецка идет зимний тракт на расстоянии 120 верст и сообщение на нем производится посредством земской почты, которая отходит из Салаира раз в неделю по вторникам и приходит в Кузнецк дня через три, а иногда через неделю, так как на пути в трех волостных правлениях дожидает волостной корреспонденции; денежная же корреспонденция от Салаира до Кузнецка идет и долее недели, так как деньги стараются посылать с благонадежным сотником или с волостным начальником. От Салаира до Барнаула считается зимним трактом 192 версты, а от сего последнего до Томска почтовым трактом 388 верст, следовательно, от Салаира до Томска чрез Барнаул будет 574 версты*, и земская почта из Салаира в Барнаул отходит зимним трактом раз в неделю, благодаря тому, что Салаирская горная контора нанимает от себя почтаря; корреспонденция же из Томска до Салаира доходит через Барнаул на десятый день. Вот какие сообщения с Кузнецком, Томском и Барнаулом. Теперь посмотрим, который тракт более удобен для соединения Салаира телеграфом, т.е. Барнаул-Салаир, или Салаир-

* Из Салаира до Томска есть другой зимний тракт чрез деревни Пестеревку, Усть-Сомову и Тагу на расстоянии 286 верст, но по этому тракту не ходит зимняя почта в Салаир, а ездят только проезжающие (прим. автора).

Гутова. Тракт от Салаира до города Барнаула на 60 верст проходит по лесной холмистой местности до деревни Емелевки, но затем на 100 верст до реки Оби по ровной степи. Дорога от Салаира до Гутовой на протяжении 80 верст идет по окраине степи, в недалеком расстоянии от отрогов лесных Салаирских гор и затем на 100 верст тракт проложен по местности менее обильной лесом. Условия удобств и неудобств того и другого пути, как в летнее, так и в зимнее время почти одинаковы и нигде особых препятствий не встречается, причем оба тракта проходят по населенным местностям. Расстояние от Салаирского рудника до Барнаула по зимнему пути 176 верст и по летнему 192 версты; до Томска от Барнаула 382 версты и до Гутовой 180 верст. Между Салаиром и Барнаулом [протекают] реки Чумыш и Обь, хотя и разливаются в весеннее время, но препятствия для проездов не представляют, равно как реки Тарьема и Иня по тракту Салаир-Гутово; на этих последних устроены мосты, а на Оби и Чумыше имеются паромы. Ценность лесного материала по линии Салаир-Барнаул будет гораздо дешевле, чем по линии Салаир-Гутово, так как первый путь пошел бы по Салаирской черни, лес которой выгорает ни за что, ни про что, а также самовольно истребляется, и лесное ведомство или горное, конечно для своей пользы и в видах общегосударственной пользы, которой будет служить телеграфное сообщение, не поспеют отпустить его без попенных денег. Во всяком случае, в интересах как горного ведомства, так и частных лиц желательно было бы видеть Салаирский рудник соединенным телеграфом с Барнаулом и Томском, так как рано или поздно такой богатый край будет эксплуатирован более чем теперь. Что же касается соединения телеграфом Салаира с Кузнецком, то это сообщение в настоящее время может и не состояться, так как Кузнецк для здешнего края не имеет большого значения ни в торговом, ни в экономическом отношении, хотя тракт от Салаира до Кузнецка на пространстве 120 верст идет по ровной местности, лес также близко и только одна река Томь под Кузнецком, на которой есть перевоз, так что и она не составит особого затруднения. Теперь надо решить вопрос выгоден ли будет для казны телеграф и окупится ли он?

Мы скажем, что выгоден и окупится, если не в настоящее время, то в близком будущем, так как этот край ожидает блестящее будущее по его неисчерпаемому каменноугольному бассейну и по другим минеральным богатствам, еще мало исследованным.

П[оникаровский].

Томские губернские ведомости. 1883. № 1.

Гурьевский завод (Кузнецкого округа Томской губернии). Проживши здесь несколько месяцев, даже нехитрый наблюдатель может сейчас заметить, что старый алтайский режим начинает сказываться и здесь. Так в минувшем 1882 году в здешнем заводе частовременно происходили кражи – то утащат железо, то чугун или какие-либо вещи из чугуна и железа, несмотря

на то, что завод весь обнесен стеной более сажени высоты и для прохода есть только одно место, в котором находится караульщик, так называемый обыскатель; кроме этого обыскателя в заводе и фабрике есть еще несколько караульщиков, на которых отпускается довольно солидная сумма, но все не помогает. До того, наконец, дошли кражи, что украли из завода около сотни возов древесного угля. А к конце-концов провалилась чугуноплавильная домна, хотя и была скреплена железными болтами; теперь же поговаривают о неблагонадежности Гурьевской плотины и для освидетельствования ее даже приезжал чиновник из Барнаула. Кто, вы думаете, виноват во всем этом? Виноваты крестьянишки, как изволят называть рабочих наши алтайские аристократы, даром, что у большинства их, т.е. алтайских аристократов, отец или дед происходят из богатых крестьян или из змеевских мастеровых^{*}; да еще виноваты в этих порядках волостное и сельское начальство, потому, изволите видеть, что не держатся правила: хватай, имай, лови! А стараются стоять на почве закона, так как теперь не старое время, когда всякий произвол проходил безнаказанно, особенно для сельских и волостных властей. Вот и в одном из салаирских рудников сделался обвал в начале марта, да по счастью никого не задавило, хотя и производились работы; виноваты в этом обвале должно быть контрольные чиновники, так как они у алтайских заправителей все равно, что бельмо на глазу, хотя контролем на Алтае заправляли тоже родственники алтайских техников; ну, а если бы контрольные не были родственники, тогда бы их как ненавидели! Здесь же техники и заправители ни в чем себя виноватыми не почитают, все сваливают на людей посторонних их делу и преимущественно на праздных публицистов современной прессы. Вот уже несколько месяцев как здесь нет доктора, хотя кругом разного вида и рода болезни, и часто бывают несчастные случаи с рабочими на заводе и в руднике, причем нужно делать хирургические операции, но никто о приглашении доктора не позаботится, и здешнее население может остаться без доктора до того времени, покуда племянница или воспитанница какого-нибудь из здешних заправителей не выйдет замуж за доктора, который вместе с рукой получит и место, так как на Алтае все делается родственниками для родственников и через родственников, но для народа никто, никогда и ни о чем не позаботится; о положении здешнего рабочего, его быте, заработной плате и о прочем побеседую с вами в следующих письмах.

Восточное обозрение. 1883. № 18. 5 мая

Гурьевское (Томской губернии). Положение здешнего рабочего в последнее время далеко не обеспечено, так как не всегда есть работы на заводе: то какие-нибудь поправки, то руды нет, а то и угля (хотя этим материалом пруд пруди), да и наряд-то железа самый пустяшный, хотя его потребность в Западную Сибирь громадная и все железо идет из-за Урала. Несколько лет

^{*} Мастеровых из Змеиногорска.

тому назад, как мне говорили, рабочим было лучше, так как материала и работы хватало, особенно древесного угля, и мне показывали около завода две печи для выжигания угля, которые почему-то уничтожены, и также в нескольких верстах от завода жгли уголь, а теперь тоже почему-то перестали; вследствие всех этих невзгод рабочие разбредаются в разные стороны, и чтобы их удержать в руках, заводоуправление теперь с большинством из них заключило контракты, и как работ мало, то теперь отпускают, а летом, в самое горячее время для полевых работ, будут удерживать на работах. В семи верстах от Гурьевска по дороге к Барнаулу находится сереброплавильный Гавриловский завод, расположенный как будто в яме, а так как он не имеет большой газоотводной трубы и большинство крестьянских домов находится выше завода, то заводской газ садится на селение, и жители болеют свинцовыми коликами. Гавриловский завод мог бы выплавлять и более, если бы был устроен лучше и с новейшими усовершенствованиями, так как рабочих рук много, лес, руда, уголь и кокс под руками и перевозка всего этого материала очень дешева; но теперь это какой-то деревянный сарай или балаган. Через четыре версты от Гавриловска, тоже по дороге к Барнаулу лежит Салаирский рудник – это какая-то масса лачужек, занесенная снегом; проживши в нем несколько дней, заметно, что в нем царствует мерзость запустения, так как рабочие получают нищенский заработок и работают месяца четыре в году, потому что наряд очень маленький; жизнь в руднике ничем не оживляется, хотя и есть публичная библиотека, но это только громкое название, а на самом деле – бестолковое собрание разных романчиков из старых журналов, да два или три старых молитвенника и несколько тоже старых календарей; серьезных же книг почти нет, не говоря про сочинения о Сибири, а тем более об Алтае, как видно, здешняя библиотека есть ни более ни менее, как барская затея. У нас всегда так: начнем какое-нибудь одно дело, но для барышей присоединим к нему несколько совершенно посторонних и ничего общего с этим делом не имеющих, как, например, возку или выжигание угля, а то, пожалуй, и питейное заведение! В мой проезд через рудник, в горе, во время работ случилось несчастье с тремя рабочими: разорвавшимся шнуром ранило двух рабочих, одного в руку, а другого в ногу и щеку; вот и опять приходится пожалеть, что нет доктора: ведь кто знает, что может с этими ранами приключиться, может быть и антонов огонь. На выезде из рудника стоит недостроенный дом управляющего, предназначенный быть памятником старого управления; на него употреблено до 10 т[ысяч рублей], да на отделку его должны употребить столько же, если он в это время не сгниет, все равно, что в с[еле] Гурьевском, где будет таковым памятником старая недостроенная кирпичная труба, стоившая заводу несколько тысяч. Вообще на Алтае слухи были такого рода, что все заводское и рудничное дело вели так, что хотели сдать Алтайские рудники и заводы в частные руки, заполучив, конечно, малую толику за комиссию, и если бы был жив кум Луканчик (теперь мифологическое лицо), да времена были бы старые, то может быть и выгорело бы, но

теперь не то, и от преобразований и новых людей ждут много хорошего, если доживем, то увидим.

Восточное обозрение. 1883. № 23. 9 июня

Салаирский рудник. С наступлением лета здесь только и речей, что о покосах. Все помыслы крестьян сводятся к тому, чтобы накопить побольше травы, хлебопашество здесь совсем забыли, и пахарей по всей волости можно перечесть по пальцам. Большую часть года крестьяне работают на рудниках (серебр[яном], железн[ом]), на приисках и заводах (тоже серебр[яных] и железн[ных]). Летом же крестьянин на работу идет неохотно: надо поставить сена, запастись кормом для скота на зиму (здесь держат много лошадей и коров; не редкость встретить во дворе 3-5 лошадей; конские бега (с призами) зимой бывают чуть ли не каждое воскресенье). Горнозаводские работы на время сенокоса сокращаются до минимума; работают только там, где нельзя или неудобно приостанавливать работы без вреда для дела: отливка воды из шахт и т.п. Таким образом, летом горнозаводское население до некоторой степени превращается в земледельцев. Но своей земли у здешних крестьян очень мало: при освобождении от обязательного труда (1861-[18]63 гг.) дано было покосной земли по десятине на душу*, (всего в волости 1354 дес[ятины]), а пахотная была отведена только тем, кто ее пользовался до 1861 г[ода] (таких оказалось всего 7 душ, получивших около 24 дес[ятин] пахоты). Теперь население значительно прибыло: ревизских душ считается в волости 1830, а наличного мужского населения до 2300 человек. На каждого из 1500 годных работников приходится теперь уже гораздо менее одной десятины. С такого пайка много сена не поставишь. При том же надельная земля отведена за 20-25 в[ерст] от селений и обыкновенно сдается салаирскими крестьянами жителям соседних с наделом деревень. Салаирцы же могут получить необходимую землю только от Кабинета. Хорошее устройство земельного управления имеет поэтому весьма важное значение для здешних крестьян, и всякая несправильность в этом деле чувствительно на них отзывается. Теперешний же порядок, или лучше сказать беспорядок при раздаче земель таков, что остается только руками развести. Судите сами: крестьяне получают землю двумя путями: во-первых, все служащие и рабочие на рудниках получают «даровую дачу» по 2 дес[ятины] и более (для служащих в конторе 3-6 дес[ятин]) на работника, и, во-вторых, недостающее количество крестьяне арендуют у Кабинета по 40 к[опеек] за десятину в год. И отвод «даровых дач», и отдача земель в аренду лежит на обязанности особого служащего г. П-ва. Жалобы на него сыплются и местному полицейскому приставу, и управляющему Гурь-

* Земля давалась только тем, кто имел на это право по 20 ст[атье] положения 8 марта 1861 г[ода] Таких оказалось в Салаирском руднике 635 из 995 [человек]. Кроме того, ранее уволенные рабочие получили по одной десятине в пожизненное пользование (261 чел[овек]).

евским заводом. Споры и ссоры, самовольные расправы, увоз чужого сена и т.п., все это теперь здесь в большом ходу. Один, нап[риимер], скосит траву на отведенном участке, на другой день на то же место заявляет претензию другой, уверяющий, что и ему этот участок отведен тем же лицом. Чтобы не откладывать дела в долгий ящик претендент, ни что же сумняся, сгребает скошенное не им сено, и делу конец! Кому жаловаться? Пристав отсылает жалобщиков к тому, кто отводил покосы и виноват во всей этой путанице. Самого отводчика увидеть очень трудно: его надо караулить, да и это редко увенчивается успехом. Начальство от разбора этих дел тоже отбивается руками и ногами и отсылает крестьян к приставу. Вот тут и добейся толку! А дел подобного рода масса и одно другого запутаннее. Хорошо еще, если на один покос заявляют претензию только двое; а то бывают случаи, что претендентов является еще более, и все они предъявляют выданные квитанции, или же квитанция оказывается только у одного, а другие ссылаются на отводчика, который, взявши деньги, квитанцию выписать позабыл. Для крестьян важно также, чтобы соблюдались раз принятые обычаи. Вошло в обыкновение, нап[риимер], что покос оставляется за прежним арендатором, если он к известному сроку весной внесет деньги за этот покос. Точно также отведенные «бесплатные дачи» рабочим оставляются в их пользовании и на следующий год (здешние покосы иногда требуют чистки). То и другое сплошь и рядом нарушается. Отсюда новая путаница, новые жалобы, новые ссоры. Разобраться во всей этой каше в короткое время едва ли возможно. А время не терпит: если уж разбирают, так разбирают сейчас же: упустить благоприятное время для сенокоса часто значит совсем остаться без сена.

Восточное обозрение. 1889. № 27. 2 июля

Салаирский рудник (Томской губернии). Общие условия нашей жизни (в особенности захолустной) не возбуждают, а стремятся сократить все, что носит печать самостоятельной инициативы. Поэтому захолустному корреспонденту приятно отметить факты, показывающие, что даже у нас общество, раз оно захочет, может кое-что сделать в интересах школы, благотворительности и т.п.

27 декабря в жизни нашей сельской школы был устроен для детей большой праздник: собрались на елку ученики обоих салаирских школ (около 110 чел[овек]) и кроме того, дети лиц, пожертвовавших деньги на устройство елки. С 5-ти часов вечера детей стали поить чаем. По окончании чая ребята окружили елку и, когда упал занавес, скрывавший елку от глаз публики, раздалось очень стройное пение народного гимна, за которым начались игры (в кошку и мышку, игры на призы и др.). Ребята плясали под музыку учеников же (гармония и бандура). В промежутках между играми и танцами дети пели: «Уж мы просо сеяли», «Посмотрите, как в своей-то мастерской», «Ах, ты, воля, моя воля!». По окончании игр были розданы подарки: беднейшим из учеников – шапки, ситец на рубашки, материя на брюки; а всем вообще

конфеты, пряжи и пр[очее]. Перед раздачею подарков и по окончании ее елка была освещена бенгальским огнем. На устройство елки собрано было около 120 р[ублей], из которых израсходовано около 90 р[ублей]. Нельзя не выразить благодарности распорядительницам елки г-жам Крупской и Речкуновой, которые немало положили труда (вместе с другими салаирскими дамами) на устройство этой елки, которая сошла вообще очень удачно: дети, не стесняясь, весело шумели и играли; да и для всего Салаирского общества этот вечер был в некотором роде событием, так как после елки, окончившейся в 10 часу, начались танцы, продолжавшиеся за полночь. Через два дня (29 декабря) была елка в Салаирском (в 12 вер[стах] от Салаирского рудника) для детей тамошней церковно-приходской школы, устроенная учителем А.Л. Поповым.

Нельзя не отметить еще одного отрадного факта: для школ в Салаирском руднике выписаны волшебные фонари: в сельской школе на средства попечителя школы Е.М. Смирнова, затратившего на это около 50 р[ублей], в горной же школе – на деньги, ежегодно вносимые в смету на нужды школы. При хорошем подборе картин, фонари могут послужить и учебным пособием и средством доставить развлечение детям.

*Один из публики.
Восточное обозрение. 1890. № 5. 28 января*

Гурьевский завод (Томской губернии). 5 апреля здешними любителями драматического искусства был дан спектакль. Поставлены были две комедии: «Через край» (Вл. Тихонов в 3-х действиях) и «Это мой маленький каприз» (в 4-х д[ействиях]). Спектакль сошел прекрасно. В первой комедии автором выведен, хотя и не очень удачно, тип «нового человека» Борис Шавров (г. Бедрин). Как и все, созданные по шаблону современными авторами новые люди, Борис Шавров представляет из себя деревяшку, начиненными высокопарными фразами. Исполнитель этой роли г. Бедрин старался подделываться под тон автора комедии, что и исполнял с успехом, достойным лучшей участи. Г. Кузнецов, игравший дядю Пылаева, немножко кокетничал с публикой и дамами, любовался собой и переходил в шарж. Вводная роль недалекого, простоватого чиновника Мухина была с успехом проведена до конца г. Хмелевцевым. Не дурен был и г. Норин в роли слуги, а потом в роли старичка-селадона и ханжи (во 2-й комедии). Из женщин очень хорошо сыграла г-жа Быкова роль якобы великосветской дамы, г-жа Кузнецова – роль Фени, горничной и г-жа Норина – роль старой девицы, сестры Пылаева.

Спектакль был в здании заводской школы, в пользу которой и назначен сбор. Зала была почти полна. Всего получено 75 р[ублей], из которых, за исключением расходов, осталось в пользу школы 25 р[ублей].

Говорят, в мае предполагают дать и 2-й спектакль. Нельзя не пожелать успеха нашим любителям: здесь так мало развлечений, что люди от скуки пускаются во все тяжкие: кутежи и карты составляют здесь обычное времяпрепровождение. Даже танцевальные вечера бывают очень редко. Книг мало. Библиотеки ближе Барнаула (180 в[ерст]) нет. Хоть удавись с тоски! Потому

не удивительно, что, не смотря на распутицу, на спектакль съехались сюда и из Салаирского рудника и даже из с[ела] Бочата (20 в[ерст]).

Восточное обозрение. 1890. № 22. 3 июня

Салаирский рудник (Томской губернии). 22 февраля. В декабре месяце прошлого года три сельских общества Салаирской волости составили приговор об открытии в их селениях общественных кабаков и послали в этом смысле прошение губернатору.

В этих селениях были только оптовые склады, из которых нельзя продавать менее 1 ведра. Продажа, конечно, не ограничивалась этим, продавали и из складов в розницу. В с. Салаирском есть золотые промыслы и потому раздробительную продажу открыто вести нельзя.

Сельские общества, составляя приговоры об общественных кабаках, имели в виду закон 4 мая 1889 года, дозволяющий обществам открывать питьевые заведения с раздробительной продажей. Губернатор, ссылаясь на тот же закон, прислал просимое разрешение, упомянув, впрочем, что разрешение дается только на 1891 год. Главное управление Алтайского округа против открытия кабаков в Салаирской волости. Выборные от сельских обществ, ходатайствовавших об общ[ественных] кабаках, были в Барнауле и привезли решительный ответ от начальника Алтайского горного округа, что никак не может дозволить открытия кабаков (с раздробит[ельной] продажей).

Восточное обозрение. 1891. № 12. 17 марта

Гурьевск (Томской губернии). 22 марта. Несколько лет тому назад, вблизи завода строили здание, которое, как говорило тогда начальство, предназначается под помещение больницы. Последняя вызывалась не отложною необходимостью, так как Салаирский рудник, где врач и больница отстоит от Гурьевска на расстоянии 12 верст. Понятно, везти больного и при том тяжкого было бы большим неблагоразумием, и начальство казенного завода позаботилось было устроить больницу. Но дом, предназначенный на благое дело, был отдан под квартиру механика, а рабочих больных предоставили самим себе. Забыли, очевидно, что рабочие, хворая, не могут располагать удобным помещением и постоянным уходом; остается им лежать на полу избы, состоящей, как бывает часто, из одной небольшой комнаты. Весьма желательно поэтому, чтоб при заводе была больница; устроить ее будет в интересах заводского управления и последнее даже обязано пред законом, требующим от фабрикантов и заводчиков устройства больниц и вообще охраны рабочего населения. Отсутствие же этого на казенном железодельном заводе — весьма странно. Будем надеяться, что начальник Алтайского горного округа г. Журин обратит внимание и разрешит «быть или не быть» приемному покою. В заключение нелишне сказать, что продуктивность завода выражается в 60 000 пудах железа; из этого числа 40 000 п[удов] идет частью на казенные заводы, и частью продается, остальные 20 000 п[удов] распродают мест-

ным купцом г. Ермолаевым на месте и в г[ороде] Барнауле. Ранее гурьевское железо продавалось и в Томске, но это продолжалось только до нового управления; с последним бывший комиссионер не сошелся, и торговля, к сожалению, прекратилась, а шла весьма порядочно.

Восточное обозрение. 1891. № 16. 14 апреля

Мариинск и Мариинский округ

Мариинск. В ноябре 1882 г. разнесся слух о назначении в Мариинск исправником известного из № 10 «Восточного обозрения» 1883 г. [некоего] З. Мариинцы, твердо памятуя прежнее служение его здесь, были поражены этим, как громом. С приездом этого начальника надо было подготовиться к новому порядку вещей. У многих еще не выросли зубы от последних затрепщив г. З., а история, например, о избииении плетьюми двух мещан, А. и К., и о драке его с офицером А., с обнажением сабли, еще не успела испариться из памяти жителей. За эти и им подобные подвиги З. был переведен в Каинск, но там, отличился таким же образом, послужил немного; его удалили от должности с назначением вторично следствия. Затем ему удалось поступить в Томскую казенную палату, где через некоторое время за личное оскорбление действием чиновника он был уволен. Далее, мы его видим уже секретарем думы в Бийске; здесь он за оскорбление чести и проч[ее] попадает под следствие по нескольким делам сразу и тоже с удалением о службы. И вот этот-то Юпитер громовержец, Бог весть какими судьбами, очутился опять исправником и в половине декабря 1882 г. со свойственным ему треском явился к нам. С этой минуты никто не был гарантирован от обид.

Мариинцы не ошиблись в ожидании: в четырехмесячное служение здесь З. показал, что он все таков же, каким был и ранее; чинил по-прежнему кулачные расправы, придирался везде с истинною способностью полицейского крючка, ссорился и чуть не дрался в присутствии. К более крупным его деяниям за это время относятся: тяжкое оскорбление словами городского головы, ссора в тюремном замке с прокурорским надзором, обида, нанесенная сыну городского головы, оскорбление своего помощника и ложный донос на окружного судью, так что всего этого было достаточно к вынуждению начальства о назначении над ним опять следствия. Командировали из губернской администрации чиновника Л., который повел дело беспристрастно, что было неудобно для З. и тот, как ловчак на все штуки, сумел придрататься к какому-то слову следователя, облачил его выражение в личное оскорбление, составил какой-то акт и, словом, подтасовал так, что чиновник вдруг стал иметь с ним личное дело и не мог производить дальнейшего следствия, чем, понятно, оттянулась подсудность З. Но все-таки с должности исправника его сменили. Жители, после этого вздохнули свободно. Между тем, З., уверовав, что все дела, которых находится о нем в производстве более двадцати штук, не помешают ему снова занять место исправника, и, крепко рассчитывая на какую-то поддержку, надеется опять быть исправником в Мариинске.

Восточное обозрение. 1883. № 30. 28 июля

Мариинск (Томской губернии). Почти через 10 лет мне пришлось увидеть мою родину, которая произвела на меня грустное впечатление! Эту безответную кормилицу, эту ласковую мать, простирающую свои объятия как

родным детям, так и пасынкам, эту хлебосольную хозяйку, у которой всегда накрыт стол как для друга, так и недруга, эту приветливую страну превратили в нечто варварское и ужасное, где постоянно только и слышишь: сегодня грабеж, завтра убийство, самое варварское, самое бесчеловечное. Шайки разбойников все множатся, а с ними грабежи и убийства. Так на днях случилось убийство среди белого дня: по мариинскому тракту недалеко от деревни Тюменевки между Подчельником и Бирикулем вырезали 5 человек. Шайка поджидала одного доверенного купца Пастухова, который поехал по деревням собирать деньги с кабаков; в ожидании его разбойники разобрали мост, чтобы он не мог уехать, и на месте положили его с работником. В это время ехал в Тюменевку один крестьянин Погорелов с сыном 6 лет и с сестрою 16 лет. Разбойники, завидев издали, что кто-то едет, чтобы скрыть убийство, остановили их и застрелили сначала отца, потом сына, а девушка бросилась бежать, ей в вдогонку пустили также выстрел, который положил ее на месте, потом другой. И таким образом, управившись со свидетелями, спокойно возвратились домой. Но спустя некоторое время эта девушка, очнувшись, увидела себя одну на дороге и невдалеке ребенка, не только простреленного, но еще и изрубленного топором; тогда она, истекая кровью, с пулей в голове, схватывает ребенка, садится с ним в телегу и едет в Тюменевку (в 4-х верстах от Тюменевки произошло убийство), приезжает туда и рассказывает все. Потом она лишилась сознания, но благодаря медицинской помощи, оказанной вовремя, она начинает выздоравливать. Убийцы пойманы, их три человека. Один из них уже несколько раз судился за убийство, но в то же время жил на свободе, имел свою пасеку и торговал скотом. Вот подобные явления здесь сплошь и рядом.

Восточное обозрение. 1884. № 30. 26 июля

Мариинск (Томской губернии). Недавно около Мариинска совершено было зверское преступление среди белого дня, недалеко от почтового тракта, причем жертвою были доверенные виноторговца Рименского Копылевич, два крестьянина, 6-летний крестьянский мальчик и тяжело ранена 16-летняя девушка, оставшаяся в живых только по счастливой случайности. В убийстве заподозрены были мариинский мещанин Путилин, ссыльный Вахрамеев и мариинский мещанин Сладков. Разбойники были вооружены ружьями и револьверами. Крестьянская семья была встречена на дороге после убийства доверенного и стала жертвой разбойников. Они мозжили головы и стреляли по детям, убив взрослых. Только 16-летней девушке посчастливилось спастись и добраться до деревни с мертвым ребенком в руках. Соседние крестьяне оказали замечательную энергию, они выследили путь убийц, и указали его в Мариинске.

Во время следствия Путилин держал себя как закоренелый преступник, не имеющий ни души, ни сердца. Пострадавшей девушке он и его сообщники были предъявлены в группе посторонних 12-ти человек крестьян, вызванных из соседних деревень и поставленных пред нею в тех видах, что может ли она

отличить и положительно признать настоящих убийц. Девушка сразу признала убийц и энергически стала напирать на Путилина, говоря: «Ты, ты убил моего отца и брата!». На это Путилин прехладнокровно и с злой иронической улыбкой ответил ей: «Побойся Бога-то! Что ты честных-то людей вздумала марать! Я еще честнее моего отца!». Смысл этих слов ясен. Остальные преступники представлялись более или менее нравственно расстроеными. Путилин, а затем и сообщники его сознались в преступлении только тогда, когда первому предъявлено было подложное показание от имени отца его, раскрывавшее, будто бы все преступление. Эта выдумка следователя-исправника сильно подействовала на Путилина, так что он отпустил по адресу отца самый крепкий «комплимент» и затем сказал: «Когда так, пишите! Все расскажу!». Нельзя, однако, не заметить что и первая выдумка предъявления пострадавшей целой группы незнакомых лиц, на случай отсутствия признания в преступлении, в интересах Фемиды, не лишена смысла. Признание пострадавшей убийц в целой группе в связи с теми данными, какие уже представлялись к обвинению их, бесспорно, уже положительно устанавливает факт совершения этими лицами преступления. Но с другой стороны выдумка эта имеет и свою ахиллесову пяту, не говоря уже о том, что она незаконно-рожденная (как и вторая с подложным показанием). Например, к чему повело бы, если бы больная девушка просто по ошибке, возможной вследствие патологических изменений нервной системы, признала за убийцу хотя бы одного невинного мужика? Во-первых, свидетельство ее, если бы оно опровергалось об одном, не имело бы тогда никакого юридического значения и относительно действительных убийц, признанных ею; а, во-вторых, вопрос что было бы с тем неповинным мужиком, признанным за убийцу, который, к несчастью во время страшного преступления мог находиться где-либо в лесу или в поле вблизи места преступления, а, следовательно, и не мог ничем доказать как место своего пребывания в данный момент, так и совершенного безучастия в преступлении? Пословица говорит, что «Суд, да дело – корова съела», а между тем не должен ли он был познакомиться, по крайней мере, с полицейской кутузкой?

Восточное обозрение. 1884. № 38. 20 сентября

Мариинск (Томской губернии). Общественное внимание было возбуждено у нас в Мариинске, кроме дела Путилина, описанного в № 26 «Сибирской газеты» и в № 32 «Восточного обозрения» и дела Куликова, описанного в № 28 «Сибирской газеты», еще тем, что нынешним летом был заключен в мариинский тюремный замок бывший городской голова г[орода] Мариинска г. Савельев, за разные мошенничества. Хотя Савельев и владеет большим капиталом и ведет большую торговлю, но не избег общей участи всех мошенников; на нем, Савельеве, в сотый раз выяснилось, что представители капитала и торговли, выбираемые в градские головы, не есть еще представители городской чести, законности и желания быть полезным выбираю-

щему обществу, но, как видно на Савельеве, для ограждения общества от их хищнических инстинктов нужно бывает сажать таких господ в тюрьму. Вообще наш город кишит разного рода хищниками: разные Ицки, Абрашки, Хаимки восточного происхождения преуспевают в нем и, благодаря связям с уездной администрацией и в губернии, заплотнили мужика, захватив в свои руки разные казенные подряды и поставки, которые, конечно, исполняет для них мужик, только за низшую цену, а прибыль кладет в карман восточный человек. И замечательно, что даже полицейское управление помещается в доме одного из этих лиц, некоего Юдолевича. Эти господа с хищностью акулы соединяют нахальство волка и хитрость лисицы. Один из этих господ, некто А-руд, фигурировал ранее и теперь фигурирует только конфиденциально в звании адвоката и к кому ни прилепится в этом звании, то непременно утопит и разорит. Этот господин, как сам, так и от своих клиентов завел много дел и этими делами завалил суд и полицию. Урожай нынешнего года, благодаря благоприятным климатическим условиям, средний; он мог бы быть и хороший, но прошлогодние семена, употребленные на посев, вышли плохи, и только семена позапрошлого посева и других годов вышли хороши. Всходы озими нынче тоже хороши, но только в этом хлебе недосев, так как старых семян у крестьян не хватило на посев; хлеб же, взятый из магазинов, большинство крестьян распродало. Чума на рогатый скот хотя и свирепствовала в округе, но города не коснулась.

Восточное обозрение . 1884. № 45. 8 ноября

Мариинск (Томской губернии). Так называемое куликовское дело всплыло опять на свет божий, и желающих познакомиться с подробностями этого дела мы отсылаем к № 28 «Сибирской газеты» за нынешний год, а здесь изложим только коротенькое резюме этого дела. В прошлую зиму у хозяина постоянного двора К. потерялся работник Алексеев; нынешним летом труп его был найден на берегу реки Кии в тине и песке, и по обыкновению началось следствие. Потом по поводу этого дела в № 28 «Сибирской газеты» появилась корреспонденция. Производство следствия по этому делу передано мариинскому исправнику, который нашел нужным произвести перевскрытие трупа Алексеева и пригласил для этого двух докторов, кроме того, который ранее вскрывал, и по перевскрытии оказалось, что вновь предъявленный и перевскрытый труп не есть труп Алексеева, а какого-то другого человека. В результате получилось что-то невообразимое и непонятное, так что один веселый человек написал даже эпитафию остроумного содержания. Да, много чудес в нашей стороне, но нельзя не указать на одно из них, а именно на нашего полицейского надзирателя Л-ва, как на пример бескорыстия в наш материальный век, когда все бросились на наживу; так он получает в месяц всего содержания рублей около сорока с лишком, а между тем держит трех писцов, которым чуть ли не платит все свое месячное содержание, да за себя с человеком платит за хлебы 20 рублей; притом же держит двух лошадей, да содержит жену с детьми в Томске. При всем этом ведет карточную игру до-

вольно несчастную, так как постоянно проигрывает. Очень естественно является вопрос: откуда он берет разницу между получаемым жалованьем и тем, что проживает. Ответ простой, что для пользы службы он кладет на алтарь отечества или свои кровные деньги, скопленные ранее, или полученные в приданное за женой, или доставшееся наследство. Но только странно, что сколько ни было краж, ни одна из них не была открыта, и ни один из воров не был пойман. Сей господин для пользы службы не жалеет и скул обывателей, которые он сокрушает неумоимо и также кладет на алтарь отечества, то и дело обыватели подают жалобы о разбитых мордах, подбитых глазах, истеганных спинах, но все остается без толку. Впрочем, деятельности этого франта мы посвятим особую корреспонденцию.

Восточное обозрение. 1884. № 48. 29 ноября

Мариинск (Томской губернии). С чувством благоговения, умиления и радости мы, сибиряки, прочили Высочайшую резолюцию на всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг., и как было не радоваться вновь наступающей эре для Сибири в виду тех безобразий, бесудия и беззакония, какие творятся кругом нас. Так в настоящее время произволом власти пользуются в селах и деревнях старшины, старосты и волостные и сельские писари, а в городах властвуют полицейские надзиратели, и вся эта клика, коей нет числа, старается, как говорит про нее народ, только рвать, рвать, рвать во что бы то ни стало. И наш полицейский надзиратель Л-в, как продукт нынешнего времени стоит того, чтобы им заняться и описать его деяния, и при описании их мы ограничимся только фактами, которые говорят сами за себя. Одно из выдающихся по своему несоблюдению законности, если не сказать более, есть дело о взыскании купцом А-м с С-ва двадцати тысяч рублей, попавшее по предписанию начальства для исполнения к Л-ву. Опись имения С-ва, которую производил Л-в продолжается чуть ли не полгода, не смотря на то, что имение С-ва все находится в городе. И какие ухищрения не употреблял Л-в, чтобы затянуть опись, и, наконец, видя, что приходит край, так как А-в и начальство настаивают на окончании описи, то он, чтобы протянуть дело вошел с представлением о том, кто должен снимать товары при описи с полки, мерить их и весить! Другое, тоже из крупных дел, попавшее нашему надзирателю для производства следствия, ибо у нас нет судебных следователей – это есть дело о растрате двадцати пяти мест чая ямщиком К. у купца П-ва; при производстве следствия по этому делу Л-в сажает под стражу не К., как обвиняемого, а одного из покупателей Т-ва, который купил два места чая у К. при свидетелях не за заведомо краденные, что не отвергает и К.; потом выпускает из-под стражи Т. и опять заключает под стражу, то есть действует как положил Бог на душу, не соображаясь ни с законами, ни с справедливостью, а с настроением своего духа и советами своего писаря Преображенского, мещанина из ссыльных, который, служа в нашем городе писцом у многих полицейских чиновников, состоит под судом за похищение у них переписок и векселей, и хотя высшее начальство распо-

ряжалось, чтобы его не держали полицейские чиновники письмоводителем, но у нас не смотрят даже и на высшее начальство. В виду всего этого, читатель спросит, конечно, что же смотрят на действия Л-ва те, кому об этом ве-
дать надлежит. А мы вместе с читателем спросим то же самое, а в конце при-
дем к размышлению: возможны ли бы были подобные явления, если бы была
допущена большая свобода местной печати, и на ее заявления обращали бы
более внимание?

Восточное обозрение. 1884. № 50. 13 декабря

Мариинск (Томской губернии). Нынешним летом один из мещан нашего города К-в подрядился у одного томского купца доставить чай из Иркутска до Томска, но доставил из взятого на подряд только часть, а другая часть тысячи на три [рублей] не доставил и, как говорит народная молва, одну часть недоставленных цибиков промотал дорогой, а другую сдал за половинную цену богатым сынам дома израилева в городе Мариинске. Началось дело; производить его поручили полицейскому надзирателю Л-ву. Сей следователь, кроме К-ва, привлек, как и можно было ожидать, к следствию людей совершенно посторонних, а именно мещанина Т., который купил цибик чая у К. при свидетелях, что не отрицают ни К., ни Т.; да еще наш Л-в привлек к этому делу другого богатого мещанина и кабатчика С., и началась история, т.е. сажание в каталажку, выпускание из нее привлеченных к следствию лиц, опять сажание, опять выпускание и так далее, то есть стали приниматься сибирским следователем все те меры, какие только может допустить сибирский произвол по следственным делам, попирающий закон, справедливость и гуманность и имеющий конечную цель наживу и наживу во что бы то ни стало. В конце-концов следователь, полицейский надзиратель Л-в, однако, посадил в тюрьму К., Т. и работника первого, но С. посадить не мог, потому что окружной суд, куда поступило постановление следователя о заключении их в тюрьму на утверждение, нашел уж слишком бесцеремонным обращение Л. с законом и о С. постановления не утвердил. Однако, Л. не упал духом и, когда однажды С. пришел к нему в камеру, то Л. выпроводил из нее посторонних лиц и, жестоко избив С., посадил его в каталагу.

Все дела да дела, все о полиции да о полиции, - скажет читатель, и да-
лась же им сибирская полиция. Да, - отвечу я, потому мы и пишем о делах
полиции, что предмет этот такого рода: вообразите вы, читатель, сибирского
обывателя, который сегодня благодушествует за самоваром, распаривает
свою душу и тело чайком, занимается своим делом, а завтра, смотришь, си-
дит в кутузке или в остроге, не смотря на то, главный ли он виновный, как К-
в, прикосновенный ли к делу, как Т., или свидетель, как С., и вся эта мета-
морфоза проделывается от того, что обыватель имеет кое-какие средства –
дом, хозяйство и, может быть денежки, которые, конечно, после такой мета-
морфозы все повытрясутся. И кто же производит такую метаморфозу? Дума-
ете начальство высокопоставленное? Нет, следователь, полицейский надзи-
ратель, да и не надзиратель, а его ссыльный письмоводитель. Что же, спроси-

те, смотрит полицейское управление, что же смотрит исправник? Ведь они прямые контролеры подведомственных им полицейских чиновников и их действий, в особенности исправник, так как он на основании 1423 ст[атьи] П[т[ома]] обязан бдительно смотреть за скорым и правильным производством дел и вообще за действиями чинов полиции, а на основании 1440 ст[атьи] П[т[ома]] может устранить полицейского чиновника от производимого им следствия, о чем его и просили подсудимые, но внял ли он их просьбам, осталось покрыто мраком неизвестности. Такие дела могут твориться только у нас, в Сибири – только в Мариинске, и такие чиновники полиции, как Л. терпят только в Сибири, не смотря на то, что, выведенный из терпения беззаконными придирками Л., муж содержательницы дома терпимости И-в явился в присутствие полицейского управления, где при всех членах и при стряпчем уличал Л. в беззакониях, а избитый С., будучи вызван из каталажки в присутствии, высчитал Л. все его деяния.

Восточное обозрение. 1885. № 3. 17 января

Мариинск (Томской губернии). Как только началась зима в прошлом году, а она же установилась чуть ли не с октября месяца, и наступили длинные зимние вечера, то, чтобы скоротать их наше так называемое образованное общество занялось игрой в карты: играют женщины и мужчины, играют молодые и старые; играют в карты во все возможные игры с вечера до утра; играют со страстью, с увлечением, с забвением своих обязанностей как членов общества, так и матерей семейств. Между тем есть много кое-чего, о чем бы следовало позаботиться и в чем бы следовало принять участие нашему обществу. Город наполнен нищими и разным сбродом: это пролетарии, слышущие здесь под именем жиганов; такие несчастные лишены крова, пищи и одежды, хотя они могут работать; контингент их состоит из ссыльных дворян, чиновников, офицеров и других разночинцев, не умеющих или не знающих как пристроить себя в нашем маленьком городке. Помещение их, это какая-нибудь заброшенная изба в сажень длины и ширины, где для тепла набивается этих несчастных человек пятнадцать; одежда их: рубаха, дырявые штаны, на ногах какие-нибудь изорванные обутки, а сверх всего лохмотья, и то не на многих, и в этом одеянии они странствуют при тридцати градусах мороза для добычи куска хлеба, чтобы не умереть с голода. Но есть у нас другого рода жиганы, это уже высшего полета и, по их словам, они всегда с образованием высшего учебного заведения, университета, академии, института и т.д., но по проискам злых людей и по настоянию начальства сосланы и по преимуществу, тоже по их словам, за политическую неблагонадежность, хотя в статейных о них списках и значится, что они сосланы за воровство, мошенничество, или за воровство, кражу, растрату казенного имущества, подлоги, за жестокое обращение с подчиненными и другие интеллигентные преступления; у такого сорта людей нет ни чести, ни совести, ни характера, ни каких-либо положительных знаний, и как они растлевающе действуют на окружающую среду, можно видеть из биографии одного из многих героев

ссылки, проживающих в наших местах, некоего С-нова, выдающего себя за человека с высшим образованием медицинским и юридическим; конечно, такому человеку нужно жить, хотя по здешнему, т.е. с утра до утра играть в карты и быть пьяным: вот и принялся С-в за медицинскую практику и сперва удачно, но как-то раз попался ему пациент, сын богатого крестьянина, ранивший себя из ружья, и над ним-то С. начал производить свои эксперименты; отец ранившего употребил на лекарства и за практику С. до тысячи рублей, но сына не спас, этот случай пошатнул резюме С-ва, и он принялся за адвокатуру: тут при нашем составе общества обильная жатва для адвокатов, хотя низший гонорар за просьбу 50 коп., а высший – рубль, но С-в не брезгует этим гонораром, тем более, что полтинники и рубли за просьбы идут чуть ли не каждый день, так как главное то, что в Сибири доносчики не преследуются и их любят; не будь бы их, сибирской Фемиде делать бы было нечего, хотя в последнее время и начали пугать доносчиков Нарымом. Но что еще в людях подобных С. мерзопакостно, так это то, что они выдают себя за корреспондентов газет, как местных сибирских, так и столичных, и этим эксплуатируют простодушных сибиряков, нанимаясь у них писать корреспонденции на неприятных им личностей; конечно, эти корреспонденции никогда не получаются, но для таких господ лишний рубль не помеха, а назовут за это подлецом, так это ничего*: не такие виды видели, пройдя в партии с арестантами пять-шесть тысяч верст. Чем же кончают подобные субъекты, спросите меня? А кончают тем, что спиваются и умирают у кабака или, сделавши новое преступление, идут далее в Сибирь. Вот чем наделяет нас ссылка, действующая самым развращающим образом как на окружающую среду, так и на самих ссыльных.

Восточное обозрение. 1885. № 20. 16 мая

Мариинск (Томской губернии). Уголовная хроника нашего города пополняется да пополняется; за эту зиму было два-три убийства, несколько случаев ранения ножом с целью грабежа, с десятков краж со взломом, а о мелких кражах и говорить нечего: они совершаются чуть ли ни каждый день; весной же теперь стали воровски резать коров и лошадей, первых для мяса и шкуры, а вторых для шкуры и волоса. В последнее время полиции удалось открыть шайку воров человек из пяти. Все ссыльные, и при том вдобавок еще все евреи. Прежде евреи только принимали украденное, а теперь сами пустились на столь прибыльный промысел. Несколько лет тому назад даже был такого рода случай, что у одного еврея-мясника воры украли пеструю корову, вымарали ее в грязи и ночью продали ее ему же за краденную, конечно, за уменьшенную цену; мясник-еврей немедленно зарезал ее, а на утро по шкуре узнал в зарезанной свою корову. Действительно обывателям приходится

* Это одна из сотен корреспонденций, вопиющих о зле ссылки. Это в Мариинске. А что делают эти образованные шулера в Томске – ужас! (Прим редакции).

кричать караул от ссыльных, да притом, если им протезируют люди, имеющие хотя какой-либо вес в городе; так странна нежная привязанность здешнего исправника к двум ссыльным, которых он рекомендует в письмоводители каждому вновь поступающему полицейскому надзирателю, а благодаря этим письмоводителям, несчастные надзиратели летят с мест один за другим, и вот уже в два каких-нибудь года сменены чуть ли не семеро, а жаль, так как многие из них были люди молодые и способные, с хорошим направлением, и при других руководителях из них могли бы выйти хорошие служаки; да и сменившись отсюда и поступив в другое место служить, начальство остается ими довольно. Безобразия одного из ссыльных Т. при письмоводстве у надзирателя дошли до того, что даже суд нашел вынужденным вмешаться и просить, чтобы Т. был устранен от письмоводства; теперь остался ссыльный П-ский, о котором даже есть дела о пропаже одного дела при бытности его письмоводителем у одного из надзирателей. Притом же всем хорошо известно, что за П-ским стоит известный ссыльный адвокат из евреев с своими тринадцатью уголовными делами, которых здешний суд никак не может решить, и если не новые преобразования по судебной части, которые, надеемся, на первое время и займутся этими делами, то здешний суд не решит их и до отдаленных времен. Кто же стоит за этим адвокатом, мы в одном из следующих писем постараемся разъяснить кому следует открыть глаза с представлением фактов.

25 мая ночью был пожар, сгорело до шести домов с пристройками. Всходы хлебов очень удовлетворительные, так что, если не будет холодов, то можно ожидать хороший урожай; а с ним и умеренные цены на жизненные припасы.

Восточное обозрение. 1885. № 28. 11 июля

Мариинск (Томской губернии). Город наш очень мал, но замечателен воровством и разными мошенничествами. По случаю неблагоприятных для хлебопашества годов, население обеднело. Грабежи, убийства и проч[ие] проказы умножаются, а искоренить это нет возможности, потому что это происходит от ссыльного элемента, который увеличивается с каждым годом. Благодаря близости золотых промыслов народ и без того привык к пьянству и разврату, а тут еще более развращается от ссыльных. Ссыльные разных сословий и обществ – народ прожженный, мастера на мошенничества разных родов, начиная с карманников и кончая крупными аферистами, как-то: конокрады, шулера, спекулянты высшего полета. Есть одна шайка, состоящая из нескольких человек, которая занимается тем только, что обирает приезжих из деревень крестьян и проч[их], по неопытности легко сдающихся на просьбу зайти в кабак, где услужливые жулики сначала угостят водкой, а потом посредством карт и прочего простачков обирают; жаловаться негде, да и жалобы остаются «гласом вопиющего в пустыне». Но главное, что у нас считается бичом народа – это торговля краденными лошадьми, правильно организованная: шайка мошенников человек в десять и более только и занимается

тем, что высматривает где бы увести лошадь, а то и целую тройку; для чего разъезжает по селам и деревням; не дремлет и в городе. Более стараются воровать лошадей у зажиточных обывателей (всего более воруют у почтовых ямщиков). Пострадавший знает, где искать пропажу, да, собственно говоря, он не ищет, а идет к известному маклеру (из мещан), который сам не ворует, но который знает, чьи украдены лошади, какой масти и примет и сколько за них просить выкупа. Часто за хорошую лошадь платится половина стоимости. «Не торгуйся, - говорит мошенник несчастному клиенту, - лошади твои хороши, разве они этого не стоят?!». По окончании торга, указывают место, где спрятаны лошади. Эта торговля у нас вошла в обыкновение, никто не протестует, да и протестовать опасно, чему способствуют угрозы мошенников. К помощи полиции никто не обращается: бесполезно. Все это служит, очевидно, источником доходов. Полицейские надзиратели (у нас их два) получают месячного жалованья по 52 руб[ля], из этого числа платится письмоводителю* 25 руб[лей] в месяц, да на канцелярию тратится рублей 10, что же остается надзирателю, и чем он должен существовать? Да еще притом семейный! Полицейские чины, особенно надзиратели, меняются часто: новые поступают несведущими в деле, принуждены нанимать опытных письмоводителей, а таковых немного, и все из ссыльных. Несколько слов о пожарной команде: она у нас крайне неудовлетворительна; поговаривали было об учреждении вольной команды, которая могла бы состояться из членов местного общества, но замолчали. Не мешало бы в виду частых пожаров более энергично поднять этот вопрос. Ночлежного дома нет, масса нищих и жиганов, едва прикрытых лохмотьями, остаются без приюта.

Восточное обозрение. 1885. № 30. 25 июля

Мариинский округ (Томской губернии). Познакомим людей, незнакомых с положением нашего округа, как самого богатого из всей Томской губернии, текущего млеко, медом, которые, к несчастью, не попадают в рот трудящемуся населению этого округа и не идут на пользу казны, а только на упитывание телес разных эксплуататоров. На севере нашего округа протекает судоходная и рыбная река Чулым, по которой расположены инородческие поселения. Эта часть округа изобилует рыбой, всякого рода дичью и кедровыми орехами, на юге округа проходят Алатовские горы со своими минеральными богатствами, еще мало исследованными и золотыми приисками, на разработку которых идут тысячи рабочих, труд которых, большей частью, эксплуатируется не в пользу их; по середине же округа идет иркутский тракт, по которому проходят тысячи несчастных на поселение и в каторгу и для этих-то несчастных строятся и ремонтируются этапы и полуэтапы. По этой-то дороге проходят как в Восточную Сибирь, так и из нее уже миллионы пу-

* У каждого надзирателя свой письмоводитель, да еще. Кроме того, бывает писец. (Прим. автора).

дов товара, как зимой, так и летом, грабеж которых производится чуть ли не каждый день, и ограбление идет опять-таки по рукам богатых сынов дома израилева, а те которые оказываются виновными в грабеже и убийстве, чтобы выпутаться и спастись от кары, принимают всевозможные уловки, и в наших уголках подобные вещи удаются очень часто. Вся тяжесть бессудия и бесправия падала на слабейшего в округе, т.е. на крестьянина, и законодатель, чтобы оградить этого слабейшего, ввел и в Мариинском округе крестьянские учреждения, при введении которых часть беззаконий и поборов прекратилась.

Восточное обозрение. 1885. № 39. 10 октября

Мариинск (Томской губернии). Кончается 1885 год и начинается новый; что-то принесет этот новый год, но прошедший принес мало утешительного, хотя рассеял несколько мрак, поднял завесу в здешней жизни и показал ее действительность: благодаря местной прессе и «Восточному обозрению», многие темные личности, фигурировавшие в прошлом году на здешней сцене, исчезли, яко исчезает дым, и теперь проявляют свою деятельность в других местах и на других поприщах. Чтобы не быть голословным упомяну про некоторых: так известный своей полицейской деятельностью в Бийском округе и здесь бывший полицейский надзиратель Лев за свои здешние безобразия уволен бывшим губернатором г. Красовским*, причислен ныне к Томскому общему губернскому управлению (см. № 38 «Томск[ие] губ[ернские] вед[омости]»). За ним из Мариинска убрались С-в, Т-вич, а Пр-ский только ходит по стогнам города, а уже более не у дел. Воздух немного очистился, обыватель вздохнул свободнее, полиция уже не безобразничает так, как прежде, но зато впала в другую крайность – ее даже курицы обижают, хотя и непосредственно. Этот случай был с одним из чинов полиции. Дело было таким образом: есть у нас один общественный деятель и, как подобает общественному деятелю, домовладелец и еще и заведующий другим домом, в котором квартировал вышеупомянутый чин полиции. У этого общественного деятеля на квартире в его собственном доме проживает обыватель и имеет куриц; эти куры, как известно, бессловесные и неразумные твари, не признают чужой собственности и однажды ночью выбрали для своего седалища экипаж домовладельца и хозяина; супруга домовладельца, узнав о таком самовольном и непозволительном занятии, хотя и временном, их собственности, вышла ночью и стала сгонять кур; кухарка квартиранта услышала кудахтанье кур и, думая, что воры, тоже вышла на двор, и между хозяйкой домовладельца с одной стороны и кухаркой – с другой, произошла баталия, и злые языки говорят, что рукопашная и даже кровопролитная; дело кончилось только тем, что домовладелец и общественный деятель пишет за-

* См. «Восточ[ное] обозр[ение]», № 3 на 1885 год, корр. Из Мариинска, а также 20 и 28 №№. (Прим автора).

писку начальнику полиции, квартировавшемуся в заведываемом им доме, чтобы тот арестовал в каталажной кухарку его квартиранта; чиновник полиции, найдя просьбу общественного деятеля незаконной, отказал в аресте кухарки, а наш общественный деятель, рассердившись, потребовал, чтобы чиновник полиции прибавил бы цену на квартиру чуть ли не вдвое, или убирался бы с квартиры, что тот и сделал, перебравшись на другую квартиру в мороз. Вот что значит стать на законную почву! Общественное собрание, обходившееся десятки лет без газет и журналов, ныне по инициативе одного лица выписало на деньги, подписанные на этот предмет членами, несколько газет и журналов; управа подумывает на средства, пожертвованные г. Сибиряковым, строить 2-х классное городское училище; после того, как была переловлена шайка мелких воришек и конокрадов, в городе сделалось поспокойнее, за то осень была такая дождливая и грязная, что по временам думалось, не открылись ли уже хляби небесные и не грозит ли уже нам за грехи Бог новым потопом; по деревням округа ямщики, чтобы провести воза товара с одного конца деревни до другого, платили по рублю серебром за воз. Вот какая была непроходимая грязь! Новый Томский губернатор г. Анисьин посетил наш город 20 ноября и провел у нас три дня, произвел ревизию подведомственных ему учреждений, а также посетил казенные и общественные учреждения, входил во все подробно, узнал многое, а также и познакомился с тем, что одна полиция не в состоянии сделать что-либо, даже наблюдать, как следует за внешним порядком, чистотой и опрятностью в городе, а также за общественной безопасностью, потому что чины ее обременены массой следственных дел, в помощь же ей нет ни судебных следователей, ни мировых судей, как в России. Урожай нынешнего года был очень хорош, но осенние дожди помешали уборке, и много хлеба ушло под снег; но цена на хлеб против прошлого года понизилась; ржаная мука стоит 50 к[опеек], пшеничная – 80 к[опеек], овес – 30 к[опеек] за пуд; сено также уродилось и теперь на базаре воз его продают по 1 р[ублю], и по 1 р[ублю] 20 к[опеек].

Восточное обозрение. 1886. № 2. 9 января

Мариинск (Томской губернии). На днях здесь был ужасный случай, о котором до сих пор очевидцы не могут вспомнить без содрогания. 20 июля семья Н.И. Наумова, чиновника по крестьянским делам и военный доктор Тронов поехали в поле на пасеку, которая находится от города в 4-х верстах. Напились там чаю, набрали ягод и часов в шесть собрались домой; дети все были на виду, но когда уже укладывали в повозки все принадлежности гулянья, вдруг заметили, что исчезла дочь Наумова Катя, которой идет теперь 7-й год. Сначала подумали, что она где-нибудь в ближнем кустике собирает ягоды, стали звать ее, но ответа нет, бросились искать везде в кустах – нет... Все встревожились... Мать, отец, доктор, кучера обежали всю просеку, все кусты, все ближайšie заимки – ребенка нет... На горизонте собираются грозовые тучи, наступает ночь, а ребенка нет. Наконец, мать, обезумевшую от ужаса, уговорили уехать с остальными детьми домой, а сам Н.И. Наумов по-

слал одного из кучеров верхом в ближайшую деревню Баим за народом на верховых лошадях для поисков заблудившегося ребенка по всем окрестностям. Часу в десятом вечера прискакало человек 50 крестьян верхами, объехали все заимки, все окрестности, верст на десять – ребенка нет и следа. Наконец, часов в 12 ночи из города прискакал для поисков жандармский офицер со своей командой, полиция со стражниками, многие из жителей города. Наконец, на двух тройках приехали солдаты местной команды, посланные начальником ее. Вся эта масса народа с фонарями, с зажженными факелами из бересты бросилась по кустам, болотам, пашням искать ребенка, и все бесполезно. Легко представить себе, что пережил отец в эту глухую темную ночь. Он до того обессилел от нравственного гнета, что с трудом ходил, и в то же время не мог нигде найти себе места. В воображении искавших рисовались поражающие ужасы: то представлялось, что несчастного ребенка, может быть, в эту минуту терзает волк, и он тщетно умоляет о помощи, призывая папу и маму; то представлялось, что она попала в болото, зыбун и, затягиваемая трясиной, тщетно кричит: «папа, мама, спаси меня». Наконец, наступил рассвет, снова вся масса народа кинулась на поиски. Сам Н.И. Наумов с трудом сидел на верховой лошади, так как у него поминутно кружилась голова; в сопровождении двух крестьян он поехал по всем окрестностям искать ее...и все тщетно. Наконец, крестьяне утомились, и пришлось отпустить их домой, утомились солдаты и полиция. Один только жандармский офицер Байковский сказал, что он не уедет с этого места до тех пор, пока не найдет ребенка живым или мертвым, и уговорил Ник[олая] Ив[ановича] ехать домой проведать семью и привести хлеба для утомившихся солдат. Утром мать снова приехала на пасеку, и приезд ее был счастлив, ребенка нашли при следующих условиях. Работник на заимке мещанина Золотарева (в 7-ми верстах от того места, где пили чай) мальчик Ефим боронил утром поле и увидел около гумна девочку. Сначала он принял ее за пень, но потом, когда она пошевелилась, он побежал к ней и спросил ее: «Ты зачем, девочка, ходишь здесь, разве заблудилась?». Она ответила: «Да, заблудилась, папу моего зовут Н[иколай] И[ванович], маму Т[атьяна] Х[ристофоровна], сведи меня домой, тебе заплатят за это!». Он привел ее на заимку, где ее обмыли, так как она была вся в грязи, напоили чаем и повезли в город, но на дороге ее перехватили жандармы и принесли к родным. Увидав мать, Катя закричала: «Мама, успокойся, я здорова, я ничего!». Увидав ее, услышав ее голос, мать упала в обморок, так что с ней едва-едва отводились. Нечего и говорить, что на сколько было сильно горе и отчаянность родных, на столько же сильна была и радость. Девочка удивила всех тем, что нисколько не потеряла присутствия духа, не растерялась от такой страшной случайности. Вот ее рассказ. Отбежав от того места, где все были за куст и увлеченная сбором ягод, она не заметила, как дошла до изгороди пасеки и, выйдя на дорогу, потеряла сворот на пасеку. Сначала она кричала: «папа, мама», потом заплакала, но затем остановилась, стараясь ориентироваться в местности; сообразив, что ле-

жащая перед ней дорога ведет в город, она побежала по ней, но, сообразив также, что по дороге ходят всякие люди, которые могут причинить ей какую-нибудь неприятность, она побежала полем около дороги; так как ботинки и галоши мешали ей скоро бежать, то она сняла их и несла в руках, бежала босая, изрезала ноги травой, а, перелезая через изгородь, потеряла ботинки и галоши. Она падала несколько раз от утомления, ее клонил сон, но, все-таки, с трудом собирая свои крошечные силы, она добралась до гумна, вошла в него, нашла в нем снопы соломы и легла между двух снопов, разостлав предварительно на них свои панталоны и юбочку и укрывшись платьем, но так, что ноги продела в рукава платья, чтобы спасти их от ужаления комаров, а шляпку употребила вместо подушки. Иззябла страшно, но, поужинав, тотчас же заснула. Ужином ей послужил горох, которого она нарвала полные карманы, наткнувшись во время побега на засеянное им поле. Проснувшись рано утром, она оделась, позавтракала остатками гороха, но не выходила из гумна до тех пор, пока не взошло солнце. Сидя на снопах утром, она любовалась полетом ласточек и утешала себя тем, что это ангелы посылают ей ласточек, чтобы они утешали ее своими песенками. Затем она залюбовалась каким-то большим жуком, но не могла его поймать. Несмотря на то, что она продрогла, бежавши по сырому от дождя полю и траве, путешествие это не причинило ей никакого вреда, ни насморка, ни кашля. Нравственно этой случай повлиял на нее, она сделалась сосредоточеннее, наблюдательнее и вдумчивее. Когда после нарочно поехали осмотреть то место, где провела она ночь, она с поразительной для ее лет ясностью указала поле, которым она бежала, тотчас же узнала гумно, где она ночевала. К довершению ужаса, надо сказать, что недалеко от того места, где она ночевала, начинается страшное Антибесское болото, зыбун, и ребенок ночью бежал около него; кроме того, как говорят, в этом же месте ходит выводок волков. Страшный случай, удивительно счастливо кончившийся. И мать и отец так любят ее, что, пожалуй, и сами не пережили бы ее потери.

Восточное обозрение. 1886. № 35. 28 августа

Мариинск (Томской губернии). Сначала появилась к нам ссыльные из сереньких людей, которые не имели нравственного влияния на наше высшее общество; смешиваясь с населением, они превратились в разных кабацких сидельцев и т.п., а большинство превратилось в жиганов низшего полета. Потом появились жиганы из ссыльных привилегированных. От этого у нас образовалось два разряда жиганов: высший и низший. Обладая способностью влезать в душу человека, жиганы высшего полета быстро втерлись в наши командующие классы, и немудрено: нахальством скорее можно взять! На помощь же им и аристократический лоск, французская фраза, пенсне и прочие орудия победы. Не успеет вылупиться из дарового серого костюма, пред ними уже растворяются всюду двери. «А прошлое?!» - удивляется читатель: за подлог, за кражу, за вымогательство, за взятки и т.д. разве такие слова легко забыть?!». Успокойтесь: при первом знакомстве забудутся! Встретитесь

где-нибудь на улице с одним из этих селадонов – идет с портфелем под мышкой. «Куда это вы спешите?» - спросите вы. «Ах, на уроки к Иван Ивановичу и к Василию Ивановичу», - второпях скажет он вам. «Скука, знаете ли, здесь у вас..., не так как у нас в Питере... там спектакли любительские ..., балеты, театр... ну, там еще литературные вечера и т.п. А здесь что у вас? Никакой инициативы, гадость!». Такой или в роде такой тирадою засыпает сей просвещенный муж. А заглянешь в статейный список его, там наверно значится «за несколько краж со взломом». Таким-то к нам являлись «доктора», «адвокаты» (по профессии), далее: «сиятельства», «генералы» и т.п. Из них известны, например, доктор С. «от всех болезней» прописывающий самые дорогие лекарства; Б. – «адвокат», ходатай по темным делишкам; Т. – захвативший в городской управе 315 руб., бежавший не известно куда* и много других. Вот некто З-с замечателен тем, что упразднив на родине дворянскую сиротскую опеку, пустив по миру несколько сирот, здесь благоденствует на сиротские деньги! Гнуснее такого поступка не может быть, а он состоит письмоводителем в присутствии по крестьянским делам и, кроме того, ему дают другую должность волосного писаря* и того две должности и 2600 [рублей] жалованья, да несколько тысяч крестьян находится под его ведением*. Выходит, что «овец-то и не спросили». Воистину, что ссылкой подобных личностей бросают щуку в море! Замечательно то, что, имея протекцию начальства, эти личности, в свою очередь, протезируют и своим собратам по несчастью. Так, к тому же З-су является вновь прибывший некто Зя-н с просьбой похлопотать о местечке (сельского писаря): «так рублей в 800 хотя», - говорит г. Зя-н: «хотя я незнаком с делом, но могу нанять человека, который и будет работать рублей за 10, а мне остальных достаточно будет»... Как наивно! Мы уверены, что место ему этому Зя-ну, который нисколько не уступит разным З-сам и К°, дадут...дадут нескончаемому множеству этих жиганов. Истинно же честные интеллигентные люди остаются без мест, или увольняются по первому нелепому доносу какого-нибудь идиота. Так, недавно в селе Б. уволен от должности некто Ш. Все общественные учреждения заняты ссыльными. Войдите в полицейское управление, кого вы там увидите? За исключением исправника, его помощника и секретаря, ваш взор падет на различных дельцов Европейской России, потерпевших на родине крушение. Вот сидит Т., бывший становой пристав, сосланный за мошенничество и взятки. Страстный поклонник Бахуса, почему и на занятия иногда по месяцу не ходит, он, однако, на месте держится твердо: это как необходимый столп полицейского управления. Недалеко от него заседают Ч. и П. Первый письмоводительствовал у какого-то московского пристава и сослан за подлоги; П.

* Говорят, пойман в Бийске и, вероятно, скоро будет прислан к нам по этапу. (Прим. автора.).

* У нас и по сие время прочие волостные чины имеют пассивную роль. (Прим. автора.).

* Нужно заметить, что Б-ская волость от города в четырех верстах. (Прим. автора.).

– за несколько краж со взломом. Далее можно указать на К., Р., и Л.; эти последние с эстетическими наклонностями, не лишены в некотором роде поэзии: так г. Л. Даже и сослан за пианино. Все эти личности имеют свои убеждения или решительно никаких убеждений. Имеют потребность иногда философствовать. Но идеал их – деньги. Кто сумел (так по их словам) побольше захватить денег, тот – гений. Ныне гениальная личность Рыков. Это их идеал. Такого мнения о последнем и их общий alter ego – г. Корш. Все это отрепье выброшено другим обществом, как негодный элемент, а мы допускаем его к общественным должностям, мы не протестуем, когда он пробирается в общественный клуб. Против последнего, впрочем, было обнаружено беспокойство со стороны некоторых, но это единичные вспышки. Зато хлам этот беспрепятственно втирается в дома многих почтенных семейств. Да вот на днях административное лицо давало бал по случаю своего бракосочетания. Бал был на славу. Не нужно описывать прекрасно убранных столов со всеми атрибутами кулинарного искусства, с лучшими винами. Не было недостатка и в ценителях этих благ земных: были тут особы с изящными вкусами, обедавшие в лучших ресторанах столиц. Мимо окон мелькают счастливые улыбающиеся парочки. Дамы в упоении блаженства жмутся к своим кавалерам. Грянул вальс. Пары понеслись быстрее, но кто же эти минутные обладатели неземных сокровищ, чьи руки обнимают стройный стан их? Это уголовные жиганы. О, tempo! О, mores! О, Сибирь!

Восточное обозрение. 1887. № 5. 5 февраля

Мариинск (Томской губернии). Нет худа без добра – говорит русская поговорка, оправдываемая жизненным опытом, она применима и в нашем обществе. Откуда более как не от нас раздаются, например, такие возгласы: «грабеж», «убийство», «кулачество», «миродество» и т.п.; эти возгласы и термины стали для нас традиционными... мы сжились с этими звуками, не так уже они резки для нашего привычного уха. Даже нужно полагать читателям корреспонденций из Мариинска эти возгласы причитались, прислушались и тупо действуют на нервы. Воображению читателя представляется наше общество разделенным на две партии: активную и пассивную; несомненно, что пассивной партии приходится бороться за свое существование... до развития ли тут! Всякий знает, что большинство живет в свое удовольствие, своими узкими взглядами, своею пошленькую, серенькою жизнью. Вот одни сидят целые сутки за зеленым столом, другие перебирают томы уложений о наказаниях... или питейные уставы; у иных никакой литературы более не существует. Выходит, что всяк по своему доволен... А там, в лабазах читают от скуки какой-нибудь «Свет» или в этом роде... Именно только от скуки! Где бы тут, кажется, быть интеллектуальному развитию, кому бы, кажется, потребовалась духовная пища!? Вот в такой-то среде, где порядочность приписывают тем, кто умеет шаркнуть ножкой, во время рассказать два-три шантажика и т.д., - есть светлые явления. Вот уже года четыре, как существует у нас частная библиотека, не смотря на ежегодный дефицит. Надо отдать

должную признательность за добрую инициативу г[осподину] содержателю библиотеки! Увеличивая с каждым годом количество книг, он, кроме того, выписывает лучшие журналы и газеты. Так на нынешний год выписаны «Вестник Европы», «Северный Вестник», «Русская мысль», «Дело», «Новости», «Исторический вестник», «Русские ведомости», «Неделя», «Восточное обозрение», далее – «Сибирская газета», «Сибирский вестник», последние газеты получают в двух экземплярах, и еще выписано несколько иллюстрированных изданий. Нужно заметить, что круг читателей крайне не обширен: всего около тридцати подписчиков! На днях имеет быть любительский спектакль в пользу недостаточных студентов-сибиряков; инициатива этого спектакля принадлежит М. Ч-ву.

Восточное обозрение. 1887. № 7. 19 февраля

Мариинск (Томской губернии). 22 мая в Баимском волостном правлении (4 версты от города) из-под замка и печати исчезли 1500 руб[лей]. Деньги эти назначены были для раздачи жалованья разным лицам: акушеркам, фельдшерам, учителям и проч[им]. Главный персонал служащих в Баимском волостном правлении состоит из следующих лиц: писаря Зе-са*, из уголовных ссыльных, его помощников, тоже ссыльных, из них фамилия одного Ко-ч; затем заведующего хозяйственной частью крестьянина Но-ва. Но-в человек зажиточный, хозяйство свое ведет довольно расчетливо и прибыльно: имеет обширное хлебопашество, ямщину, входит в разные подряды и т.п., в общем, человек вполне обеспеченный. Перед исчезновением денег Но-в ездил домой (в другую деревню), и там по какому-то случаю подгулял, что называется порядком. 21 приехал в волость, не успев совершенно оправиться от похмелья; вечером, осмотрев сундук с деньгами, он заметил, «что тут не так», но по халатности и по случаю похмелья, вероятно, отложил дело до завтра. Утром обнаружилась кража. Подобное объяснение крестьянина Н. подало повод к подозрению Но-ва в захвате денег, и его повезли в острог. Нужно заметить, что большинство против такого подозрения, а тем более, заключения в тюрьму. Если и можно обвинить Но-ва, так в халатности и беспечности по отношению к должности. Как видно, тут просто-напросто сыграли с ним шутку обычные русские «ничего» и «авось». Что же касается того, что Но-в не заявил тут же при свидетелях о своем подозрении, и даже утром один вскрыл сундук, это объясняется тем, что Но-в в делах такого рода не опытен, как это он сам объяснил. Почти месячный розыск и следствие не привели к окончательному результату: виновного нет. Но кто же вор? В волости происходит какой-то хаос: выше сказанный Ко-ч кричит публично, что деньги украл писарь Зе-с, ему-де «по привычке», где-то там «не пожалел си-

* Известного по корреспонденции «Восточного обозрения» № 5. (Прим автора).

рот»; другие показывают на Зе-са и Ко-ча вместе; третьи, с Зе-м во главе, подзревают Но-ва. Разбирай тут!

Восточное обозрение. 1887. № 28. 16 июля

Мариинск (Томской губернии). Долго дожидались мы того дня, в который должно было совершиться редкое зрелище – солнечное затмение. За отсутствием каких-либо инструментов и проч[его], пришлось ограничиться закопченными стеклами. Все желали только одного – ясной погоды. 6-го августа день был, как нельзя желать лучше; наконец, настало желаемое 7-е августа, но, увы! – погода как нарочно сделалась пасмурною, с утра моросил дождичек; небо заволокло сплошными серыми облаками. Начала затмения мы не могли видеть, но когда половина солнечного диска закрылась, то между облаками попадались полосы просвета, сквозь которые солнце, наполовину затемненное, можно было видеть даже без закопченного стекла. Затем солнце закрыл более толстый слой облаков. Настали полные сумерки, мрак быстро надвигался; полная тьма продолжалась около 2 ½ минут. Во время сумерек с северной стороны появилась заря: облака на горизонте окрасились в дымчато-красный цвет, чрез две же минуты такая же заря показалась на горизонте с юга. Перед моментом затмения и по окончании его атмосфера казалась красновато-дымчатой, как бы смотреть чрез слегка закопченное стекло; все предметы принимали такой же колорит. Температура воздуха до затмения была 15° по Р., но во время затмения спустилась на 2°. Полное затмение было в 10 часов 45 минут.

По мере сгущения мрака, что происходит очень быстро, ощущалось несколько подавляющее впечатление, и вместе с тем благоговение перед величием природы, перед которой человек невольно чувствует себя немощным. По наблюдениям над животными во время затмения, замечено было между ними некоторое замешательство. Некоторые лошади съехавшихся на базар крестьян ржали и беспокоились. Корова, бродившая тут же на площади, подбирая клочки сена, замычала, засуетилась, как бы не зная, куда идти. Голуби и вороны, застигнутые потемками, крутились на одном месте в воздухе, хлопая крыльями, причем первые как-то особенно растерялись; воробьи притихли как бы ночью; утки и гуси расположились спать; после затмения запели петухи, как это они делают утром. Вообще же, особенной паники между животными не замечалось, если и было что-то ненормальное, так это, нужно полагать, от нарушения их привычек. Солнечное затмение не обошлось без курьезов и разных суеверных толков. Так многие скептически отнеслись к распространяемым предупреждениям о солнечном затмении; иные же ожидали его с суеверным страхом. Вот, например, две кумушки перекликаются из окна в окно. Это мещанки.

- Прости, кума! – может чем я тебя обидела? – так уж ты...того...прости!

- Нет, кума, мне у тебя надо прощенья просить, намеднись, ведь я у тебя курицу-то украла!

- Бог простит! – не поминай и меня лихом... (обе плачут).

Но, вот мрак рассеялся. Кумушки чуть не задают друг дружке потасовку. Слышится: «Так это ты, мерзавка, у меня курицу украла?» и т.д.

Некто хотел предупредить крестьянина, что «вот будет сейчас затмение». Не успел этот господин отойти от крестьянина, как тот бежит за ним в возбужденном состоянии. «Так вас на это и учат!» - кричит крестьянин, «чтобы людям тумана пускать!» - Господь, разумеется, озадачен. В это время стало темнеть.

Восточное обозрение. 1887. № 36. 10 сентября

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Дмитрий Алексеевич Поникаровский – исследователь, журналист, писатель	3
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ	27
Сельские общества Салаирской волости (в Кузнецком округе Томской губернии).....	27
Историческо-географическо-статистическое описание города Кузнецка Томской губернии.....	77
БЕЛЛЕТРИСТИКА	125
По Салаирской тайге (из записной книжки охотника).....	125
Крестьяне-золотопромышленники (очерк с натуры)	133
Сибирская Калифорния	156
Кто во что горазд (очерк из сибирской жизни).....	171
ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА	178
Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве	178
Письма Н.М. Ядринцева Д.А. Поникаровскому	200
Письмо Д.А. Поникаровского – Н.И. и Т.Х. Наумовым	213
ПРИЛОЖЕНИЯ. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ГАЗЕТ	214
Кузнецк и Кузнецкий округ	214
Салаир и Гурьевск.....	240
Мариинск и Мариинский округ	252

Серия «Документальное наследие Кузбасса». Вып. 1.

Научное издание

Поникаровский Дмитрий Алексеевич

**Сочинения по истории
земли Кузнецкой**

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев А.Н. Ермолаев

Ответственный редактор В.А. Волчек

Работа издается в авторской редакции

Подписано в печать 3. 12. 2010. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 9. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «ИНТ».
650003, г. Кемерово, пр. Химиков, 43а. тел. 73-87-97